

Управление культуры Минобороны России
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

**Труды Шестой Международной
научно-практической конференции**

13–15 мая 2015 года

Часть III

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2015

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук.

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Информационная поддержка

А.Е. Лаптев (Красноярск)

ЭКСПОНИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПОДХОДЫ И КОНТЕКСТЫ

Музей относится к одному из традиционных социальных институтов, функции которого многократно описаны и не вызывают сомнения: собирательство, хранение, описание, образование. Но социальная значимость музеев в век бурного развития информационных технологий во многом зависит от того, смогут ли они доказать свое право и состоятельность в процессе порождения новых смыслов, формирующих и поддерживающих ценностные ориентиры. «Мы исходим из того, что культурные институты имеют ценность, однако эта ценность требует периодического переосмысления. В каждую историческую эпоху любые институты должны пересматривать свои отношения с обществом. И наш век имеет право спрашивать, зачем нужны эти институты и почему они имеют право на существование»¹. От музея уже никто не ждет информации как таковой: ее можно добыть в любом объеме и за короткий срок благодаря эффективным современным средствам передачи информации. «Посетитель уже не удовлетворяется ролью пассивного потребителя репродуктивного знания. Ему нужны целостная картина мира, значимая для него, ощущение сопричастности культуре и прямое участие в культурной жизни... на первый план выдвигаются не столько информационные, сколько ценностные параметры объектов, попадающих в сферу музейной деятельности»².

Тема войны для музея вечная. Первые частные музейные собрания в античный период в большинстве своем состояли из трофеев, добытых во время войн, и являли собой воплощение силы, власти государства и их обладателя. Позже появились музеи, обращенные исключительно к военной тематике. История войн передавалась через

предметы, которые со временем стали преподносятся посетителю через контекст, некую повесть, послание из прошлого в настоящее и будущее, через историю жизни участника военных событий. «Война – явление многомерное. Так или иначе в ней находят отражение почти все стороны жизни общества, спроецированные, однако, на экстремальную ситуацию конфликта с внешним миром, с другими социумами. Общество в войнах, особенно крупных, вынуждено мобилизовывать весь свой ресурсный потенциал – экономический, социальный, оборонный и т. д. Но в ряду этих ресурсов ключевым практически всегда оказывается собственно человеческий потенциал в различных его проявлениях»³.

Музей, обладающий довольно серьезным образовательным ресурсом, в содружестве с образовательными и культурными институтами может и должен представлять свое видение военных событий и войны как таковой с целью формирования ценностных ориентиров и мировосприятия в целом, так как если не управлять этим процессом, он будет идти самостоятельно, без помощи вышеназванных институтов и в непредсказуемом направлении, как это зачастую и происходит.

Рассказывать о войне сегодня непросто. Если несколько лет назад восприятие Великой Отечественной войны было однозначным (благодарность, горечь утрат, восхищение, боль), то сегодня в силу различных политических игр в странах ближнего зарубежья мнения о ней весьма неоднозначны. «Любое воспроизводство исторической памяти связано с забыванием. Наше исследование показало, что наиболее распространены три типа такого забывания: репрессивное стирание, забывание как оскорблённой тишины и забывание как основание новой идентичности. Репрессивное стирание – это, к примеру, целенаправленный отказ от памяти о Великой Отечественной войне в Грузии, Латвии, переписывание истории войны и создание новых конъюнктурных образов героев на Украине. Забывание как оскорблённой тишины это, например, замалчивание фактов бомбардировок Дрездена англичанами и американцами и его восстановления советскими войсками»⁴. Исследования, проведенные кафедрой «Социология и психология управления» Орловского филиала РАНХиГС, показали, что сегодня идет принципиально новый этап сохранения и воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне. В первую очередь влияние оказывают не книги, а СМИ, современные технологии и гаджеты. «При снижении уровня духовного производства и

определенной утрате нормативного контроля над его содержанием оказалась ослабленной традиционная для нашего общества просветительская роль прессы, литературы и искусства. Теперь неясно, кто преимущественно и в каком направлении выполняет “пастырскую” миссию утверждения ценностных ориентиров жизни и нормативно-практических регуляторов поведения»⁵. Музей как социальный институт, обладающий необходимым инструментарием (научные знания, документы, музейные предметы, музейно-педагогические программы), безусловно может влиять на формирование представления о войне, в том числе и с помощью современных информационных технологий.

В данной статье предпринята попытка краткого обзора использования музеями возможностей современных информационных ресурсов для представления военной тематики, требующего новых подходов в интерпретации военного прошлого и рассмотрения возможных вариантов экспонирования памятников военной истории в сети Интернет.

Практически каждый музей сегодня имеет свое представительство в сети Интернет. Объем размещенной на музейном сайте информации оптимален: новости, история музея, коллекции, выставки, образовательные программы, контакты. На некоторых сайтах можно увидеть виртуальный тур по музею. Как правило, коллекция на сайте представлена не в полном объеме. Это объясняется либо недостатком ресурса для оцифровки коллекции, либо все еще существующим мнением о том, что чем больше объектов находится на сайте, тем меньше посетителей будет в музее. С последним согласиться трудно, так как иногда именно наиболее полная информация подвигает посетителя прийти в музей и увидеть все собственными глазами, или можно так никогда и не узнать о музее.

Музеи военной истории, как правило, кроме коллекций, экспозиций и сопутствующей информации предлагают новые форматы обратной связи или коммуникации. Это могут быть справочные материалы, предоставление архивных сведений, базы данных, содержащие информацию о погибших или выживших, которые постоянно пополняются в процессе поисковой работы, или сведениями, которыми делятся родственники, друзья или знакомые принимающих участие в военных действиях. Многие музеи большое внимание уделяют истории локальных войн (Афганистан, Чечня), вокруг них формируются новые сообщества бывших воинов, которые помогают музею в его

исследовательской и поисковой работе. (Например, музей Мемориал победы в Красноярске)⁶. В некоторых военно-исторических музеях помимо военной техники, оружия, вещей военных лет, библиотеки, фотографического архива содержится художественная коллекция, посвященная вооруженным конфликтам, которая привносит новое содержание – осмысление войны последующими поколениями, интерпретация событий разными людьми, оказывающая сильное эмоциональное воздействие на посетителя и открывающая для него некие новые смыслы, рожденные в мастерски организованном ненавязчивом диалоге с авторами художественных работ (Имперский военный музей, Лондон)⁷.

К годовщине воздушной атаки ВВС Великобритании и США, во время которой был практически уничтожен город, в Дрездене открылась экспозиция, посвященная этому трагическому событию. Она представлена в виде сферической панорамы, показывающей, как выглядел город после того, как на него упали первые бомбы. Панорама в течение двух лет создавалась художником Ядегаром Азизи по фотографиям из архивов, многие из которых никто не видел. «Я не могу передать через художественное произведение реальность войны», – говорит художник. Оказавшись в центре панорамы, посетитель будто находится в центре большого города сразу после атаки на него. Вряд ли созданное воображением автора художественное полотно могло бы произвести подобный эмоциональный эффект. Скрупулезно собранные документы, фотографии и предметы так же не произвели бы такого впечатления. Таким образом было найдено абсолютно адекватное решение экспозиции, несложной по замыслу, трудоемкой по воплощению и очень мощной по силе эмоционального воздействия. Экспозиция была размещена в сети Интернет, и ее смогли увидеть те, кому в реальности она была недоступна⁸. Подобные экспозиционные «включения» очень интересны на современном этапе осмысления войны в истории человечества. Не секрет, что современное поколение значительную часть информации усваивает на визуальном уровне, через ассоциации, символы, знаки и намеки. Подчас эмоциональный опыт оказывается значительно богаче культурного. Иногда обилие текстов, деталей, предметов утомляет, в то время как отдельный сюжет может вызвать ни с чем не сравнимые переживания.

В последнее десятилетие активно обсуждается вопрос о виртуальных музеях. Безусловно, есть полное основание для научной дис-

куссии по поводу статуса таких музеев. Но их уместность в среде профессионального сообщества не отменяет факта появления виртуальных музеев. Более того, создателям их уже предложены некие нормативные указания, регламентирующие их появление и существование. Несмотря на отсутствие общепринятого определения, появление ресурсов в сети Интернет, именующих себя виртуальными музеями, растет. Чаще всего это представительство существующего в реальности музея в сети (их большинство), отдельные экспозиции на какую-либо тему, реже – музеи, которые существуют только в сети Интернет. Последние, по мнению авторов статьи, наиболее точно отражают суть нарождающегося и мало пока регламентированного жанра. В России одним из первых виртуальных музеев стал «Музей русского примитива»⁹.

Природа виртуального музея не является предметом данной статьи, но уже имеющийся в этой области российский и зарубежный опыт может помочь в осуществлении идеи, возникшей у студентов Гуманитарного института Сибирского федерального университета, активно работающих с красноярским музеем «Мемориал победы». В процессе оцифровки музейной коллекции возникла идея создания виртуального музея под открытым небом (рабочее название – «Карта памяти»), где можно увидеть все памятники, мемориальные объекты города, посвященные войнам (было отснято более 50 мемориальных объектов, посвященных Великой Отечественной войне). Таким образом можно рассказать современникам историю о возникновении каждого из них, о мотивах их появления, о том, что они значат для города и для живущих в нем людей – сюжетная линия может быть любой. Необходимо создать правильный контекст для того, чтобы памятники воспринимались сменяющимися друг друга поколениями не просто как объекты, но как знаки, символы. Только в технике виртуального музея можно организовать такое повествование. Со временем контекст может меняться, но «главные герои» – памятники – остаются прежними.

Если заглянуть в недалекое будущее, то, наверное, стоит задуматься над созданием сетевой платформы в Интернете, объединяющей все музеи военной тематики. Подобный проект уже существует. Арт-проект Google дает возможность посетить лучшие музеи мира. И он, безусловно, успешен: картины можно рассмотреть в высоком разрешении (более 45 000 объектов), предусмотрены виртуальные экскурсии, созданные по технологии Street View¹⁰.

Музеи, рассказывающие настоящему и грядущим поколениям о войне, оружии, людях, все же несколько иные. Практически каждый из них ориентирован на взаимодействие. В большинстве своем им чужды укоренившиеся в веках музейные амбиции, основанием для которых являются бесценные коллекции и отсюда ощущение самодостаточности. Музей военной тематики всегда о людях и для людей. Они живы, пока жива память о людях, которые воевали, брали в руки оружие во имя чаще понятной, чем неясной цели. Сохранить память возможно, не только экспонируя объекты, но удерживая обратную связь. Многие молодые люди, ведущие активный образ жизни, любознательные и целеустремленные, на вопрос о том, зачем они приходят в музей, отвечают, что за новыми смыслами, а не за знанием – его сегодня легко добыть. Именно эти новые смыслы и должны, на наш взгляд, продуцировать музеи, рассказывающие о таком непростом явлении в жизни человечества, как война.

¹Пахтер М. Культура на перепутье / М. Пахтер, Ч. Лэндри. М.: Классика-XXI, 2003. С. 18.

²Лаптева М. А. Музей как социальный институт (социально-философский аспект). Красноярск. 2006. С. 15.

³Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России М.: РОССПЭН, 1999. С. 183.

⁴Официальный портал издания «Аргументы и факты» [Электронный ресурс] М. URL: <http://www.chr.aif.ru/orel/events/1434732>.

⁵Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. №. 8. С. 89.

⁶Официальный сайт красноярского музея «Мемориал Победы» [Электронный ресурс] Красноярск. URL:<http://memorial24.ru>.

⁷Официальный сайт Имперский военный музей. [Электронный ресурс] Лондон. URL: <http://www.iwm.org.uk>.

⁸Официальный сайт Giant Circular Panorama Recreates The Hell of Fire-bombed Dresden. [Электронный ресурс] – Дрезден. URL:<http://gizmodo.com/giant-circular-panorama-recreates-the-hell-of-fire-bomb-1681854204>.

⁹Официальный сайт Музей русского примитива. [Электронный ресурс] М. URL:<http://www.museum.ru/primitiv>.

¹⁰ Официальный сайт Google Art Project. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.google.com/culturalinstitute/project/art-project?hl=ru>

А.Б. Ларин (Самара)

**«НЕ ДРЕМЛЕТ ВРАЖДЕБНАЯ ВСЕМУ РУССКОМУ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ...»:
КНЯЗЬ Н.П. ВАДБОЛЬСКИЙ О РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИКЕ В ИРАНЕ НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАПОРТОВ)**

Среди инструментов укрепления российского влияния в Иране в конце XIX – начале XX вв. одно их главных мест принадлежит Его Величества Шаха казачьей бригаде. Она была создана в 1879 г. по просьбе иранской стороны и представляла собой воинское подразделение, укомплектованное иранцами, но под началом полковника российского Генерального Штаба, сформированное в соответствии с принципами организации казачьих частей¹.

Важной задачей, стоявшей перед русскими офицерами персидской казачьей бригады, было «доставлять сведения по административным и политическим вопросам, заслуживающим особенного внимания, а также о персидской армии»². Рапорты ее начальников представляют собой ценный исторический источник. Они дают не только (и не столько) сведения о внутреннем и международном положении Ирана (эти факты известны и по другим материалам), сколько восприятие страны, ее жителей и своей миссии офицерами российского Генштаба.

Накануне войны начальником Персидской казачьей бригады был генерал-майор Н.П. Вадбольский. В настоящей статье мы обратились к его рапортам, охватывающим период с августа 1913 по август 1914 г.³ Рапорты хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве и содержат самую разнообразную информацию: о политической ситуации в стране, делах при дворе, политике шахского правительства, общественных настроениях, деятельности иностранных миссий и агентов и т. д. Их изучение позволит приблизиться к пониманию роли бригады в качестве инструмента усиления

российского влияния в Персии, проследить восприятие начальником бригады своей миссии в Иране в преддверии Первой мировой войны.

Князь Николай Петрович Вадбольский родился 5 декабря 1869 г. в семье действительного статского советника. Окончил Первый Московский кадетский корпус (1886), затем – Павловское военное училище (1888), Академию Генштаба (1895), Офицерскую кавалерийскую школу (1900). Вступил в службу офицером в лейб-гвардии Павловский полк. Служил по Генеральному штабу. В 1900 г. произведен в подполковники, в 1904 – в полковники (за отличие). Участвовал в Русско-японской войне. С 1907 г. – начальник штаба Кавказской кавалерийской дивизии. С 1909 г. состоял в распоряжении начальника Генштаба. С 1911 г. – генерал-майор (за отличие). С 1909 по 1914 г. служил начальником Персидской Казачьей Е.В.Ш. бригады. В Великой войне командовал бригадой Кавказской Туземной конной дивизии. С 01.07.1915 – начальник Сводной кавалерийской дивизии на Юго-Западном Фронте. В 1915 г. произведен в генерал-лейтенанты. С 25.04.1917 командовал 7-м Кавказским армейским корпусом. Участвовал в Белом движении на Юге России. После эмиграции жил в Югославии, был председателем Союза Инвалидов в Белграде (1930–1938), где и был убит в 1944–1945⁴.

Представленный в рапортах кн. Вадбольского дискурс хорошо описывается в категориях концепции ориентализма Э.В. Саида⁵. Формируя представление о неспособности иранцев и иранского государства к управлению даже самими собой, он не скупится на яркие характеристики народа и государства. Описывая персов, Вадбольский использует характерные ориенталистские клише: *«Персы особого склада характера; в них много хлестаковщины; они очень способны к восприятию, неспособны к творчеству; не обладают твердой волею, наделены огромным самомнением»*⁶. Впрочем, по мнению офицера, это вполне поправимо. Уже из следующей фразы становится понятно, что Вадбольский рассматривает иранцев с точки зрения пригодности к военной службе в бригаде, а их качества приводит для обоснования необходимости обучать иранцев в российских училищах: *«Училища это (особенности иранцев. – А.Л.) учесть смогут, тем более, что бригадная школа и служба в бригаде сглаживают шероховатости сих природных качеств»*⁷.

Еще в 1913 г. встал вопрос о расширении бригады⁸. Вадбольский тесно связывал этот вопрос с пополнением личного состава офице-

рами российской армии: «В бригаде для разворачивания ощущается недостаток в русских чинах»⁹. Эта потребность обосновывалось им необходимостью надзора за иранскими казаками и офицерами для поддержания дисциплины: «только при наличии их, под ближайшим их надзором офицерские персидские чины бригады могут проявлять свои хорошие качества, в противном случае довольно быстро начинают приближаться к общему типу персидских офицеров и чиновников. Из продолжительных командировок возвращаются неучами и распущенными. Не только казаки, но и офицеры, преследуя материальные выгоды, довольно скоро превращаются в слуг генерал-губернаторов и утрачивают воинские достоинства»¹⁰. Отметим, что апелляция к необходимости надзора и контроля за местным населением ввиду его неспособности к самоуправлению – один из традиционных способов легитимации колониальной власти.

Интересны соображения Вадбольского о шахском дворе, иранском правительстве и общественно-политической жизни Ирана в целом. Характеризуя шаха, генерал-майор отмечает, что он имеет склонность к европейскому образу жизни и европейскому этикету, однако «в этом встречает сопротивление среди придворных, особенно министра двора». Ахмад-шах «осуждает нелепые обычаи персов и особенно двора», он «решительно высказывал свое предпочтение всему европейскому, говорил, что ему совершенно не нравятся персидские женщины, что он мечтает о поездке в Европу». В то же время, по мнению Вадбольского, европеизаторские устремления шаха вряд ли найдут свое воплощение в реальности, как в силу сопротивления окружения, так и в силу того, что «едва ли хватит у Его Величества характера, решимости переделать уклад жизни своей и своих подданных, хотя бы ближайших – придворных»¹¹. Шаху приписываются слабость и нерешительность, что, впрочем, есть повторяющаяся характеристика в отношении Каджаров. Что же до России и русских, то шах «считал, что отец (Мохаммад Али-шах. – А.Л.), выказывавший столько симпатий всему русскому, не был поддержан русским правительством; бригада не смогла защитить своего шефа; на основании сего отношение к русским и бригаде – было холодное, недоверчивое; со временем чувства сглаживались; ко времени появления летом 1911 г. Мохаммад Али-шаха воскресла надежда на помощь русских и, видимо, большое было желание видеть отца на престоле. <...> К бригаде чувства шаха могу считать все более и более улучшающимися»¹². Единственной претензией, по мнению Вадбольского, является недостаточная поддержка отца, а в целом шах расположен и к бригаде, и к России.

Важным препятствием модернизации Ирана выступает, с точки зрения начальника бригады, сопротивление политической элиты. Ее характеристики у Вадбольского нелестны. Так, его возмущает непочтительное отношение придворных к своему монарху: *«Едва ли ошибусь, если выскажу, что даже среди наиболее честных царедворцев нет истинного понятия о высокой идее монархической власти, нет внутреннего благоговейного чувства к своему монарху; этикет в пустяках и необычайная небрежность, не простота, а именно небрежность в отношении шаха; юн, добр, не грозен, и этого достаточно, чтобы никто не стеснялся его присутствием; чтобы званные и незванные теснились бы около шаха, сами заговаривали с Его Величеством»*¹³. Показателен и другой случай, приведенный Вадбольским в рапортах: *«По соседству с бригадою находится патронный завод, бездействующий по случаю неплатежа жалованья и невыдачи денег на производство работ. <...> На дворике завода увидел пошатнувшуюся конную статую Мозаффар ад-Дин-шаха и сидячую – Насер ад-Дин-шаха; начальник завода считает их своей собственностью; правительство не выкупает. Равнодушны ко всему кроме личного, главным образом, материального блага»*¹⁴.

Недостаточное развитие монархического чувства, отсутствие должного этицизма, эгоизм и партикуляризм, жажда наживы – вот важнейшие недостатки иранской политической элиты, следствием которых, по логике Вадбольского, является сопротивление распространению влияния России в Иране. На этом элементе рассуждений офицера следует остановиться.

Важнейшей категорией, которой оперирует Вадбольский, является *«русское влияние»*. Деятельность бригады рассматривается им в качестве инструмента его усиления. Это закономерно и соотносится с целями, преследуемыми властями империи при создании персидской казачьей бригады. Любопытно, как именно офицер обосновывает необходимость распространения российского влияния в Иране. Поскольку Вадбольский оценивал перспективы модернизации иранского общества и государства весьма скептически, задачу России и ее представителей он видел в некоем покровительстве, патерналистском попечении над соседней страной. В своих рапортах он представляет бригаду не как инструмент российского империализма, но, скорее, как средство поддержания внутреннего порядка и стабильности в соседней слабой стране, не так давно пережившей революционные события. Соответственно, всякое сопротивление

деятельности российских представителей рассматривается Вадбольским сквозь призму этих представлений. Говоря о «необходимости безотложного увеличения казачьей бригады, путем создания отрядов», он отмечает, что «неоднократно персидское правительство соглашалось, что эта мера наиболее действительная для водворения порядка, но в этом видело крайне нежелательное усиление русского влияния, а потому не приступало к исполнению. Русское влияние пугает лишь правителей и темных деятелей, пугает стеснением в незаконном преследовании своих личных интересов»¹⁵. Последний мотив рефреном повторяется в ряде рапортов Вадбольского, в другом месте он пишет: «Думаю, что противодействие начинаниям русских, их влиянию – основывается не столько на опасении утраты самостоятельности, сколько на боязни водворения того режима, при котором необходимо будет правящим сократить аппетиты и злоупотребления»¹⁶. Итак, русское влияние и персидская казачья бригада – это гарантия стабильности и безопасности в Иране, сопротивляться которой могут только своекорыстные представители элиты, не желающие принимать в расчет ничего, кроме своих узких личных либо корпоративных интересов.

Для подкрепления этого тезиса Вадбольский ссылается на мнение российского посланника в Иране И.Я. Коростовца¹⁷, солидарного с начальником бригады по вопросу необходимости ее усиления: «Посланник считает необходимым провести эти меры явочным порядком, так как нынешнее персидское правительство в будущее глядеть не хочет и под гипнозом русофобских чувств готово действовать вразрез своей пользе и в явный вред русского влияния на судьбу Персии. Личное мое мнение то, что развал Персии нисколько не замедляет своего хода, и мы не должны быть застигнуты грядущими событиями врасплох. Одна из существенных мер – усиление бригады, и с этим необходимо спешить»¹⁸. Вадбольский отмечает, что «положение дел в стране тяжелое, и только такой инертный терпеливый народ может выносить отсутствие законов и каких-либо прав кроме прав сильных (прежде шариат и духовенство были регуляторами – теперь и они без значения)»¹⁹. При этом, «в то время как власть, распорядок, источники жизни все больше и больше переходят к бельгийцам и шведам, немецким и английским предпринимателям, персидские правители продолжают быть под гипнозом русской опасности и всю деятельность направляют на противодействие всему, что от русских. С нашей стороны необходимы

самые решительные меры, дабы не утратить значения в соседней стране, не могущей уже жить самостоятельно и, вразрез нашим выгодам, влекомой к вырождению, разорению, к анархии»²⁰. Таким образом, для Вадбольского ближайшая судьба Ирана представляется очевидной: страну ждет анархия и распад, а единственное средство избежать этого сценария развития событий – укрепление российского влияния, для пользы самой Персии, разумеется.

Поскольку в результате революции в Иране сформировался парламент (меджлис) и шел противоречивый процесс формирования конституционной монархии и парламентаризма, Вадбольский не мог не уделить внимания проблеме политической жизни страны, в которой действовал, основным персоналиям, политическим течениям, партиям и идеологиям. Конечно, оценки Вадбольским иранского парламентаризма и политической жизни были весьма критическими, его высказывания по этому поводу исполнены скепсиса.

Среди прочих изменений, вызванных конституционной революцией в Иране, было формирование демократического движения, стоявшего на позиции освобождения от российско-британской зависимости. Вадбольский не склонен воспринимать иранских демократов как силу, работающую на качественное изменение внутри- и внешнеполитического курса страны, на ее модернизацию. Для начальника бригады деятельность демократов – в первую очередь антироссийская деятельность. Это видно хотя бы из следующей характерной цитаты: *«Не дремлет враждебная всему русскому демократическая партия, тайными руководителями которой я лично считаю министра иностранных дел Восуг-од-Доуле и брата его Кавам-ос-Салтане, министра финансов и военного; меняют свою окраску по нужде, но основной цвет ярко-демократический»²¹*. В рапорте от 7 августа 1914 г., характеризуя кабинет министров, Вадбольский пишет, что *«первый министр, он же и внутренних дел, Ала-ос-Салтане старчески дряхл во всем и все время был руководим своим сыном, рьяным русофобом и проповедником возможности возрождения Персии своими средствами и силами, что для всех, хотя бы немного знающих нынешнюю Персию, – абсурд»²²*. Сама идея возрождения Ирана изнутри представляется офицеру нелепой и тесно связанной с русофобией ее носителей.

Значительное внимание уделяет кн. Вадбольский и характеристике международной ситуации на Среднем Востоке, дипломатической активности Великобритании, Германии, представителей других ев-

ропейских держав и США. В частности, офицер был всерьез обеспокоен вопросом подчинения бригады и представления отчетности. В начале XX в. правительство Ирана, пытаясь маневрировать между Россией и Великобританией, стало приглашать представителей из третьих стран для налаживания финансовой, полицейской системы, реорганизации государственного управления и т. п. Особенно хорошо известна миссия американца М. Шустера, приглашенного поправить финансы государства Каджаров и спровоцировавшего бурную негативную реакцию российской стороны²³. Среди прочих вопросов обсуждался и вопрос отчетного подчинения бригады. Вадбольский, описывая эту ситуацию, приводит собственную характеристику Шустера, значительно расходящуюся с теми его оценками, которые мы находим в иных источниках.

«Должен донести, что русский посланник в Тегеране д.с.с. Поклевский-Козелл считал возможным отчетное подчинение начальника бригады сначала американцу Шустеру, а ныне бельгийцу Морнару. Что касается первого, то, появившись в 1911 г. в качестве финансового советника, он, опираясь на демократическую партию меджлиса, стремился, и слишком неосмотрительно-поспешно, к захвату диктаторской власти. Поведение его было так определено ко всем пренебрежительно и нагло, что при заявлении мне нашего посланника о том, что мне придется попасть в отчетное и поверочное к нему подчинения, я категорически от сего отказался. Русский полковник не мог стать в какое-либо подчиненное положение к иностранцу, да еще столь выраженному, как Шустер»²⁴. И так, если обычно в характеристиках М. Шустера подчеркиваются его честность, идеализм, сильный характер и принципиальность²⁵, то у Вадбольского мы видим нечто прямо противоположное: для него Шустер – наглый высокомерный выскочка с диктаторскими замашками, сотрудничающий с русофобской демократической партией меджлиса. Видимо, такое отношение Вадбольского было вызвано тем, что с его точки зрения Шустер лез не в свое дело, пытаясь повлиять на ситуацию в стране, которая на протяжении почти столетия была вотчиной русских и англичан. Конечно, для князя представлялось невозможным отчетное подчинение Шустеру, что особенно хорошо видно из приведенной цитаты.

Резко критическую реакцию вызывают у офицера и бельгийцы, управлявшие финансами и таможами Ирана. Так, Вадбольский отмечает: *«В Тебризе чувствуется тон открытого уважения и при-*

знательности русским; детонируют бельгийцы: бывшие конторщики сделали, нашими настояниями, распорядителями имущества и финансов государства; хотят доказать, что ничем не обязаны русским и отстаивают де интересы персов. Это общий тон бельгийских чиновников в Персии»²⁶. Безусловно, бельгийским чиновникам русский офицер подчиняться также не может: «Что касается Морнара, то на мое заявление посланнику перед отъездом его в отпуск (10 февраля с. г.), что буду представлять отчет в военное министерство сказал: “нет, представляйте Морнару”. Общий здесь принцип не допускать подчинения европейца – европейцу другой нации. Думаю, что в Персии это особенно должно быть соблюдено при сравнении Русского генерала с бельгийским гражданином.

Отчет бригадный, попав в военное министерство, может быть поверяем по желанию военного министерства тем же Морнаром или кем угодно, – это дело военного министра, но мне лично представлять отчет Морнару не следует»²⁷. Для офицера чрезвычайно важным и значимым является поддержание чести мундира русского офицера, а значит и статуса империи, которым, по мнению Вадбольского, был бы нанесен урон в случае подчинения американским либо бельгийским гражданским лицам²⁸.

Вообще же, по мнению Вадбольского, бельгийцы почувствовали свою силу и власть после того, как получили в свои руки финансовые ресурсы страны: «Должен, к тому же, заметить, что бельгийцы, скромные прежде, особенно в борьбе за независимость с Шустером, ныне, получив в свое распоряжение главный жизненный нерв страны – деньги и государственные имущества, претендуют на исключительную власть и значение»²⁹.

Среди прочего, Вадбольский дает оценку и политике старинных геополитических противников России в Иране – британцев. Уже в августе 1914 г. он пишет: «Англичане резко отделяют политику в Европе от азиатской; в Европе при содействии нашем к выгоде их и нашей должна быть ослаблена Германия, в Азии мы должны быть отбрасываемы всемерно от возможности хотя бы в далеком будущем приблизиться к теплomu морю; Персия должна быть буфером; если нельзя из-за политики в Европе вытеснить нас усилением своего влияния, то пусть это делают другие, поддерживаемые Англией; в данном случае – бельгийцы должны укреплять свое значение и влияние, забирая все больше и больше в свои руки финансы страны; – шведы – вооруженные силы; те и другие должны действовать в

согласии друг с другом под руководством и покровительством Англии»³⁰. Подобные взгляды были характерны для российского офицерства, особенно в Азии, где противоречия России и Британии проявлялись наиболее выпукло. Даже перед Великой войной между союзниками существовали недоверие и подозрительность.

Накануне и в первые месяцы войны в Иране наблюдалось значительное увеличение германской и османской активности – в стране действовали агенты, шпионы, агитаторы, стремившиеся обратить недовольство иранцев политикой России и Британии на пользу Центральным державам. Активизация немцев и турок не осталась незамеченной Вадбольским: *«Последнее время усиленно занялись немцы внедрением в Северной Персии своих экономических интересов; Турки – распространением влияния, завербовывая подданных и поддерживая интересы последних вопреки правде и справедливости. Так как все это делалось исключительно в сфере нашего влияния, то англичане признали выгодным не обращать на это внимания»³¹. В качестве меры противодействия Вадбольский предлагает распространить казаков по Северной Персии³². Офицер отмечает, что это сопряжено с существенными сложностями: *«Трудно при малых силах бригады и при крайнем недостатке русских; кроме того, исполняя это вопреки желанию и требованиям персидского правительства, невольно ставишь бригаду под обвинение в неблагонадежности»³³.**

Вопрос противодействия активности Германии и Турции в Иране стал особо актуальным накануне Первой мировой. Грохот августовских пушек привел к существенному изменению международной ситуации на Среднем Востоке. От позиции каджарского Ирана зависела и безопасность российских владений в Закавказье и Туркестане, и безопасность британской Индии. Начальник казачьей бригады вполне осознавал этот факт. Когда в марте 1914 г. был поднят вопрос о преобразовании бригады в конвой Его Величества Шаха, Вадбольский, соглашаясь с данной инициативой, писал российскому посланнику И.Я. Коростовцу: *«Приближение бригады, управляемой русскими офицерами, к престолу, охрана казаками особы Его Величества и дворца могут весьма выгодно сказаться на внутренней политике и придать исключительному влиянию русских в Персии более законченные формы. <...>*

Этими мерами будет обеспечен Персии внутренний порядок, столь желательный нашему Правительству; в случае осложнений в Европе, с неизбежным вовлечением Турции к выступлению против

нас, даст нейтралитету Персии устойчивость благоприятную для России, позволит для тыловой службы ограничиться малым числом войск, освободит наши войска от действий против персидских разбойнических шаек»³⁴. Таким образом, Вадбольский предлагал обеспечить безопасность южных рубежей России через укрепление военно-политического влияния в Тегеране.

Вообще же, из рапортов князя очень хорошо видно, какое большое значение он придавал бригаде и как инструменту укрепления российского влияния, и как структуры, за которую он нес личную ответственность. Вадбольский был серьезно озабочен вопросами финансирования, рапортовал в Генштаб, что бригада испытывает недостаток финансов из-за главного казначея, неспособность и немилость которого, «согласованная с противодействием всему русскому со стороны не столько мало значащих у себя персов, сколько представителей европейских здесь деятелей (англичане тож) и привела к столь значительной задолженности»³⁵. Легко заметить, что здесь офицер не просто сетует на нерадивость казначея, но и, в очередной раз отмечая отсутствие субъектности иранской политики, указывает на истинных виновников препятствий, чинимых бригаде, среди которых мы видим и союзников по Антанте – британцев. Вадбольский отмечает опасность такого небрежения делами бригады: *«Если 1-го июля при сдаче банком оставшихся сумм главному казначею не будет удержан долг бригаде, я вынужден буду отозвать командированных (их заменят жандармами; распространится еще более значение и влияние шведов, подписываемых немцами) распустить часть казаков (перейдут в жандармы); все это грозит нам не только потерей влияния; но и значительным унижением. Посланник хочет предписать банку удерживать долг, но поджидает, не будет ли запрета из Петербурга. Мне же этот запрет кажется невероятным; необходимость же роспуска казаков – кошмаром; не для того работал 5 лет в тяжелых условиях, чтобы прийти к столь грустному результату, и именно тогда, когда вижу, как просто, как легко занять нам принадлежащее нам и никому иному исключительные здесь влияние, значение и положение; лишь немного решительных мер, решительности вообще, даже смелости не надо и риска нет. Как делаются здесь капралами, взяв палку, давно показал устроитель революции, а потом наводивший порядок Ефрем, показал американский проходимец Шустер, а теперь покажут иные нам враждебные элементы, если мы будем считать Персию в дипломатической игре пешкою, подлежащею отдаче»*³⁶.

В самом начале войны Вадбольский так описывал настроения при дворе:

«Война очень интересует шаха; будучи сдержан и осторожен, не высказывает симпатий какой-либо стороне. Министры, знатные персы, торговцы, все те, которым по личным интересам невыгодна перемена внутренней политической жизни, желают нашего поражения, ибо за победой им мерещится более решительное наведение русскими порядка»³⁷. Вадбольский признает, что при дворе были сильны прогерманские и протурецкие настроения, хотя и указывает на нейтральную позицию шаха. Эти настроения он привычно связывает с нежеланием своекорыстных иранцев допустить наведение порядка российскими властями. Здесь он имеет в виду деятельность нового российского посланника Коростовца: «Этот переход к решительности они уже испытывают с приездом посланника. Решительность эта ободрила нас, русских, и, видимо, поразила неожиданностью посланников: немецкого, австрийского и английского...»³⁸ Вадбольский поддерживает решительность нового российского представителя и выступает за еще большую активизацию России на иранском направлении. Впрочем, Коростовец оставался посланником сравнительно недолго, его политика по продвижению и защите российских интересов в Персии привела к ухудшению отношений с его британским коллегой У. Таунли (они оба были отозваны весной 1915 г.).

Возвращаясь к свидетельствам Вадбольского об активизации вражеской пропаганды в Иране, отметим, что он оценивал ее эффективность не слишком высоко: *«Старания представителей германской и австрийской миссий поднять настроение правящих кругов и жителей против русских и наших союзников не имеют здесь успеха. Наш лозунг “объединение славян” дополняется немцами “порабощение мусульман”»³⁹. В то же время, «Присматриваются все же здесь к Турции, где агитация немцев приняла, по слухам, обширные размеры и ведется в весьма энергичном темпе»⁴⁰. Впрочем, Вадбольский считал, что если Турция вступит в войну, «в Персии и, в частности, в Тегеране не возникнет беспорядков, направленных против нас; фанатизм поостыл значительно, а расчет подсказывает о необходимости сидеть смирно; страсти, если разгорятся, то выразятся в несколько повышенной деятельности тех же лиц, шаек и разбойничающих племен, что и до сих пор не позволяют государству успокоиться»⁴¹. В этих расчетах офицер ошибся. В начале войны страну*

наводнили германские агенты; жандармерия, руководимая шведскими офицерами, заняла прогерманскую позицию⁴², активизировались иранские националисты, рассчитывавшие при помощи германцев извлечь свою страну от столетнего владычества русских и англичан⁴³. Для исправления ситуации России пришлось направить в Иран корпус под командованием ген. Н.Н. Баратова.

Завершая этот очерк, посвященный взглядам князя Вадбольского, отметим следующее. Вадбольский являет собой тот тип русского империалиста, что выступал за активизацию политики в Азии и, в частности, в Иране. Он не видел во вмешательстве во внутренние дела соседнего государства проблемы. С его точки зрения, представители Российской империи, по-хозяйски распоряжавшиеся в Иране, были в своем праве. Схожие взгляды разделяли многие его соотечественники: консулы Миллер, Некрасов, Похитонов, кн. Дабижа и др., как, впрочем, с противоположной стороны – многие британцы. Они скептически отнеслись к российско-британскому соглашению 1907 г. и уж, во всяком случае, предпочитали толковать его в выгодном для себя ключе. Очевидно, что Вадбольский, как и другие русские империалисты, был резко критически настроен в отношении конституционного процесса в Иране: для него, монархиста и империалиста, иранские демократы-националисты виделись опасными мятежниками, русофобами, проводниками враждебной политической линии, а вовсе не протагонистами идей возрождения и модернизации. Так или иначе, что бы ни прочил офицер Ирану, этим соображениям не суждено было сбыться: события 1917 г. и коллапс империи привели к тому, что именно Россию ожидали разорение и анархия, а князь Вадбольский потерял свое Отечество. Напротив, в Иране офицер казачьей бригады Реза-хан Пехлеви возглавил процесс национального возрождения.

¹ О бригаде см.: Гоков О.А. Историография и источники по истории Персидской казачьей бригады // http://ricolor.org/history/voen/form/24_01_2011_01/ (и другие статьи этого автора); Домонтович А. Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. № 2–4; Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. М., 1923. № 4; Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. (по материалам архивов русской военной миссии). М., 2007; Розенблюм И.Р. Персидская армия. С кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии XIX в. Тегеран, 1922; Стрелянов П.Н. (Калабухов) Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007. Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // American Slavic and East European

Review. Vol. 15, No. 3 (Oct., 1956), P. 351–363.

² Цит. по: Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России

// http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Секретные донесения в Главное управление Генерального Штаба.

⁴ См.: Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 88; Стрелянов П.Н. (Калабухов) Казаки в Персии. 1909–1918 гг. С. 418.

⁵ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁶ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 47.

⁷ Вадбольский иллюстрирует благотворное воздействие российской системы образования на конкретном примере: «В 1910 году окончил Тифлисское (юнкерское тогда) училище сын бригадного эмир-тумана. Служил он хорошо, отлично занимался со школьниками; постепенно во всем выравнялся под руководством русских; под давлением бригадной дисциплины утрачивал общеперсидские недостатки характера. Сейчас, после 3-х лет службы в бригаде, это лучший ротный командир». См.: РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 47.

⁸ Бригада была развернута в дивизию в 1916 г., в ходе Первой мировой войны.

⁹ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 82.

¹² Там же. Л. 105 об.

¹³ Там же. Л. 82.

¹⁴ Там же. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 55.

¹⁷ Об И.Я. Коростове см.: Генис В.Л. Вице-консул Введенский: Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.) Российская дипломатия в судьбах. М., 2003. С. 245–249. Свое видение ситуации в Иране он изложил в известной записке: Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны // Красный архив, № 4–5 (65–66). 1934.

¹⁸ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 78–79.

¹⁹ Там же. Л. 92.

²⁰ Там же. Л. 92–93.

²¹ Там же. Л. 101.

²² Там же. Л. 104.

²³ О миссии М. Шустера см.: Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. P. 581 ff.; Shuster W.M. The Strangling of Persia. New York, 1912.

²⁴ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 8.

²⁵ См., например: Kazemzadeh F. Op. cit. P. 584.

²⁶ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 8–9.

²⁸ На этот аспект поведения российских представителей в Иране применительно к первой половине XIX в. обращает внимание С.В. Сопленков. См.: Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000.

²⁹ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 104 об. – 105.

³¹ Там же. Л. 105.

³² Там же.

³³ Там же. Вадбольский иллюстрирует подобные обвинения примером: «Была просьба военного министра сместить серхенга бригады Махмуд-хана, комиссара в Астрабаде, ввиду жалоб на него; жалобы же из-за помощи его русским властям; между тем для русских интересов он сделал и делает много; о вознаграждении его я получил ходатайство нашего комиссара генерал-майора Лаврова; произвел в чин серхенга; Туркестанским генерал-губернатором возбуждено ходатайство о награждении Махмуд-хана русским орденом. Вот нынешнее безначалие, отсутствие военного министра помогло и помогает выполнять меры, содействующие нашему влиянию».

³⁴ РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 61–62.

³⁵ Там же. Л. 94 об.

³⁶ Там же. Л. 94 об.–95.

³⁷ Там же. Л. 105 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 107.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Вадбольский отметил этот факт в своих рапортах: «Обращает на себя внимание некорректное поведение некоторых юных шведских офицеров, распространяющих слухи, коими их усердно снабжают немцы. По этим слухам Париж взят, Русские войска разбиты, и немцы в наступлении на Петроград; английский флот уничтожен германским. Небольшой уличный листок, подкупленный немцами, печатал те же слухи; ныне персидским правительством по требованию французского посланника закрыт». См.: РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 77. Л. 107–107 об.

⁴³ См. об этих событиях: Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918). М., 2007. С. 32 и далее; Sykes P.M. A History of Persia. London, 1921. Vol. II., P. 435–450; Moberly F.J. Operations in Persia. 1914–1919. Facsimile Edition with Introduction by Dr. G.M. Bayliss. London, 1987. P. 44–130.

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВИМАИВиВС)**

Материалы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи дают возможность более подробно остановиться на малоизученных, но чрезвычайно актуальных проблемах, которые влияли не только на уровень деятельности Военного министерства, но и на социальную деятельность государства и общества в целом.

К Главному артиллерийскому управлению, непосредственно реализующему комплекс военных задач, относилось значительное число направлений и структур, от которых напрямую зависел потенциал обороноспособности государства.

Целесообразно остановиться на ряде позиций, которые оказали влияние на уровень социальной деятельности государства:

- * организация воспитания и образования будущих военных кадров и тем самым обеспечение укрепления системы непрерывного образования профессиональной направленности;

- * поддержка населения, понесшего убытки и разорение в период военных действий;

- * создание условий для профессионального и социального роста военнослужащих из разных социальных, профессиональных, конфессиональных и этносоциальных слоев;

- * инициативы по совершенствованию материальной и социальной деятельности предприятий, относящихся к артиллерийскому ведомству и повышению социально-бытового и культурного уровня служащих и их семей.

В первой половине XIX в. традиционно новшества в системе образования впервые осваивало военное управление, примером слу-

жила Ланкастерская система. Утвердившаяся в Париже, в училище взаимного обучения, эта система была перенесена в Петербург благодаря С.И. Тургеневу, секретарю графа Воронцова. Е.К. Сиверс использовал эту систему для кантонистских школ, для чего специальной комиссией были подготовлены учебные пособия. В состав комиссии входили известные для русского образования и культуры люди: директор кадетского корпуса генерал Перский, священник Герасим Павский – законоучитель императора Александра II, статский советник Тимашев, журналист и писатель Н.И.Греч. Именно им были созданы специальные таблицы в качестве методического материала, которым отводилась ведущая роль в системе обучения. В дальнейшем Ланкастерская система была использована в школе, занимающейся обучением солдат гвардейского корпуса, а затем в казармах Павловского полка¹.

Внимание к детям, родители которых относились к Военному министерству, проявлялось в первых шагах их жизни. Оставшихся без семьи бедных обер-офицерских сирот до двух лет распределяли по деревням для воспитания, затем они поступали в Александровский сиротский дом.

В материалах канцелярии Главного артиллерийского управления (стол 2) содержится устав Михайловского воспитательного учреждения для детей артиллерийских офицеров, состоящего под покровительством его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича (СПб, 1884 г.). Дело было открыто в связи с тем, что в данное воспитательное учреждение были направлены деньги в сумме 212 р. 53 к., предназначенные для подарка от товарищей и сослуживцев генерал-лейтенанту, члену Военного Совета П.А. Крыжановскому, который от подарка отказался. Обращаясь к вышестоящему начальнику, генерал-лейтенант писал: «Глубоко тронутый таким выражением уважения и сердечного расположения, я тем не менее усердно прошу Ваше превосходительство передать им, что по давно усвоенному мною принципу не принимать от бывших сослуживцев и подчиненных никаких материальных знаков их внимания, я и на этот раз отказываюсь принимать от них какое-либо подношение»².

Учебное заведение, в которое поступили вышеуказанные деньги, было преобразовано из приюта, учрежденного офицерами гвардейской артиллерии. Цель этого заведения состояла в подготовке детей артиллерийских офицеров к поступлению в низшие классы казен-

ных заведений военных и гражданских. Принимались дети обоего пола от 6 до 9 лет на полное иждивение.

При определении в заведение выделялись следующие группы детей, которые принимались бесплатно:

* во-первых, круглые сироты или полусироты, которые лишились отца, не выслужившего пенсии, и остались без средств к жизни;

* во-вторых, дети, отец которых хотя и находится в живых, но должен был оставить службу вследствие недуга, лишаящего его возможности продолжать служить, из-за чего семья осталась без всяких средств к жизни.

В уставе было указано, что, если отцы детей выслужили пенсию, то эти дети воспитываются с платой той части пенсии, которая приходится на долю принимаемого на воспитание ребенка.

В период Крымской кампании (1853–1856) инициатором социальной поддержки населения, пострадавшего во время войны в Севастополе и его окрестностях, выступило командование артиллерийского ведомства.

В мае 1855 г. начальник артиллерии приглашает всех офицеров и классовых чиновников, состоящих при артиллерийском штабе, участвовать в подписке, открытой в империи по высочайшему государя императора разрешению для вознаграждения семейств храбрых морских воинов за потерю ими в Севастополе домов и имущества. При этом начальник артиллерии генерал-лейтенант Сергпутовский выделил собственную сумму – 15 р., начальник штаба артиллерии генерал-майор Крыжановский – 10, капитан Столыпин – 10, Прживальский – 3, подпоручик Толстой – 2 р.³

Список 4-й артиллерийской бригады свидетельствует о том, что ряд военнослужащих из своих средств оказали денежную помощь тяжело раненым нижним чинам и их семьям. Так, например, бригадир Давыдов выделил 2 р., поручик Ефремов – 3, прапорщик Григорий Стеклов – 5, лекарь Александр Корчагин – 5 р. и т. д. В целом добровольные приношения составили 496 р. 98 с половиной к.⁴ Полковник Сирьяни пожелал из пенсионера, получаемого им за рану, жертвовать по десять рублей серебром в пользу раненных нижних чинов, преимущественно из артиллеристов.

В этот же период была учреждена комиссия для распределения между погоревшими домовладельцами оружейного сословия предоставляемых им ссуд⁵. Рассматривался вопрос о получении льгот защитниками Севастопольского гарнизона на Северной стороне⁶.

Военное министерство и его Артиллерийское управление активно использовало систему поощрений и награждений для всех военно-служащих и чиновников, находившихся на разных ступенях социальной лестницы.

Документы свидетельствуют о рапортах, представленных в связи с награждением лекарей знаками отличия беспорочной службы⁷. Испрашивается награждение Павлу Медведеву, в службе с 1834 г., из казенных крестьян, служил фейерверкером 3 класса, имеет чин прапорщика по гарнизонной артиллерии⁸. К числу награжденных относится протоиерей Валичинский, настоятель Бобруйского Военного собора за отличные успехи учеников Шостенского народного училища по Закону божьему. Приказ от 13 июля 1892 г.⁹.

К производству офицеров по артиллерии 16-й артиллерийской бригады выдвигают фейерверкера Николая Маркова и юнкера Михайлу Лихачева. При этом необходимо проэкзаменование их в артиллерийском отделении учебного комбината в науках, требуемых при таком производстве.

Вызывает интерес донесение генерал-майора Пихельштейна о том, что юнкер Соболевский не мог подготовиться к экзамену, и поэтому генерал просит «о прикомандировании его к учебной артиллерийской бригаде, дав таким образом средства приготовиться к экзаменам. Прогоны за проезд до означенной бригады юнкер согласился принять на свой счет»¹⁰.

Предметом внимания Артиллерийского ведомства выступает профессиональное продвижение за беспорочную службу. Христофор Протасов, фейерверкер, находится в звании 12 лет. «За отличное поведение, усердие по службе и по выдержанном им установленном экзамена в науках, удостоивается начальником второй конно-артиллерийской дивизии к производству в офицеры»¹¹. Фейерверкер Онуфрий Машинский и прикомандированный к этой батарее Альбин Дзиковецкий приказом главнокомандующего Южной армией и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму от 25 октября 1855 г. за № 734 произведены в прапорщики по гарнизонной артиллерии. Подготовлен большой список документов о производстве низших чинов из юнкеров, фельдфебелей и фейерверкеров в офицеры за выслугу лет и за отличие в делах с неприятелем¹².

В течение всего периода деятельности Военного министерства велась целенаправленная планомерная работа по совершенствованию деятельности арсеналов и заводов данного ведомства. Значительное

место в этой деятельности было отведено созданию условий для труда и быта рабочих и их семей.

По указанию военного министра А.Н.Куропаткина (1898–1904) три раза в год заводы артиллерийского ведомства должны были представлять отчеты, отражающие вопросы улучшения условий труда и быта рабочих, а также вопросы организованного для них питания, отдыха, социальной защищенности.

Нельзя не остановиться на выписке из резолюции Военного министра, объявленной в циркулярном предписании Главного инженерного управления 31 июля 1898 г. № 11286 и помещенной во всеподданнейшем отчете новгородского губернатора за 1901 год: «Нельзя любить офицера и солдата и в то же время не любить рабочего. Я люблю и тех и других. Надо, главное, охранять рабочих, чтобы их не обижали подрядчики и особенно рядчики. Нельзя давать рабочим потачки, где требуется – оказать помощь и подрядчикам против рабочих, но чаще надо делать обратное: смотреть, чтобы расплата происходила правильно, чтобы договоры с рабочими были выполнимы, чтобы счет прогульным дням не преувеличивался, чтобы у рабочих, например, работающих земляные работы с куба, находились в достаточном числе тачки, катальные доски и проч. Надо наблюдать, чтобы в глухих местах в лавочках подрядчиков продавались нужные предметы рабочим по таксе, чтобы, в общем, на этих лавочках подрядчики не наживались. Надо организовать отсылку денег рабочим на родину, чтобы они их не пропивали. Надо заботиться, чтобы работа не шла слишком форсированно, при дурном помещении и пище. Зимние помещения должны быть достаточно теплые и светлые, даже землянки, надо непременно дать возможность рабочим мыться»¹³.

Военный министр генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, обращаясь к Главному инженерному управлению с резолюцией, указывал: «О всех жалобах – как рабочих на притеснения их подрядчиками и рядчиками, так и последних на неисполнение условий рабочими, а также о мерах, принимаемых к улучшению быта рабочих, – предлагаю каждые четыре месяца представлять мне ведомость, с указанием, какие по жалобам сделаны распоряжения, - для составления из этих ведомостей общей всеподданнейшей записки»¹⁴.

Отчитываясь перед министерством, Охтинский завод взрывных веществ указывает, что «для рабочих завезены инвентарь для кухни и столовой на артельных экономических началах». . . «Рабочие пользуются обедом и ужином, состоящих из двух блюд: щи, борщ или

суп и каша из разных круп, по преимуществу из гречневой, на сале, с куском мяса, которого кладется в котел по полфунта на каждого человека. Причем утром каждый получает у чаю по фунту полубелого хлеба, в среду и пятницу готовится постная пища также из двух блюд. Довольствие это обойдется на каждого человека в месяц от 4 руб. 80 коп. до 5 руб.»¹⁵.

В своем отчете начальник Киевского местного арсенала просит оказать содействие в назначении субсидии от Министерства просвещения на содержание одноклассного училища для детей мастеровых и рабочих Киевского местного арсенала. Создается приказ по Луганскому патронному заводу от 27 ноября 1903 г № 269 «О приеме денег от рабочих и сдача их на почту в соответствии с определенными правилами».

Из представленных отчетов всех находящихся в данном ведомстве арсеналов и заводов приведем еще некоторые примеры. Шостенский пороховой завод в Черниговской губернии сообщает, что за последние годы «открыта народная чайная, при ней библиотека и читальня». Ижевским оружейным заводом разработаны правила об устройстве быта оружейников и рабочих людей. Администрация завода следит за их выполнением¹⁶. Николаевский ракетный завод нанял вольнонаемного врача, который оказывает рабочим медицинскую помощь¹⁷.

Трубочный завод Санкт-Петербурга отчитывается о том, что приняты следующие меры для условий труда рабочих: улучшение вентиляции в помещениях литейных мастерских; поставлены новые вытяжные трубы; разрешено рабочим пользоваться казенной купальней, во время работы выдается молоко.

Ревизионной комиссии осуществляется проверка на месте технической работоспособности производственной деятельности Александровского машиностроительного завода при Александровском отделе попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых¹⁸.

Среди руководителей военных заводов выделялись начальники, которые предлагали конкретные пути совершенствования нормативно-правовой базы, разрабатывая «проекты планов найма рабочих частными предпринимателями, производящими строительные и дорожные работы военного ведомства». К сожалению, фамилия автора этого достаточно объемного проекта генерал-майора начальника Казанского порохового завода написана неразборчиво¹⁹.

Уделяется большое внимание совершенствованию кадров, обслуживающих заводы Артиллерийского ведомства. Так, например, в прошлом выпускник Михайловской артиллерийской академии по первому разряду командирован в Берлин для приема заказанных компании «Виккерс с сыновьями и Максим» трех линейных пулеметов «Максим» с 13.08.1900 по 25.12.1901 г.²⁰.

Таким образом, основные направления социальной деятельности Военного министерства осуществлялись как по линии углубления патерналистских связей, так и по линии расширения социального взаимодействия с гражданскими структурами и местными инициативами с учетом сохранения национальных традиций и предпочтений.

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни СПб., 1888. С. 329–330.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. ½. Д. 154.

³ Там же. Ф. 5. Оп. 108. Д. 60.

⁴ Там же. Ф. 15. Оп. 108/1. Д. 60.

⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 28. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 50.

⁷ Там же. Ф. 15. Оп. 108/1. Д. 124.

⁸ Там же. Д. 77.

⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 27.

¹⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 108/1. Д. 77. Л. 9.

¹¹ Там же. Ф. 15. Оп. 108/1. Д. 77. Л. 55.

¹² Там же. Ф. 15. Оп. 108. Д. 124.

¹³ Там же. Ф. 6. Оп. ½. Д. 255. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Там же. Оп. 17. Д. 6. Л. 146.

¹⁷ Там же. Оп. 79. Д. 66. Л. 25.

¹⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 127. Л. 192.

¹⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 79. Д. 66. Л. 17–19.

²⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 127. Л. 295.

Е.В. Лезик (Санкт-Петербург)

ПОГЛЯДИТЕ В СУРОВЫЕ ЛИЦА ЛЕНИНГРАДЦЕВ ЭПИЧЕСКИХ ЛЕТ...

Величие подвига советского народа, совершенного в битве за Ленинград, неоспоримо.

Радио Лондона в январе 1944 г. сообщало: «...своим мужеством, своей самоотверженностью население Ленинграда и героические солдаты, оборонявшие вместе с населением город, вписали самую замечательную страницу в истории мировой войны».

В газете «Нью-Йорк таймс» 31 января 1944 г. было опубликовано: «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет зачислен в анналы истории как своего рода героический миф. Ленинград воплощает непобедимый дух народа России».

Беспримерный подвиг защитников города на Неве был высоко оценен Родиной. 15 Героев Советского Союза, удостоенных этого звания дважды, 647 Героев Советского Союза, более миллиона человек были награждены орденами и медалями. 22 декабря 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», которой было награждено около 1,5 млн человек.

Идея создания памятника защитникам Ленинграда возникла еще в годы войны. В 1942 г., когда судьба города решалась на поле брани, когда ленинградцы только возвращались к жизни после страшной первой блокадной зимы, Ленинградское отделение Союза архитекторов объявило конкурс на лучший проект монумента в честь подвига защитников города под девизом «Пулковский меридиан».

В 1943 г., ставшем переломным в ходе Второй мировой войны, эта идея получила дальнейшее развитие, и в Ленинграде был проведен

новый конкурс проектов. Однако начавшееся уже в военное время восстановление промышленности и народного хозяйства и развернувшееся послевоенное строительство отодвинули по времени реализацию этого замысла.

С конца 1950-х гг. в Ленинграде реальное воплощение нашла идея создания Зеленого пояса Славы, который, по мысли ленинградского поэта-фронтовика М.А. Дудина, должен был обозначить на вечные времена своим зеленым шумом рубеж мужества советских людей. На основных участках переднего края обороны города предполагалось соорудить различные по форме и эмоциональному характеру мемориальные объекты.

Монументу в честь подвига защитников Ленинграда отводилась роль важного связующего звена в достижении целостности художественного образа Зеленого пояса Славы. Эта задача требовала тщательной проработки вопроса о местоположении памятника. В качестве такового предлагались и западная оконечность Васильевского острова, и Южно-Приморский парк, но наибольшие перспективы связывались с площадью, известной жителям города как Средняя Рогатка.

Старое название этого места напоминает о том, что здесь была южная окраина города. В прошлом у въездов в Петербург находились заставы: шлагбаумы закрывали дороги в столицу. По ночам ставились рогатки, которые загораживали въезд. В этом районе были три заставы, или рогатки: первая – возле деревни Пулковое, вторая (средняя) – у слияния нынешних Московского и Пулковского шоссе (т. е. на территории площади Победы) и третья – вблизи Заставской улицы.

Средняя Рогатка – место соединения важных магистралей страны – дорог на Москву и Киев, – была свидетельницей многих исторических событий. Через нее проходили русские войска после победы на Балканах в войне с Турцией 1877–1878 гг., а в 1919 г. после разгрома белогвардейских войск Юденича здесь шли красногвардейцы. В 1941 г. отсюда шли в бой с захватчиками солдаты и матросы, бойцы народного ополчения. В январские дни 1944 г. в нескольких километрах от Средней Рогатки началось победоносное наступление войск Ленинградского фронта, разгромивших гитлеровцев под стенами города. В районе Средней Рогатки летом 1945 г. была воздвигнута временная триумфальная арка в честь Победы. Под ней торжественным маршем проходили советские воины, возвращавшиеся к мирной жизни.

Таким образом, сама история во многом предопределила выбор места для возведения монумента, который, по замыслу авторов, должен был раскрыть «все значение и смысл героического подвига защитников».

В 1957 г. Ленинградским отделением Союза архитекторов и Исполкомом Ленгорсовета был вновь объявлен открытый конкурс проектов памятника. 44 работы были представлены на рассмотрение жюри. Первой премии удостоился проект под девизом «Прорыв», выполненный авторским коллективом в составе С.Б. Сперанского, П.А. Арешева, В.С. Маслова и Ю.К. Покровского. Разорванное кольцо, доминирующая высотная конструкция внутри него, «стремительный наклон вперед пилона как бы продолжался экспрессивным порывом венчающей его скульптуры» – таков был замысел. Думается, этот проект стал источником идей композиционного решения памятника, созданного уже другим авторским коллективом, в состав которого также вошел С.Б. Сперанский.

28 марта 1963 г. в газетах появилось сообщение: «В Совете Министров СССР. О сооружении в г. Ленинграде памятника героическим защитникам Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Совет Министров СССР поддержал предложение трудящихся Ленинграда и разрешил Исполкому городского Совета сооружение на народные средства в г. Ленинграде памятника героическим защитникам Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В проведении сбора средств на сооружение памятника должна соблюдаться строгая добровольность».

Одновременно с постановлением Совмина «Ленинградская правда» опубликовала обращение поэта М.А. Дудина, в котором подчеркивалась необходимость сооружения мемориального комплекса в городе на Неве. В печати, в передачах радио и телевидения появились выступления ветеранов войны, общественных деятелей и простых граждан. Общественно значимая цель получала все более четкое оформление, каждый получил реальную возможность отдать долг памяти героям войны. В том же 1963 г. был объявлен конкурс на лучший проект мемориального комплекса, «основной целью которого стало определение места для постановки памятника», так как этот вопрос, несмотря на обозначившиеся приоритеты, оставался открытым. К числу вариантов местоположения памятника, ставших уже традиционными – Средняя Рогатка, Южно-Приморский парк,

западная оконечность Васильевского острова, – авторы представленных проектов предлагали целый ряд альтернативных мест, выбор которых требовал незаурядного воображения. Так, предлагалось установить памятник у невского фасада Адмиралтейства, на ступенях набережной, в Адмиралтейском саду, напротив главных ворот Адмиралтейства и в других местах.

Представленные на конкурс проекты анализировались и обсуждались в Ленинградском отделении Союза архитекторов, в результате чего предпочтение было вновь отдано площади у Средней Рогатки, которая уже со следующего, 1964 г., по решению Исполкома Ленгорсовета, стала именоваться площадью Победы.

Возможность высказать свое мнение о местоположении мемориала вызвала живой интерес ленинградцев, обсуждения проходили в трудовых коллективах и творческих организациях. За создание памятника на Средней Рогатке высказалась значительная часть специалистов. По достоинству оценивалась роль подобного сооружения с позиций формирования архитектурно-художественного образа нового района Ленинграда. При этом подразумевалась «преемственность в развитии такого рода ансамблей, превращение их в целостные системы, столь необходимые в условиях территориального расширения города, обогащение содержания его отдельных градостроительно важных узлов и возросшие требования к их идейному звучанию».

В 1967 г., когда место для строительства было окончательно определено, прошел второй тур конкурса проектов монумента защитникам города, на который было представлено более 80 работ. Из них жюри отобрало 60, полностью соответствовавших конкурсной программе. В Доме архитектора шли острые дискуссии и обсуждения, но в итоге первая премия не была присуждена ни одному из авторских коллективов, хотя участие в конкурсе принимали многие известные зодчие и ваятели.

Несмотря на обилие критики в адрес каждого из проектов, жюри посчитало возможным присудить вторую премию сразу трем творческим коллективам. Работы под девизами «Вечен огонь нашей памяти», «900» и «Бессмертие» были признаны лучшими из заявленных. Слова из обращения М.А. Дудина – «Вечен огонь нашей памяти...» – стали девизом проекта авторского коллектива, в состав которого входил С.Б. Сперанский.

Отметим, что четвертая премия была присуждена проекту под девизом «Факел-30», над которым работал авторский коллектив в

составе скульпторов М.К. Аникушина, М.Т. Литовченко и архитекторов Ф.А. Гепнера и В.Н. Ловкачева. Проект «Факел-30», будучи признанным аллегорическим отображением подвига Ленинграда, стал, тем не менее, одним из этапов творческого пути, который привел М.К. Аникушина к работе над созданием скульптурного ансамбля мемориала.

После прошедшего в 1971 г. так называемого «заказного» конкурса было принято решение объединить творческие усилия работавших ранее в разных творческих коллективах мастеров. Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся утвердил состав творческой группы, в которую вошли: скульптор, народный художник СССР Михаил Константинович Аникушин, народный архитектор СССР Сергей Борисович Сперанский и народный архитектор СССР Валентин Александрович Каменский. Все трое – участники обороны Ленинграда, причем их первые попытки образно осмыслить героизм защитников и жителей осажденного города, великую человеческую трагедию были предприняты именно в период блокады.

Работа над обликом памятника продолжалась несколько лет. Поиск композиционного и пластического решения требовал взвешенных решений.

Один из первых вариантов памятника был представлен на обсуждение в Ленинградском Доме архитекторов уже в начале 1972 г. В «Ленинградской правде» от 10 марта 1972 г. в рубрике «Никто не забыт, ничто не забыто» появилась статья О. Колесовой «Это в сердце было моим...», где был опубликован проект будущего монумента на площади Победы. В статье пояснялось: «Многофигурная композиция (более 30 фигур) <...> располагается на пьедестале в виде полукруга, символизирующего разорванное кольцо блокады <...> Изможденные женщины отливают снаряды. Мать на вытянутых руках держит застывшее тело ребенка. Слабеющую женщину, так и не доведшую домой на саночках ведро с драгоценной водой, поднимает воин <...> Вот матросы-балтийцы с автоматами идут в яростную атаку. Юная санитарка, почти девочка <...> Трое несут тяжелый рельс, согнувшись от непомерной тяжести, – для баррикад, что строились прямо на улицах, здесь, именно здесь, где будет памятник. Фигуры десантников, снайперов, партизан <...> А в центре композиции, уже без высокого пьедестала, а прямо на земле, стоит маленькая фигура мальчика. Это малыш, ради счастья которого приносились великие человеческие жертвы, о радостном смехе которого так мечтали те,

кто не дожил до мирного времени. Ради жизни на земле – таков девиз памятника». В мае 1972 г. ленинградцы увидели макет будущего памятника на выставке в Русском музее.

После многократных обсуждений первоначального проекта, учитывая характер площади, представляющей собой мощную транспортную развязку, авторы нашли новое композиционное решение мемориального комплекса. Смысл его заключался в том, чтобы памятник не растворялся зрительно в общей пространственной композиции, а стал бы доминантой площади.

В качестве композиционного центра самого памятника и всего пространства авторы предложили гранитную стелу, увенчанную символической женской фигурой, в которой, по словам М. Аникушина, виделся образ Победы. Предполагалось, что высота фигуры вместе с пьедесталом составит около 40 метров. В интервью газете «Вечерний Ленинград» М. Аникушин рассказал о новом варианте проекта: «Эта фигура предваряет вход в помещение круглой формы под открытым небом. С наружной стороны оно напоминает разорванное кольцо – так мы решаем тему прорыва блокады Ленинграда. В центре будет установлена скульптурная композиция, ее тема – начало Великой Отечественной войны. Нижняя часть стены этого помещения – его периметр около 50 м – будет оформлена светло-золотистыми бронзовыми плитами, на которых предполагается выбить фамилии воинов Советской Армии и Флота, жителей нашего города, награжденных Указом Президиума Верховного Совета СССР медалью «За оборону Ленинграда». Таких граждан в нашей стране 930 тысяч.

Верхняя часть стен представит собой выступающую потемненную, словно опаленную огнем войны, плиту, на которой будут барельефы на темы событий обороны Ленинграда, чередующиеся со стихами ленинградских поэтов».

Авторы сориентировали памятник на юг, на Пулковские высоты. Такое решение было правильным, как с архитектурной, так и с идейно-исторической точек зрения: ведь Пулковские высоты – та часть линии фронта, где, по выражению Г.К. Жукова, в сентябре 1941 г. решалась судьба Ленинграда. Подобный композиционный прием решал также проблему оформления парадного въезда в Ленинград с юга.

Народный архитектор СССР Г.Н. Булдаков, новый главный архитектор города, и главный художник города В.А. Петров в статье, опубликованной в газете «Ленинградская правда», высоко оценили

доработанный авторским коллективом проект памятника. Он был одобрен и на совместном заседании Градостроительного совета, Художественного совета Главного управления культуры Ленгорисполкома. Тем не менее, творческий поиск продолжался.

Так, существенной трансформации подверглась основная вертикаль памятника – стела. Авторы сочли необходимым отказаться от увенчания ее скульптурным изображением Победы. Стела превратилась в классический обелиск, форма которого, а также его соотношение с масштабом всего монумента (высота обелиска была увеличена с 40 до 48 метров) стали предметом жарких споров. Большую строгость решили соблюсти создатели комплекса в убранстве памятного зала, образованного символическим кольцом, отказавшись от барельефных сюжетов и стихотворных фрагментов. Кроме того, было решено не увековечивать на стенах открытого зала имена награжденных медалью «За оборону Ленинграда».

К концу октября 1973 г., после согласований с Министерством культуры РСФСР и одобрения со стороны художественно-экспертных советов по монументальной скульптуре Министерства культуры и Главного управления культуры Исполкома Ленгорсовета, а также Градостроительного совета Ленинграда, эскизный проект монумента Победы был утвержден. Несколько месяцев ушли на подготовку проектно-сметной документации и разрешение организационных вопросов.

По нормам Госстроя Союза ССР на строительство объекта такой степени сложности полагалось около трех лет. Однако близился юбилей – 30-летие Победы в Великой Отечественной войне, что налагало на создателей, проектировщиков и строителей памятника особые моральные обязательства. Решено было выполнить основные виды работ и сдать в эксплуатацию первую очередь объекта через 13 месяцев после начала «нулевого цикла».

Для координации был создан Совет, в который вошли руководители партийных организаций Ленинграда, авторы проекта мемориального комплекса, представители специальных ведомств, призванные наиболее активно участвовать в его сооружении. На стройплощадке, которой стала площадь Победы с апреля 1974 г., развернулся Штаб строительства памятника и созданный на общественных началах Штаб содействия строительству. Генеральным проектировщиком монумента стал ЛенЗНИИЭП (ныне СПбЗНИПИ), а генеральным подрядчиком – строительный трест № 16 Главленинградстроя (ныне ЗАО «Шестнадцатый трест»).

На начальном этапе строительства на месте будущего памятника был создан глубокий котлован, при раскапывании которого экскаваторщики 4-го управления треста «Строймеханизация-1» вынули, по различным данным, от 70 до 93 тыс. тонн грунта. В основание памятника «нулевиками» 10-го управления треста № 105 было забито свыше 800 железобетонных свай, после чего началось бетонирование подземной части монумента. Работы по устройству восточных и западных свайных полей велись в конце лета 1974 г., а затем приступили к бетонированию ростверков – специальных железобетонных балок, объединяющих сваи в одно целое и являющихся, таким образом, верхней частью конструкции свайного фундамента. Бетонные работы на территории будущего монумента шли до глубокой осени. Впереди предстояло забетонировать днище пространства, отведенного под внутренние помещения комплекса. О масштабах проделанного можно судить по следующим данным: объем земляных работ составил порядка 150 тыс. куб. м, а количество уложенных железобетонных и бетонных конструкций исчисляется 30 тыс. куб. м.

Множество интересных эпизодов связано с практическим воплощением авторских замыслов, высокая точность в исполнении которых была залогом неповторимого облика монумента.

Уникальным было сооружение заглубленного круглого памятного зала, формируемого символическим кольцом, диаметром 20 м, конструкция которого представляет собой железобетонный монолит. Были проведены сложные расчеты перед тем, как «кольцевая разомкнутая балка» заняла свое место. После завершения формирования подземных музейных помещений и свайных полей из всего широчайшего фронта бетонных работ уже по наружной части памятника самые объемные и ответственные проводились именно на устройстве кольца. В конце ноября 1974 г., когда уже различимы были очертания внутреннего пространства памятника, под кольцо возводились специальные колонны, призванные поддерживать нелегкую конструкцию. Лицевые поверхности кольца, по мысли авторов, должны иметь особенный вид, и для этого их выполняли в «деревянной опалубке столярной работы», причем в месте символического разрыва опалубка выполнялась в достаточно замысловатой форме. Чтобы добиться эффекта «рваного» края, необходимо было очень тщательно подогнать доски под разными углами и с различными уступами. Здесь пригодился опыт специалистов треста № 16, коллектив которого еще в 1941 г. соорудил 200 железобетонных дотов, для них также

готовилась опалубка. Работы по созданию кольца еще только начались, была возведена лишь железобетонная сердцевина будущего грандиозного сооружения. Впереди предстояли работы газовиков и специалистов института «Ленгипроинжпроект» по прокладке оборудования для подачи газа к горелкам Вечного огня, которое предусматривалось в теле кольца.

Задачи, связанные с сооружением памятника, решались не только на строительной площадке. Для облицовки авторы избрали традиционный для Ленинграда материал – гранит, поэтому геологи и работники Выборгского карьероуправления занимались поиском камня, по структуре и цвету отвечавшего требованиям проекта. Гранит серого и розового оттенков добывался в карьере «Ровное» под Приозерском и на разработках под Каменногорском. Особенно хорош с точки зрения специалистов и архитекторов был красный гранит Бородинского месторождения под Выборгом. «Когда я впервые увидел его, – рассказывал Сперанский, – то восхищался художницей-природой. Подобно мазкам на полотне, в нем застыл кварц и полевой шпат, его багрово-красный цвет поражал богатством и глубиной оттенков». Именно этот гранит решено было использовать в изготовлении блоков для пьедестала под скульптурные композиции. Исключение составляет лишь постамент под скульптурной группой «Блокада», установленной в центре круглого памятного зала. Для нее уместнее оказался другой камень, по мысли автора, более соответствующий эмоциональной окраске самой скульптуры – черный с голубой искрой лабрадорит, добытый на Украине. Красный бородинский гранит решено было использовать и при изготовлении блоков огромного обелиска – композиционной доминанты памятника. Для него было заготовлено 800 куб. м гранита, который после первичной обработки в карьере направлялся на камнеобрабатывающие предприятия Главленстройматериалов. «Во время сооружения мемориала был выполнен колоссальный объем работ по добыче, обработке и установке крупных гранитных блоков, примерно равный (по этому виду продукции) десятилетней программе соответствующих подразделений Главленстройматериалов». В целом на площадь Победы предстояло доставить порядка 13 000 куб. м гранита.

Помимо относительно мелкоразмерных элементов для облицовки внешних поверхностей при строительстве применялось большое количество крупных блоков. Вес некоторых из них превышал 100 тонн. В основном они использовались при изготовлении постаментов. До-

ставка этих глыб к месту строительства была одной из труднейших операций в истории создания монумента.

На протяжении нескольких километров от месторождения до железной дороги гранитные блоки передвигались на сварной из стальных листов волокуше. Затем мощная подъемная техника переносила камни на специальные платформы-тяжеловозы, отправлявшиеся в город. Пунктом назначения были железнодорожные погрузочные станции объединения «Электросила», откуда каменные блоки доставлялись на стройку трейлерами.

Менее трудоемким был процесс переправки к стройплощадке средних блоков. Именно такие, весом от 3,5 до 9 тонн, требовались для обелиска, сооружение которого началось зимой 1975 г.

По оценкам специалистов, «пожалуй, самым сложным в инженерном отношении элементом гранитного раздела (а может быть, и всего комплекса сооружений) был обелиск». Обелиск предполагалось составить из сорока ярусов гранитных глыб, высотой 1,2 м каждый. Для большей устойчивости и прочности конструкции между ярусами в горизонтальных швах предусматривались листы-прокладки. Гранитные блоки соединялись между собой скобами из нержавеющей стали. Вертикальные швы обеспечивали неподвижность блоков, имеющих шлифованную опорную поверхность. Для верхних ярусов обелиска были разработаны специальные штифты, укрепленные вертикально в его теле.

18 января 1975 г. установили первый блок в основание обелиска. Это был знаменательный день на стройке. Однако без неожиданностей не обошлось: «Незаметная трещина в толще одного блока вдруг разошлась, и монолит раскололся. На его замену ушло несколько дней».

Спустя два месяца, к 19 марта, монтаж обелиска был завершен. 236 гранитных глыб было установлено в проектное положение, вес сооружения оказался внушительным – 1600 тонн.

Почти одновременно с завершением монтажа стелы подходили к концу и наземные работы по облицовке медными и бронзовыми листами внутренней поверхности кольца. Этот заказ был выполнен специалистами Балтийского завода, вместе с которыми трудились работники Адмиралтейского объединения, заводов «Красный выборжец», «Экономайзер» и других предприятий. Финальным этапом в оформлении символического кольца стало размещение элементов декоративного убранства: изображений орденов и медалей Ленинграда, надписей-

цитат из Указов и Постановлений о награждении города, газовых светильников Вечного огня. Более трех тысяч металлических букв были отлиты в одном из цехов завода «Электросила», а монтаж их осуществляли работники ленинградского объединения «Реставратор».

Весной 1975 г. началась доставка на строительную площадку и поэтапный монтаж бронзовых скульптурных групп. Их появление оживило пространство памятника, озвучило его тем выразительным языком пластики, который присущ авторской манере М. Аникушина.

С самого начала работы М. Аникушин говорил: «Мы стремимся показать народ, как главную идею памятника, <...> и дать характеры людей, соединив предельную документальность с обобщением, с символом <...>. Я хотел сделать реалистический памятник, на который хотелось бы очень долго смотреть. Чтобы все масштабы его были <...> ленинградские – и в меру торжественные, и в меру скромные, и в меру боевые, и в меру трудовые. Чтобы никакого пафоса там не было. Хотелось, чтобы фигуры не пугали своей величиной, чтобы они не потрясали людей какой-то мелодрамой <...> Размер фигур должен быть небольшой, <...> они должны быть масштабны человеку и не подавлять. А вся композиция должна быть масштабна по отношению к площади».

В начале апреля первой была водружена скульптурная композиция «Литейщицы», за ней и все остальные бронзовые фигуры заступили на свой вечный пост на гранитных пилонах, обращенных в сторону бывшей совсем рядом с городом линии фронта. Затем была установлена скульптурная композиция «Блокада», и в последнюю очередь был произведен монтаж бронзовых фигур рабочего и солдата на постаменте у основания обелиска. 29 апреля работы по установке скульптур памятника полностью завершились. Мемориальный ансамбль на площади Победы почти обрел свои очертания. Вокруг мемориала быстро разбивались газоны, насыпались пешеходные дорожки. На 13-гектарном зеленом обрамлении монумента уже высажен был кустарник – кизильник, жасмин и сирень.

9 мая 1975 г. отшумел торжественными военными парадами и демонстрациями светлый праздник Победы. Долгожданное событие состоялось – открылся для посетителей Монумент героическим защитникам Ленинграда.

В этот же день в газете «Правда» было опубликовано стихотворение Всеволода Рождественского «Монумент Славы»:

*Поглядите в суровые лица
Ленинградцев эпических лет!
Вправе Родина ими гордиться,
Жить сердцам их, сквозь камень им биться
Метрономом борьбы и побед!
Здесь бойцами переднего края
Были женищины, дети. Все те,
Кто ни пяди врагу не сдавая,
В стуже, в голоде, гневом пылая,
На последней стояли черте.
Эту доблесть, не знавшую меры,
Это мужество, стойкость и труд –
Монумент нашей чести и веры, –
Окружают цветущие скверы,
Свежей жизни зеленый салют.*

О величии подвига соотечественников памятник будет говорить
все новым грядающим поколениям.

Вечен огонь нашей памяти...

Рис. 1.
Беломраморная
доска
героев

Рис. 2. Строительство монумента. 1975 г.

Рис. 3. Вид на монумент. 2013 г.

Поглядите в суровые лица ленинградцев эпических лет...

Рис. 4. Подземный Памятный зал

Рис. 5. Скульптурная группа
«Легчики и моряки»

Рис. 6.
Скульптурная
группа
«Оборонные
работы»

Рис. 7.
Скульптурная
группа
«Народные
мстители»

Рис. 8.
Скульптурная
группа
«Солдаты»

А.А. Леонов (Санкт-Петербург)

БЕРЕТА СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИЯ

Республика Индонезия – государство в Юго-Восточной Азии. Расположено на островах Малайского архипелага и западной части острова Новая Гвинея. Омывается водами Тихого и Индийского океана. Является крупнейшим островным государством в мире – общая численность островов достигает 17 508. Значительная часть островов относится к Зондским, которые в свою очередь подразделяются на Большие Зондские и Малые Зондские острова. Имеет сухопутную границу с Малайзией (на острове Калимантан), Папуа-Новой Гвинеей (на острове Новая Гвинея) и Восточным Тимором (на острове Тимор). Независимость страны провозглашена 17 августа 1945 г. В 1942–1945 гг. страна находилась под японской оккупацией, а до нее была колониальным владением Нидерландов.

Вооруженные силы Республики Индонезия официально созданы 5 октября 1945 г. Подразделяются на сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морские силы. Последние играют важнейшую роль в обеспечении безопасности страны, так как общая площадь подконтрольной акватории составляет 7,9 млн кв. км. Немалую роль в повышении боеспособности и эффективности применения этого вида вооруженных сил играют подразделения специального назначения – *Yon Taifib*, *KOPASKA*, *Denjaka*.

Корпус морской пехоты (индон. *Korpsmarinir*) – один из родов войск военно-морских сил Индонезии. Официально образован 15 ноября 1945 г. Морская пехота выполняет функции морского десанта и сил быстрого реагирования при развертывании обороны. Военнослужащие корпуса принимали активное участие в различных военных операциях на территории страны. В 1963 г. несколько тысяч мор-

ских пехотинцев были готовы начать вторжение на западную часть острова Новая Гвинея (Западный Ириан) для присоединения этой территории к Индонезии и изгнания оттуда голландцев, но вопрос был решен мирным путем, вследствие переговоров. Морская пехота активно применяется в различных операциях против партизан, в том числе в Восточном Тиморе до приобретения им независимости, а в настоящее время в других провинциях, где действуют повстанцы и сепаратисты. На сегодняшний день численность Корпуса морской пехоты Индонезии достигает 29 000 военнослужащих.

Амфибийный разведывательный батальон – *Yon Taifib* (индон. *Batalyon Intai Amfibi*) является специальным подразделением, входящим в состав Корпуса морской пехоты Индонезии. Официально подразделение образовано 18 марта 1961 г. и первоначально называлось Разведывательная воздушно-десантная амфибийная рота (индон. *KompIntai Para Amfibi (KIPAM)*), а с ноября 1971 г. получило свое современное название. Военнослужащие подразделения выполняют функции морских коммандос, такие, как разведка, захват и удержание берегового плацдарма и уреза воды до высадки основных сил морского десанта, могут осуществлять диверсионные и террористические действия в тылу противника, куда доставляются методом воздушного десантирования, проводить антипартизанские рейды и акции. Для того, чтобы стать разведчиком Корпуса морской пехоты, кандидат должен прослужить в его рядах два года в обычном стрелковом подразделении. Далее он проходит жесткий отбор, при котором учитываются физические и интеллектуальные параметры, а затем проходит 9-месячную сложнейшую программу подготовки, которая включает в себя прыжки с парашютом, обучение навыкам боевого пловца и подводного вторжения (при этом одно из упражнений заключается в том, чтобы проплыть три километра со связанными руками и ногами), курс разведывательно-диверсионной деятельности. После успешного прохождения всего курса обучения и сдачи экзаменов кандидат зачисляется в боевое подразделение разведки Корпуса морской пехоты Индонезии. *Yon Taifib* состоит из двух батальонов, один из которых под номером 1 дислоцируется в Сурабая, а батальон под номером 2 и учебный центр – в Джакарте.

Коммандос из *Yon Taifib* в качестве головного убора носят береты фиолетового цвета, такие же, как и другие военнослужащие Корпуса морской пехоты Индонезии. Такой необычный цвет берета объясня-

ется тем, что согласно легенде богиня – покровительница морей, окружающих Индонезию, выбрала для своего платья именно этот цвет. Берет используется в основном на парадах, иногда во время учений; в боевой обстановке, вследствие явной демаскирующей расцветки, он заменяется различными полевыми головными уборами – платками-банданами, панамами, касками.

Рис. 1.

Берет, находящийся в нашем распоряжении (рис. 1), изготовлен из цельного куска сукна фиолетового цвета методом формовки. Снизу обшит полосой из натуральной кожи черного цвета шириной 20 мм, образующей рукав, в который вставлена лента черного цвета шириной 8 мм, используемая для регулировки размера берета по голове. Два конца ленты выходят из рукава через отверстие, расположенное в затылочной части. В правой боковой части находятся два металлических люверса диаметром 10 мм. Крепление люверсов с изнанки берета усилено лоскутом натуральной кожи черного цвета, размером 45 x 20 мм, материал люверсов – черная латунь. Подкладка из искусственного шелка черного цвета изготовлена из двух деталей – донца и боковины. По центру донца к подкладке пришит прямоугольник из прозрачного полиэтилена размером 70 x 40 мм, образующий карман, в который вложена этикетка. Этикетка изготовлена из белого искусственного шелка размером 60 x 25 мм. На ней методом печати изображен прямоугольник, разделенный на 4 части. В левой части эмблема военно-морских сил Индонезии – венок из растительного орнамента, в центре венка адмиралтейский якорь, перевитый канатом, над якорем изображение птицы Гаруды. Под эмблемой надпись латинскими буквами: «TNIAL». В правой части этикетки три прямоугольника, содержащие надписи: «0211Z», «ТА.2007», «57». Последняя цифра обозначает размер берета в сантиметрах. Снаружи, с левой стороны на берете находится эмблема (рис. 2) в виде пришитого по периметру пятиугольника, изготовленного из искусственной лакированной

Рис. 2.

кожи красного цвета максимальной высотой и максимальной шириной по 65 мм. В центре пятиугольной нашивки находится металлический знак, изготовленный из латуни методом штамповки, имеющий покрытие золотистого цвета, нанесенное гальваническим способом, высотой 55 мм и шириной 40 мм. Знак представляет собой адмиралтейский якорь, перевитый цепью, идущей от рыма, проходящей по левой стороне

штока и заканчивающейся на правом роге. На веретено якоря наложен круглый медальон, состоящий из расположенной наверху геральдической ленты с надписью на санскрите «JALES UBHUMYAMCA JAYAMANE» – «Мы славны на суше и на море». Снизу находится геральдическая лента с надписью «KORPS 1945 MARINIR» – Корпус морской пехоты, 1945 (год основания рода войск). В центре медальона поле, покрытое рисунком в виде точек, на котором находится изображение стилизованных морских волн, над которыми располагается изображение традиционного индонезийского кинжала с волнистым «пламенеющим» клинком – криса, направленного острием вверх. Знак располагается под углом: рым якоря направлен в сторону левой верхней стороны пятиугольника, тренд якоря – в сторону правого нижнего угла. Знак закреплен на берете с помощью двух припаянных к его обратной стороне шпильек, имеющих на концах отверстия, в которые с изнанки берета продеты проволочные кольца из латуни.

KOPASKA (индон. *Komando Pasukan Katak*) – команда боевых лягушек является специальным подразделением военно-морских сил Республики Индонезия. Официальной датой создания подразделения считается 31 марта 1962 г., хотя первое подразделение боевых пловцов появилось в военно-морских силах Индонезии еще в 1954 г. на военно-морской базе Сурабая. В задачи бойцов спецподразделения входят подводные диверсии против кораблей и береговых баз противника, проведение разведки и сбор информации о береговых объектах, подводное вторжение, разминирование и уничтожение подводных заграждений, подготовка пляжей для высадки морского десанта, борьба с терроризмом, обеспечение безопасности первых лиц государства.

Подразделение было создано в результате изучения деятельности боевых пловцов из спецподразделения ВМС США UDT (Underwater Demolition Team), в настоящее время носящее название SEAL (Sea Air Land) или «Морские коттики», по созвучию аббревиатуры со словом «seal», которое и обозначает это морское животное), а также под влиянием деятельности спецназа ВМФ СССР, в рядах которого индонезийские военнослужащие проходили обучение и стажировку. Для того, чтобы стать боевым пловцом, кандидат должен отслужить в ВМС Индонезии не менее двух лет и быть моложе 30 лет. Как правило, ежегодно от 150 до 300 человек подают рапорта для вступления в КОРАСКА, но в результате только примерно 25 из них допускаются до прохождения курса обучения. Обучение длится 9 месяцев. Во время обучения будущие боевые пловцы проходят усиленную физическую подготовку, тренировки на выносливость, изучают подводное плавание, осваивают специальность диверсанта и парашютиста. Обучение включает в себя бег, отжимания, приседания, подтягивания, плавание на большие расстояния, зачастую ночью почти без сна, еды и питья, марш-броски, рукопашный бой, подводное плавание с дыхательными аппаратами, выход через торпедный аппарат подводной лодки, управление штурмовыми плавсредствами, прыжки с парашютом, в том числе в свободном падении, со сверхмалых и сверхбольших высот, курс выживания, диверсионная подготовка, развитие интеллектуальных способностей. После прохождения курса обучения и сдачи экзаменов, что удается далеко не всем кандидатам, военнослужащий зачисляется в состав подразделения и становится действующим боевым пловцом. В настоящее время в составе КОРАСКА насчитывается 300 человек, разделенных на две группы. Одна группа базируется в Джакарте, другая в Сурабая. Боевые пловцы в качестве парадного головного убора носят берет бордового цвета. Этот цвет считается цветом подразделения.

Берет, находящийся в нашем распоряжении (рис. 3), изготовлен из цельного куска фетра бордового цвета методом формовки. Снизу берет обшит

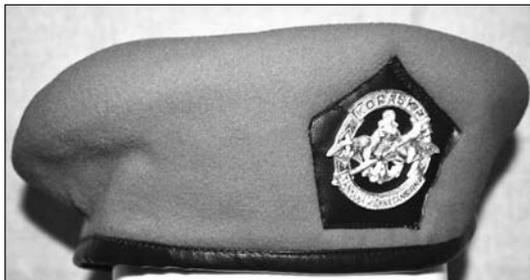

Рис. 3.

полосой из искусственной кожи черного цвета шириной 20 мм, образующей рукав, в который вставлена плетеная лента черного цвета шириной 8 мм, используемая для регулировки размера берета по голове. Два конца ленты выходят из рукава через отверстие, расположенное в затылочной части. В правой боковой части берета находятся два металлических люверса диаметром 10 мм. Крепление люверсов с изнанки усилено лоскутом искусственной кожи черного цвета, размером 40 x 15 мм, материал люверсов – черненная сталь. Подкладка из искусственного шелка черного цвета изготовлена из двух деталей – донца и боковины. По центру донца к подкладке пришит прямоугольник из прозрачного полиэтилена размером 70 x 40 мм, образующий карман, в который вложена этикетка. Этикетка изготовлена из белой бумаги размером 52 x 25 мм. На ней методом печати изображен прямоугольник, разделенный на 3 части. В левой части этикетки два прямоугольника, содержащие надписи: «PRIMA» и «231170».

В правой части прямоугольник, содержащий надпись «58», обозначающую размер берета в сантиметрах. Снаружи, с левой стороны на берете находится эмблема (рис. 4) в виде пришитого по периметру пятиугольника, изготовленного из искусственной кожи черного цвета максимальной высотой и максимальной шириной по 65 мм. В центре пятиугольной нашивки находится металличе-

Рис. 4.

ческий знак, выполненный из алюминия методом литья, имеющий покрытие золотистого цвета, нанесенное гальваническим способом, высотой 45 мм и шириной 50 мм. Знак представляет собой две геральдические ленты, находящиеся сверху и снизу. На верхней ленте надпись: «КОПАСКА» – название подразделения, на нижней ленте надпись на санскрите: «TANHANA WIGHNA TANSIRNA» – «Нет такого препятствия, которое нельзя преодолеть». Две ленты образуют круг, в центре которого находится адмиралтейский якорь, перевитый цепью, идущей от рыма через центр штока и заканчивающейся на левом роге. На веретено якоря наложено рельефное изображение лягушки в прыжке с вытянутыми задними лапами. В передних лапах

лягушка держит трезубец, направленный остриями вверх и вправо, а рукояткой вниз и влево. Знак закреплен на берете с помощью двух проволочных креплений, припаянных к его обратной стороне и загнутых с изнанки берета.

Специальное подразделение ВМС Индонезии *Denjaka* (индон. *Detasement Jala Mangkara*) – Морской отряд смерти – является сводным отрядом специального назначения, который состоит из военнослужащих Амфибийного разведывательного батальона *Yon Taifib*, входящего в состав Корпуса морской пехоты и боевых пловцов отряда *KOPASKA*. Подразделение было создано 13 ноября 1984 г. как сводный отряд командос для противодействия терроризму и саботажу. *Denjaka* был создан на базе уже существующего отряда аналогичной направленности *Pasusla*, создание которого относится к 4 ноября 1982 г. Антитеррористические операции – основная задача *Denjaka*, но учитывая специфику подготовки его членов, подразделение также может использоваться как десантный отряд для диверсионных и террористических акций и осуществления разведки в глубоком тылу противника в случае ведения крупномасштабных боевых действий. Для того чтобы стать членом *Denjaka*, кандидату необходимо получить квалификацию разведчика Корпуса морской пехоты или боевого пловца в *KOPASKA* и проходить службу в этих спецподразделениях, после чего он может подать рапорт на вступление в отряд, и если его личные данные и способности соответствуют требованиям, он зачисляется в состав подразделения. *Denjaka* состоит из одного отряда, включающего в себя штаб, инженерное подразделение и три боевых группы. Спецподразделение подчиняется напрямую Верховному главнокомандующему вооруженными силами Республики Индонезия. Военнослужащие *Denjaka* на парадах и во время учений носят берет фиолетового цвета, такой же, как и морские пехотинцы, что подчеркивает вклад разведчиков Корпуса морской пехоты в создание и деятельность подразделения, но знак на берете свой, особенный, что подчеркивает автономность отряда и наличие в его рядах бойцов из *KOPASKA*.

Берет этого подразделения (рис. 5) изготовлен из цельного куска фетра фиолетового цвета методом формовки. Снизу берет обшит полосой из искусственной кожи черного цвета шириной 20 мм, образующей рукав, в который вставлена плетеная лента черного цвета шириной 8 мм, используемая для регулировки размера берета по голове. Два конца ленты выходят из рукава через отверстие, распо-

Рис. 5.

ложенное в затылочной части. В правой боковой части берета находятся два металлических люверса диаметром 10 мм. Крепление люверсов с изнанки берета усилено лоскутом искусственной кожи черного

цвета, размером 45x15 мм, материал люверсов – черненная сталь. Подкладка из искусственного шелка черного цвета изготовлена из двух деталей – донца и боковины. В районе затылочной части к подкладке с краю пришита бирка из искусственного шелка размером 10 x 10 мм, на которой вышиты искусственной шелковой нитью надпись «PRIMA» и цифра «59», обозначающая размер берета в сантиметрах. По центру донца к подкладке пришит прямоугольник из прозрачного полиэтилена размером 65 x 40 мм, образующий карман, в который вложена этикетка. Этикетка изготовлена из белой бумаги размером 50 x 25 мм. На ней методом печати изображен прямоугольник, разделенный на 3 части. В левой части этикетки два прямоугольника, содержащие надписи: «PRIMA» и «231170». В правой части прямоугольник, содержащий надпись «59», обозначающую размер берета в сантиметрах. Снаружи, с левой стороны на берете находится эмблема (рис. 6) в виде пришитого по периметру геральдического щита, сужающегося к низу и имеющего полукруглые выемки по углам в верхней части, изготовленного из искусственной лакированной кожи красного цвета максимальной высотой 60 мм и максимальной шириной 45 мм. В центре нашивки в виде щита находится металлический знак, выполненный

Рис. 6.

из алюминия методом литья, имеющий покрытие золотистого цвета, нанесенное гальваническим способом, высотой 45 мм и шириной 35 мм. Знак представляет собой контур вышеописанного геральдического щита, внутри которого находится адмиралтейский якорь. На веретено якоря наложено рельефное изображение меча с прямым клинком, направленным острием вверх, к рыму якоря. Рукоятка меча перекрывает тренд якоря. На изображение меча наложено рельефное изображение молнии (электрического разряда), состоящее из трех линий, центральная из которых расположена строго горизонтально по центру композиции, а две другие отходят от нее вверх и вниз под углом 45 градусов каждая. Верхняя линия направлена в правый верхний угол щита, а нижняя линия – в левую нижнюю его часть. Знак закреплен на берете с помощью трех штырей, припаянных к его обратной стороне, на которые надеты три пружинных латунных фиксатора-цанги с изнанки берета.

Вышеописанные береты хранятся в коллекции автора. Очевидно то, что береты, рассмотренные нами, являются только одним из вариантов изготовления. Существуют различные варианты исполнения, как самих беретов, так и эмблем на них, отличающиеся от описанных в статье размерами, материалами, но не сущностью и содержанием композиций.

1. Bert L. Campbell, Ron Reynolds «Marine badge and insignia of the world», Blandford Press, Pool Dorset, 1983.

2. <http://indonesialiteforces.tripod.com/id8.html>

3. <http://www.globalsecurity.org/military/world/indonesia/korps-marinir-recruit.htm>

4. <http://indonesialiteforces.tripod.com/id15.html>

5. <http://indonesialiteforces.tripod.com/id14.html>

Е.Ю. Леонова (Санкт-Петербург)

МОЙ ДЕД – ВЫПУСКНИК ТРЕТЬЕЙ ПЕТЕРГОФСКОЙ ШКОЛЫ ПРАПОРЩИКОВ

В военном билете моего деда, участника трех войн, Григорьева Александра Александровича, есть запись об окончании им в 1915 году Третьей Петергофской школы прапорщиков. Бывшим воспитанником этой школы оказался и житель села Рыбацкого, историей которого я занимаюсь, Михаил Ильич Брюхов. Захотелось узнать об этом подробнее...

Еще до начала Первой мировой войны недокомплект офицеров в Российской армии составлял около 3 тысяч человек. Первые же бои привели к большим человеческим потерям, в том числе и офицерских чинов. Возникла необходимость ускоренной их подготовки. Срок обучения в военно-учебных заведениях был сокращен. Сокращение делалось наспех, не хватало преподавательских и командных кадров.

В конце 1914 г. было принято решение об организации новых учебных заведений – школ прапорщиков при запасных пехотных бригадах для подготовки прапорщиков в трехмесячный срок. В отличие от военных училищ, в которые принимались лица с образованием не ниже гимназического, в школы прапорщиков принимались лица с образованием не ниже II разряда, то есть окончившие не менее 4 классов гимназии, а также городских и уездных училищ.

Создавались и школы прапорщиков инженерных войск, куда принимались на обучение «с правами по образованию лишь I разряда, т. е. окончившие курс не ниже 6 классов кадетских корпусов, реальных училищ и соответственных классов других средних учебных заведений и с технической подготовкой».¹

Программа обучения в школах подготовки прапорщиков пехоты была рассчитана на 90 дней. Учебный день составлял 8 часов, заня-

тия делились на классные, строевые и полевые. Обучающиеся, или, как их называли, юнкера, изучали стрелковое дело, топографию, окопное дело, тренировались в стрельбе из револьвера, обучались шашечным приемам и многому другому.

По окончании школы выпускникам присваивался чин прапорщика. В русской армии это звание было введено в 1630 г. для полков иноземного строя, а с 1680 г. распространено на все полки. При введении Табели о рангах прапорщики относились к XIV классу, а гвардии – к XII. До 1845 г. это звание давало потомственное дворянство, до 1856 – только личное (не передающееся по наследству), затем только почетное гражданство.

В Российской армии прапорщик считался офицером. С 1886 г. прапорщики по окончании боевых действий должны были либо производиться в подпоручики, либо увольняться в запас. Выпускники школ прапорщиков не пользовались привилегиями кадровых офицеров, не могли производиться в штаб-офицерские чины и после войны подлежали увольнению в запас.

Всего во время Первой мировой войны было создано 49 школ прапорщиков, в том числе 4 в Петергофе и 2 в Ораниенбауме.

«ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 10 сего мая журналом Военного Совета 7-го мая сего года (1915) постановлено открыть следующие школы при запасных пехотных бригадах для ускоренной подготовки офицеров в военное время: 3ю Петергофскую на 450 человек, 4ю Петергофскую на 200 человек и 2, 3 и 4 Петроградские на 250 человек каждая.

Школы эти должны открыться с 15-го сего мая».² Начальником 3-й Петергофской школы прапорщиков был назначен полковник 93-го пехотного Иркутского полка барон де Пеленберг.

Расходы на содержание школы следовало относить на военный фонд. При открытии 3-й ПШППП (3-й Петергофской школы подготовки прапорщиков пехоты) Военным Советом Петроградского округа было положено «отпустить теперь же на оборудование помещения под школу 12 000 рублей»³.

Все вновь открываемые школы были подчинены заведующему школами Петроградского Военного округа генерал-майору Лазеревичу.

К сожалению, мне не удалось установить местонахождение школы, не смогли помочь в этом и петергофские краеведы.

24 июля начальник школы рапортовал, что в ней состоит «на лицо» 2 штаб-офицера, 9 обер-офицеров, 2 зауряд военных чиновника,

Рис. 1. А.А. Григорьев

406 обучающихся нижних чинов и 52 нестроевых, обслуживающих школу⁴.

3-я Петергофская была эталоном среди школ подготовки прапорщиков пехоты. При проведении инспекционной поездки по военно-учебным заведениям в 1915–1916 гг. генерал-майор Б.Д. Адамович отмечал, что «она прекрасно оборудована (вплоть до катка на пруду, освещаемого электричеством), там верное распределение времени (занятий в классах, на плацу, в поле; до половины времени – на тактику)».

Набор кадров в школы прапорщиков являлся большой проблемой. «Это

была не проблема «классового отбора», гораздо важнее было то, что «прислуга» и офицерские погоны считались невозможным сочетанием. И это вполне естественно, так как навыки, привычки и предпочтения «обслуживающего персонала» были нетерпимы в офицерской среде. Из человека, привыкшего прислуживать, было невозможно за несколько месяцев воспитать человека, обязанного приказывать. Офицеру Императорской армии было необходимо чувство собственного достоинства, а угодничество – неприемлемо. Достаточно точно ситуацию обозначил начальник 4-й школы прапорщиков полковник

Шашковский: «Приму крестьянина, рабочего, но не лакея».⁵

К прапорщикам – выходцам из низших слоев общества теперь следовало обращаться «Ваше благородие». Появилась даже частушка:

Я вчера был дворником, звался я Володею,
А теперь я прапорщик – Ваше Благородие!⁶

В середине декабря 1915 г. Главный начальник Петроградского военного округа князь Туманов получил письмо из Военного министерства, в котором сообщалось, что «Государь Император при рассмотрении доклада генерала от инфантерии Адлергерберга о результатах осмотра запасных батальонов изволил отчеркнуть в означенном докладе следующее место:

“Большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов. Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, полотеров и буфетчиков. Как мне доложено, нижние чины, не спросясь даже разрешения, отправляются держать экзамен. Вследствие этого бывают случаи, что совершенно негодные нижние чины попадают в прапорщики”.

На полях против этого ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ собственноручно начертано: “НА ЭТО НАДО ОБРАТИТЬ СЕРЬЕЗНОЕ ВНИМАНИЕ”.

Одновременно из осмотра Петергофской школы прапорщиков пехоты... генерал-майором Адамовичем выяснилось, что значительное большинство состава обучающихся в школах будущих офицеров, – люди неблагообразной внешности, слабых физических качеств, мало развиты и не имеющие подготовки, на которую можно было бы рассчитывать при комплектовании избранными и достойными из боевых частей, запасных батальонов и тыловых учреждений...»⁷

В августе 1915 г. из штаба Главнокомандующего VI армии сообщили, что в школу будут командированы «от гвардейской запасной бригады 110 человек, от Двинского округа 100 человек и Минского военного округа 200 человек, а всего будет командировано 667 человек».⁸

По приказанию начальника Гвардейской пехотной запасной бригады для прохождения курса в 3-й ПШППП в августе 1915 г. было направлено 107 человек (письмо № 10857 от 18.08.1915 г.), в том числе: из Запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка 5 человек, Семеновского – 8, Измайловского – 6, Егерского – 6, Московского – 9, Гренадерского – 9, Павловского – 8, Финляндского – 10, Литовского – 7, Кексгольмского – 8, Преображенского – 7, Сводно-гвардейского запасного батальона – 5, 1-го гвардейского запасного

стрелкового батальона – 12, 2-го гвардейского запасного стрелкового батальона – 7⁹.

В ноябре 1915 г. начальнику 3-й ПШППП направляется список о командировании «от Штаба Петроградского Военного округа... 364 человека (*карандашом исправлено 374*), кроме указанных в списке командировано будет от Гвардейской запасной бригады 118 человек и другого округа 200 человек»¹⁰.

И мой дед, и уроженец Рыбацкого Михаил Ильин Брюхов принадлежали к крестьянскому сословию, хотя это далеко от сегодняшнего понимания термина. Оба они были приняты в школу из запасного батальона лейб-гвардии Московского полка. Григорьев А.А. во второй, а Брюхов М.И. в третий наборы.

К моменту поступления в школу деду было 22 года. В метрической книге Входаиерусалимской Знаменской церкви за 1892 г. есть запись о его крещении 23 января. Родителями были крестьяне Костромской губернии, Чухломского уезда, деревни Аникова.¹¹

Проживали они на Невском проспекте в доме 51. Военную службу дед проходил в Лейб-гвардии 4-м стрелковом Императорской фамилии полку. Несмотря на то, что он родился и проживал в Санкт-Петербурге, до объявления мобилизации состоял на учете у чухломского военного начальника.¹² К документам был приложен аттестат об окончании Выборгского 4-классного городского училища от 29 мая 1907 г.

В декабре 1915 г. по военно-учебным заведениям был разослан секретный циркуляр, которым сообщался «Список молодым людям, которые на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 26-го мая 1867 года положения комитета Министров, лишены права поступления в учебные заведения Ведомства Министерства Народного Просвещения». Среди причин, по которым молодые люди попали в данный список, были такие:

За покушение на кражу при оружии, нанесение кинжалом раны одному из воспитанников, оскорбление преподавателя действием, дерзкое оскорбление патриотического чувства своего товарища, дерзкое проявление в классе сочувствия врагам России, распространение противоправительственных прокламаций, ввиду политической неблагонадежности.

Начальнику Штаба Петроградского военного округа поступает распоряжение:

«Главное Управление Генерального штаба сообщает, что согласно уведомлению Министра Внутренних дел... представляется необхо-

димым, чтобы сведения о политической благонадежности воспитанников... направленных в предназначенные для них школы подготовки прапорщиков пехоты, собирались уже при зачислении их в эти школы, подлежащими начальниками школ, чрез губернаторов и градоначальников по месту последнего жительства молодых людей»¹³.

Учащиеся были разбиты на роты. На всех принятых в школу по месту жительства были сделаны запросы о политической благонадежности юнкеров.

На запрос петроградскому градоначальнику последовал ответ, что «за неуказанием звания, а также адреса, по которому проживал в Петрограде Александр Александров Григорьев, возвращается... так как без вышеуказанных сведений удостоверить политическую благонадежность Григорьева не представляется возможным».¹⁴

Не смогли по первому требованию представить и подтверждение благонадежности Михаила Брюхова «за непроживанием... по указанному в запросе адресу, а также обнаружением места жительства в столице и неуказанием его отчества и звания»¹⁵. (*Село Рыбацкое, откуда был родом и где проживал М. Брюхов, хотя и было расположено в непосредственной близости от столицы, в то время относилось к СПб губернии, СПб уезду*).

Кроме того, «По приказанию Военного Министра сообщается, что нижних чинов, происходящих из немецких колонистов, а равно из бывших Германских подданных, перешедших в Русское подданство после 1-го января 1880 года или после сего срока в подданство других государств, а затем в Русское, а также детей и внуков таковых лиц, воспрещается допускать к держанию экзамена на чин прапорщика при войсковых комиссиях (на основании приказа по военному ведомству 1915 года за №№ 100 и 423, так и на чин подпоручика/корнета или хорунжего».¹⁶ По этой причине из 3-й ПШППП был исключен Освальд Рашке 3-го пехотного запасного батальона.

К обучению в школах прапорщиков не допускались и «все лица, принадлежащие к сектантству, не говоря уже о последователях изуверных учений»¹⁷. К ним, в частности, относились молокане и суботники.

Но! «Главное Управление Генерального Штаба просит сделать распоряжение надлежащим начальникам школ подготовки прапорщиков о немедленном зачислении в школы тех из командированных нижних чинов, которые удовлетворяя всем условиям приема, будут иметь право на преимущество при приеме, т.е. имеющих боевые

<p>Серия АД 23090</p> <p>Григорьев (фамилия) Александр (имя) Александрович (отчество) Григорьев (подпись) (подпись) (подпись)</p> <p>Военный билет выдан м. п. 29 октября 1948 г. Районный Раисовский, Ленинград (применение военного комиссариата) г. Раисовский Майор Григорьев Александр Александрович</p>	<p>Серия АД I. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ</p> <p>1. Род войск (служба) <u>Пехота</u> ВУС № <u>5</u></p> <p>2. Военское звание <u>Капитан</u></p> <p>3. Запас <u>3</u> разряда _____ разряда _____ разряда</p> <p>4. Должность <u>адъютант старший</u> <u>Смирковского батальона</u></p> <p>5. Должен состоять на учете по 31 декабря 19<u>48</u> года</p>
<p>II. ОБЩИЕ</p> <p>1. Родился <u>16 Января 1902</u> г.</p> <p>2. Место рождения (по первому административному делению) <u>г. Ленинград</u></p> <p>3. Партийность и стаж <u>беларуский</u></p> <p>4. Партибилет № _____</p> <p>5. Национальность <u>русский</u></p> <p>6. Родной язык <u>русский</u></p> <p>7. Знание иностранных языков <u>не владеет</u></p> <p>8. Социальное положение <u>служащий</u></p> <p>9. Изменение партийности _____</p>	<p>Серия АД СВЕДЕНИЯ</p> <p>а) Общее и специальное <u>школ</u> <u>и классов в Ленинграде</u> <u>в 1908.</u></p> <p>б) Военное <u>3^я Песчорская</u> <u>Школа прапорщиков</u> <u>Ленинград в 1915.</u></p> <p>в) Политическое <u>не имеет</u></p> <p>10. Образование (указать полное наименование учебного заведения и год окончания)</p> <p>11. Гражданская специальность <u>бухгалтер</u></p> <p>12. Ученое звание и степень <u>не имеет</u></p> <p>13. Семейное положение и состав семьи <u>женат</u> <u>жена Григорьевна Елена Федоровна</u> <u>1902 г. род.</u></p>

Рис. 2, 3. Военный билет А.А. Григорьева

награды и обладающих боевым опытом, а также прослуживших в строю и хорошо знакомых с бытом нижних чинов»¹⁸.

При формировании третьего набора 3-й ПШППП в распоряжение начальника школы из Минского военно-окружного управления

на театре военных действий из 209 «13 человек... не пользуются по образованию правом на производство в первый классный чин без экзамена, но относительно них, как особо удостоенных штабами армии к производству в офицеры Георгиевских Кавалеров, последовало Высочайшее соизволение на прием их в школу прапорщиков вне правил»¹⁹. В этот список попали подпрапорщики, старшие унтер-офицеры, фельдфебель, старший писарь и трубач.

Очевидно, что не все откомандированные могли быть приняты для обучения в текущий прием, поэтому было высказано предложение «удовлетворяющих условиям приема... зачислить в общий список кандидатов, а тех из них, кои не могут быть приняты 15 ноября (*очередной прием*), оставить в запасных батальонах... не удовлетворяющих же условиям приема, вернуть в распоряжение тех начальников округов, коими эти нижние чины были командированы»²⁰.

В связи с эпидемией тифа в направлении на учебу указывалось о наличии у кандидата противотифозной прививки.

В ходе войны выявлялись «узкие места» в подготовке прапорщиков, поэтому систематически в школу поступают приказы с рассмотрением недостатков в обучении и необходимости принятия мер по их устранению.

Командиры подразделений действующей армии отмечают, что «все прибывшие на укомплектование полков офицерами, как показал боевой опыт и долгие беседы с ними, выяснили, что они, во 1-х, не имеют никакого понятия об управлении огнем в бою, т. е. не знакомы с боевою стрельбой, во 2-х, совсем не знакомы со штыковым боем, и, в 3-х, не знают, как им действовать тогда, когда противник их обходит или обхватывает...

Они не только не знают этого дела практически, что самое главное, не знакомы с этим делом и теоретически. А между тем в последнее время все прапорщики, прибыв на укомплектование полков, почти немедленно принимают роты, и нередко в самом бою, и поэтому практически их подготовка по этим трем вопросам является одним из главных отделов их обучения»²¹.

Подчеркивая, «что выпущенный офицер не будет иметь возможности доучиваться в полку, ибо сразу вступит в длительный бой»²², командиры действующей армии считают необходимым, чтобы условия обучения были максимально приближены к реальным усло-

виям, т.е. велись «на слабой роте с имеющимся числом офицеров и унтер-офицеров при действительно вырытом окопе, как для цепи, так и ротных резервов с ходами сообщений».²³

Через год войны стало ясно, что программа подготовки устарела и не соответствует требованиям времени, она претерпела изменения и была утверждена 25 октября 1915 г.

Наряду с вопросами самого обучения перед начальниками школ встают и вопросы хозяйственного порядка, такие как обеспечение продовольствием, обмундированием, рассмотрение неэтичного поведения преподавателей школы и т. п.

В марте 1916 г. рассматривается вопрос о «принятии офицерами от юнкеров предыдущего выпуска по производству их в прапорщики подарков». Начальник школы высказал «свой отрицательный взгляд на принятие офицерами подарков от бывших своих подчиненных, предлагая им впредь такие не принимать», предупреждал юнкеров о категорическом запрете подношения подарков начальствующим лицам школы.²⁴

Рассматриваются дела о хулиганском поведении служащих школы в пьяном виде. Решаются вопросы о заключении договоров с подрядчиками.

В феврале 1916 г. поступает приказ «срочно выяснить, имеются ли и в каком количестве, для каких именно предметов и для какой надобности подрядчики или поставщики евреи. Если имеются, то заключены ли с ними контракты и на какие сроки.

Необходимо немедленно выяснить, возможно ли нарушить контракты без обременения казны, в особенности, если контракты заключены с евреями-подрядчиками на продолжительные сроки.

По окончании сроков контрактов всякие дела с евреями должны быть прекращены (подчеркнуто красным)».²⁵

Пеленберг сообщает (совершенно секретно!) начальнику штаба Петроградского военного округа и петергофскому коменданту, «что во вверенной мне школе состоял подрядчиком еврей Московский 2-й гильдии купец Александр Б л о х для поставки обмундирования и снаряжения, но в виду неудовлетворительной поставки им пунктов 5 и 7 контракта об открытии в Петергофе обмундировально-пригоночной мастерской, контракт с Блохом нарушен и впредь с евреями заключаться не будет»²⁶.

Офицеров не хватало не только в пехоте. Отмечались случаи обращения в школы прапорщиков с просьбой о направлении выпускников в другие рода войск. Были такие случаи в 3-й ПШППП. Например, просьба начальника артиллерии Свеаборгской крепости. На что на-

чальник школы ответил, что упомянутые школы «предназначены для комплектования офицеров только пехоты. Поэтому лица, подавшие просьбу о принятии их в школу прапорщиков, обязаны службой в пехоте и просьбы их о назначении в другой род войск будут оставлены мною без последствий. А на подавших таковыя будут накладываться взыскания»²⁷.

При выпуске прапорщикам полагалось обмундирование и военно-подъемные деньги.

Сведения

3 Петергофской Школы прапорщиков о сумме потребной на удовлетворение военно-подъемными деньгами и пособием к нимь предназначенных к производству в прапорщики.²⁸

Наименование сумм	Число обучающихся	Причитается на одного человека Р К	Сумма Р. К.	6 % начислений на эмерит. кассу р. К.
На обмундирование	408	300	122400	
Военно-подъемными деньгами	408	100	40800	
Пособие к военно-подъемным деньгам:				
Семейнымь	83	240	19920	1195-20
Холостымь	325	120	39000	2340
Суточные деньги	408		5000	
Итого			227120	3535-20

Начальник школы

Полковник

И.д. Заведующего хозяйством

Заурядь военный чиновник

(Это для первого выпуска в августе 1915 года).

Перечень

предметов обмундирования отпускаемых прапорщикам по их
производству в прапорщичьи с расценкой производимых
15 ноября с.г. (1915)²⁹

Снаряжение

Револьвер – 18 р.

Шашка с темляком – 14

Походное снаряжение с
сумкой для карт – 20

Компас – 3

Электрический карманный фонарь – 3

Часы по возможности – 25

Итого 83 р.

Обмундирование

Рубаха суконная с погонами – 2 ш.

Шаровары суконные – 2 ш. } 62 р.

Шинель солдатского сукна на подкладке – 1

Брезентовая накидка – 1 – 22

Сапоги черного товара – 1 п. – 22–50

Сапоги бурочные – 1 п. – 25

Папаха – 1 – 15

Походные вещи

Спальный мешок – 1 – 36

Одеяло – 1 – 16

Чемодан установленного для об. офицерского размера – 1 – 17

Белье

Рубах х/б ткани – 3

Кальсон – 3

Носков – 4

Носовых платков – 6

Простынь – 2

Полотенец – 3

Теплые вещи

Фуфайки – 1

Кальсоны – 1 – Белье и теплые вещи – 55р.55к.

Носки – 2 п.

Перчатки – 1 п.

Уставы – 4р.70 коп.

П.П. Начальник

В сообщении И.д. (*исполняющего должность*) начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального Штаба начальнику штаба Петроградского военного округа указывалось, что «прапорщики, выпускаемые из... школ подготовки прапорщиков пехоты, часто не имеют полного комплекта снаряжения и в частности, почти все не имеют биноклей».³⁰

Поставщиками обмундирования в 3-ю Петергофскую школу прапорщиков были Г.А. Вейсман и З.Р. Черкасский. Привожу счет, который был ими представлен: (*для первого выпуска*).

«Счет

В III Петергофскую школу прапорщиков от поставщиков обмундирования

Г.А. Вейсмана и З.Р. Черкасского

Расчет подрядчиков

Вейсмана и Черкасского

№ п/п. Наименование Сукно Цена Сумма

р. к. Арш. Верш. Р. к. р. к.

1. Получено серошинельного 2025 – 1 – 85 – 3746 – 25
сукна

2. Защитного мундирного – 1575 – 3 – 25 – 5118 – 75

Израсходовано: 8865

1. Серошинельного сукна по

4 арш. 8 верш. на шинель 1728 – 185 – 3196-80

2. Защитного мундирного

3 арш. 8 верш. на рубаху

и шаровары – 1344 – 3 – 25 – 4368

7564-80

1. Осталось серошинельного
Сукна – 297 – 1 – 85 – 549-45
2. Осталось мундирного
сукна – 231 – 3 – 25 – 750-75
----- – 1300–20»³¹

Поставщиком револьверов являлся Тульский императорский Петра Великого оружейный завод. Шашки получали с Московского артиллерийского склада. Не всегда они были надлежащего качества. 30 июля 1915 г. начальник школы сообщал, что «из числа 435 шашек офицерского драгунского образца новых оказалось 430 годных, а у 5 шашек оказалось: у 1-й погнут клинок, у 1-й отломано кольцо, и у 3-х шашек эфесы не исправны»³².

Приказом от 5-го ноября 1915 г. по школам Петроградского военного округа для ускоренной подготовки офицеров «Главное Управление Генерального Штаба признало необходимым снабжать всех выпускаемых из школ прапорщиков противогазными комплектами»³³.

Однако, по сообщению начальника мобилизационного отдела начальника штаба Петроградского военного округа в ноябре 1915 г. «прапорщики, выпускаемые из военных училищ, так и из школ подготовки прапорщиков пехоты, часто не имеют полного комплекта снаряжения. И в частности почти все не имеют биноклей.

Объясняется это крайне нежелательным недостатком. Вследствие обстоятельств военного времени, потребных для выпускаемых офицеров предметов снаряжения на рынке и затруднительном приобретении их каждым выпускаемым отдельно»³⁴.

Выпускники давали клятвенное обещание на верность службы.

При отправлении к месту назначения выдавались суточные деньги, исходя из числа верст по железной дороге до места назначения и суммы, причитающейся в сутки. Мой дед был командирован в Петроград, и суточные ему выданы не были.³⁵

Весной 1916 г. несколько школ были выделены исключительно для обучения студентов со сроком обучения 4 месяца. В их число вошли 1–3-я Петергофские школы прапорщиков.

В среднем ШППП сделали по 9–10 выпусков офицеров. 3-я ПППП за время своего существования выпустила 4182 офицера.

Значительное пополнение армии выпускниками ускоренных военных выпусков привело к делению командного состава армии на две части – кадровых военных и офицеров военного времени. К осени 1917 г. кадровые офицеры составляли лишь 4 % всего офицерского

состава. По социальному происхождению 80 % были выходцами из крестьян, 4–5 % из дворян³⁶.

После Октябрьской революции пути выпускников разошлись: некоторые оказались в Красной Армии, другие же примкнули к Белому движению.

Приведу несколько примеров о дальнейшей судьбе выпускников 3-й ПШППП (из интернет-источников):

Кручинин Николай Кузьмич. Окончил школу в декабре 1916 г. и выпущен прапорщиком в 44-й запасной пехотный полк. С февраля 1918 г. в РККА. Окончил академию. Служил в войсках НКВД. В 1938 г. был арестован и расстрелян за участие в военно-фашистском заговоре в РККА. В 1956 г. реабилитирован.

Соловьев Василий Иванович (протоиерей Василий Соловьев). В июле 1916 г. был зачислен в 3-ю ПШППП. Военную службу закончил в Польше в 1921 г. в лагере для интернированных лиц. Окончил философский факультет пражского Карлова университета. Занимал различные церковные должности в Чехии и Словакии. Умер в 1949 г. в г. Пряшеве в Словакии.

Малофеев Василий Иванович. Окончил 3-ю ПШППП в феврале 1916 г. Последний чин в старой армии – поручик. Кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. Комдив. В 1938 г. арестован по обвинению в принадлежности к военному заговору. Приговорен к 15 годам ИТЛ. Умер в 1948 г. В 1957 г. реабилитирован.

Соколов Петр Иванович. Окончил 3-ю ПШППП в 1917 г. Ярый монархист. С августа 1918 г. присоединился к белогвардейской организации, связанной с английской разведкой. С 1923 г. возглавил контрразведку русской эмиграции в Финляндии. Был одним из первых в списке СМЕРШа. Умер в 1971 г. в Швеции. Выступал за футбольные клубы Санкт-Петербурга – Петрограда. Чемпион России 1912 г. Обладатель весеннего кубка СПб 1911–1913 гг. Провел 4 матча за сборную России, в том числе 2 за олимпийскую сборную. Участник Олимпийских игр 1912 г.

После революции дед воевал в Красной Армии на Южном Урале. Его брат Алексей пропал, как предполагают, был в рядах Белой армии и затем оказался в Эстонии.

Моему деду, по словам бабушки Елены Федоровны, предлагали продолжить военную карьеру, учиться в военном заведении. Но он отказался. Возможно, это спасло ему жизнь. Во время Великой Отечественной войны А.А. Григорьев воевал в чине капитана на Волховском фронте.

Все три войны он прошел без единого ранения. Знаю, что во время Гражданской войны дед заболел тифом, его сочли умершим. Спас его денщик, который пошел в морг попрощаться с командиром и нашел того живым. В нашем доме хранилось свидетельство о смерти деда. А сам он дожил до 74 лет и даже карточки в поликлинике не имел.

¹ ЦВИА. Ф. 303. Оп. 1. Д. 115. Л. 186.

² Там же. Д. 112. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Марьяняк А.В. Инспекционные поездки по военно-учебным заведениям генерал-майора Б.Д. Адамовича в 1915–1916 гг. <http://www.sgu.ru/files/nodes/10090/011/pdf>

⁶ <http://forum.vgd.ru/post/316/4359>

⁷ ЦВИА. Ф. 303. Оп. 1. Д. 112. Л. 128.

⁸ Там же. Д. 6. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Д. 115. Л. 15.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 271. Л. 21. Запись 36.

¹² ЦВИА. Ф. 303. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

¹³ Там же. Д. 112. Л. 67.

¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 483.

¹⁵ Там же. Д. 115. Л. 356.

¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 11.

¹⁷ Там же. Д. 112. Л. 126.

¹⁸ Там же. Д. 115. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Д. 112. Л. 131.

²² Там же. Л. 132.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 33.

²⁵ Там же. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 15 и 16.

²⁷ Там же. Д. 10. Л. 6.

²⁸ Там же. Д. 28. Л. 26.

²⁹ Там же. Л. 432.

³⁰ Там же. Л. 382.

³¹ Там же. Д. 179. Л. 89а.

³² Там же. Л. 80.

³³ Там же. Л. 362.

³⁴ Там же. Д. 28. Л. 382.

³⁵ Там же. Л. 401.

³⁶ Коровин В.М., Свиридов В.А. Особенности восполнения офицерского состава России 1914–1917 гг. Военно-исторический журнал, 2004 г., № 2. С. 34–39.

О.С. Лихачева (Барнаул)

РАЗВИТИЕ ДРЕВКОВОГО ОРУЖИЯ СРЕДНЕЙ ДИСТАНЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ***

Древковое оружие среднего боя является одним из наиболее распространенных видов вооружения в силу простоты изготовления и высокой эффективности. Оно было предназначено для ведения боя на дистанции до 4 м и представлено копьями¹.

На настоящий момент существует ряд работ, посвященных анализу этого оружия. В них самостоятельно рассматриваются изделия эпохи бронзы, раннескифского времени и раннего железного века, дается их характеристика, определяются рамки бытования². В то же время, данные публикации не дают полной картины развития оружия средней дистанции на рассматриваемой территории в период с середины III тыс. до н. э. по I в. до н. э., что делает представленное исследование актуальным.

Под копьем нами понимается древковая конструкция колющего или таранного удара. Оно включает две, реже три части: поражающую – наконечник, несущую – древко и подток, защищающий свободную часть древка от расщепления³.

У наконечников выделяется проникающая часть – перо, и часть, предназначенная для крепления к древку – втулка. Перо, в свою очередь, состоит из лопастей, лезвий, окончания, основания и плечиков,

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

**Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1006.

но может также включать нервюру, ребра жесткости и доли. Лопастни – широкие плоские детали, заточенные боковые ребра которых являются лезвиями. Лезвия, сходясь, образуют окончание – колющий элемент. Деталь, противопоставленная окончанию и соединяющаяся с насадом – основание пера. Плечики – элементы, идущие от основания к лезвиям. Нервюра – выпуклый валик, проходящий по центру пера и придающий ему большую прочность. У ранних экземпляров выделяются также два небольших ребра жесткости у основания пера, которые придают ему большую прочность и образуют так называемую «вилку». Углубления, проходящие вдоль нервюры – доли. Втулка представляет собой по форме цилиндр или усеченный конус. Иногда она может иметь шейку – стержень, отходящий от нее и соединяющийся с пером. У ранних наконечников копий выделяются такие дополнительные элементы, как крюк и петля, располагающиеся на втулке. Первый предназначен для захвата противника, вторая, по всей вероятности, для крепления бунчука (рис. 1).

Отличительной особенностью, которая позволяет разграничить копия и близкие им морфологически дротики, является диаметр втулки. Это обуславливается тем, что дротики имели облегченные

древки, позволяющие эффективно использовать их для метания. В свою очередь, древки копий должны были быть прочными на излом, что достигалось за счет большей толщины. По диаметру же втулки можно судить о диаметре древка, которое не сохранялось в памятниках, а значит, и о назначении рассматриваемого оружия. Анализ изделий из Лесостеп-

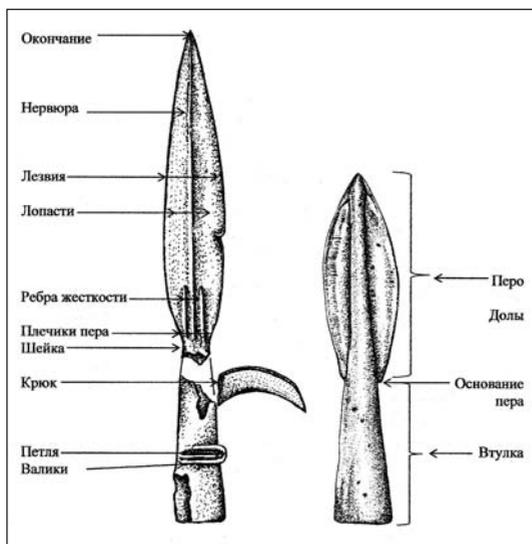

Рис. 1. Морфология наконечников копий

ного Алтая позволил установить, что к копьям относятся экземпляры, у которых диаметр рассматриваемой детали более 2,5 см⁴.

Исходя из указанного параметра, к копьям было отнесено 14 предметов с рассматриваемой территории. Из них 7 экз. происходят из погребений, а 5 экз. являются случайными находками. На основе анализа признаков в классификационной схеме выделены следующие таксоны: группа – разряд – раздел – отдел – тип. Группа определяется по материалу изготовления. Разряд – по способу насада на древко. Раздел – по отношению длины пера к длине насада. Отдел – по форме тела пера и его поперечному сечению. Тип – по абрису пера. Кроме того выделяется вариант для обозначения дополнительных функциональных и декоративных элементов.

Группа I. Бронзовые. Все изделия изготовлены из бронзы.

Разряд I. Втульчатые. Древко вставляется в наконечник при помощи втулки.

Раздел I. Коротковтульчатые. Перо длиннее втулки более чем в 1,5 раза.

Отдел I. Двухлопастные. Перо представляет собой тело, состоящее из двух лопастей, а в поперечном сечении имеет вид двулучевой звезды.

Тип 1. Узколистовидные. Абрис пера ассоциативно напоминает растительный лист, у которого длина значительно превышает ширину. **Вариант а** – с нервюрой, ребрами жесткости, петлей и тремя валиками. У основания пера находятся два ребра жесткости. По нижней половине втулки проходят три параллельных горизонтальных валика. Там же расположена петля, соединяющаяся основаниями с первым и последним валиками. Всего 2 экз. – случайные находки у с. Парфеново и с. Устьянка (рис. 2.-1–2). Размеры пера: длина – 16,8–17,4 см, ширина – 3,8–4,4 см, толщина – 1–1,2 см; размеры втулки: длина – 7–7,4 см, диаметр – 3–3,2 см. **Вариант б** – с нервюрой, ребрами жесткости, петлей и четырьмя валиками. Аналогичен типу 1а, но валиков на втулке не три, а четыре. Всего 1 экз. – случайная находка у с. Новиково (рис. 2.-3). Размеры: 23,3 x 5,2 x 1,4 см; 11,6 x 3,8 см. **Вариант в** – с нервюрой, ребрами жесткости, петлей, четырьмя валиками и крюком. Аналогичен типу 1б, но с той же стороны, что и петля, располагается крюк. Всего 1 экз. – случайная находка с р. Чарыш (рис. 2.-4). Размеры: 23 x 4,2 x 3,3 см; 11,5 x 1,9 см.

Тип 2. Вытянутолистовидные. Абрис пера напоминает растительный лист, наибольшее расширение которого приходится на

нижнюю треть. **Вариант а** – с нервюрой, ребрами жесткости, петлей и тремя валиками. Аналогичен по оформлению типу 1а. Всего 1 экз. – случайная находка у с. Клепиково (рис. 3.- 3). Размеры: 13,6 x 5,2 см; 7,2 x 2,6 см.

Вариант б – с нервюрой и прорезьями на пере. На пере находится два полукруглых выреза, диаметрами соединенные с втулкой. Всего 1 экз. – случайная находка у с. Буканское (рис. 3.- 4). Размеры: 11 x 5,8 см; 2 x 2,8 см.

Вариант в – с отверстиями для крепления к древку. Чуть ниже середины втулки находятся два противоположных отверстия, предназначенные для крепления к древку. Всего 1 экз., происходящий из могильника Ближние Елбаны-VII, м. 10. Размеры: 10,9 x 3,4 x 1,6 см; 7,1 x 2,7 см (рис. 3.-6).

Тип 3. Листовидные. Абрис пера напоминает растительный лист и представляет собой фигу-

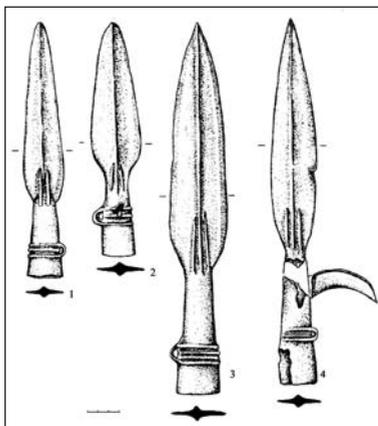
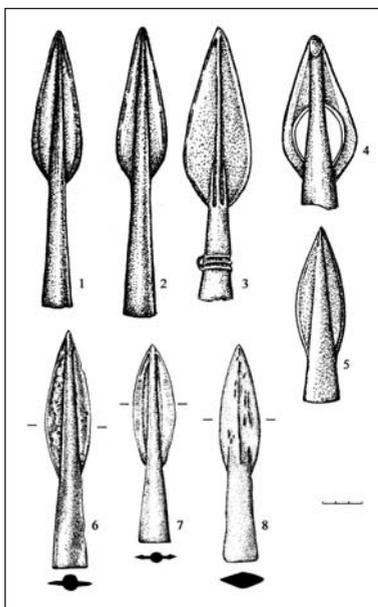

Рис. 2. Бронзовые наконечники копий из Лесостепного Алтая:
1 – с. Парфеново;
2 – с. Устьянка; 3 – с. Новиково;
4 – р. Чарыш. 1-4 – елунинская культура

Рис. 3. Бронзовые наконечники копий из Лесостепного Алтая:

Осинки: 1 – м. 5; 2 – м. 6; 3 – д. Клепиково; 4 – с. Буканское; 5 – г. Змеиногорск; Ближние Елбаны-VII: 6 – м. 10, 7 – м. 61; 8 – г. Бийск; 1-2 – карасукская культура; 3 – елунинская культура; 4 – саргаринско-алексеевская культура; 5 – майэмйрская культура; 6-8 – большереченская культура

ру, боковые стороны которой дугообразно выгнуты, и, сходясь, образуют острие. Наибольшее расширение приходится на центр пера.

Вариант а – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 1 экз. – случайная находка у г. Змеиногорска (рис. 3.-5). Размеры: 10 x 3,6 см; 3,4 x 3 см. **Вариант б** – снервюрой, долами и отверстиями для крепления к древку. По центру пера проходит нервюра, являющаяся продолжением шейки втулки. От нее с двух сторон расположены доли, представляющие собой сегментовидные углубления, соединенные с ней диаметрами. Всего 1 экз. из могильника Ближние Елбаны- VII, м. 61. Размеры: 9,2 x 3,3 x 1,3 см; 5,8 x 2,6 см (рис. 3.-7).

Раздел II. Длинновтульчатые. Втулка длиннее наконечника более чем в 1,5 раза.

Отдел I. Двухлопастные.

Тип 4. Вытянутолистовидные. **Вариант а** – с нервюрой. Всего 2 экз. из могильника Осинки, м. 5, м. 6 (рис. 4.-1-2). Размеры: 11,4-11,6 x 3,8-4 см; 9,4-10,4 x 2,4 см.

Отдел II. Ромбические – абрис поперечного сечения пера представляет собой ромб.

Тип 5. Вытянутолистовидные. **Вариант а** – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 1 экз., происходящий из разрушенного погребения в г. Бийске «Мост» (рис. 3.-8). Размеры: 9,4 x 2,8 x 1,4 см; 6,8 x 2,6 см.

Группа II. Железные.

Разряд I. Втульчатые.

Раздел I. Коротковтульчатые.

Отдел II. Ромбические.

Тип 6. Вытянутолистовидные. **Вариант а** – с отверстием для крепления к древку. В нижней трети втулки расположено одно отверстие для более надежного крепления втулки. Всего 1 экз. из могильника Новотроицкий-2, к. 2, м. 8 (рис. 4.-1). Размеры: 2,2 x 1,8 x 0,4 см; 15,4 x 2,2 см.

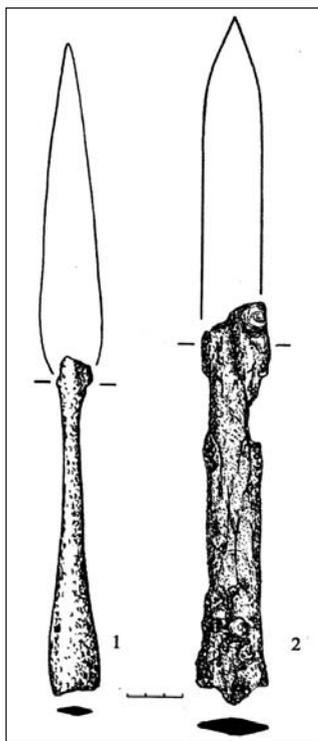

Рис. 4. Железные наконечники копий из Лесостепного Алтая:

1 – Новотроицкое-2, к. 2, м. 8;
2 – Масляха-I, к. 3, м. 4. 1-2 –
каменная культура

Тип 7. Килевидные. Лезвия идут параллельно друг другу и сходятся только у окончания, тем самым общая форма напоминает киль корабля. **Вариант а** – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 1 экз. из могильника Масляха-I, к. 3, м. 4 (рис. 4.-2). Размеры: 4,2 x 3,7 x 0,9 см; 17,4 x 4,2 см.

Итак, в результате систематизации материала нами было выделено: 2 группы, 2 раздела, 2 отдела, 7 типов, дополненные 12 вариантами (рис. 5).

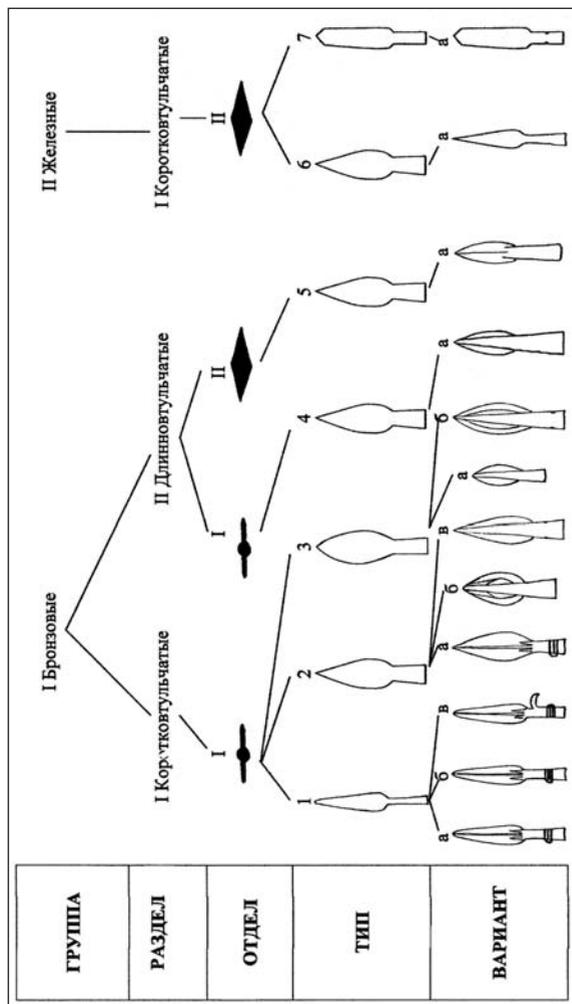

Рис. 5. Классификационная схема наконечников копий

Первые бронзовые (группа I) копья появляются с середины III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке и используются там до IV в. до н. э. С этого же времени они известны в Восточной Европе и на территории Лесостепного Алтая, где применяются только до VIII в. до н. э.⁵ В Средней Азии бронзовые наконечники копий бытуют в XII–V вв. до н. э.⁶

Втульчатый способ насада (раздел II) ранее всего – с середины III тыс. до н. э. – фиксируется у наконечников копий из Лесостепного Алтая. С конца III тыс. до н. э. он появляется у изделий Восточной Европы и Ближнего Востока. Бытует он на данных территориях на протяжении всего времени применения бронзовых копий. В Средней Азии втульчатый способ насада есть у изделий XII–V вв. до н. э.⁷

Коротковтульчатые изделия (раздел I) появляются в материалах Восточной Европы с первой половины III тыс. до н. э. С середины III тыс. до н. э. они фиксируются в Лесостепном Алтае. На первой территории они используются до VIII в. до н. э., на второй – до VII в. до н. э. В XIX–XVIII вв. до н. э. копья с подобным признаком применяются в Египте, а в XVII–XIII вв. до н. э. в Сирии и Палестине. В Средней Азии коротковтульчатые копья бытуют в XII–V вв. до н. э.⁸

Тип I обладает узколистовидным абрисом пера, что придает изделию высокие проникающие свойства. Подобный признак является, по мнению исследователей, наиболее ранним и известен у елунинских образцов середины III тыс. до н. э. – XVII в. до н. э., египетских и месопотамских наконечников копий XIX–XVIII вв. до н. э. В X–VIII вв. до н. э. подобный абрис пера распространяется у изделий черногорьевского комплекса Восточной Европы. На рубеже II–I тыс. до н. э. он известен у экземпляров из Закавказья⁹.

Наконечники копий с нервюрой, ребрами жесткости, тремя валиками и петлей на втулке (тип 1а) находят аналогии в материалах могильника рубежа III–II тыс. до н. э. Преображенка-6¹⁰. Изделие с нервюрой, ребрами жесткости, четырьмя валиками и петлей на втулке (тип 1б) близко случайной находке у г. Омска¹¹. Пока не известно точных аналогий экземпляру с такими же элементами и еще дополнительно крючком на втулке (тип 1в). Стоит отметить, что данная деталь встречается у изделий из могильника середины II тыс. до н. э. Ростовка¹². На рассматриваемой территории они происходят из материалов елунинской культуры середины III тыс. до н. э. – XVII в. до н. э.¹³ Корреляция признаков позволяет датировать изделия типа 1а серединой III – началом II тыс. до н. э., а типы 1б–в серединой III тыс. до н. э. – XV в. до н. э.

Тип 2 имеет вытянутолистовидный абрис пера, который является наиболее распространенным. Он ранее всего встречается у изделий елунинской культуры середины III тыс. до н.э. – XVII в. до н.э. Лесостепного Алтая. Фиксируется этот признак у наконечников копий сейминско-турбинского круга XVI–XIV вв. до н.э. и изделий XVI–XIII вв. до н.э. из Восточной Европы. Известен наконечник копья с вытянуто-листовидным абрисом и из Горного Алтая, где датируется этим же временем. В XII–VIII вв. до н.э. такие наконечники бытуют в Средней Азии, а в VII–VI вв. встречается у экземпляров из Томского могильника¹⁴.

Изделие с нервурой, ребрами жесткости, орнаментом и петлей на втулке (тип 2а) происходит из материалов елунинской культуры середины III тыс. до н.э. – XVII в. до н.э. Лесостепного Алтая. На других территориях полностью идентичные изделия встречаются в материалах могильника середины II тыс. до н.э. Ростовка и Турбинского-I могильника XVI–XIV вв. до н.э.¹⁵ Общая датировка типа 2а может определяться серединой III тыс. до н.э. – XIV вв. до н.э.

Наконечники копий с прорезями на пере (тип 2б) известны в Северном Причерноморье в памятниках белозерской культуры XII–конца VIII вв. до н.э. Этим же временем они могут быть датированы на рассматриваемой территории, где относятся исследователями к материалам саргаринско-алексеевской культуры¹⁶. Корреляция признаков позволяет датировать тип 2б XII–концом VIII вв. до н.э.

Экземпляры, имеющие лишь отверстия для крепления к древку (тип 2в), не находят полностью идентичных аналогий на других территориях. В то же время им очень близки изделия XVI–XIII вв. до н.э. из Восточной Европы, XII–VIII вв. до н.э. из Средней Азии, а также наконечники копий из Томского могильника VII–VI вв. до н.э.¹⁷ Общая датировка типа 2в определяется XVI–VI вв. до н.э. На рассматриваемой территории наконечник копья типа 2 в происходит из могильника VII–VI вв. до н.э. большебереченской культуры.

Тип 3 имеет листовидный абрис пера. Наиболее близкие аналогии данным изделиям известны по материалам Восточной Европы XVI–XIII вв. до н.э., Средней Азии XII–VIII вв. до н.э. и Томского могильника VII–VI вв. до н.э.¹⁸ Изделие без дополнительных функциональных и декоративных элементов не находит точных аналогий. Тем не менее, достаточно близкий экземпляр происходит из Средней Азии и датируется исследователями XII–VIII вв. до н.э.¹⁹ Наконечник копья с долами и отверстиями для крепления к древку (тип 3б)

происходит из Северного Причерноморья и датируется XVI–XIII вв. до н. э.²⁰ Общая датировка типа 3 определяется XVI–VI вв. до н. э. На территории Лесостепного Алтая изделие типа 3а относится к материалам майэмирской культуры VII–VI вв. до н. э., а наконечник типа 3б – из памятника большеерченской культуры этого же времени²¹.

Длинновтульчатые экземпляры (раздел II) с рубежа III–II тыс. до н. э. известны в Иране, в XIX–XVII вв. до н. э. в Восточной Европе, в XIX в. до н. э. они применяются на территории Малой Азии. В Сирии и Палестине данные изделия бытуют в XVIII–XVII вв. до н. э., на Кавказе наконечники копий с этим признаком встречаются в XVI–XV вв. до н. э. Кроме того длинная втулка встречается у изделий из Средней Азии, которые датируются исследователями XII–VIII вв. до н. э.²² На рассматриваемой территории они известны по материалам X–VI вв. до н. э.²³

Большая часть длинновтульчатых изделий с указанных территорий имеет двухлопастное (отдел I) сечение пера²⁴.

Тип 4 с вытянутолистовидным абрисом является дальнейшим развитием типа 2а. Наиболее часто такой абрис встречается у наконечников копий Восточной Европы в XIX–XVII вв. до н. э. и Средней Азии XII–VIII вв. до н. э.²⁵ Изделия без дополнительных функциональных элементов (тип 4а) находят наиболее близкую аналогию в могильнике Усть-Гайвенский XVI–XIV вв. до н. э.²⁶ Корреляция признаков позволяет датировать тип 4а XIX–VIII вв. до н. э. На рассматриваемой территории они известны в материалах могильника X–VIII вв. до н. э. карасукской культуры²⁷.

Изделия с ромбическим сечением пера (отдел II) встречаются несколько реже и известны в Сирии и Палестине в XVIII–XVII вв. до н. э., на Кавказе в XIII в. до н. э. и Средней Азии конца VI–V вв. до н. э.²⁸

Тип 5 с вытянутолистовидным абрисом. На рассматриваемой территории наконечник этого типа известен по материалам большеерченской культуры VII–VI вв. до н. э.²⁹ Наиболее близкие рассматриваемому изделия происходят из Средней Азии и датируются концом VI–V вв. до н. э.³⁰ Изделию без дополнительных функциональных и декоративных элементов (тип 5а) аналогий пока не известно. Общая датировка типа 5а определяется VII–V вв. до н. э.

Наиболее ранняя находка железного (группа II) наконечника копья происходит из Египта и относится к XX–XIX вв. до н. э. В XI–X вв. до н. э. они фиксируются на Переднем Востоке, в Малой Азии и

Греции, а в VIII–VII вв. до н. э. начинают применяться ассирийцами, скифами, а также в Урарту³¹. У савроматов они известны только с VI в. до н. э.³² На территории Лесостепного Алтая первые железные наконечники копий фиксируются с IV в. до н. э. в памятниках каменной культуры³³.

Все железные наконечники, начиная с самого раннего, имели втульчатый (разряд I) способ насада³⁴.

Короткая втулка (раздел I) широко известна у скифских изделий VII–III вв. до н. э. и сарматских образцов IV в. до н. э. – I в. н. э.³⁵

У экземпляра, относимого к типу 6, сохранилась только втулка с небольшими фрагментами пера. Но, судя по характеру перехода от втулки к перу, наконечник из могильника Новотроицкий-2 имел перо вытянутолистовидного абриса. Как отмечает А.И. Мелюкова, отношение между длиной втулки и длиной пера у подобных копий выражается как 1:1,2, а ширина пера меньше его длины в 6–12 раз. Исходя из имеющихся параметров, длина пера могла быть около 18,2 см, а максимальная ширина – 3 см. Сохранившимся признакам данного изделия имеется ряд аналогий. Трапециевидная втулка с шейкой встречается у скифских наконечников копий VI–V вв. до н. э. из Северного Причерноморья. Такие втулки в сочетании с вытянутолистовидным пером бытуют у скифов Среднего Дона в конце V–III вв. до н. э. Корреляция признаков позволяет датировать тип 6 VI–III вв. до н. э. Памятник, из которого происходит экземпляр типа 6, датируется IV–III вв. до н. э. и относится к каменной культуре³⁶.

Перо наконечника, происходящего из могильника Масляха-I и относимого к типу 7, также не сохранилось полностью. Судя по прямым плечикам и параллельно расположенным лезвиям, оно было килевидной формы. Такой признак, как цилиндрическая втулка с небольшим расширением в нижней четверти, встречается в материалах Северного Кавказа в VIII–VII вв. до н. э. и сохраняется там до рубежа эр. В сочетании с узким пером килевидной формы она известна в меотских материалах IV–I вв. до н. э. Общая датировка типа 5 определяется IV–I вв. до н. э. На рассматриваемой территории данное изделие встречено в памятнике II–I вв. до н. э. каменной культуры³⁷.

В развитии наконечников копий эпохи бронзы и раннего железного века из Лесостепного Алтая можно выделить несколько хронологических серий. Наиболее раннюю составляют изделия середины III тыс. до н. э. – XVII в. до н. э. Все они изготовлены из бронзы и имеют втульчатый способ насада, по соотношению пера и втулки являются

коротковтульчатými, а по поперечному сечению пера – двухлопастными (типы 1а–в, 2а). По абрису пера выделяются узколистовидные (тип 1а–в) и вытянутолистовидные (тип 2а) изделия. У всех встречаются такие элементы, как нервюра, а также ребра жесткости у основания пера (типы 1а–в, 2а). Отдельные экземпляры имеют валики на втулке и петельку, при этом валиков может быть три (тип 1а, 2а) или четыре (тип 1б). У некоторых наконечников помимо указанных деталей есть также крюк (тип 1в). Все данные изделия несут на себе черты сейминско-турбинской бронзолитейной традиции, происхождение которой, по мнению ряда исследователей, связано с Рудным Алтаем. На рассматриваемой территории наконечники копий данных типов относятся к елунинской культуре (рис. 6).

Вв. до н.э.	Культура					
	Елунинская	Саргаринско-алексеевская	Карасукская	Большере-ченская	Майэмир-ская	Каменская
II-I						
IV-III						
V						
VII-VI						
XII-VIII						
XVI-XIII						
XXV-XVII						

Рис. 6. Типологическая схема наконечников копий

Следующая серия изделий относится к XII–VIII вв. до н. э. Входящие в нее наконечники копий также изготовлены из бронзы, имеют втульчатый способ насада. Помимо коротковтульчатых (тип 2б) появляются также длинновтульчатые (тип 4а) изделия. И те, и другие обладают вытянутолистовидным абрисом пера. У коротковтульчатого экземпляра на пере имеются прорезы (тип 2б). Стоит отметить, что длинновтульчатые наконечники датируются более узко и относятся к X–VIII вв. до н. э. На данном этапе изделия формируются посредством слияния местных и восточноевропейских традиций, образуя своеобразные «переходные» типы. Так, неизменным остается способ насада, абрис и общие пропорции пера. Но в то же время исчезают ребра жесткости у основания пера, такие элементы на втулке, как валики, петелька и крюк. У некоторых изделий изменяется соотношение втулки и пера, что приводит к появлению длинновтульчатых наконечников. Другие же экземпляры приобретают такой элемент, как прорезы на пере. Все перечисленные особенности присущи изделиям Восточной Европы. Проникновение данных традиций на рассматриваемую территорию происходит, по всей вероятности, через посредничество племен Средней Азии. Данные изделия встречаются в материалах саргаринско-алексеевской (тип 2б) и карасукской (тип 4а) культур (рис. 6).

Следующая серия VII–VI вв. до н. э. включает бронзовые наконечники копий втульчатого способа насада. У большей части из них (типы 2в, 3а–б) втулка короче пера, но есть и длинновтульчатый экземпляр (тип 5а). Они имеют двухлопастное (типы 2в, 3а–б) или ромбическое (тип 5а) сечение, вытянутолистовидный (тип 2в, 5а) или листовидный (тип 3а–б) абрис. Данные изделия формируются под влиянием восточноевропейской военной традиции и встречаются в материалах большереченской (тип 2в, 3б, 5а) и маймирской (тип 3а) культур (рис. 6).

К IV–III вв. до н. э. относится один наконечник копья, изготовленный из железа, с короткой втулкой, ромбическим пером, по всей вероятности, вытянутолистовидного абриса (тип 6а). Формирование его происходит под влиянием скифских военных традиций. На рассматриваемой территории единственный экземпляр происходит из памятника каменной культуры (рис. 6).

Наиболее поздним является наконечник II–I вв. до н. э., также железный, коротковтульчатый ромбического сечения. Абрис его пера был, по всей вероятности, килевидный (тип 5а). Он несет на себе

черты сарматских изделий и встречен в памятнике каменной культуры (рис. 6).

Стоит отметить, что на настоящий момент из Лесостепного Алтая не известно изделий, которые бы относились к XVI–XIII вв. до н. э. и V в. до н. э. Скорее всего, это связано с состоянием источниковой базы.

Несмотря на то, что семь из рассмотренных наконечников копий происходят из погребений, общую длину изделий вместе с древками установить невозможно. Видимо, этот вид оружия клался в могилу с уже переломленным древком, поскольку ее размер не отличается от остальных.

Источником, позволяющим косвенно судить о длине изделий эпохи бронзы и раннескифского времени, являются петроглифы. Как отмечают исследователи, копьями можно считать изображения длиннотростевого оружия размером в 1,5 «человеческих» роста³⁸. Таким образом, если принять за средний рост 170 см, то их длина могла составлять 255–270 см. Длина скифских копий, как отмечает Е.В. Черненко, доходила до 1,75–3,5 м, а сарматские экземпляры были от 2,5 до 3 м³⁹. По всей вероятности, в этих пределах варьировал размер копий из

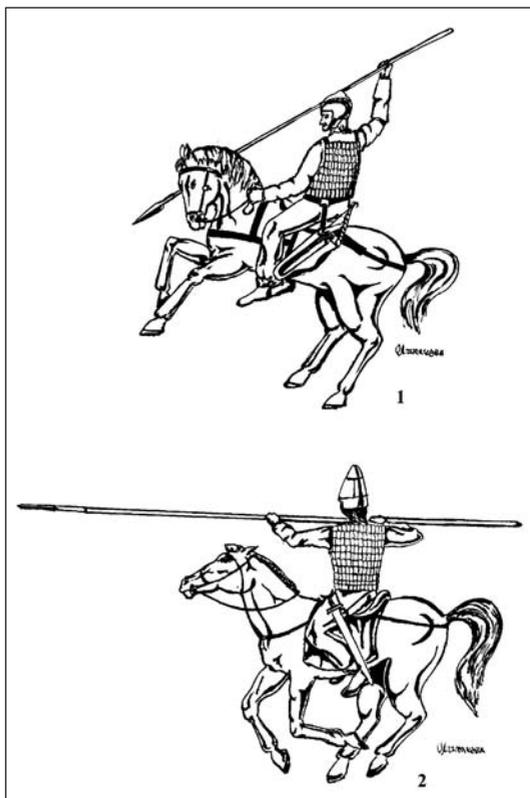

Рис. 7. Способы удержания копий конными воинами: 1 – воин каменной культуры IV–III вв. до н. э.; 2 – воин каменной культуры II–I вв. до н. э.

могильников Новотроицкий-2 и Масляха-1, поскольку данные изделия восходят к этим двум военным традициям.

По изобразительным источникам можно выделить несколько возможных способов боевого захвата копий. В эпоху бронзы и раннескифское время копьё применялись, судя по петроглифам, пешими воинами. Удержание этого вида оружия могло осуществляться двумя руками в горизонтальной позиции на уровне пояса⁴⁰.

В IV–I вв. до н. э. копьё используются уже не пешими, а конными воинами. Судя по изображению на гребне из кургана Солоха, оно могло удерживаться одной рукой на уровне головы для удара сверху вниз⁴¹. Подобный способ, по всей вероятности, применялся населением Лесостепного Алтая в IV–II вв. до н. э. на что косвенно указывает форма копьё из могильника Новотроицкий-2: вытянутолистовидное перо и тонкая шейка оптимальны для нанесения колющего удара и поражения слабо защищенного противника (рис. 7.-1).

В свою очередь, изделие из могильника II–I вв. до н. э. Масляха-1 является достаточно массивным и имеет перо килевидной формы. Изделия такого типа могли применяться для нанесения таранного удара, который демонстрируют изобразительные источники этого периода⁴². При нем захват осуществлялся двумя руками в горизонтальной позиции на уровне пояса или нижней части груди (рис. 7.-2)⁴³.

¹Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тыс. до н. э. – IV в. до н. э.). СПб., 2003. С. 54; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 8.

²Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983; Грушин С.П. Ранний период бронзового века (елунинский металлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 32–38; Грушин С.П. Наконечники копий сейминско-турбинского типа Обь-Иртышского междуречья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012; Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходный период от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 95–98; Лихачева О.С. 1) Копья каменной культуры // Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2011; 2) Копья и дротики раннескифского времени с территории Лесостепного Алтая // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. Владивосток, 2013.

³Лихачева О.С. 2011. Указ. соч. С. 65.

⁴Лихачева О.С. 2013. Указ. соч. С. 199–200.

⁵Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-12–23, XXV.-102–105; Ключко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Київ, 2006.

- Рис. 32.-1–3, 110.-6–11; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., Тюрина Е.А., Федорук А.С. Алтай в бронзовом веке: проблемы периодизации и культурного содержания // Наука – Алтайскому краю. Барнаул, 2009. Вып. 3. С. 117–119.
- ⁶Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966. Вып. В4-9. С. 29. Табл. VI.-57–58; Иванов С.С. Копья саков Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 58, 60.
- ⁷Горелик М.В. Указ. соч. С. 54; Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 18.-1, 32.-1–3, 110.-6–11; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. С. 29. Табл. VI.-57–58; Грушин С.П. 2012. Указ. соч. Рис. 4.-1–3; Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. С. 82. Рис. 4.-1–3; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., Тюрина Е.А., Федорук А.С. Указ. соч. С. 117–119; Иванов С.С. Указ. соч. С. 58, 60.
- ⁸Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-73, XXXIV.-59–60, 90; Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 54.-2, 110.-6–11; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-57; Грушин С.П. 2012. Указ. соч. Рис. 4.-1–3; Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. 2002. С. 82. Рис. 4.-1–3; Иванов С.С. Указ. соч. С. 58, 60.
- ⁹Грушин С.П. 2012. Указ. соч. С. 225; Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. С. 82; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-73, 104, XXXV.-34–36; Ключко В.И. Указ. соч. Фото 19.
- ¹⁰Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизическое исследование памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. Рис. 2.
- ¹¹Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. Рис. 31.-1.
- ¹²Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. Рис. 18.-2; 43.-1.
- ¹³Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. С. 82. Рис. 4.-1–3.
- ¹⁴Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. Т. 1. М., 1952. Рис. 17.-14–15; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-59; Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 76.-9, 84.-1, 3, 6. Фото 16; Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. Рис. 35–38; Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. Рис. 21–25; Матющенко В.И., Синицына Г.В. Указ. соч. Рис. 18.-2, 43.-1; Кочев В.А. Новые находки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Рис. 1.-1.
- ¹⁵Матющенко В.И., Синицына Г.В. Указ. соч. Рис. 52.-4; Бадер О.Н. 1964. Указ. соч. Рис. 38.-А.
- ¹⁶Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 87.-21, 88.-7–13, 101.-20; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXVI.-23–24, 33, 81–92; Папин Д.В., Федорук А.С. Указ. соч. С. 97.
- ¹⁷Комарова М.Н. Указ. соч. Рис. 17.-14–15; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-59; Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 76.-9; 84.-1, 3, 6. Фото 16.
- ¹⁸Комарова М.Н. Указ. соч. Рис. 21.-8; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-57; Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 75.-8, 10, 88.-6, 103.-4.
- ¹⁹Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-59.
- ²⁰Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 75.-2.
- ²¹Лихачева О.С. Вооружение раннего железного века из комплекса Ближние Елбаны (по материалам Государственного Эрмитажа) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/1. С. 144–145.
- ²²Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-117, 132; XXXIV.-1–2, 21, 91, 102, 104; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-58; Ключко В.И. Указ. соч. Рис. 84.-2.

- ²³Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на северном Алтае // Перво-бытная археология Сибири. Л., 1975. С. 99. Рис. 2.-5-6; Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб, 1998. Рис. 3.
- ²⁴Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-132; XXXIV.-2, 21, 102, 104; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-58; Клочко В.И. Указ. соч. Рис. 84.-2.
- ²⁵Клочко В.И. Указ. соч. Рис. 62.-8; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-58.
- ²⁶Бадер О.Н. 1964. Указ. соч. Рис. 115.
- ²⁷Савинов Д.Г. Указ. соч. С. 99.
- ²⁸Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-117; XXXIV.-91; Иванов С.С. Указ. соч. С. 60. Рис. 2.-1.
- ²⁹Лихачева О.С. 2014. Указ. соч. С. 144-145.
- ³⁰Иванов С.С. Указ. соч. С. 60. Рис. 2.-1.
- ³¹Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-72; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 167, 171, 187.
- ³²Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 2.-1-4; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXV.-8-11, 48; Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. Рис. 41.-14-16.
- ³³Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. Рис. 88.- 11-12.
- ³⁴Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 41; Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 12-13; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXXIII.-72; XXV.-8-11, 25, 34, 42-49; Шульга П.И., Уманский А.А., Могильников В.И. Указ. соч. Рис. 88.- 11-12.
- ³⁵Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 12.-9-13; 14.-2-10; Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. С. 110-113, 116. Рис. 27.-1-4, 29-5-6.
- ³⁶Лихачева О.С. 2011. Указ. соч. С. 65.
- ³⁷Там же.
- ³⁸Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.). СПб., 2011. С. 36-39; Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003. Рис. 5.
- ³⁹Черненко Е.В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 231; Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 81.
- ⁴⁰Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Указ. соч. Рис. 9.-1, 3-4, 8.
- ⁴¹Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 4.-1-2.
- ⁴²Симоненко А.В. Указ. соч. Рис. 60-62, 64.
- ⁴³Лихачева О.С. 2011. Указ. соч. С. 65-66.

А.Н. Лобин (Ломоносов)

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В БИТВЕ ПОД ВЕНДЕНОМ 21–22 ОКТЯБРЯ 1578 ГОДА

В ходе неудачных сражений заключительного этапа Ливонской войны русские войска теряли значительное число артиллерийского вооружения. Одно из чувствительных поражений, в котором весь «большой огнестрельный наряд» попал в руки противника, произошло 21–22 октября 1578 г. под ливонской крепостью Венден.

Осада Вендена войсками Ивана Грозного длилась 6 дней, с 15 по 20 октября 1578 г. За это непродолжительное время артиллерией достаточно быстро удалось разрушить участок стены, поскольку состояние укреплений Вендена после прошлой осады 1577 г. оставляло желать лучшего. Но неожиданно пришедшие на помощь Вендену литовский отряд под командованием Андрея Сапеги и Матвея Дембинского (около 2000 человек), ливонский и шведский отряды Николая Корфа и Юргена Нильссона Бойе (3 эскадрона рейтар и 3 роты пехотинцев – до 800 человек) сумели переправиться через реку Аа (Говья) до того, как русские приготовились атаковать. Попытки последних сбросить врага в реку не увенчались успехом.

Русский корпус был обременен тяжелой артиллерией, малопригодной в полевом бою, и большим обозом в осадном лагере. Четверо воевод – главный воевода И.Ю. Булгаков-Голицын, Ф.В. Шереметев, А.Д. Палецкий и дьяк А.Я. Щелканов – покинули позиции и отвели свои отряды в Юрьев-Ливонский, бросив на произвол судьбы своих товарищей (как написано в разрядной книге, «с дела сбежали, и своих выдали и наряд покинули»). Оставшиеся в лагере воеводы не могли бросить «большой огне-

стрельный наряд» – в глазах ратников это означало покрыть себя позором перед государем.

21 октября во время штурма русского лагеря под Венденом в бою погибли воеводы В.А. Сицкий и М.В. Тюфякин, а П.И. Татев, П.И. Хворостинин, М.Ф. Гвоздев-Ростовский и дьяк А. Клобуков попали в плен. Весь «огнестрельный наряд» оказался в руках противника.

О численности и составе захваченной артиллерии источники оставили противоречивые сведения. Так, в русских разрядах отмечена потеря 17 орудий¹. Иностранные источники оценивают количество захваченных стволов от 20 до 24.

Так, например, согласно немецкому «Новому известию» в руках победителей «оказались 14 прекрасных отлитых орудий и 6 огненных мортир» («Des Geschützes so in ihre kommen sein gawesen 14. schöne gegossene Stück und 6. Feuermörser welche der Obriste dem sie vornemlich gebüret...»)².

Балтазар Рюссов в своей хронике также писал о 20 орудиях: «und haben darin gefunden 14 Stück grob Geschüss an Kartaunen und Schlangen und 6 Mörser und etliche Feldgeschütze»³. Рейнгольд Гейденштейн говорил неопределенно об «около 30 орудиях»⁴.

Польские источники перечисляли в руках победителей «шесть больших красивых стенобитных орудий и, самое главное, отличающееся своим великолепием и размерами орудие с изображением волка». В хронике Мацея Стрыйковского говорится о захвате «более 20 больших орудий, и особенно Волка» («i dział więcej niż 20 wielkich burzących, a zwłaszcza Wołka odjęli»)⁵. 5 ноября 1578 г. Филиппо Талдуччи из Кракова сообщал в Рим, опираясь на польские сведения, что полякам и шведам удалось разбить «в Ливонии под замком, называемом Киссон (Кесь. – А.Л). 22 000 человек с 20 большими артиллерийскими орудиями» («in Liuonia sotto un castello detto Kisson in numero di XXII^m persone et con XX pezzi d'artiglieria grossa»)⁶.

В одном из «летучих листков», изданных в 1579 г. в Нюрнберге Леонардом Гейслером⁷, приводится подробный перечень трофейной артиллерии:

Перечисление 24 орудий, взятых при этом поражении москвитов	Folgen weiter die XXIII. Stück, so in diser Moscouittischen Niderlag erobert worden
3 большие мортиры, из которых бросают огромные каменные и огненные бомбы, называемые Черными цветками.	3. Grosser Mörser, darauss die gar grossen stainern und Feuerkkugel geworffen warden, Murzinckwitzgen gnant.
1 большое орудие, называемое Волком, на которой был повешен и убит, как объяснено выше, московский воевода.	1. Das grosse Stück der Wolff genand, daran der Moscouische Herr gehenckt und erschlagen worden, wie droben gemelt.
2 больших орудия для штурма и проламывания стен, которые москвиты называют Девками.	2. Grosser Stück welche die Moscouitter Dzinki nenen, zum Sturm und Mawerbrechen.
1 большое орудие, называемое Ястребом-перепелятником.	1. Ein gross Stück der Sperber genant.
1 большое орудие, называемое Ястребом-тетеревятником.	1. Wehr ein gross Stück der Habicht genant.
9 полуторных или фельдшлангов.	9. Pultoray oder Feldschlangen.
4 длинных орудия нотшланга.	4. Der langen Notschlangen.
3 очень длинных железных серпентина.	3. Der gar grossen langen Eiseren Serpentinaen.

Соломон Хеннинг в своей хронике, по всей видимости, опирался на это известие, так как у него также фигурируют 24 орудия («und 24. grober stücke Geschützes abermals nach Wenden abgefertiget»)⁸. Несомненно, что перечень в немецком «летучем листке» отразил не без ошибок какой-то польский источник (в тексте присутствуют искаженные названия орудий по-польски: Dzinki, Pultoray, Murzinckwitzgen).

Некоторые из упомянутых «именных» орудий перечислены в русских разрядах: «...бояр и воевод побили перед Покровом во вторник и наряд весь взяли: Волка, да две Девки, да Змей перновс-

кой, да три верховых, да 7 полуторных, да три скорострельных»⁹.

Разрядный список, очевидно, перечисляет первоначальный реестр артиллерии, отправленной под Венден. Впоследствии произошли изменения в составе артиллерии. По сообщению немецкого «Известия» незадолго до сражения «московитами» была произведена рокировка – они отослали вместе с частью войска очень огромную пищаль, называемую Медведем («haben sie ein sehr und das gar größte Stück ... der Bäger genant») ¹⁰. Пищаль «Медведь» – реально существовавшее орудие, она упоминается в разряде Ливонского похода 1577 г. (калибр 40 фунтов). Кроме того, в записях разрядной книги фигурирует пищаль «Змей Перновский». Но странным на первый взгляд кажется тот факт, что в перечне захваченной артиллерии ее нет. Орудие так и не попало в руки врага, поскольку сохранилось упоминание о нем в период русско-шведской войны 1590–1595 гг.¹¹ Следовательно, под Венденом 21 октября 1578 г. русская артиллерия была не в том составе, как ее перечисляет разрядная книга.

Несмотря на то, что в «Известии» и разрядах выявляются явные расхождения, тем не менее оба источника единогласны относительно наличия в «осадном наряде» 3 мортир, пищалей «Волк», двух «Девок» и трех «скорострельных» пищалей («3 очень длинных железных серпентина»).

Помимо перечисленных известий, существуют документы, ранее не привлекавшие внимание исследователей. Обнаруженные новые данные в архивных собраниях России и Латвии¹² позволяют прояснить некоторые вопросы состава и численности русской артиллерии под Венденом.

Прежде всего, следует отметить «вестовую отписку» в составе 60-й книги литовской Метрики одного из участников сражения, Андрея Сапеги¹³. Именно эту «вестовую отписку» показывали русским послам, которым рассказывали: «а были деи на том бою вместе с государя нашего людми люди свиского короля, и государя нашего многих людей побили и воевод и наряд взяли». Затем «лист показали послом», с перечислением имен воевод, «которые побиты и которые пушки взять». В отчете указано, что тот лист прислал «из Лифлянт Ондреи Павлов сын Сопега, воеводы ноугородцога». Московские дипломаты отказывались верить, ссылались на то, что между Россией и Речью Посполитой перемирие, скрепленное крестоцелованием. Но им с гордостью называли раздутые цифры потерь армии Ивана Грозного: 6000 татар, 4000 стрельцов, «ездового люду» и посохи 12 000»¹⁴.

Сапега в «вестовой отписке» указывал, что «дела вси взято, которыхъ есть штукъ двадцать зъ мождчерами». Отдельно в послании выделено «дело великое Волк на сем локтей, куля важить фунтов 58», а потом перечислены: «дела Соловеи, Сокол, Девка, Гладкая, Собака, шостому имени запамятовали, дел верховых, то есть мождчеров 5. Дел полоторных 5»¹⁵. Перечисление орудий в документе идет спонтанно, без градации на калибры.

Таким образом, Сапегой упомянуто 17 стволов из двадцати, а мелкие орудия не перечислены (если сравнить с русскими данными, то это как раз те самые «три скорострельных» пищали).

Коронный канцлер Ян Замоиский в письме из Вильны папскому нунцию позднее (послание от 12 марта 1579 г.) писал, что захваченные орудия врага Московита были переданы пану светлейшему виленскому воеводе («*digredienti capta nuper ab hoste Mosco tormenta bellica tradita per Illustrem Dnm Palatinum Vilnensem fuere*»), т. е. Николаю Радзивиллу, в том числе шесть огромных орудий («*muralia sex magna*»), из которых самое интересное и примечательное размерами одно с изображением пасти волка у жерла, с роскошно оформленным стволом («*et perpulcra omnia, sed imprimus insigne cum magnitudine, tum opere unum lupi imagine atque rictu magna tubi parte affabre ad modum insignitum*»), а также шесть больших мортир и большое количество обыкновенных пушек («*mortaria itidem sex magna, et major etiam tormentorum mediocrium numerosi*»)¹⁶.

Однако коронный канцлер был неточен. После сражения все трофеи были поделены между победителями, и самая большая пищаль «Волк», а также еще несколько орудий было передано шведам. Об этом свидетельствует комплекс рижских актов 1578 г.

В Академической библиотеке Латвийского университета хранится двухтомный сборник документов по истории Ливонии «*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*», составленный Иоганном Кристофом Бротце (1742–1823)¹⁷. Во втором томе содержатся указания на переписку с властями Риги и Зегевальда одного из участников сражения, шведского штатгальтера и военачальника Юргена Бойе. Оригиналы писем, как удалось установить, находятся в Латвийском государственном архиве¹⁸.

После того, как союзные войска взяли лагерь русских, встал вопрос транспортировки трофейных орудий. Через три дня после сражения, 24 октября Бойе сообщал властям Риги, что в ходе боя с московитами захвачены орудия в количестве 20 штук (*geschutzes in die*

zwanzigk kopferstückenn) со всеми припасами, в том числе:

- целая картауна (eine ganze Carthaune);
- три трехчетвертных картауны (drey dreyquartiers Carthaunen);
- полкартауны (halb Carthaune);
- 9 полевых орудий (9 feldschlangen);
- 6 огненных мортир (6 feuermörser).

Трофеи были поделены с поляками, но вследствие плохого осеннего пути Бойе не мог перевезти в Ревель часть орудий. Военачальник просил рижские власти помочь в перевозке артиллерии. 28 октября бургомистры Риги ответили ему, что готовы предоставить 200 человек плотников, рыбаков и других рабочих, а также речные суда и инструмент для транспортировки орудий. 16 ноября командующий польскими войсками в Ливонии Альбрехт Оборский (*Albricht Oborsky Ritter, dieser Zeit Kö. Ma. in Eifland Oberster etc.*) сообщал в Ригу о прибытии трофейной артиллерии под крепость Зегевальд¹⁹. Очевидно позже орудия доставили в Динамунде, а оттуда перевезли в Швецию. Одна из пищалей, «Волк», впоследствии очутилась в замке Грипсгольм, где и находится ныне. Длина ствола «Волка» – до 5 м, калибр 40 фунтов. На стволе имеются надписи, с правой стороны: «Божию милостию Иван царь и великий князь, государь всея Руси», с левой стороны: «Пищаль Волк делан в лета 7085, делал Ондрей Чохов». Ствол оформлен растительным орнаментом, дульная часть ствола выполнена в виде пасти волка, из которой торчит жерло²⁰.

И «вестовая отписка» А. Сапеги, и переписка города Риги датированы концом октября – концом ноября 1578 г., т. е. отражают события буквально «по горячим следам». Однако при сравнении этих источников выявляется расхождение по количеству захваченных мортир (5 и 6). Сведения Ю. Бойе более точны, так как касаются технической стороны транспортировки орудий, а Сапега составлял послание по памяти (на то указывает оборот «шостому имени запамтовали»).

Попробуем сопоставить данные этих двух источников. «Целая картауна» у Бойе – это, несомненно, большая пищаль «Волк». Об этом крупном орудии писали практически все западноевропейские известия²¹.

Далее в письме Бойе перечислены четыре осадных пищали (3 трехчетвертных картауны и одна пол-картауны) и 9 фельдшлангов, а в «вестовой отписке» Сапеги – 6 «именных» и 5 полоторных

пищалей. Таким образом, по шведской классификации к фельдшлангам отнесены некоторые из «именных», а также все полуторные и те пищали, которые не упомянуты в литовском списке.

Андрей Сапега писал, что название шестого орудия не помнит, но обратим внимание: у него перечисляется только одна «Девка», а не две. Вероятнее всего, при перечислении артиллерии адресант забыл, что у русских было два однокалиберных орудия (по 20 фунтов ядро) с одинаковым названием «Девки».

Итак, из трех трехчетвертных картаун две носили имя «Девка». Какое имя носила третья трехчетвертная картауна?

Нарративные источники отмечают вторую большую после «Волка» пищаль под именем «Ястреб». Например, у Гейденштейна говорится: «...vnum lupi: alterum accipitris: virginum duo: totidem Falconum imaginibus atque no mine: quae dam preterea Sueco adempta cum eiufdem infignibus» («...одно под названием Волк, другое Ястреб, две Девушки, столько же с названием и изображением соколов, а также несколько отнятых у шведов с их обозначением»)²². В немецких «летучих листках» называются орудия *Nabicht* (ястреб-теревятник) и *Sperber* (ястреб-перепелятник). В «вестовой отписке» говорится об орудии «Сокол». Несомненно, речь идет о крупной пищали, на которой имелось изображение одного из представителей семейства соколиных или ястребиных²³. В царствование Ивана Грозного многие русские пищали имели «соколиные» названия. Например, в разряде Ливонского похода 1577 г., перечисляются орудия небольшого калибра «Чеглик» (15 фунтов), «Ястребец» (15 фунтов), «Ястреб» (8 фунтов), «Кобец» (12 фунтов), «Дермблик» (12 фунтов). Но в нашем же случае речь идет о более крупном орудии, калибром не меньше, чем у обеих «Девок».

По всей видимости, третьей «трехчетвертной картауной» могла быть пищаль «Ястреб» калибром в 20–21 фунт. Известна одна пищаль с таким названием, отлитая после Венденского сражения в 1578–1579 г. Уместно привести здесь сообщение Рейнгольда Гейденштейна: «Потеряв (под Венденом. – *А.Л.*) названные пушки, московский царь тотчас приказал вылить другие с теми же названиями и знаками, и притом еще в большем против прежнего количестве...»²⁴. В следующем 1579 г. московский Пушечный двор отливает партии осадных орудий. Реальным подтверждением этому служит следующий факт: в 1579 г. по указу царя Андрей Чохов отливает вместо потерянного «Волка» такое же орудие. Тогда же взамен потерянного

орудия и была отлита пищаль «Ястреб» с точно такими же калибром и размерами. Однако впоследствии она также оказалась в руках шведов. В Россию орудие вернулось только в 1705 г., когда во взятом Кексгольме русские войска нашли 21-фунтовую пищаль «Ястреб», что «лита при царе Иване Васильевиче в 7087 году»²⁵. В настоящее время судьба «Ястреба» неизвестна, скорее всего стол был пущен в переплавку.

Две пищали «Девки» калибром в 20 фунтов фигурируют в разрядах Ливонского похода 1577 г., отмечены они также в качестве захваченных неприятелем под Венденом. К сожалению, какие-либо подробные сведения об этих орудиях отсутствуют.

Относительно пищали «Соловей» следует отметить, что в составе огнестрельного наряда 1570-1580-х гг. числились следующие орудия с таким именем: две 40-фунтовых (одна из них называлась «Соловей Московский») и одна 15 фунтовая пищали²⁶. Так как в реестрах трофейной артиллерии самыми крупными были «Волк» (40 фунтов) и «Ястреб» (21 фунт), то скорее всего речь в «вестовой отписке» шла о пищали калибром около 15 фунтов.

Пищаль под именем «Собака», упомянутая в «вестовой отписке», действительно существовала в составе русской осадной артиллерии. Орудие калибром 10 фунтов перечислено среди прочих в разрядах Ливонского похода 1577 г. 26 августа того же года вместе с пищалью «Лисица» «Собака» была отправлена «в посылку к городу Столбину»²⁷. Как утверждает Е.Л. Немировский, «Собака» была отлита Андреем Чоховым в 1575 г., однако исследователь не привел никаких доказательств этому²⁸. К сожалению, имеющаяся скудная информация не позволяет утверждать, участвовала ли она или нет в осаде Вендена в октябре 1578 г., или это была другая «Собака»²⁹. Дело в том, что пищаль с этим же названием и таким же калибром периодически встречается в описях артиллерии Белгорода первой половины XVII в. В росписи всего белгородского наряда на 1660 г. по городам черты указано: «Пищаль медная Сабака к ней 500 ядер железных... **ядро в 10 гривенок**, мерою в длину 4 аршина 3 четверти (выделено мной. – А.Л.)»³⁰. Вполне возможно, что вторая «Собака», как в случае с «Волком» и «Ястребом», была отлита в 1579 г. по приказу Ивана Грозного взамен потерянной под Венденом.

Еще одна пищаль, упомянутая в «вестовой отписке» Сапеги, носила имя «Гладкая». Само название могло означать отсутствие на стволе каких либо украшений (т. е. гладкий ствол), а калибры у «глад-

ких» орудий, согласно описям XVI–XVII вв. могли варьироваться от 5–10 до 12–18 фунтов³¹.

В XVI в. в состав каждого огнестрельного наряда входили «полоторные пищали» – орудия с длиной ствола в полтора десятка пядей (отсюда и название) и калибром в 6 фунтов³². В иностранных источниках эти пищали включены в разряд «полевых фельдшлангов».

Помимо полоторных к «полевым фельдшлангам» были отнесены также «скорострельные пищали». В документах 1570–1580-х гг. неоднократно говорится о «пищалах скорострельных со въскладинами», а в описи ливонских орудий 1582 г. упоминаются оставленные в городах «*piszczali skorostrzelnye zo wkladnem*». Известно, что в Ливонский поход 1577 г. Иван Грозный взял с собой «скорострельные пищали с медены ядры» калибром в 1 фунт. В числе захваченных под Венденом орудий по русским сведениям упоминаются 3 скорострельных пищали, а в немецком «Известии» – «3 очень длинных железных серпентина». В письме Бойе эти орудия также отнесены в общее количество фельдшлангов. Указанные особенности (длинный ствол, наличие «вкладня», скорострельность) позволяют расценивать данные орудия как казнозарядные. «Скорострельные пищали» не получили широкого распространения, но все же заняли определенную нишу в артиллерийском парке времен Ивана Грозного.

Мортиры (в документах – «пушки верховые») времен Ивана Грозного имели калибр от 1¼ до 6 пудов. Они выстреливали каменные и огненные ядра «верхом». В немецком «Известии» большие снаряды названы «черным цветком». Некоторые зажигательные «огненные» снаряды полый конструкции могли быть с «сюрпризом». В свое время известный археолог Н.Е. Бранденбург упоминал полые ядра, наполненные горючим составом, внутрь которых «вставляли заряженные пулями обрезки стволов, помещали заряды пороха и проч.»³³ Именно такие снаряды описаны астраханцем Шерифи в послании турецкому султану Кануни Сулейману 1550 г. Рассказывая об осаде русскими Казани в 1549 г., он отмечал: «Эти снаряды снаружи опоясаны железом, внутри кованой меди положены белая нефть и сера, соединены и укреплены малюсенькие ружья, приведенные в готовность положенной дробью из 4–5 свинцов... Эти огромные снаряды по ночам падали везде вовнутрь города и ни у кого не было возможности подойти к ним и потушить их... **И искры в воздухе, что вылетали по ночам из огненного снаряда, можно было бы сравнить с упавшими разом звездами и планетами** (выделено

мною. – А.Л.)»³⁴. Как видим, в описаниях поэта-астраханца и анонимного автора немецких «Известий» присутствуют похожие ассоциации (звезда и цветок), относительно русских снарядов.

Таким образом, в результате изучения всех имеющихся источников вырисовывается следующая роспись артиллерии, захваченной под Венденом 21–22 октября 1578 г.:

- 5 или 6 мортир (калибром от 1¼ до 6 пудов),
- 1 пицаль «Волк» (40 фунтов),
- 1 пицаль «Ястреб» (21 фунт),
- 1 пицаль «Девка» (20 фунтов),
- 1 пицаль «Девка» (20 фунтов),
- 1 пицаль «Соловей» калибром до 15 фунтов,
- 1 пицаль «Собака» (10 фунтов),
- 1 пицаль «Гладкая» (калибром до 8 фунтов),
- 5 полуторных (калибром в 6 фунтов),
- 3 «скорострельных» (калибром в 1 фунт).

К сожалению, мы не знаем, как были разделены трофеи победителями. Известно только одно: самая большая пицаль «Волк» досталась шведам, ее переправили сначала в Динамонде, а затем – в Грипсгольм. Судьба остальных орудий неизвестна. Часть из трофеев, очевидно, была пущена на переплавку, часть распределена по городам.

Шведы, как и поляки, неоднократно использовали захваченные трофеи в боях. Так, например, среди орудий, поднятых с военного корабля «Солен», затонувшего во время морской битвы под Оливой в ноябре 1627 г., были две «фальконы», отлитые мастером Богданом в 1560-х гг. на московском Пушечном дворе³⁵. К сожалению, мы не знаем, при каких обстоятельствах были захвачены эти пицали.

Потеря русской артиллерии под Венденом, конечно же, являлась болезненной, но не катастрофичной. Утраченный артиллерийский парк удалось впоследствии восстановить. Однако в целом сражение в октябре 1578 г. положило начало череде тяжелых поражений России на заключительном этапе Ливонской войны.

¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 44–45.

² Neue Zeitung. Von der herrlichen victori vnd Sieg, Welchen die Polnischen, Schwedischen vnnnd Deutschen Kriegsleut, für der Stadt Wenden in Lyfflandt, Jn diesem 1578. Dantzick, 1578. S.10.

³ Rüssow B. Livländische Chronik: Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit kurzen

Anmerkungen versehen durch Eduard Pabst. Reval, 1845. S. 271.

⁴ Reinoldi Heidensteni Secr. Regii de Bello Moscouitico quod Stephanvs Rex Poloniae Gessit Commentariorvm Libri VI. Basileae, 1588. P. 27. Ср. с переводом: Гейденштейн Р. Записи о Московской войне (1578–1582 гг.). СПб., 1889. С. 37.

⁵ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka I wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 427.

⁶ Форстен Г. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Ч. 1. СПб., 1889. С. 175.

⁷ Moscouische Niderlag vnd Belegerung der Statt Wenden. Nürnberg, 1579. S. 7. Не совсем точный перевод был опубликован в 1847 г.: Оболенский М.А. Поражение Москвитян и осада Вендена в 1579 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 2. М. 1847. С. 5–6.

⁸ Henning S. Lifflandische Churlendische Chronica Was sich vom Jahr Christi 1554. biß auff 1590. In den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieflland sieder deß letzten Herrn Meisters und Ersten in Lieflland zu Churland und Semigalln Hertzogen gedencckwirdiges zugetragen 1594. S. 69.

⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 44–45.

¹⁰ Moscouische Niderlag vnd Belegerung der Statt Wenden. S. 7.

¹¹ Павлов А.П., Эскин Ю.М. Местническое дело дьяков И.В. Неелова и Г.И. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия. М.-Новосибирск, 2000. С. 73.

¹² Выражаю признательность научному сотруднику канд. ист. наук С.В. Полехову за помощь в ознакомлении с документами Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs и Latvijas Universitātes Akadēmiskā bibliotēka.

¹³ Книги поточные короля Стефана // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 60. Л. 202, 258. Опубликована с купюрами в: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. IV. С. 237–238. № 105–106.

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 11. Л. 39–40. Выражаю признательность д-ру, ист. наук А.И. Филюшкину за возможность ознакомления с документом. См. также: Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 481.

¹⁵ Книги поточные короля Стефана // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 60. Л. 258.

¹⁶ Historica Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenio. Petropoli, 1841. Nr CXС. P. 277–278.

¹⁷ И.К. Бротце включил, помимо копий актов, срисованные с различных архивных документов образцы оригинального письма и печати архиепископов, епископов, пробстов, магистров ордена, городские и другие печати. Первый том 327 листов, второй – 323. В настоящее время 2 тома «Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium» хранятся в Latvijas Universitātes Akadēmiskā bibliotēka (далее – LUAB).

¹⁸ Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium. Т. 2 // LUAB. R. 4980. L. 202.

¹⁹ Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs. F. 673. Apr. 4. K. 19. L. 163. Lp. 21–22.

²⁰ Бобринский А.А. Гриспольские пищали // Известия Императорской археологической комиссии. Пг., 1914. Вып. 53. С. 80–86.

²¹ У Пауля Одерборна приводится свидетельство, как большая пищаль, названная «Волком», была установлена впереди войска и выстреливала в сторону Вендена огромные ядра. («Die Moschkowiter führeten mit sich ein gewaltig gross stücke Geschützes das nenneten sie den Wolff, das hatten sie fornen an die Spitze gestalt, das schoss eine Kugel anderhalb Schoch dicktes») См.: Oderborn, Paul. Wunderbare, erschreckliche,

unerhörte Geschichte und warhafftige Historien, nemlich des Großfürsten in der Moschkaw Ivan Basilides... Leben. Görlitz, 1588 [S. 146] Пагинация в книге отсутствует.

²² Reinoldi Heidensteni Secr. Regii de Bello Moscouitico quod Stephanvs Rex Poloniae Gessit Commentariorvm Libri VI. P. 27; Ср. с переводом: Гейденштейн П. Записи о Московской войне (1578–1582 гг.). С. 37.

²³ За XVI в. имеются два указания на орудия с именем «Сокол». «Сокол Свертной» (назван так потому, что, очевидно, имел «витой» ствол) обстреливал в 1552 г. Казань (Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 9.). Другой «Сокол», калибром в 36 фунтов, не мог быть под Венденом, поскольку еще в 1590–1595 гг. входил в состав русского наряда (Павлов А.П., Эскин Ю.М. Местническое дело дьяков И.В. Неелова и Г.И. Клобукова. С. 73).

²⁴ Гейденштейн П. Записи о Московской войне (1578–1582 гг.). С. 37.

²⁵ Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. № 17. С. 66.

²⁶ Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. С. 104–158 <http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (15.12.2012)

²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. М., 1982. С. 528.

²⁸ Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). М., 1982. С. 29.

²⁹ Сведения еще об одной пищали «Собака» неизвестного калибра (масса ствола – 51 пуд) содержится в документах XIX в., обнаруженных Н.Н. Рубцовым. На стволе имелась надпись: «Повелением царя государя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича зделана пищаль «Собака» в Слободу в лето 7082, делал Микула Микулаев». Но эта пищаль так и не была захвачена (Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М., 1962. С. 233–234).

³⁰ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. Ст. 414. Л. 108. Выражаю признательность канд. ист. наук И.Б. Бабулину за указание на этот источник.

³¹ Опись Ливонской артиллерии 1582 г. см: Коялович М. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию СПб., 1867. С. 658, 660, 662. Одна пищаль «Гладкая» калибром 12 фунтов, весом 150 пудов, отлитая в 1560-х гг. Кашпиром Ганусовым, в 1633–1634 гг. принимала участие в Смоленском походе, позже захвачена польскими войсками.

³² См.: Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 104–158.

³³ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1877. Ч. 1. С. 81.

³⁴ А.Мелек Узйетгин. Зафер-наме и вилает-и Казан // Гасырлар авазы (Эхо веков). Историко-документальный журнал. № 1. Казань, 1995. С. 83–92.

³⁵ Врублевская Е. Стволы орудий с корабля «Солен» в коллекции Гданьского центрального морского музея // Изучение памятников морской археологии. СПб., 2004. Вып. 5. С. 70–85.

А.М. Лукашевич (Минск)

БЕЛОРУССКИЙ ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР ГЕРЦОГ АЛЕКСАНДР ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ: АДМИНИСТРАТИВНАЯ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1812 ГОДУ

В истории «эпохи 1812 года» до настоящего времени остается много малоизученных страниц, особенно касающихся роли в военных событиях отдельных военачальников. Одной из таких личностей являлся герцог Александр Вюртембергский. Он оставил заметный след не только на полях сражений, но и проявил себя в предвоенный период как опытный администратор.

Родословная. Александр Фридрих Карл Вюртембергский (Виртембергский, v. Württemberg) родился 24 апреля (5 мая) 1771 г. в Мёмпельгарде (ныне Монбельяр, департамент Ду, Франш-Конте, Франция) в семье Фридриха Евгения Вюртемберг-Штутгартского (1732–1797) владетельного герцога Вюртембергского и его супруги, урожденной принцессы Фредерики Доротеи Софии (1736–1798) (дочь маркграфа Бранденбург-Шведтского). Александр (до 1801 г. – принц, затем – герцог) был братом короля Вюртемберга Фридриха I (1754–1816) и супруги российского императора Павла I Марии Федоровны (1759–1828).

С рождения А. Вюртембергский был записан в военную службу полковником. 29 июня 1782 г. императрица Екатерина II пожаловала его в бригадиры российской армии. В 1791 г. А. Вюртембергский вступил в неаполитанскую службу с чином генерал-майора, а в 1793 г. перешел в австрийскую армию полковником в 7-й драгунский полк принца К.А. Вальдека-Пирмонтского. В 1792–1797 гг. он участвовал в войнах с Францией. В 1795 г. А. Вюртембергский нанес поражение арьергарду генерала Ж.Б. Журдана при Хехсте и 13 января 1796 г. был произведен в генерал-майоры. В 1796–1797 гг. он сражался при Раштате, Нортлингене, Вюрцбурге и за отличие 17 июля 1798 г. удостоился чина фельдмаршал-лейтенанта австрийской службы. В кампаниях

1798–1801 гг. А. Вюртембергский сражался с французскими войсками генерала Н. Сульта в Швейцарии и Германии (при Острахе, Цюрихе, Франкфурте, Рейхене, Офенбурге, Лимбурге)¹; особо отличился при Штокахе (1799), где разбил генерала Д.Ж. Вандама. 12 апреля 1800 г. он вышел в отставку с производством в генералы от кавалерии австрийской армии.

7 мая 1800 г. А. Вюртембергский по рекомендации А.В. Суворова был принят на российскую службу с чином генерал-лейтенанта и назначен шефом кирасирского своего имени полка (с 20 июля 1801 г. – Рижский драгунский полк). 24 августа 1800 г. он был произведен в генералы от кавалерии². В России А. Вюртембергский получил во владение обширное имение Грюнхоф, и на службе он оставался до ноября 1832 г.

После восшествия на престол императора Александра I, 10 июля 1801 г. герцог был назначен инспектором по кавалерии Лифляндской инспекции и пробыл в этой должности до 1806 г.³ В 1807 г. он написал книгу «Unpartheiische Bemerkungen ueber den Feldzug der preussischen Armee in 1806» («Независимые замечания на кампанию прусской армии 1806 г.»), в которой предпринял одну из первых попыток обобщить опыт войны против Франции.

Административная деятельность в Витебске. Новый этап в жизни герцога А. Вюртембергского был связан с белорусским краем. 3 апреля 1811 г. он был назначен белорусским военным губернатором, управляющим гражданской частью Витебской и Могилевской губерний. Эту должность, с перерывами на время войн 1812–1814 гг., герцог занимал до августа 1822 г.

В качестве военного губернатора А. Вюртембергский основное внимание уделял вопросам обеспечения строительства фортификационных объектов в «Белоруссии» (Витебской и Могилевской губерниях), а также пресечению деятельности лиц, подозреваемых в шпионаже и контрабандном вывозе за границу «звонкой монеты».

Однако первым делом герцог составил «Проект плана операций русских войск в герцогстве Варшавском», который в марте 1812 г. он представил императору Александру I⁴. Этот обширный документ свидетельствует о незаурядных военных талантах герцога. План предусматривал полномасштабное наступление российских войск на западном направлении с целью упреждения стратегического развертывания наполеоновских войск на рубеже Вислы. Однако он не был принят монархом, и герцог сосредоточился на выполнении своих военно-административных функций.

Поскольку накануне войны 1812 г. в западные губернии часто пробирались подозрительные лица, А. Вюртембергский принял ряд мер против пресечения их деятельности. Так, в марте 1812 г. в Витебске появилось 9 подозрительных иностранцев, которые просили милостыню для римско-католических монастырей. А. Вюртембергский незамедлительно принял меры предосторожности. 20 марта в секретном отношении к могилевскому гражданскому губернатору графу Д.А. Толстому он сообщил о подозрительных лицах. «В нынешнее время, – писал герцог, – начали появляться в Белоруссии иностранцы из Италии и Итальянской Швейцарии под видом просящих подавания на пособия разоренным монастырям. Они приходят сюда по большей части из Курляндии и пробираются в Киев и Житомир. Люди сии, появляясь час от часу более, хотя имеют пашпорты от гражданского правительства им данные, но при настоящих обстоятельствах, наводят на себя подозрение»⁵. Военный губернатор просил установить в Могилевской губернии со стороны полиции «бдительное наблюдение» за подобными иностранцами и секретно надзирать «за их поведением и всеми деяниями». В случае обнаружения чего-либо подозрительного предписывалось «принимать строгие меры»⁶.

Одновременно А. Вюртембергский доложил о подозрительных лицах в Санкт-Петербург. 22 марта вопрос «о появившихся в городе Витебске иностранцах» рассматривался в Комитете министров. Как оказалось, в пределы Российской империи несколько групп проникло через Поланген, имея на руках паспорта в Вильно и Витебск, полученные от курляндского гражданского губернатора. «Первые, – говорилось в докладе главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова, – получа в Вильне, также до Витебска, прибыли в сей город и испрашивают ныне вместе с последними паспортов в другие города. Трем из них паспорта выданы с(о) сроками и предуведомлены о сем губернаторы тех губерний, в кои они отправились, но прочим отказывается. Хотя по секретным наблюдениям за сими людьми ничего подозрительного не открылось, но как четверо из них, явившись один после другого за паспортами, объявили, что до приезда в Витебск друг с другом знакомы не были, а по разведыванию о них оказалось, что они до Витебска следовали вместе, то военный губернатор посему и, в уважении обстоятельств настоящего времени, учредив над ними надзор, просит разрешения, как с ними поступить»⁷.

Генерал С.К. Вязмитинов напомнил членам Комитета министров, что несколько ранее император Александр I распорядился «всех

оных бродяг выслать за границу». А так как и эти 9 человек, по мнению главнокомандующего в Санкт-Петербурге, «будучи одинакового с высланными состояния, подходят... под то же Высочайшее о них повеление», комитет принял решение выслать и «витебских» иностранцев, «да и впредь с подобными бродягами, под видом испрошения милостыни в России остающимися, поступать таким же образом»⁸. Кроме того, государственному канцлеру поручалось «подтвердить» российским министрам и консулам, чтобы они «при требованиях паспортов обращали внимание на причины, по которым иностранцы желают быть в России, и сколь можно осмотрительнее их выдавали»⁹.

17 апреля 1812 г. решение Комитета министров довели до белорусского военного губернатора¹⁰, и герцог А. Вюртембергский 30 апреля отдал указания гражданским губернаторам всех иностранцев для высылки за границу отправлять в Поланген¹¹.

Нередко в Витебскую и Могилевскую губернии пробирались не только бродяги, но и лазутчики противника. Причем и там они находили «сочувствующих» из числа местных уроженцев. Так, 14 февраля 1812 г. заступающий место могилевского гражданского губернатора вице-губернатор И.П. Исупов сообщил А. Вюртембергскому о результатах расследования, которое провели губернский уголовных дел стряпчий Богданович совместно с депутатом от «воинской стороны». Оно касалось «незадержания проехавших чрез город Рогачев 30-го ноября 1811-го года двух иностранцев, подозреваемых за зажигателей городов». Виновными были объявлены штабс-капитан Рогачевской инвалидной команды Бутовский и «тамошний городничий Бурнос». Как оказалось, Бутовский, который во время следствия делал «разнообразные показания», получил от указанных лиц «в подарок пять рублей». А.М. Бурнос же обвинялся в том, что «по первому о проезде оных иностранцев осведомлению не принял мер к настижению их, не рапортовал о том начальству», а во время следствия «медлил ответами чрез десять дней, и сверх того найдены его по должности беспорядки»¹².

28 февраля 1812 г. белорусский военный губернатор предписал И.П. Исупову «о суждении за таковые поступки штабс-капитана Бутовского отнестись куда следует по воинской части», а городничего А.М. Бурноса – «предать суждению 1-го департамента Могилевского Главного суда»¹³.

Еще одной заботой герцога А. Вюртембергского в качестве военного губернатора была *борьба с контрабандным вывозом золотой и серебряной монеты*. Об этом свидетельствует следующий пример. 9 марта 1812 г. могилевский гражданский губернатор граф Д.А. Толстой сообщил в секретном рапорте А. Вюртембергскому «об открывшемся сомнении в вымене золотой и серебряной монеты евреем могилевским мещанином Гершеном Рат(г)изейненом и о вывозе оной за границу». 16 марта военный губернатор поручил Д.А. Толстому поступить с виновными «на основании законов». Более того, А. Вюртембергский высказывал надежду, что гражданский губернатор «отвратит злоупотребление», скрывающееся в его губернии, и окончит данное дело «со всею точностью и поспешностью»¹⁴.

Однако, несмотря на строгие меры наказания, решение этой проблемы до начала войны 1812 г. так и не было найдено.

Еще одной сложной задачей А. Вюртембергского как военного губернатора было *обеспечение фортификационного строительства*. В апреле 1812 г. император Александр I приказал форсировать работы по строительству *крепости в Бобруйске*, которые с лета 1810 г. велись силами третьих батальонов пехотных полков. Для этого предполагалось использовать население белорусских губерний.

4 апреля военный министр и главнокомандующий 1-й Западной армией М.Б. Барклай-де-Толли издал «Правила, коим должно следовать в наряде обывателей на крепостные работы и их смене»¹⁵. Согласно этим правилам для производства крепостных работ в течение 7 дней с момента получения предписания герцога А. Вюртембергского следовало нарядить по 500 человек из ближайших к Бобруйску поветов Могилевской губернии. Отправляемые к крепостным работам люди должны были иметь с собой запас хлеба на три недели. Со дня прибытия рабочим ежедневно выдавалось на руки (лично или через артельщиков) от Бобруйской инженерной команды по 15 коп. заработных денег. Все рабочие, а также назначенные для их сопровождения и надзора чиновники поступали в подчинение бобруйского коменданта. Смена рабочих планировалась через каждые две недели. Однако отработавшие положенный срок отпускались по домам лишь после прибытия полного комплекта сменщиков. Гражданскому губернатору совместно с бобруйским комендантом поручалось установить такой порядок, чтобы новые рабочие прибывали без опоздания¹⁶.

8 апреля 1812 г. А. Вюртембергский переслал правила могилевскому гражданскому губернатору и предупредил его, что «всякая

медленность останется на единственной ответственности вашей»¹⁷. При этом герцог рекомендовал графу Д.А. Толстому выставить не 500, а 530 рабочих: лишние 30 человек предназначались на замену или на смену заболевших в пути. Наряд следовало возложить на маршалов (маршалков) и земскую полицию двух ближайших к Бобруйску Рогачевского и Быховского поветов. Эскорт рабочих в Бобруйск надлежало поручить «исправнейшему и надежнейшему» заседателю Могилевского нижнего земского суда, который должен был осуществлять за ними присмотр, а также необходимое число «сотских, десятских и ключвойтов». После прибытия они, получив расписки о доставке людей (переправлялись губернатору), оставались в Бобруйске «для смотрения за рабочими» в распоряжении бобруйского коменданта. Для главного надзора военный губернатор предписывал направить «расторопного и надежного чиновника» (наделялся специальной инструкцией), которому должны подчиняться избранные заседатели. Отправка рабочих производилась не позднее 6 дней после получения предписания. При этом рабочих следовало подбирать «здоровых и крепкого сложения»¹⁸.

Правда, выполнение подобного предписания осложнялось тем, что могилевский губернатор почти одновременно получил требование «о даче еще рабочих людей к починке поврежденной водою насыпной плотины на дороге между Рогачевом и рекою Друц». Граф Д.А. Толстой считал возможным исправить ее рабочими Рогачевского повета, о чем сообщил герцогу. 14 апреля А. Вюртембергский пояснил, что из Рогачевского и Быховского поветов рабочих следовало «наряжать» только на первый случай, а в дальнейшем выставлять людей от всех поветов по очереди. При этом герцог просил графа выполнить предписание в точности, чтобы не было оставок, и напомнил об его личной ответственности¹⁹.

Однако уже в начале мая 1812 г. М.Б. Барклай-де-Толли предписал белорусскому военному губернатору выставить в Бобруйск дополнительно 2000 человек и затем следить, чтобы в крепости до окончания работ от Могилевской губернии постоянно находились 2,5 тыс. человек. 14 мая А. Вюртембергский продублировал этот приказ графу Д.А. Толстому²⁰, и он неукоснительно соблюдался до начала военных действий.

Вторым фортификационным объектом, за обеспечение строительства которого отвечал герцог А. Вюртембергский, был *укрепленный лагерь в Дриссе*. Организация работ в излучине Западной Двины

была возложена на полковника Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части Ф.Я. Эйхена 2-го, а поставка рабочих возлагалась на белорусского военного, минского и витебского гражданских губернаторов.

Основная тяжесть проведения строительных работ легла на «обывателей пограничных к Дриссе губерний». 1 апреля 1812 г. А. Вюртембергскому было поручено нарядить для строительных работ «2500 человек рабочих из самых ближайших Витебской губ[ернии] уездов»²¹. Герцог распорядился отправить людей «с железными лопатами». Доставка работников возлагалась на «исправнейших заседателей земских судов», которые должны были оставаться в Дриссе до окончания работ и «иметь смотрение каждому за рабочими своего повета». Хлеба и продуктов приказывалось запастись, «по крайней мере», на 30 дней²². Каждому работнику казна обязалась выплачивать по 15 коп. в день. На губернатора возлагался надзор за правильностью раскладки повинностей: требовалось, чтобы она была удобной и равномерной²³.

Для присмотра за рабочими и для содержания их «в строгом повиновении» военный министр предоставил Ф.Я. Эйхену в полное распоряжение запасной батальон Кексгольмского пехотного полка. Кроме того, белорусский военный губернатор командировал в Дриссу «для надзора за рабочими, их продовольствия и пр.» динабургского городничего подполковника А.И. Нейдгарта (Нейтгарда), «человека, исполненного усердием и деятельностью»²⁴. Последний действительно оправдал возложенные на него надежды. Как отмечал 24 апреля А. Вюртембергский в своем рапорте военному министру, А.И. Нейдгарт занимался распределением партий, решал вопросы с продовольствием и т. д.²⁵

Наконец, еще одним объектом, за строительством которого наблюдал герцог А. Вюртембергский, являлся наплавной *мост в Рогачеве*. Так, в апреле 1812 г. по требованию инженер-полковника А.С. Горголи (Горголий), «ниже города Рогачева противу новой дороги велено устроить поплавной мост на судах». С этой целью могилевский гражданский губернатор получил предписание выставить рабочих. Граф Д.А. Толстой выделил 200 человек. 1 мая 1812 г. А. Вюртембергский просил увеличить количество рабочих в Бобруйске и Рогачеве. Кроме того, предвидя болезни среди рабочих, герцог поручил губернатору учредить в Рогачеве больницу, «назначив к тому удобные строения и приказав врачебной управе, чтобы для пользования больных командировала туда лекаря». Этого лекаря предписывалось

снабдить наставлением, «чтобы он о всех для больных надобностях относился к поветовым маршалам, а между тем нужным для пользования больных работников лекарства на счет тех же маршалов брал из ближайшей аптеки, предоставляя маршалам взыскивать с помещиков, коих люди будут лечимы, и чтобы тот лекарь без позволения моего не смел оттуда отлучаться». Герцог поручил Д.А. Толстому дать соответствующее предписание могилевскому губернскому маршалку²⁶.

Однако в июне 1812 г. возникли серьезные *проблемы в организации управления белорусским краем*. Дело в том, что еще 16 апреля 1812 г. в западных губерниях было введено военное положение. «Белорусские» губернии в апреле 1812 г. на военное положение не переводились, и их управление оставалось на прежних условиях. И только 12 июня, с началом войны 1812 г., они были объявлены на чрезвычайном положении²⁷. С этого времени Витебская губерния присоединялась к 1-му военному округу 1-й Западной армии, а Могилевская, соответственно, – ко 2-му округу 2-й Западной армии. Приказ об этом был получен герцогом А. Вюртембергским 15 июня 1812 г.²⁸

Введение военного положения и подчинение «белорусских» губерний непосредственно главнокомандующим армиями, при сохранении института военных губернаторов, только усложнило и запутало управление. В этих условиях функции герцога А. Вюртембергского фактически свелись к передаче приказаний от главнокомандующих губернаторам, и он становился лишь связующим звеном между армейским руководством и гражданской администрацией. В то же время, когда обстановка требовала передачи в руки губернаторов всей полноты власти, они оказались не подготовленными к принятию самостоятельных решений. Об этом свидетельствует пример могилевского гражданского губернатора.

Граф Д.А. Толстой был назначен на губернаторскую должность в феврале 1812 г. и до июня не смог полностью разобраться в местных делах. С началом военных действий он оказался единственным начальником, который не предусмотрел вероятности занятия губернии противником и не подготовился к эвакуации. Когда же стали приходить известия о приближении наполеоновской армии, Д.А. Толстой запретил чиновникам покидать город. Не сделал он исключения даже витебскому и могилевскому архиепископу Варлааму (Шишацкому).

На позицию Д.А. Толстого повлияли приказы непосредственных начальников: белорусского военного губернатора, отозванного в июне 1812 г. в Главную квартиру, и главнокомандующего 2-й Западной армией. Первый находился при императоре Александре I и поэтому фактически передал управление губернией в руки Д.А. Толстого, а князь П.И. Багратион своими депешами вводил графа в заблуждение²⁹.

В частности, своим предписанием от 4 июля 1812 г. А. Вюртембергский несколько расширил полномочия гражданского губернатора. Герцог сообщил Д.А. Толстому, что он будет находиться при армии, поэтому просил обращаться к нему только «в самоважнейших случаях, которые бы того непременно требовали, а в прочем управлять губерниєю на основании законов»³⁰. Однако это предписание оказалось неконкретным. В результате гражданский губернатор растерялся и не знал, что ему делать: то ли самостоятельно принимать решения, то ли следовать предписаниям вышестоящих лиц.

Поэтому, когда к Могилеву 7 июля подошли французские войска, в городе началась паника. 8 июля в город вступили передовые части маршала Л.Н. Даву. Жителей Могилева охватил ужас: русская часть населения бросилась бежать к заставам «куда глаза смотрят». Однако почти всех беглецов, направившихся к Черниговской и Чаусской заставам (в том числе архиепископа), вернули конные разъезды. Самому губернатору удалось спастись. Д.А. Толстой спрятал у монахов своего сына и поспешно выехал за Быховскую заставу. Когда он обнаружил погоню, то бросил свою бричку и через болота по стежкам пробрался к российским войскам, стоявшим возле Дашковки. В результате сам губернатор спасся, а чиновники и архиепископ Варлаам остались в занятом французами городе. Оказавшись в сложном положении, многие из них присягнули на верность Наполеону и тем самым предали российского императора. Однако определенная доля ответственности за их поступки лежит на графе Д.А. Толстом³¹.

На боевом поприще. Итак, с июня 1812 г. герцог А. Вюртембергский состоял при Главной квартире императора Александра I, а затем при штабе 1-й Западной армии. В этом качестве он участвовал в сражениях при Витебске и Смоленске.

Во время Бородинского сражения А. Вюртембергский состоял в Свите Главной квартиры. Когда было получено известие о ранении П.И. Багратиона, М.И. Кутузов назначил герцога на место князя. Однако вскоре главнокомандующий отменил свой приказ и поручил

командование 2-й Западной армией генералу Д.С. Дохтурову, при котором А. Вюртембергский оставался до конца сражения. Насколько значимым был вклад герцога в ход сражения, судить достаточно сложно. Ни в официальных рапортах, ни в воспоминаниях современников его боевая деятельность не нашла должного отражения. Тем не менее, за отличие в Бородинском сражении он был награжден золотой шпагой «За храбрость» с алмазами³².

Во время пребывания российской армии в Тарутинском лагере А. Вюртембергский входил в генеральскую оппозицию и критиковал действия М.И. Кутузова.

Осенью 1812 г. герцог принял непосредственное участие в разгроме Великой армии. Во время сражения при Тарутине 6 октября 1812 г. он организовал артиллерийскую батарею, которая своим огнем способствовала успеху российских войск. Затем А. Вюртембергский участвовал в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном.

За отличие в осенней кампании 1812 г. герцог А. Вюртембергский удостоился ряда наград: он был награжден орденами Св. Георгия 3-го класса (за Тарутинское сражение, 23 декабря 1812 г.) и Св. Владимира 1-й степени (за сражения при Малоярославце, Вязьме и Красном, 9 марта 1813 г.).

Таким образом, герцог А. Вюртембергский внес значительный вклад в предвоенную фортификационную подготовку белорусского театра военных действий и в организацию борьбы с эmissарами противника и контрабандистами на белорусской земле. С началом военных действий герцог отличился в ряде важнейших сражений кампании 1812 г. Несмотря на свой высокий придворный статус, А. Вюртембергский обладал не только тактическими, но и стратегическими военными талантами, что нашло отражение в его предвоенном «Плане наступательной операции против герцогства Варшавского».

¹ Военная галерея 1812 года. 1812–1912 / текст А. А. Голомбиевского. СПб., 1912. С. 52; Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1996. [Т.] VII. С. 347–348.

² Военная галерея 1812 года. 1812–1912. С. 52.

³ Список генералитету по старшинству. По 9-е сентября 1805 года. СПб., 1805. С. 8; Список генералитету по старшинству. По 31 октября 1806 года. СПб., 1806. С. 10.

⁴ Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба (ВУА). Отд. I: в 21 т. СПб., 1908. Т. X. С. 253–275. См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 455. Л. 1–60.

- ⁵ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 225.
- ⁶ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 225 об.
- ⁷ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг.: в 2 т. СПб., 1891. Т. II. С. 376.
- ⁸ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. Т. II. С. 376; НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 333 об.
- ⁹ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. Т. II. С. 376.
- ¹⁰ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 333 об.
- ¹¹ Там же. Л. 332–332 об.
- ¹² Там же. Л. 165–165 об.
- ¹³ Там же. Л. 165 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 217–217 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 268–269 об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 266–266 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 266 об.–267.
- ¹⁹ Там же. Л. 291–291 об.
- ²⁰ Там же. Л. 354–354 об.
- ²¹ Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. Отд. I. СПб., 1909. Т. XI. С. 44; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3505. Л. 79.
- ²² Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. Т. II. С. 426.
- ²³ НИАБ. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 1. Л. 176–176 об.
- ²⁴ Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. Отд. I. Т. XI. С. 226; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16.
- ²⁵ Отечественная война 1812 года: материалы ВУА. Отд. I. Т. XI. С. 280–281; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3505. Л. 230.
- ²⁶ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 338–339 об.
- ²⁷ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. Т. II. С. 508–509.
- ²⁸ Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 244; Лукашэвіч А. Ваеннае становішча ў Беларусі ў 1812 г. // Гістарычны альманах. Гародня, 2004. Т. 10. С. 181–193.
- ²⁹ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича: в 3 т. / под ред. и с предисл. К. Военского. Т. 1 // Сборник Императорского Русского исторического общества (ИРИО). Т. СХХVIII. СПб., 1909. С. 63, 65, 66.
- ³⁰ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 1 // Сборник ИРИО. Т. СХХVIII. СПб., 1909. С. 68.
- ³¹ Лукашэвіч А. Беларускія губернатары: адкуль яны? // Беларуская думка. 2002. № 8. С. 176–184.
- ³² Бородино. Русское поле. Русские полки. Русские офицеры. М., 2010. С. 30.

В.Е. Лукин (Санкт-Петербург)

**«НАБЛЮДАЛИ «БАЙКАЛ»!»
(О ПЕРВОМ ЗАПУСКЕ РАКЕТЫ С РЕАЛЬНЫМ
ЯДЕРНЫМ ЗАРЯДОМ)**

Судьба многих открытий такова, что они используются человечеством не ради блага и создания лучших условий жизни, а ради разрушения, ради нанесения другой его части как можно более чувствительного ущерба, вплоть до ее физического уничтожения. Так было с порохом, который стали использовать не для полезных подрывных работ, а как заряд для огнестрельного оружия. Как только появился первый самолет, его тут же оснастили авиабомбами. Подводные лодки стали использоваться почти исключительно в военных целях, в очень редких случаях выполняя с их помощью иные работы – от научных исследований до народнохозяйственных. Не успели добраться до энергии атомного ядра, как тут же соорудили атомную бомбу, а не электростанцию, и сейчас трудно себе представить, чтобы когда-нибудь ликвидировали бы до конца все, что накоплено в ядерных арсеналах. Примерно то же происходило и с ракетами. Ученые мечтали о полетах на другие планеты с помощью ракет, но они же первые шаги посвятили военному их применению, поскольку ни одно правительство не стало бы оплачивать многомиллионные проекты только ради достижения благих научных или других полезных целей. Видимо, агрессивность по отношению друг к другу в человеческом обществе является одной из фундаментальных и неотъемлемых характеристик, и в этом вряд ли что-то может измениться. Эта агрессивность с веками возрастает. Даже там, где нет никакой серьезной угрозы, выдумывают, измышляют эту угрозу, убеждают своих единомышленников, соплеменников в наличии угрозы и доводят дело до военных столкновений то более, то менее крупного масштаба. Зло побеждает добро все чаще и убедительнее, несмотря на то, что нас

в детстве учили обратному. К чему все это приведет в конечном счете – ведает один Бог.

Ядерным взрывам в космосе предшествовали испытания с доставкой ядерных зарядов баллистическими ракетами.

Первый запуск ракеты с реальным ядерным зарядом (ЯЗ) был произведен 2 февраля 1956 г. Это был 25-й ядерный взрыв в СССР.

В этот день с полигона Капустин Яр в Астраханской области стартовала ракета Р-5М (8К51), разработанная в ОКБ-1 под руководством С.П. Королева, с ядерной головной частью. Стартовая масса ракеты составляла 28,6 т (в том числе топлива 23,9 т), длина 20,7 м, диаметр 1,65 м. Пролетев 1200 км над головами ничего не подозревавших советских граждан, ракета доставила свой грозный груз к цели. Взрыв, прогремевший в пустыне близ казахстанского города Аральск, имел мощность 0,3–0,4 кт. За создание ракеты, способной нести ядерный заряд, С. П. Королев получил свою первую Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Подобные испытания проводили затем и в СССР, и в США. Сейчас в этом можно увидеть недопустимую самонадеянность и пренебрежение к собственному народу, но в 1950-е и 1960-е гг. логика военно-политических решений была совершенно иной. Да и техника была сделана надежно: во всех реальных пусках ракет с ядерными зарядами серьезных проблем не возникло.

Идея объединения ядерного заряда с самым неуязвимым средством доставки – ракетой – была венцом сотрудничества И.В. Курчатова – руководителя создания атомной бомбы в СССР, и С.П. Королева. Начало этих работ относится к 1953 г., когда на базе только что отработанной и сданной на вооружение ракеты Р-5, несущей боевую головную часть с обычным тротильным зарядом на дальность до 1200 км, решено было создать ракету Р-5М, доставляющую на такую же дальность ядерный заряд.

Однако подробной информации о советских пусках нет и поныне. В официальном издании Минатома «Ядерные испытания СССР»¹ перечислены 11 пусков ракет с ядерными зарядами с полигона Капустин Яр с целью «исследования поражающих факторов ядерного взрыва». Список открывает пуск 2 февраля 1956 г. по району Аральска (операция «Байкал»), который с полным основанием может быть классифицирован как испытание ракетно-ядерного комплекса Р-5М.

Для остальных пяти пусков не названы ни районы взрыва, ни носители.

Известны лишь типы взрывов (воздушный) и их мощности: 19 января 1957 г. – 10 кт; 1 и 3 ноября 1958 г. – по 10 кт; 6 сентября 1961 г. – 11 кт; 6 октября 1961 г. – 40 кт.

Предположительно эти пуски также выполнялись в направлении Аральска. Последний взрыв охарактеризован как высотный, хотя в других разделах этой же книги к числу высотных и космических взрывов отнесены только пять операций «К»². Взрывы 6 сентября и 6 октября 1961 г. были проведены на высоте 50 км.³

2 февраля 1956 г. стало ясно, что история человеческой цивилизации повернула на новую тропу – «тропу ядерной гонки», и по сути дела именно с этого события «холодная война» стала изматывающей для экономик СССР и США. А толчком всему этому послужил пуск ракеты Р-5 с ядерной боеголовкой.

На полигоне, который тогда назывался «Государственный центральный полигон № 1» или просто «Капустин Яр», неподалеку от стартового комплекса началось строительство секретного «объекта» или «площадки 4Н». К «объекту» никто не имел права приближаться. А вскоре здания, которые возводились там, были отгорожены высоким бетонным забором. У ворот и проходных появилась своя охрана. Это были сотрудники КГБ.

Всем служащим полигона стало ясно, что на «объекте» собирается ядерное изделие и что на сегодня это самая главная тайна.

Но «площадка», как называли в шутку ракетчики средство доставки – ракету, для боеголовки была еще не готова. Испытания ее шли полным ходом, но одна неудача сменяла другую. А уверенность в пуске Р-5 с ядерной боеголовкой должна быть полной.

Испытания новой ракеты с дальностью в 1200 километров начались еще в 1953 г. Им предшествовало заседание Научно-технического совета НИИ-88, на котором выступили С.П. Королев (конструкция ракеты), В.П. Глушко (двигатели), Н.А. Пилюгин и Б.Н. Коноплев (системы управления).

В процессе создания конструкции ракеты Р-5 был отработан целый ряд узлов. Стендовые испытания позволили проверить элементы конструкции в сборке и подтвердить правильность принятых решений по 15 позициям. Было проведено 11 огневых испытаний. Часть испытаний была проведена без хвостового отсека, а часть испытаний – с полностью собранной ракетой. Двигатель работал надежно, характеристики двигателя соответствовали паспортным данным. Аппаратура на стенде работала нормально. Общее заключение

по стендовым испытаниям: ракета работала нормально. Нужно было переходить к летным испытаниям первого этапа. Проведенные исследования давали уверенность в положительном исходе этих испытаний.

О результатах работ по созданию новой ракеты было доложено И.В. Сталину. Тот распорядился форсировать эти работы.

Летом 1955 г. начались пуски ракеты, которой суждено было нести «атомную бомбу». 28 раз стартовала Р-5. К сожалению, большинство из этих пусков не удовлетворяли атомщиков. Взорвалась только одна ракета, но большинство из них отклонялись от курса, что для испытаний ядерной боеголовки было недопустимо. «Изделие» – ядерный заряд – должно было сработать точно в расчетном месте, где его ждут.

Вся обстановка в «Москве-400» (так в то время был зашифрован полигон в Капустином Яре) была очень нервной. Да и режим секретности свирепствовал, читались все письма, в том числе и С.П. Королева жене. Он знал об этом, а потому писать стал очень редко.

На каждую ракету атомщики вместо «изделия» ставили стальную плиту. После пуска на ней появлялись отметины – это срабатывали детонаторы. Плиты находили и привозили на полигон, где атомщики тщательно изучали, как срабатывает их автоматика. Потом они исчезали в своем суперзакрытом Арзамасе-16 и вновь появлялись уже с новыми идеями. За «изделие» отвечал генерал Евгений Аркадьевич Негин, будущий академик – бессменный руководитель большинства ядерных испытаний «Приволжской конторы» (так тогда именовали этот атомный центр).

На «площадке 4Н» был лишь один человек не из Арзамаса-16. В.Д. Кукушкин работал старшим инженером одного из управлений полигона. Он занимался подготовкой головных частей ракет к пуску в то время, когда они начинались тротилом. На самом высоком уровне ему было разрешено войти в круг атомщиков, то есть в круг посвященных. «В мои обязанности в ходе испытаний, – вспоминает Виталий Дмитриевич Кукушкин, – входили следующие технологические операции: стыковка стабилизатора и наконечника к корпусу головной части (ГЧ) обмазка стыков теплостойким покрытием для предохранения стального корпуса от потери прочности и разрушения при входе в плотные слои атмосферы, проверка герметичности и системы внутреннего обогрева отсека, в котором размещался шаровой заряд, прочерка геометрических параметров системы отделения

ГЧ от ракеты, установка экрана на стабилизатор для защиты внутренних объемов от теплового воздействия на входе в плотные слои атмосферы, транспортировка ГЧ на стартовую площадку, стыковка разъемов, в том числе и системы аварийного подрыва на траектории, установка шариковых болтов, раскрывающихся по завершении активного участка траектории от специальных толкателей, стыковка ГЧ с ракетой, при необходимости одевание и сьем термочехла наружного обогрева»⁴.

В.Д. Кукушкин стал свидетелем того, как Е.А. Негин знакомил С.П. Королева с «изделием». «Они стояли возле расстыкованной ГЧ, – вспоминает Кукушкин, – непосредственно возле шарового заряда, и Евгений Аркадьевич объяснял Сергею Павловичу, что для равномерного обжаривания центральной части на шаровом заряде из взрывчатого вещества (смеси тротила и гексогена) в 32 специальных розетках установлены капсулы-детонаторы, на которые для их подрыва подается импульс высокого напряжения 15–20 тысяч вольт. Негин подчеркнул, что на разновременность их срабатывания установлен очень жесткий допуск в несколько миллионных долей секунды и что от этого зависит сферичность взрывной волны...»⁵. Королев очень внимательно слушал Негина. Он прекрасно понял, что у атомщиков проблем, пожалуй, побольше, чем у ракетчиков. И с того дня Сергей Павлович требовал от своих подчиненных, чтобы они неукоснительно выполняли пожелания своих атомных коллег. «Они имеют дело с температурами в миллионы градусов, – говорил он, – а у нас только тысячи...» И трудно было понять, шутит Главный конструктор или нет.

Сергей Павлович был очень внимателен ко всему, что было связано с подготовкой к предстоящему пуску. И на работе в КБ, и на полигоне в Кап-Яре неоднократно вникал во все подробности подготовительных работ, требовал объяснений во всех деталях – будь то расчетные дела, организация работ, согласование документации и др. Специально для этого пуска была подготовлена заново вся баллистическая документация, составлена инструкция для операторов пункта АПР (аварийного подрыва ракеты), все согласовано со специалистами полигона, службами поиска головной части, членами Государственной комиссии по испытаниям ракеты.

В октябре 1955 г. полигон Капустин Яр посетил министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, ознакомившийся с ходом подготовки к пуску этой ракеты. Ему были продемонстрированы также пуски ракет Р-1.

В январе 1956 г. на полигон прибыли Д.Ф. Устинов, Маршал артиллерии М.И. Неделин, атомщики Г.М. Зернов и Е.А. Негин, генерал-лейтенант артиллерии П.А. Дегтярев и другие участники этих испытаний.

К зачетным испытаниям были представлены пять ракет. Первый пуск состоялся 20 января 1956 г. Этот пуск и три последующих прошли нормально. Оставался последний, пятый пуск с ядерным зарядом⁶.

Вряд ли кто из принимавших участие в подготовке этого пуска не волновался, в том числе и С. П. Королев, который не уходил из МИКА и со стартовой позиции в течение всего цикла подготовки ракеты к пуску.

Ракета 8К51 с заводским номером 001 находилась уже на технической позиции. Буква «К» обозначала, что ракета «ядерная». И вдруг один из офицеров, проверяя заглушки в районе турбонасосного агрегата, обнаруживает, что нет одной контргайки. О происшедшем немедленно доложили С.П. Королеву. Вместе со своими сотрудниками и испытателями он пытается разобраться, куда же делась эта контргайка. А вдруг она попала внутрь турбины?!

Поиски «беглянки» результата не дают. Королев отдает распоряжение поставить ракету в вертикальное положение – вдруг контргайка упадет вниз?

Но пропажа все равно не обнаруживается... Кто-то предполагает, что этой гайки вообще не было. И С.П. Королев принимает решение: ракету № 001 отправить на завод, где разобрать двигательную установку, а готовить к старту носитель № 002⁷.

И хотя «лошадей на переправе не меняют», это решение Главного конструктора было абсолютно правильным. Ту контргайку так и не нашли, ракета стартовала – она стала седьмой по счету, и все прошло благополучно, но при первом «ядерном пуске» С.П. Королев не имел права рисковать: слишком велика была его ответственность. Малейшее отклонение от района испытаний, авария на пути к нему – все это могло закончиться трагически...

Председателем Государственной комиссии по пуску был назначен П.М. Зернов. Именно он выбирал вместе с академиком Ю.Б. Харитоновым место для Федерального ядерного центра, а затем и руководил им. Теперь же он был заместителем министра среднего машиностроения. В Госкомиссию входили не только атомщики и ракетчики, но и военные. Среди них выделялся Маршал артиллерии М.И. Неделин.

П.М. Зернов пригласил всех членов Госкомиссии на «площадку 4Н». Они впервые оказались на «объекте». Зернов распахнул одну из дверей, и все увидели «изделие» – оно лежало на специальной подставке в центре комнаты.

«Входить не надо», – распорядился председатель Госкомиссии. Даже высшему руководству не положено было приближаться к «изделию», и даже то, что Зернов показал его членам Госкомиссии издалека, было нарушением инструкций по секретности.

Из воспоминаний В.Д. Кукушкина накануне пуска ракеты Р-5М (8К51): «Я был ответственный за доставку ядерного заряда с площадки, где производилась сборка, на стартовую площадку. Я находился в кабине стыковочной машины рядом с водителем. Впереди нас и позади двигались машины прикрытия с охраной, а вдоль всей бетонки на расстоянии около 3 км стояли с интервалом 25–30 метров солдаты оцепления с карабинами с приткнутыми штыками. Охрану на КПП и на вышках стартовой позиции осуществляли офицеры КГБ. А во время непосредственной стыковки ГЧ с ракетой, которой я руководил, внизу у стыковочной машины можно было насчитать с десяток генералов из разных ведомств. Правда, все они были предупредительны и старались не мешать действиям расчета»⁸.

И вот, наступил день пуска, это было 2 февраля 1956 г. День старта мог быть, и перенесен, если погодные условия не позволили бы вести уверенное наблюдение с пункта АПР. Но прогноз синоптиков оказался точным: небо ясное, небольшой морозец способствовал поддержанию бодрого боевого настроения. До часовой готовности все находились на старте и принимали, как обычно, участие в предстартовых операциях, однако тут был установлен особый режим. Стартовая площадка была оцеплена толстыми канатами (чего раньше никогда не делали), образовавшими квадрат со стороны примерно 40–50 метров. Все участники имели красные нарукавные повязки и жетоны с номерами. Пропуск на площадку осуществлялся только по вызову по громкой связи с разрешения начальника стартовой команды или технического руководителя. Жетонная система – нечто вроде табельной доски – давала возможность контролировать местонахождение каждого человека. Обстановка была более напряженной, чем во время подготовки обычных ракет, почти не было заметно посторонних разговоров и лишних хождений вокруг да около. Сергей Павлович, как всегда, подзывал привычным движением то одного, то другого, давал указания, задавал последние вопросы, спрашивал, не

появились ли какие-то сомнения, просил немедленно докладывать о малейших замеченных неполадках. На предстартовом заседании Государственной комиссии руководители всех служб полигона и систем ракеты доложили о полной готовности, и было принято решение о пуске ракеты.

За час до старта расчет АПР отбыл на свое рабочее место, но перед этим состоялось одно очень узкое совещание, состоящее всего из трех человек, участникам которого сообщили слово-пароль, при произнесении которого должна была подрываться ракета. Таким словом оказалось «Айвенго». Почему именно это слово, кто его выбрал и какое отношение к предстоящей работе имел этот средневековый рыцарь, никто не знал. Скорей всего, это была фантазия самого Сергея Павловича, либо его заместителя по испытаниям Леонида Александровича Воскресенского, человека с весьма неординарным мышлением.

При объявлении пятнадцатиминутной готовности до старта был совершен «ритуальный обряд» – все справили малую нужду – и заняли свои рабочие места.

Но старт в назначенное время не состоялся из-за плохой погоды в точке «приземления» головной части ракеты.

Погоду ждали два дня. Но затем она испортилась уже на полигоне. Однако П.М. Зернов приказал пускать ракету. «Это будет еще одно испытание нашей техники, – сказал он. – Мы ведь как на войне...». Те минуты, которые требовались ракете 8К51, чтобы преодолеть расстояние в 1200 километров, всем показались вечностью⁹.

Один из испытателей, находящихся на старте, Рефат Аппазов так вспоминает день 2 февраля 1956 г.: «Не знаю, как остальные, но я чувствовал очень сильное волнение, видимо, осознавая свою особую роль в предстоящей операции. Скажу откровенно, мне было страшновато. Из других номеров нашего расчета волнение было заметно только у офицера, отвечающего за работу теодолита. Солдат ничего определенного не знал о значимости этой работы и никакого дискомфорта не испытывал. И вот ракета пошла. Угловая скорость качнулась сначала влево, затем, пройдя через нуль, пошла вправо, и опять влево, приобретя вполне осязаемые значения, но до критических еще был довольно солидный запас. Вдруг я почувствовал, как начали запотевать очки (непредусмотренная инструкцией нештатная ситуация!), и испугался, как бы я не потерял ракету, но оторваться от окуляра было бы еще хуже. Запоминать углы и про-

изводить вычисление угловых скоростей было несложно, я бы мог это делать и при более узких интервалах времени. Как медленно текло время! Судя по движению яркого огонька, в который превратилась постепенно ракета, она чувствовала себя нормально. Сотая секунда полета. «Еще целых двадцать секунд, – проносится в голове, – хотя бы благополучно дотянуть до конца». По моим расчетам, идем примерно с двойным запасом. Но что такое запас, когда имеешь дело с ракетой, процессы на которой порой развиваются в доли секунды? «Сто пятнадцать», – слышу голос секундометриста и думаю: «Скоро конец». «Сто двадцать», – и вот долгожданное мгновение – двигатель выключен, огонек в поле зрения теодолита погас. Можно дышать, двигаться, разговаривать. Оторвавшись от теодолита, первым делом протер очки. Мы пожали друг другу руки, поздравили с успехом и стали ждать транспорт, который бы доставил нас до старта. Тут тоже была небольшая проблема. Дело в том, что на два пункта – телеметрический и АПР – был выделен только один «Доджик» – так назывался прошлый аналог нынешнего «Джипа». Вскоре с тремя телеметристами на борту «Доджик» прибыл к нам, мы сели в него и поехали на стартовую площадку. Там уже Сергей Павлович (С.П.) ждал нас с докладами. Как только мы прибыли на место, он отвел меня чуть в сторону от большого своего окружения и спросил, как далеко от цели могла отклониться головная часть. Я ответил, что все должно быть в пределах эллипса рассеивания, так как никаких ненормальностей в полете заметно не было. Сказал ему также, что, по наблюдениям телеметристов, выключение двигателя произошло по команде от интегратора, что придает дополнительную уверенность. Впоследствии оказалось, что ракета достигла цели, и заряд сработал близко от левого дальнего конца эллипса рассеивания. С.П. поделился имеющейся у него неофициальной информацией: по данным Самвела Григорьевича Кочерянца (главный представитель атомщиков, главный конструктор автоматики ядерного заряда), заряд сработал нормально. Это было определено не по докладам с конечного пункта, которые еще не поступили, а по ионизации атмосферы на нашем старте. Я и не представлял, что имелись такие возможности¹⁰.

Телефонный звонок прервал гнетущее молчание. Офицер кратко сообщил: «Наблюдали «Байкал!»» Это зашифрованное сообщение означало, что ядерный заряд сработал в точно определенное время и в нужном месте.

А вот как разворачивались события на месте падения ядерной головной части ракеты 8К51.

В квадрате падения (цели), соответствующем зоне рассеивания точки встречи, работала специальная группа испытателей. Ее задачами были измерение параметров ядерного взрыва (проникающей радиации, ударной волны и светового излучения) с помощью регистрирующей аппаратуры, а также кино- и фотосъемки внешней картины развития взрыва. Возглавлял эту группу генерал-майор Г.И. Бенецкий (в то время начальник 6-го Управления Министерства обороны). Группа поддерживала непрерывную радиосвязь со стартовой позицией.

В эту группу входил С.А. Зеленцов, впоследствии генерал-лейтенант. Он вспоминает: «В период подготовки боевого поля к испытаниям стояла морозная погода (температура воздуха около -30°). Безлюдная степь была покрыта снегом, высота которого доходила местами до 1,5–2 метров. Все осложнялось еще и сильным ветром. Примерно в 10 километрах от цели размещался жилой поселок испытателей, состоявший из двух финских домиков и казармы со складом, которые отапливались печками-буржуйками. Дороги от этого поселка были занесены снегом (дорог просто не было). Передвижение осуществлялось с помощью двух танков «Т-34». Накануне и в день испытаний район цели и поселок были закрыты туманом, который ставил под сомнение оптическую регистрацию ядерного взрыва с расстояния нескольких километров от границы квадрата падения, именно на таком расстоянии была установлена оптическая аппаратура для быстрого документального подтверждения факта взрыва и определения его мощности экспресс-методом. Мороз довершил дело: аппаратура замерзла. Было принято решение отправить меня на танке с оптической аппаратурой на границу квадрата падения. Начались мелкие неприятности: танки не заводились из-за мороза, и только к утру завелся один из двух имевшихся; в танке уместились (кроме экипажа) один человек и аппаратура (кинокамеры, аккумуляторы, радиостанция); следуя без дороги и ориентируясь по вешкам, выступавшим из снега, танкисты их потеряли и поехали не туда, куда требовалось. Преодолев все затруднения, прибыли к границе квадрата падения. К этому времени туман начал подниматься над землей, и стал виден «центр». Установив по радио связь со стартом, я сообщил о точке своего нахождения генерал-лейтенанту А.А. Осину, который подтвердил расчетное время пуска ракеты, согласовал мои дальней-

шие действия по развертыванию аппаратуры на танке и поддержанию с ним непрерывной радиосвязи на все оставшееся время вплоть до взрыва. Наступило время старта. Генерал-лейтенант А.А. Осин начал отсчет времени по секундам: три-две-одна-ноль! Включив секундомер, я приготовил аппаратуру, проверил ее работу и стал ждать. В это время получил сообщение со старта, что ракета отклоняется от расчетной траектории вправо (в мою сторону) и что были выданы команды корректировки, но они, возможно, не прошли, так как закончилась зона управления ракетой. Танкисты, услышав этот разговор, предложили мне выбраться из танка и закрыть за собой люк. Снабдили меня двумя шубами, чтобы не замерзла аппаратура и аккумуляторы. За 30 секунд до подхода ракеты я включил аппаратуру и немного скорректировал ее наводку. Взрыв!!! Произошел он в расчетное время, и почти сразу за ним пришла ударная волна. Моя аппаратура работала. Доложил генерал-лейтенанту А.А. Осину о том, что все прошло нормально. После этого по радио на связь вышел генерал Г.И. Бенецкий, который сказал, что у них туман рассеялся, вертолеты могут взлететь и будут в квадрате падения примерно через 1,5–2 часа. Действительно, вертолеты прилетели. В один из них погрузили аппаратуру и меня, доставили на аэродром в г. Аральск, где уже ждал самолет до п. Багерово (Крым), на 71-й полигон ВВС. Там проявили пленку, отпечатали цветные фотографии, по которым я определил мощность взрыва. Она составила примерно 300–500 тонн тротилового эквивалента. На следующий день утром я был в Москве, без заезда домой доставлен в 6-е управление Министерства обороны, в котором подготовили доклад в ЦК КПСС и альбом с фотографиями взрыва»¹¹.

Для Сергея Павловича Королева и теперь уже его коллег-атомщиков наступила новая эпоха: ракетно-ядерное оружие стало реальностью.

Звезды Героев Социалистического Труда украсили грудь будущих академиков С.П. Королева, В.П. Мишина, Е.А. Негина, а у рядовых исполнителей появились совсем иные заботы.

Непосредственно после проведения 2 февраля 1956 г. ядерных испытаний на полигоне в срочном порядке начали снимать фрагменты секретного документального фильма о первом пуске ядерного заряда ракетой для показа делегатам XX съезда КПСС. Была поставлена задача технического обеспечения съемки фрагментов, связанных с подготовкой головной части. К этому времени специалисты из Арзамаса-16 уже уехали, и потому приходилось импровизировать. Оставалось несколько пустых бракованных корпусов ГЧ. Выбрали лучший из них. Заново

покрасили, нанесли соответствующую маркировку, покрасили стыковочную машину, одели номера расчета в новые отутюженные комбинезоны и проимитировали несколько заключительных операций. Режиссер просил, чтоб как можно больше всего крутилось и вертелось.

Сейчас довольно часто показывают фрагменты съемок тех или иных событий из истории создания ракетной и атомной техники. Жаль только, что большинство из них – это не реальность, а фантазия режиссеров, которые хоть и называются «документалистами», но на самом деле таковыми не являются.

Так завершилась эта уникальная операция тогда, в феврале 1956 г. О первом в мире запуске ракеты с ядерным боевым зарядом долгие годы нигде не упоминалось, даже участники стали о нем забывать. Но запреты стали постепенно сниматься, тайны начали раскрываться. Одно интересное признание было сделано в книге Б.Е. Чертока «Ракеты и люди». Там говорится, что после этого пуска главный конструктор радиотехнической системы управления М.С. Рязанский в узком кругу мрачно пошутил: «А вы не боитесь, что нас всех когда-нибудь будут судить как военных преступников?»¹²

Читателю небезынтересно будет узнать, что мощность взрыва составляла около 80 килотонн (в приведении к тротиловому эквиваленту), что вчетверо превышает мощность первой атомной бомбы, взорванной над Хиросимой, а место взрыва находилось на границе Приаральских Каракумов и солончаков Челкар – Тенгиз, примерно в 200 км севернее города Аральска Кызыл-Ординской области Казахской ССР.¹³

¹Ядерные испытания СССР / Коллектив авторов под ред. В.Н. Михайлова. М.: ИздАТ, 1997.

²Там же. С. 129.

³Антипов В.Н. Ядерные взрывы над Байконуром // Космодром. 1999. № 8.

⁴<http://nuclearno.ru/text.asp?1863>

⁵Там же.

⁶Губарев В. «Гриб» среди звезд. Как оснастили ракету ядерной боеголовкой. Парламентская газета. 2001. 7 февраля.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹Губарев В. «Гриб» среди звезд.

¹⁰<http://www.kirimtatar.com/Books/appazov14.html>

¹¹http://www.atomsib.ru/prensa_otrasli/atom_prensa/2006/Atompressa_06_689.pdf

¹²Губарев В. «Гриб» среди звезд.

¹³Там же.

А.В. Марыняк (Москва)

ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Государственное ополчение формально состояло из всего мужского населения, способного носить оружие, но не числящегося в войсках. Вплоть до изменения закона в 1911 г. оно могло созываться лишь «в чрезвычайных обстоятельствах военного времени». В 1911 г. «чрезвычайность» была снята, и государственное ополчение должно было собираться просто «в военное время». Новое «Положение об устройстве Государственного ополчения» было объявлено уже после начала войны – 23 июля 1914 г. – и после начала призыва ратников ополчения¹. Вследствие этого целый ряд нововведений не успел сказаться при формировании большинства ополченских дружин, а вступал в действие уже в ходе войны.

Столь масштабного формирования ополченских частей ранее Россия не знала: 658 дружин, 139 отдельных рот и 4 отдельные команды были сформированы только в 1914 г., в части государственного ополчения было призвано до 10 500 офицеров².

Особое положение, в котором существовало ополчение в мирное время (т. е. фактически не существовало), стойкая психологическая ассоциация зачисления в ополчение как минование службы «под знаменами» с началом войны стала «выходить боком»: ратники (особенно 2-го разряда), порой просто не соотносили свой призыв с военной службой, неразрывно связанной со строгим соблюдением приказов и уставных требований. «Какие же мы солдаты, мы – ратники» – встречается в разбирательстве одного из дел о самовольной отлучке в Петроград для встречи Рождества 1916 г. Именно так мотивировал своего соучастника инициатор поездки к родным с театра военных

действий в ответ на вопрос: смогут ли их счесть дезертирами. Об отпуске или прощении по начальству речь, естественно, не шла.

Сходное отношение к ополченцам было и в рядах войск. «Крестики», – как прозвали ополченцев за ополченские кресты, носившиеся на тулье фуражки над кокардой, – не воспринимались как солдаты: «Какие вы кубинцы?! Вы хуже всяких крестиков!», – бросил «в сердцах» нижним чинам 155-го пехотного Кубинского раздосадованный торговец³. Сравнение с ополченцами тут явно использовано, чтобы «задеть» оппонентов.

В вопросе комплектования офицерскими чинами при формировании ополченских частей беспорядок был предусмотрен уже в законе. Ополченские части должны были нести службу в тылу, для которой особых боевых качеств не требовалось, и потому было сочтено возможным, чтобы к назначению на офицерские должности в частях ополчения допускались:

а) на старшие командные (от начальников дивизий до командиров рот (сотен, батарей)) и штабные должности – «обязанные службою в ополчении лица офицерского звания, состоящие или состоявшие в военном чине, соответствующем должности, или одним чином выше, или же одним или несколькими чинами ниже соответствующей должности»;

б) на младшие обер-офицерские должности – бывшие подпоручики и прапорщики, а также имеющие образование не ниже 2-го разряда и состоявшие на государственной службе или на службе по дворянским или общественным выборам. Причем для последних была даже необязательна служба в войсках: достигнуть необходимого унтер-офицерского звания они могли «по прослужении в ополчении не менее двух месяцев»⁴.

За столь сжатый срок на действительной службе (1–2 месяца) призванный не успевал даже пройти путь от молодого солдата до рядового. Серьезного обучения в дружинах, формируемых из лиц, в большинстве своем не проходивших действительной службы, организовать было тоже невозможно: штатная численность офицерского состава, предусмотренная законом (но редко достигаемая в реальности) – 2 штаб-офицера и 12 обер-офицеров на батальон 4-ротного состава, каковым, по сути, и была ополченская дружина.

Характеризуя офицерский состав ополченских частей, прежде всего стоит остановиться на его возрасте. По закону срок пребывания основной массы офицеров в запасе (и соответственно, в случае мобилизации, предназначавшихся на пополнение армейских частей)

составлял для обер-офицеров – 40 лет, для штаб-офицеров – 50. После этого возраста отставные офицеры, «способные по состоянию здоровья к строевой службе», перечислялись в ополчение, обер-офицеры – до 50 лет, штаб-офицеры и генералы – до 55 лет. По новому «Положению об устройстве Государственного ополчения» 1914 г. эти сроки были увеличены: для обер-офицеров – до 55, штаб-офицеров – до 60 и генералов – до 65 лет. Таким образом, из сколь-нибудь профессионально подготовленных офицеров ополчение должно было довольствоваться 40-летними и принимаемыми на службу из отставки, т. е. лицами еще более старшего возраста или же покинувшими службу не по своей воле (это «добавит колорита» ополченским частям во время войны). Для добровольного состояния на учете в ополчении возрастные ограничения не действовали вообще, хотя ожидать даже элементарного знакомства с действующими уставами 60-летних обер-офицеров не приходилось.

Результатом формирования значительного числа ополченских частей, с одной стороны, и отсутствия в империи должного числа офицеров запаса, с другой, стало почти полное отсутствие в ополченских частях, даже несмотря на некомплект, «нормальных» офицеров. Закон предусматривал для назначаемых на офицерские должности в ополчение зачисление на службу: а) для лиц, имеющих соответствующий или больший должности чин – действительными чинами, которыми они могли бы быть приняты в войска; б) для имеющих низший чин – «чинами, соответствующими должности, зауряд, т. е. сохраняя этот чин, пока будут состоять в должности». Чины «зауряд» и составили едва ли не большинство ополченских командиров. Особенно ярко это проявилось в дружинах, поступивших на формирование полков третьей очереди в 1915 г., когда прапорщики (и не только) – зауряд⁵ начали возвращаться в свое «первобытное состояние». И это несмотря на то, что уже в сентябре 1914 г. последовало разъяснение начальника мобилизационного отдела Главного управления генерального штаба начальникам (ГУГШ) штабов военных округов о том, что новое «Положение об устройстве государственного ополчения» отменяет категорию прапорщиков-зауряд, с тем, чтобы допускаемые к занятию младших офицерских должностей ратники ополчения оставались в прежнем звании. Правда, в апреле 1915 г. уже новому начальнику мобилизационного отдела ГУГШ пришлось разъяснять ровно то же самое, но уже дежурным генералам фронтовых штабов, и с оговоркой, что ратников, переименованных в зауряд

чины, «надлежит оставлять в сем звании, пока они будут занимать должности младших офицеров»⁶.

В немалой степени «беспорядок» с назначениями случился от того, что «Положение» 1914 г. прописало строгую привязку ополченских должностей к чинам, при этом соотнеся с чинами и должностями в постоянных войсках и дав начальникам бригад государственного ополчения право «утверждения в младших офицерских должностях лиц, не имеющих офицерских чинов»⁷.

В ноябре 1914 г. военный министр решил упорядочить назначения на старшие должности в уже сформированных ополченских частях. В частности, командиры дружин, батарей, сотен, рабочих рот и саперных полурот и начальники штабов ополченских бригад должны были утверждаться Высочайшим приказом, а данные о них должны были поступить в ГУГШ. Как оказалось, мера была не лишней, ибо начальство на местах или не имело возможности ознакомиться, или просто не спешило с выполнением требований из Петрограда. Яркий пример тому дает возникшая, возможно по чистой случайности, весной 1915 г. переписка между мобилизационным отделом ГУГШ и управлениями штаба Северо-Западного фронта. В сведениях, представленных в ГУГШ для составления Высочайшего приказа, в качестве начальника штаба 100-й ополченской бригады был показан подполковник Алексеев, но в рапорте о вступлении в должность он подписался «подполковник-зауряд». И.д. начальника мобилизационного отдела ГУГШ генерал-лейтенант П.И. Аверьянов попросил 26 апреля 1915 г. дежурного генерала штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта «выяснить... сведения о чине офицера Алексеева»⁸. Запрос из Петрограда шел с пометкой «Спешное», но ответ от инспектора ополченских частей фронта, которому «по принадлежности» был переправлен запрос, был отправлен только 14 мая 1915 г. и по своему содержанию, наверное, превзошел все петроградские ожидания: «На должность начальника штаба 100 бригады государственного ополчения 4 марта с.г. допущен зауряд подполковник Алексеев, имеющий действительный чин прапорщика»⁹. Ответное сообщение было весьма корректно:

«На должность начальника штаба бригады государственного ополчения не могут быть назначаемы офицеры в чине ниже капитана.

В виду сего, утверждение в должности начальника штаба 100-й бригады государственного ополчения прапорщика Алексеева Высочайшим приказом не представляется возможным»¹⁰.

После такого примера ясна все эфемерность «пожелания» Положения об устройстве Государственного ополчения «на должности начальников штабов бригад назначаются, по возможности, числящиеся в ополчении офицеры Генерального Штаба или окончившие курс в одной из военных академий»¹¹.

Вопреки расчетам мирного времени, многие ополченские дружины довольно быстро оказались на театре военных действий, а то и в боевой линии. Недостаточное количество и низкое качество офицерского состава стали проявляться все ярче. Начальник Ковенской ополченской бригады рапортовал 16 января 1915 г. коменданту крепости: «Уже неоднократно от вверенной мне бригады командировались ратники на пополнение рядов действующих на позициях частей. Ваше Высокопревосходительство поставили неперенным условием спешно обучить и подготовить ополченцев, применительно к современным требованиям службы, дабы они явились вполне сознательными и обученными бойцами. Выполнение этого требования сопряжено с большими затруднениями, так как в бригаде громадный некомплект офицеров с одной стороны, с другой же – имеющийся состав офицеров, призванных и принятых из отставки) не вполне удовлетворяет (за исключением нескольких человек) современным требованиям офицерской службы, предъявляемым к строевому офицеру, ибо эти офицеры покинули военную службу десятки лет тому назад и, конечно, совершенно отстали от строя и мало, если не совсем, знакомы с нынешними требованиями его. Кроме того, в составе офицеров бригады есть много офицеров, никогда не служивших в пехоте (артиллеристы, кавалеристы, моряки и служившие в местных инженерных войсках). Все это до некоторой степени лишает меня возможности более успешно готовить ополченцев, вполне удовлетворяющих условиям современного боя»¹².

Столкнувшись как с количественной нехваткой офицеров в ополченских частях, так и с их недостаточной профессиональной подготовкой, военное ведомство открыло ратникам ополчения в начале 1915 г. доступ в военные училища и школы подготовки прапорщиков пехоты. Успешность подготовки в 3–4 месяца полноценного офицера из столь сырого материала была сомнительна. Учитывая же, что основную массу вакансий занимали представители постоянных войск, также испытывавших острейший некомплект офицерского состава, то решительно изменить ситуацию в ополченских частях эта мера не могла. К тому же значительная часть свежеиспеченных офицеров,

произведенных в прапорщики армейской пехоты (или запаса армейской пехоты), в ополченские части не возвращалась¹³. Приходилось искать «альтернативный вариант».

Мотивируя необходимость создания школы для подготовки прапорщиков ополчения, инспектор частей государственного ополчения Юго-Западного фронта писал Главнокомандующему: «Некомплект офицеров в строевых ополченских частях фронта на должностях ротных командиров и младших офицеров превышает 700 человек. Нет оснований надеяться на уменьшение этой цифры путем призыва еще не призванных из отставки офицеров, так как, во-первых, число это совершенно ничтожно и никакого влияния на уменьшение некомплекта иметь не может, а во-вторых, офицеры эти – преимущественно престарелые штаб-офицеры, добровольно числящиеся на учете, часто годные только на нестроевые должности. Между тем, по общему характеру личного состава офицеров ополчения (сравнительно высокий средний возраст, большой процент больных) некомплект офицеров будет продолжать возрастать»¹⁴.

В немалой степени возраст и здоровье начинали подводить в самые ответственные моменты – при попадании в боевую линию. Начальник 84-й ополченской бригады генерал-майор Семенов рапортовал инспектору частей ополчения Юго-Западного фронта 26 апреля 1915 г., что «с выступлением трех дружин на передовые позиции, некоторые из офицеров стали официально заявлять о тех своих болезнях, которые позволяли им нести службу в тылу армии и которые совершенно лишают их возможности нести службу боевую»¹⁵.

Пожилые командиры дружин и рот просто не могли готовить своих младших офицеров знакомыми «с современными требованиями строевого образования», из призванных же из отставки прапорщиков ополчения, «возраст которых обычно не ниже 40 лет и доходит до 48–49 лет», инструктора и помощники тоже были слабые¹⁶.

С сожалением можно также отметить тот факт, что некоторые отставные офицеры добровольно поступали на службу в ополчение исключительно с целью извлечь материальную выгоду. Расчет строился на том, чтобы, получив от казны положенное денежное довольствие, легко, вследствие своего расстроенного здоровья, быть забракованными и уволенными от службы. В октябре 1914 г. ГУГШ просил МВД указать губернским по воинской повинности присутствиям, дабы на добровольный учет в ополчение принимались только лица, способные по состоянию здоровья к несению ополченской службы¹⁷.

Первым крупным ополченским соединением на театре военных действий стал XXXII-й армейский корпус, сформированный в составе 9-й армии Юго-Западного фронта в начале весны 1915 г. Сначала в его состав входили бригады государственного ополчения, которые 17 июня были переформированы в полки и дивизии (1-я и 2-я) государственного ополчения, а с 1 июля – в 101-ю и 102-ю пехотные дивизии, – первые дивизии 3-й очереди (401–408-й пехотные полки, соответственно). Также для вхождения в корпус была намечена формируемая 103-я пехотная дивизия. Все лето командир корпуса генерал-лейтенант И.И. Федотов, при поддержке командующего 9-й армией генерала-от-инфантерии П.А. Лечицкого, бился с вопросом укомплектования частей своего корпуса, которое должно было поступать через инспектора ополченских частей Юго-Западного фронта. Кавалер Георгиевского оружия, командовавший в начале кампании 11-й пехотной дивизией, И.И. Федотов прекрасно ознакомился с командирами ополченских частей и раз за разом был вынужден повторять начальству:

«Большое место ополченских частей – полная отсталость и незнакомство офицерского состава и начальствующих лиц с современными требованиями не только тактики, но и уставов. Почему мною признается безусловно необходимым ныне иметь в каждом полку, по крайней мере, командира полка действительной службы»¹⁸.

Практика доказала справедливость этих слов и в полки 3-й очереди при их формировании стали прибывать недавние батальонные командиры первоочередных частей, фактически в одиночку начинавшие приводить доставшееся им наследство в «божеский вид».

Возможно, после переформирования ополченских дивизий в пехотные отношения генерал-лейтенанта И.И. Федотова с ополченским начальством окончательно разладились, и тогда удар на себя принял начальник штаба XXXII-го корпуса генерал-майор Л.Л. Байков, также Георгиевский кавалер. Именно его «ответная» телеграмма, отправленная 16 июля 1915 г. одновременно инспектору ополчения Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н.С. Глинскому (кстати, тоже кавалеру Георгиевского оружия), из чьего подчинения окончательно выходили части XXXII-го корпуса, и (в копии) дежурному генералу 9-й армии полковнику И.К. Лисенко дает, пожалуй, самое яркое представление о том, какие офицеры могли оказаться в составе боевых частей: «Сегодня для пополнения корпуса прибыл штабс-капитан 525 дружины Клоченко, имеющий от роду 67 лет, страдающий

[от] экземы (так в тексте, возможно, эмфиземы? – А.М.) легких, имеющий слабое сердце, старческий маразм и всего лишь пять гнилых зубов нижней челюсти. Такой офицер признан корпусной санитарной комиссией к службе в строю негодным и отправляется обратно в ваше распоряжение. Командир корпуса убедительно просит командировать лишь здоровых офицеров, а если таковых нет, то вовсе не посылать на пополнение офицеров, имея в виду, что согласно распоряжения фронта 32 корпус должен пополняться на общих с другими армейскими корпусами основаниях»¹⁹.

В некоторое оправдание генерал-лейтенант Глинского можно привести лишь то, что некомплект в ополченских частях фронта был и вправду огромен: к 1 июня 1915 г. в наличии было 1282 офицера, некомплект составлял 832 человека, ожидавшийся выпуск из школы прапорщиков ополчения мог дать только 400 человек²⁰. С другой стороны, в XXXII-м корпусе на 12 июля 1915 г. недоставало 238 офицеров²¹, на фоне чего присылка подобного «укомплектования» вполне могла быть воспринята командованием корпуса как издевка.

О качествах недавних «крестиков», волею начальства превратившихся в солдат, можно судить по письмам супруге полковника В.И. Николаева, коренного офицера 6-го стрелкового полка, получившего в командование один из полков 101-й пехотной дивизии (сам полковник думал, что ему предлагают полк 2-й очереди).

24 сентября 1915 г.:

«Вот, наконец, я прибыл и вступил в командование своего милого 401-го Карачевского полка! Ну и импровизация! Сегодня был маленький бой, и полная неудача – побежали! Милостив Бог, что на сей раз мой полк был резервом и участвовали три лишь роты, которые не сделали ничего хорошего, но не сделали и плохого...

А офицерство! Гордость полка и сливки – разного сорта прапорщики: училищные, школьные, так... разные, просто без специального и общего образования. Старшие офицеры – по разным причинам отставные: большею частью по болезням. Но – шутки в сторону: это сплошной ужас! Но возьму себя в руки, все свое приложу хладнокровие, всю силу умения! Одним словом, вооружусь терпением и поработаю! А потом, если не выдержу, уйду хоть на батальон»²².

Желаемый для кадрового офицера момент – получение под свою команду отдельной части – едва не омрачился при виде новых подчиненных. Вдвойне тяжело это было для мягкого по натуре человека: «По натуре я не цукач и терпеть этого не могу; здесь же такая распу-

ценность, расхлябанность, что иной раз очень жалею, что не умею цукать»²³.

За два месяца многое удалось сделать и командиру полка, понемногу ушло и «ополченское наследство». Тон письма от 1 декабря 1915 г. совершенно иной: «Завелось в полку новое офицерство, действительной службы, боевые, славные и веселые. Лицо полка меняется, даже прапорщиков четверых прислали из военного училища. Я ежедневно собираю всех, кто в резерве, веду с ними занятия, знакомлюсь сам с ними...»²⁴

Усилия полковника В.И. Николаева не пропали даром: командуя своими карачевцами, он заслужил орден Св. Георгия 4-й ст. за бой 24 мая 1916 г., в начале наступления Юго-Западного фронта.

Ставшая ясной к весне 1915 г. практически полная небоеспособность ополченских частей, вызванная во многом громадным некомплектом офицерского состава, с одной стороны, и серьезным отставанием основной его массы от современных требований – с другой, поставили перед фронтовым командованием проблему, к решению которой оно приступило ближе к лету. Расчет на пополнение офицерского состава ополченских частей выпускниками военных училищ и школ подготовки прапорщиков пехоты не оправдался: бывшие ополченцы распределялись преимущественно в армейские части. В известной степени громадный ополченский некомплект на фронтах был снижен формированием дивизий 3-й очереди, что перевело значительное число ополченских бригад в разряд «постоянных войск», сбросив заботу об их укомплектовании с плеч инспекторов частей государственного ополчения фронтов.

Несмотря на это ополченские дружины продолжают составлять значительную долю фронтовых частей. Сохраняется в ополченских частях и значительный некомплект офицерского состава (например, на Юго-Западном фронте – 570 человек, или 37 % от штатной численности²⁵). Для преодоления некомплекта на фронтах учреждаются школы подготовки прапорщиков ополчения. Мера эта начинает довольно быстро приносить свои плоды, сокращая некомплект (так, на Юго-Западном фронте уже после первого выпуска (15 августа 1915 г.), несмотря на новые формирования и начало призыва ратников ополчения 2-го разряда, он сократился с 37 до 22 %²⁶).

Условия приема в школы подготовки прапорщиков ополчения были идентичны установленным для школ подготовки прапорщиков пехоты, поэтому резонно, что в 1915 г. они столкнулись с аналогич-

ными трудностями. Главным из них явилось малое число лиц с образованием в империи, с одной стороны, и продолжение действия отсрочек для его получения во время мировой войны – с другой. Широко распахнув двери для лиц, хотя бы окончивших 4-классные городские училища, а то и просто «всех с позиций» (без какого-либо образования), школьное начальство вскоре было вынуждено констатировать, что «значительный % из поступивших, вследствие малого образовательного ценза... оказался малоподготовленным или даже совершенно непригодным для будущей офицерской службы в частях войск»²⁷. На втором курсе Школы подготовки прапорщиков ополчения Юго-Западного фронта «непригодные» составили свыше 1/5 набора.

Несмотря на это весной 1916 г. усилиями фронтовых школ прапорщиков ополчения удалось не только справиться с некомплектом младших офицеров в ополченских частях, входящих в состав фронтов, но и ликвидировать группу «прапорщиков-зауряд», занимавших младшие офицерские должности, либо пропустив их через школы прапорщиков и узаконив их положение, либо отчислив от младших офицерских должностей, вернув в прежнее унтер-офицерское звание. Эта мера, воспринимавшаяся некоторыми «лишенцами» как несправедливая, безусловно, нормализовала служебные отношения в ополченских частях. Абсолютному большинству исполнявших офицерские обязанности было предоставлено право узаконить свой статус, отбросив приставку «зауряд», пройдя соответствующее обучение.

Справившись с некомплектом офицеров в ополченских частях, фронтовые школы подготовки прапорщиков ополчения стали принимать для обучения и командиремых из армейских частей, которые постепенно начинают составлять большинство обучаемых. Постепенный отказ от привлечения частей государственного ополчения для активного использования в боевой линии вернул их к более «традиционной» службе на фронтах: с 1916 г. основное место ополченских частей в тылу (фронтовом или «глубоком»), с выполнением вспомогательных задач небоевого характера.

Грандиозный масштаб разразившейся в 1914 г. мировой войны привел к привлечению в состав войск действующей армии ополченских формирований, которые ни по своей подготовке, ни по выучке, ни по качеству офицерского состава не могли сыграть серьезной роли. В ходе самого тяжелого для русской армии 1915 г. значитель-

ные усилия ушли на укомплектование офицерского состава ополченских частей, находящихся на фронте. Проблема эта в начале 1916 г. была решена, когда части государственного ополчения уже перестали активно участвовать в боях. В то же время части «постоянных войск» все более и более по своему составу напоминали ополченские формирования, чему немало поспособствовало исчерпание еще в первые месяцы войны обученного запаса армии и начало ее пополнения ратниками 1-го, а с осени 1915 г. – и 2-го разряда.

¹ Приказ по военному ведомству 1914 г. № 446.

² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 115. Л. 15 об.

³ Левицкий В.А. На Кавказском фронте Первой мировой: Воспоминания капитана 155-го пехотного Кубинского полка. 1914–1917. М., 2014. С. 228.

⁴ См.: Устав о воинской повинности, изд. 1897 г. Ст. 347.

⁵ В то время как в воинских частях нижние чины, допущенные к исполнению обязанностей младших офицеров, производились в «зауряд-прапорщики», ратники в ополченских частях в аналогичной ситуации – в «прапорщики-зауряд».

⁶ РГВИА. Ф. 2078. Оп. 1. Д. 100. Л. 37.

⁷ Там же. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 244.

⁹ Там же. Л. 245.

¹⁰ Там же. Л. 246.

¹¹ Там же. Л. 5 об.

¹² Там же. Л. 78.

¹³ См. напр.: Там же. Ф. 2078. Оп. 1. Д. 76. Л. 39.

¹⁴ Там же. Д. 168. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 76. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 168. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Д. 100. Л. 81.

¹⁸ Там же. Д. 76. Л. 39.

¹⁹ Там же. Л. 56.

²⁰ Там же. Л. 51.

²¹ Там же. Д. 168. Л. 69.

²² Николаев В.И. Письма с фронта Великой войны // Дворянское собрание. 1995. № 2. С. 146–147.

²³ Там же. С. 147.

²⁴ Там же.

²⁵ РГВИА. Ф. 2078. Оп. 1 Д. 168. Л. 72–75.

²⁶ Там же. Л. 94.

²⁷ Там же. Л. 93.

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

**ПУШКИ. КОЛОКОЛА И ДЕНЬГИ:
ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПЕТРОВСКИХ
АРТИЛЛЕРИСТОВ ЗА ВЗЯТИЕ ГОРОДА**

Важной частью наших знаний о военной истории являются воинские традиции и обычаи прошлого. Часто неписанные, их нормы могли быть самоочевидными для участников исторических событий, но об их смысле и происхождении мы сегодня можем лишь догадываться. Изучение таких нюансов военного дела петровского времени позволяет лучше понять и объяснить сведения дошедших до нас источников. Попробуем показать это на примере работы с массивом документов, созданных 300 лет назад по итогам взятия крепости Нейшлот.

2 декабря 1714 г. А.Д. Меншиков написал Я.В. Брюсу: «Понеже его царское величество указал за взятую в неприятельской шведской крепости Нешлоте медь выдать господину Корчмину и при нем будучим против того ж почему давано за такую ж медь взятую за пуд в Шлютелбурхе и в прочих крепостях по вашему рассмотрению и ваше превосходительство о выдаче таких денег изволте учинить по его царского величества указу»¹. О каких деньгах за медь из крепостей идет речь? Кому и за что полагалась эта выплата? Откуда пошла такая практика, где и когда она была распространена?

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует рассказать об упомянутой неприятельской крепости и о ее взятии. Замок, в годы Северной войны и позднее упоминаемый как Нейшлот, был построен шведами в 1475 г. и назывался замком Св. Олафа (Олафсборг). Сегодня он известен как Олавилинна в городе Савонлинна на юго-востоке современной Финляндии неподалеку от российской границы. Цитадель располагалась на острове посреди протоки Сайменского озера и прикрывала водный путь из Кексгольма в Куопио. В 1714 г. российс-

кие войска завершили покорение Финляндии: в феврале в результате сражения при Напуе (*фин.*, также Исокюро, *шв.* Сторкюро; в отечественной историографии – Лапола) войсками М.М. Голицына была разгромлена и вытеснена из Финляндии шведская армия генерала Армфельта; в июле у полуострова Ханко (Гангут) знаменитую победу одержал галерный флот; были также заняты крупные города Або и Васа. Второстепенным направлением русского наступления стал Нейшлот – последняя шведская крепость в регионе. Петр строил планы взятия этого пункта еще в сентябре 1713 г., когда по царскому приказу на разведку к замку был отправлен капитан-поручик бомбардирской роты Преображенского полка Василий Дмитриевич Корчмин с партией драгун Олонецкого полка². В 1714 г. задача взять Нейшлот возлагалась на полковника Ивана Максимовича Шувалова (отца будущего елизаветинского генерал-фельдцейхмейстера Петра Ивановича Шувалова) с войсками Выборгского гарнизона. 21 мая 1714 г. Меншиков подписал инструкцию Шувалову о действиях осадного корпуса; артиллерией заведовал Корчмин, который однако не подчинился Шувалову, но «имел быть под своею командою», и полковник должен был с ним советоваться по вопросам инженерного и артиллерийского обеспечения осады. В первых числах июня были сделаны распоряжения о подготовке и отпуске припасов для осады – артиллерийских³ и шанцевого инструмента⁴. 6 июня 1714 г. отряд выдвинулся из Выборга; 19 июня Шувалов пришел к Нейшлоту, 20 июня началось бомбардирование, 24 июля осадные пушки начали пробивать брешь, 27 июля комендант майор Бушк вступил в переговоры, и 29 июля крепость была сдана «на аккорд». Гарнизон численностью 561 человек был отпущен в Куопио, но 156 его солдат предпочли остаться жить в уезде рядом с крепостью⁵. Среди трофеев в журнале Шувалова перечислены 25 чугунных и 6 медных пушек, которые возвращают нас к вопросу о меди (а точнее, орудийной бронзе) из взятой крепости.

В исходном письме Меншикова значится: «а число той меди в пушках и в колоколах по ведомости генерала маеора чернышова 485 пуд»⁶. Согласно реляции Шувалова, медные пушки вывезли в Выборг. 13 октября 1714 г. Выборгский комендант генерал-майор Григорий Петрович Чернышев по приказу Меншикова передал нейшлотские орудия в артиллерийское ведомство. Пушки, гаубицу и медные шуфлы (две 8 фн, две 6 фн и одна 3 фн) велено принять майору Витверу, а «рваную пушечную медь» весом 6 пуд 20 фунтов – на пушечном

дворе сержанту Ушакову⁷. Майор Витвер 7 декабря подал ведомость о принятых в Санкт – Петербурге орудиях: 8 фн пушка весом 114 п 20 ф, 8 фн пушка весом 92 п, 6 фн пушка весом 62 п 20 ф, 6 фн пушка весом 54 п, 3 фн пушка весом 41 п 10 ф, 1 пудовая гаубица весом 17 п 20 ф; итоговый вес 384 пуда 30 фунтов.⁸

Командовавшему артиллерией во время осады В.Д. Корчмину по приказу царя следовало выдать деньги за взятую в Нейшлоте оружейную бронзу по тем же расценкам, по которым оплачивалась эта «медь» после взятия Нотебурга и других крепостей.

Пока подчиненные Брюса искали сведения о нотебургских выплатах, Яков Вилимович принял временное решение: за 6 орудий и небольшое количество «рваной пушечной меди» общим весом 391 пуд 10 фунтов Корчмину выплатить 1000 рублей (200 р. в Петербурге и 800 р. в Москве в Приказе артиллерии). Вместе с тем, продолжились поиски «по чему ценою за взятую в Шлюсбургхе и в иных крепостях такую ж медь артиллерийским служителям и прочим за пуд давано»⁹. Однако в артиллерийском ведомстве, несмотря на распоряжение Я.В. Брюса навести справки, затруднились предоставить какие бы то ни было сведения о выкупе меди ни из Шлиссельбурга, ни из других взятых крепостей («во артиллерийской канцелярии ведомости нет и выписать неизчего»¹⁰). Чиновник Приказа артиллерии поручик Иван Тарбеев сообщал из Москвы 19 января 1715 г.: «а по чему ценою за взятую в Шлюсбургхе и в иных крепостях такую ж медь преж сего артиллерийским служителям и протчим давано, о том в приказе артиллерии выписать не из чего, ибо расходные книги и подлинные выписки и указы из приказа артиллерии взяты с 700 году по прошлой 714 год в Санкт Питербурх»¹¹. Дальнейшая переписка касалась лишь того, сколько рублей и от кого получил Корчмин в зачет призовой тысячи¹²; сведений об аналогичных выплатах ранее, очевидно, так и не нашли.

Обращает на себя внимание, что в письме Меншикова упомянуты колокола и общий вес трофеев – 485 пудов; последующие документы касаются лишь орудий общим весом 384–391 пуд. Таким образом, предположительно, из крепости были также вывезены колокола весом около 100 пудов; однако никаких положительных сведений об этих трофеях пока обнаружить не удалось.

Но сам Петр, Меншиков с Брюсом и, видимо, также Корчмин должны были помнить о том, что после взятия Нотебурга была проведена аналогичная схема с выплатой за трофейные пушки. Сведе-

ния об этом сохранились среди документов российского артиллерийского ведомства, хотя их и не смогли найти в 1714–1715 гг. В 1703 г. генерал-майору Я.В. Брюсу «сотоварищи за швецкие за 7 пушек которые им даны за взятие и радетельные промыслы новозавоеванного города Шлюсельбурха» были даны 1617 рублей 5 алтын¹³. Согласно письму генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева от 30 января 1703 г. эти деньги причитались «Якову Брюсу с артилерным полковником и с начальными людьми»; расценки за 7 орудий общим весом 383 пуда 20 фунтов были следующими – «за целые и к стрелбе годные по 6 рублей, а за ломаные и к стрелбе негодные по 4 рубли за пуд»¹⁴. Примечательно, что другие 7 медных пушек из Нотебурга, калибром от 24 до 3 фн, общим весом 480 пудов 19 фунтов, были определены фельдмаршалом «господину капитану бомбондирской роты с порутчиком и урядники и с редовыми салдаты за их труды», и таким образом сам Петр как капитан, Меншиков как порутчик и другие бомбардиры-преображенцы (вероятно, Корчмин был в их числе) получили из расчета по 6 рублей за пуд в общей сложности 2882 рубля 28 алтын 2 деньги¹⁵. То есть, артиллеристы и бомбардиры получили в награду трофейные пушки, но выдали их не «натурой», а деньгами, по определенным расценкам. Именно этих расценок не смогли восстановить подчиненные Брюса в 1715 г., и Корчмину заплатили по гораздо меньшему тарифу (около 2,5 рублей за пуд против 6 рублей).

Взятие Нотебурга было первой крупной удачной осадой шведской войны; по его итогам на участников пролился дождь всевозможных наград. Военно-походный журнал Б.П. Шереметева уточняет, как именно были пожалованы ратные люди, «которые были на штурме, за их верную службу и за кровь»: все участники штурма Нотебурга от капрала и старше получили единовременные денежные выплаты (капитаны получили по 300 р., поручики – 200 р., подпоручики – 100 р., сержанты – 70 р., капралы – 30 р.); рядовые младшего («племянничьего») оклада были повышены в «старый» оклад, «старые» рядовые – в капральский оклад; все офицеры были повышены в чинах с соответствующим жалованием, хотя оставались служить в своих полках в прежних чинах в ожидании вакансий («в убылые места»¹⁶). Раненым на приступе начальным людям давалось «государева жалованья по 300 рублей»¹⁷. Награды, как видно, были обильными, и артиллеристы и бомбардиры также получили свое. Однако после Нотебурга последовали многие и многие взятия других крепостей, но доставались ли артиллеристам

аналогичные трофейные выплаты? Сведений об этом нам пока найти не удалось.

За взятие Нарвы в 1704 г. бывшие при осаде «артиллерийские офицеры и прочие служители» должны были по государеву указу получить деньги, но вопрос о выплате оставался нерешенным даже в марте 1707 г., о чем свидетельствует корреспонденция Я.В. Брюса¹⁸. И лишь в марте 1708 г. деньги дошли до адресатов; офицеры и унтер-офицеры получили трехмесячное жалование не в зачет, капралы – по 2 р., канониры, фузелеры, барабанщики и мастеровые люди – по 1 р.¹⁹ Переписка по поводу этой выплаты не содержит упоминаний о трофейной меди, т.е. вознаграждение артиллеристам за Нарву не было увязано с количеством захваченных медных пушек, как за Нотебург и Нейшлот. Вместе с тем, согласно распоряжению царя генералу А.И. Репнину, захваченная в Нарве медь выкупалась у солдат – участников штурма²⁰; но в данном случае медь скорее всего была бытовой (о выкупе пушек или колоколов данных нет) – и вознаграждены таким образом были те пехотинцы, кто приступом брал крепость 9 августа 1704 г.²¹

Сведения о награждении артиллеристов за другие взятия крепостей еще предстоит выявить, но поскольку документы о выплатах призовых денег артиллеристам не нашлись в 1715 г., есть вероятность, что дача денег за нотебургскую и нейшлотскую медь была нетипичным явлением. Тем не менее, интересно проследить, откуда взялась подобная практика?

Артиллерия была тем родом оружия, с помощью которого преимущественно брались крепости, однако сами артиллеристы, в отличие от пехотинцев, не входили в город вместе со штурмовыми колоннами. Поэтому в Европе правам артиллеристов на добычу были посвящены свои военные обычаи. Об их существовании сохранились свидетельства как в трудах по военному делу, так и в документах, касающихся отдельных осад.

Исследователь обычаев осадной войны Джон Райт нашел указание на «самый курьезный и интересный из старинных военных обычаев» в испанском трактате времен войны в Нидерландах (конец XVI в.). По описанному в нем правилу, во взятой крепости пушки, оставшиеся на лафетах, отписывались на короля, пушки без лафетов отдавались генералу артиллерии, а разбитые пушки – пушкарям²². Другое упоминание интересующего нас обычая находим в «Марсовых трудах» французского автора Аллена Манессона Малле, своего рода

военной энциклопедии второй половины XVII в. Там написано, что по праву войны колокола взятого города должны достаться артиллерии победителя²³. Еще один многотомный военный автор, испанский маркиз Санта-Круз, в 1720-х гг. подтверждал, что все колокола (и вообще все медные и бронзовые изделия) взятого города должны достаться офицерам-артиллеристам, которые произвели хотя бы один выстрел по крепости; при этом автор не знал, откуда происходило такое правило, и считал необходимым давать горожанам возможность заплатить денежный выкуп вместо снятия колоколов со своих храмов²⁴. Джон Райт иллюстрирует укорененность этого обычая во французском войске ситуацией вокруг взятия Барселоны в 1697 г., когда даже сам французский главнокомандующий герцог Вандом не смог оградить горожан от притязаний своего командующего артиллерией – тот настойчиво требовал выкуп в 10 000 дублонов за весь металл, находящийся в городе²⁵. Сложно с уверенностью говорить о происхождении этого обычая, объяснений в документах эпохи найти пока не удалось. Автор недавно вышедшей книги о жестокостях европейских войн раннего нового времени Лауро Мартинес предполагает, что традиция восходит к религиозным войнам в Европе, когда победители отдавали колокола поверженного города своим артиллеристам на металл или разбивали их «в наказание» за службу противной конфессии²⁶. Последний из приведенных примеров демонстрирует, что конфессиональные различия в данном случае значения не имели.

Колокола осажденных и взятых городов упоминаются в нескольких источниках Северной войны. О молчащих колоколах сообщал мемуарист Гельмс – со дня начала бомбардирования русскими войсками шведской Риги в ноябре 1709 г. «в городе с третьего дня (как неприятель начал бомбардирование) не трогали ни колоколов, ни часов, а также не было богослужения в общественных церквях, но все было совершенно тихо». А несколькими днями позже с рижской колокольни Св. Петра были сняты «превосходные куранты»²⁷. В Нарве с началом осады 1704 г. «колокола от кирок сняли и зарыли в землю, оставили малые, и те обшили и не звонят для печали»²⁸. Можно предположить, таким образом, что колокольный звон в осажденном городе расценивался как нечто вызывающее по отношению к противнику, и горожане в двух упомянутых случаях, видимо, стремились не провоцировать осаждающих. Из других источников мы знаем, как осаждающие наказывали за нарушение обычая. В 1703 г.

после четырех с лишним месяцев осады Торна шведы взыскали с города дополнительную контрибуцию в 60 тыс. ефимков «с монахов и с монахинь за то, для чего они во время осады в городе в колокола звонили»²⁹. Другой пример выходит за хронологические рамки Северной войны, но и о нем надо написать. При взятии русскими войсками Данцига в 1734 г. в ходе войны за Польское наследство на сдавшийся город, помимо прочей контрибуции, был наложен штраф за то, что во время осады в городе «в противность военному обыкновению в колокола звонили»³⁰. Текст капитуляции уточнял, что эти деньги предназначались для генералитета артиллерии и инженерного копуса русской императорской армии³¹.

Исходя из вышеприведенных фрагментарных упоминаний, видно, что обычаи вознаграждения артиллеристов трофейной орудийной и колокольной медью из взятых городов были известны в разных регионах Европы, хотя пока сложно делать выводы об их происхождении и развитии. Существование подобной практики награждения пушкарей в допетровской России нам неизвестно. Можно предположить, что обычай родился в Европе не позднее XVI в. и к началу XVIII в. был привнесен в российскую армию, возможно, иностранными офицерами, которые составляли практически 100 % командного состава петровской артиллерии в начальный период войны.

Таким образом, в рассмотренных документах архива ВИМАИВиВС находится свидетельство бытования в петровской армии старинного артиллерийского воинского обычая из Европы.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

² Письма и бумаги Петра Великого. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 112, 113.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 1. Л. 32, 32а, 42.

⁴ Там же. Л. 52, 53.

⁵ Об осаде Нейшлота см.: Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. Документы государственного архива. СПб., 1894. С. 227–228, 238, 288–290; Бородин М.М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 162; Ranta R. Viipurin komendanttikunta. 1710–1721: valtaus, hallintoja oikeudenhoito. Helsinki, 1987. P. 113–120; Uddgren H. E. Kriget i Finland 1714. Stockholm, 1909. S. 103; Yrjö Koskinen. Läheittä Ison Vihan historiaan. Handlingar till upplysande af Finlands öden under det stora nordiska kriget. Helsinki, 1865. S. 366–367.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 1–6.

¹⁰ Там же. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 131.

- ¹² Там же. Д. 179. Л. 7; Д. 180. Л. 4, 5, 10, 20, 69; Д. 181. Л. 4, 6, 24, 39 об.
- ¹³ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. С. 491.
- ¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 164.
- ¹⁵ Там же. Л. 164 об.
- ¹⁶ Шереметев Б.П. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705-го года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-ученого архива главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 124.
- ¹⁷ Желябужский И. Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 340.
- ¹⁸ Архив генерал-фельдфеихмейстера Я. В. Брюса. СПб – Щелково, 2006. Т. 3. С. 62.
- ¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 834.
- ²⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. СПб., 1893. С. 140.
- ²¹ Подробнее см.: Мегорский Б.В. О военной добыче при штурме города. К 310-й годовщине второго нарвского похода Петра Великого // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXIII. Петровское время в лицах – 2014. К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014). Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 254–261.
- ²² Wright J. W. Sieges and Customs of War at the Opening of the Eighteenth Century // The American Historical Review. Vol. 39. No. 4 (Jul. 1934). P. 636.
- ²³ Mallet A.M. Les Travaux de Mars ou L'Art de La Guerre. Т. 3. Paris, 1691. P. 313.
- ²⁴ [Álvaro José de Navia Osorio y Vigil de la Rúa, Marques de Santa Cruz de Marcenado, Vizconde del Puerto] Reflexiones Militares. Т. 7. Turin, 1726. P. 551.
- ²⁵ Wright J. W. Sieges and Customs of War at the Opening of the Eighteenth Century // The American Historical Review. Vol. 39. No. 4 (Jul. 1934). P. 636–638.
- ²⁶ Martines L. Furies: war in Europe, 1450–1700. New York, 2013. P. x.
- ²⁷ Гельмс И.А. Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги и того, что случилось со дня ее блокады, а также во время жестокой бомбардировки и обстреливания ее в 1709 г., до сдачи ее в 1710 г. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 417.
- ²⁸ Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. Историческое исследование по первоисточникам. СПб., 1912. Кн. 3. С. 19–20.
- ²⁹ Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1770. С. 74.
- ³⁰ Реяция о благополучном и славном происхождении в Польше оружия Ее Императорского Величества и о взятии и о покорении города Гданьска. Сообщ. П. Мельников // Отечественные записки. 1841. Т. 14. № 1. Отд. 7. С. 4.
- ³¹ Accurate Nachricht von der Russisch und Sächsischen Belager- und Bombardirung Der Stadt Dantzig. Cöln, 1735. S. 323.

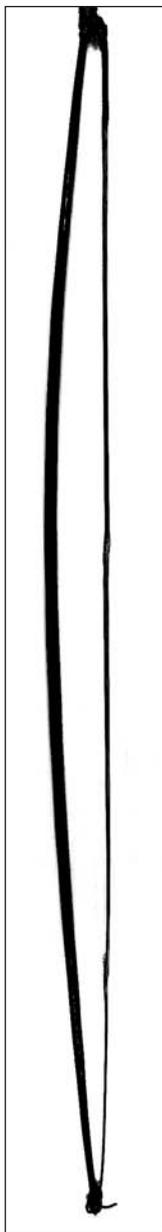
Ю.Д. Милосердов (Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА (КОСТЕЙ ПТИЦ) В XIX–XX вв.
В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГДМ)**

Государственный Дарвиновский музей обладает двумя небольшими непрофильными, но крайне интересными коллекциями: орудий лова и этнографической. Среди разнообразных предметов, хранящихся в этих фондах, есть несколько, относящихся к Новой Гвинее.

В фонде «орудия лова» ГДМ хранится лук из Новой Гвинеи. Такие простые луки получили наибольшее распространение среди так называемых «первобытных» народов – племен Африки, Южной Америки, островов Меланезии. До сих пор живущие в каменном веке аборигены Новой Гвинеи изготавливают луки, достигающие 1830 мм и иногда больше¹. Типичный папуасский лук изготовлен из древесины саговой пальмы. Сторона, обращенная к тетиве (брюшко) – плоская, внешняя сторона (спинка) – закругленная. Тетива изготовлена из бамбука. Лук не меняется последние 100 лет, в чем легко убедиться, взглянув на экспонаты из коллекции музея Азии и Тихого океана (Варшава), относящиеся к концу XIX в. и представленные в каталоге выставки «Магическое оружие небес»² и луки, описанные этнографами в конце XIX – начале XX в. Стерлинг в своей книге «Аборигены Новой Гвинеи» пишет: «Для жителей Новой Гвинеи лук – типичное оружие, изготовленный из черного пальмового дерева (саговая пальма) с бамбуковой тетивой»³. Лук из фондов Государственного Дарвиновского музея под номером КП НВФ 13059 точно такой же, как описано выше (рис. 1). Темная древесина саговой пальмы, из которой он изготовлен, очень плотная, не подверженная растрескиванию. Длина лука – 163 см. Тетива из полосы бамбука зафиксирована на нем при помощи узлов.

Рис. 1. Лук из Новой Гвинеи № КП НВФ 13059

В том же фонде хранятся две стрелы № КП НВФ 13061 и 13062, поступившие с луком (рис. 2). Стрелы у папуасов сделаны искусно, с бамбуковыми или костяными наконечниками⁴. Древко стрел изготовлено из стеблей тростника⁵, в которых расположены деревянные вставки. Длина стрел значительная: 1110 и 1310 мм. Это – стандартная длина для таких стрел⁶. Деревянные вставки длиной примерно 350–400 мм утяжеляют стрелу, так как наконечники – костяные (из трубчатых костей птиц) (рис. 3) и из-за этого легкие. Деревянная часть фиксируется в тростнике на одной стреле при помощи ротанговой оплетки (традиционный способ), а на второй – при помощи тонкой медной проволоки. В отличие от лука, который никак не украшен, стрелы (их деревянная часть) богато орнаментированы резьбой, типичной для папуасов Новой Гвинеи^{7,8,9}. На древках нанесены различные геометрические узоры, окрашенные белым и красным красителями. Оперения у стрел нет. Но это и не нужно, так как в джунглях нет необходимости стрелять на большое расстояние.

Наконечники, один из которых 85 мм длиной, а другой – 130 мм, крепятся при помощи смолы¹⁰. О том, что это охотничьи стрелы, говорит отсутствие зазубрин на наконечниках.

Несмотря на то, что стрелы кажутся легкими, папуасы Новой Гвинеи охотятся с ними на довольно крупную добычу, например, казуаров и диких свиней¹¹. Луки и стрелы использовались папуаса-

Рис. 2. Стрелы из Новой Гвинеи № КП НВФ 13061 и № 13062

Рис. 3. Наконечники стрел из трубчатых костей птиц

ми Новой Гвинеи как для охоты, так и во время военных действий¹².

Хранящийся в фонде этнографии новогвинейский костяной кинжал к охоте отношения не имеет. Известно, что папуасы Новой Гвинеи использовали для изготовления подобных кинжалов кости свиньи, казуара и даже человека^{13,14}. Кинжал под номером КП ОФ 16141 (рис. 4 и 5), хранящийся в фонде музея, изготов-

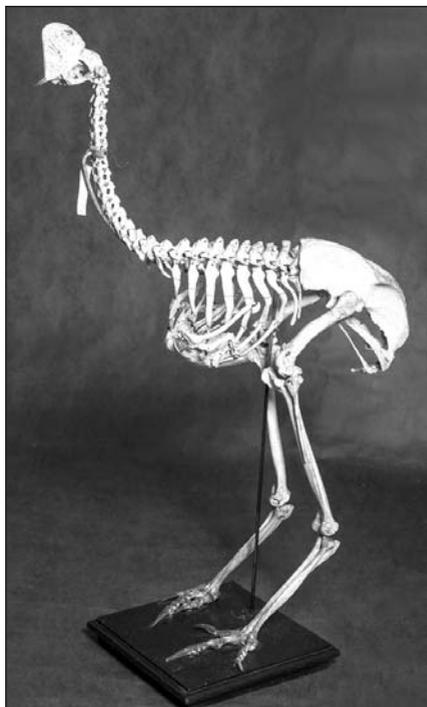
Рис. 4. Кинжал из кости казуара № КП ОФ 16141 (внешняя сторона)

Рис. 5. Кинжал из кости казуара № КП ОФ 16141 (внутренняя сторона)

лен из кости ноги казуара (*Casuarus casuarus*, Linnaeus 1758), как большинство аналогичных кинжалов^{15, 16, 17}. При том, что разные племена использовали разные кости с задней конечности казуара: как малую и большую берцовые, так и бедренную кость¹⁸ и кости плюсны¹⁹, мы можем точно утверждать, что кинжал из коллекции ГДМ изготовлен из большой берцовой кости казуара, благодаря возможности его сравнения со скелетом задней конечности казуара (*Casuarus casuarus*, Linnaeus 1758) от скелета под номером КП НВФ 6163, из коллекции остеологии ГДМ (рис. 6, 7). Головка рукояти образована нижним суставом (точнее, эпифизом кости)²⁰ (рис. 8, 9).

Размеры кинжала значительные: длина – 352 мм, «рукоять» (часть кости рядом с эпифизом, покрытая гравированными орна-

**Рис. 6. Скелет казуара (*Casuarius casuarius*, Linnaeus 1758)
№ КП НВФ 6163**

**Рис. 7. Скелет задней конечности казуара (*Casuarius casuarius*, Linnaeus 1758)
от скелета
№ КП НВФ 6163**

ментами) – 161 мм, «клинок» – 191 мм, ширина эпифиза – 42 мм. Поверхность рукоятки покрыта искусными геометрическими орнаментами, что является характерной чертой подобных кинжалов²¹ (рис. 10). Темный цвет кости позволяет предполагать, что кинжал был изготовлен в конце XIX – начале XX в.²²

Большинство авторов сходится на том, что такие кинжалы – боевое оружие, использовавшееся в сражениях для убийства врагов^{23, 24}, наравне с палицами²⁵ и копьями²⁶. «Такие кинжалы были предназначены для ближнего боя, когда войны вступали в рукопашную, или для того, чтобы добить раненного врага. Копье или палица в этом случае были не так удобны»²⁷. А кинжал из кости идеально подходит

Рис. 8. Эпифиз большой берцовой кости казуара (*Casuarius casuarius*, Linnaeus 1758) от скелета № КП НВФ 6163

Рис. 9. Головка рукояти кинжала – фрагмент эпифиза большой берцовой кости казуара

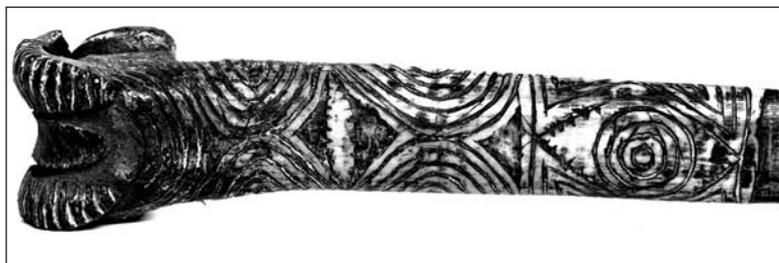

Рис. 10. Орнамент на рукояти кинжала из кости казуара № КП ОФ 16141

для руки – большой палец ложится на эпифиз кости во впадину суставной головки, а четыре остальных обхватывают верхнюю часть диафиза. Косо срезанная часть диафиза образует лезвия и острие кинжала.

Ношение кинжала могло показывать, миролюбиво настроен человек или нет. Кроме ношения кинжала в волосах²⁸, мужчины держали кинжалы из кости казуара или из человеческих костей за плетеной повязкой на плече левой руки²⁹. Если кинжал был заткнут за повязку на плече острием вниз, то это указывало на мирные намерения и означало, что мужчина шел в другую деревню с дружеским визитом, а если острием вверх, то он выходил на войну³⁰.

Но, кроме боевого использования, данные кинжалы выполняли и сакральную функцию. Дональд Тузин отмечает, что «кинжалы из кости казуара изготавливались для убийства и колдовства во имя духа Tambaran»³¹. Другие авторы упоминают, что именно кинжалом из кости казуара убивали неверных жен³², а также использовали их для инициации мальчиков³³. Можно сделать вывод, что это оружие связывало мир живых и мертвых, занимая особое место во всем комплексе вооружения новогвинейского воина. Именно по этой причине вышеупомянутый кинжал был отнесен к фонду этнографии, а не к фонду орудий лова.

¹ Стоун Д.К. Оружие и доспехи всех времен и народов. М.: Астрель, 2008. С. 373–374.

² K. Morawski. Magikal Weapons from the Sky. From the Indonesian collection of the Asia and Pacific Museum in Warsaw. Warsaw/Moscow, 2013. P. 244.

³ M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea. Published by the Smithsonian institution, 1943. P. 20.

⁴ Ibid.

⁵ T. Bush. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea // Records of the Australian Museum, 1985. P. 266.

⁶ K. Morawski. Magikal Weapons from the Sky. P. 244.

⁷ M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea. 1943. P. 20.

⁸ A. B. Lewis. Field Museum of Natural History Decoration and ornament New Guinea; Decoration and ornament. Chicago, Field Museum of Natural History. Chicago, 1925. P. 2, 21.

⁹ T. Bush. Form and Decoration of Arrows from the Highlands of Papua New Guinea. P. 258.

¹⁰ Ibid.

¹¹ M. W. Stirling. The native peoples of New Guinea, P. 215.

¹² Robert W. Williamson. The Mafulu: Mountain People of British New Guinea. London, 1912.

¹³ G.A.J. van der Sande. Nova Guinea: résultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle-Guinée en 1903. Vol. III: Ethnography and Anthropology, Leiden, 1907. P. 5.

¹⁴ Ibid. P. 240.

¹⁵ Brian Garvey. Catalog African, Pacific, and Pre-Columbian Art in the Indiana. University Art Museum USA, 2007. P. 74, fig. 51–53.

- ¹⁶ Luigi Maria D'Albertis. *New Guinea: what I Did and what I Saw*. T. 2. S. Low, Marston, Searle, & Rivington, 1880. P. 40.
- ¹⁷ Robert Harry Lowie. *An introduction to cultural anthropology*. Farrar & Rinehart, inc., 1940. P. 210.
- ¹⁸ Beatrice Blackwood. *The Kukukuku of the Upper Watu*. Pitt Rivers Museum, 1978. P. 83.
- ¹⁹ G.A.J. van der Sande. *Nova Guinea*. P. 5.
- ²⁰ *Ibid.* P. 240.
- ²¹ William Jay Youmans. *Appletons' Popular Science Monthly*. T. 52. D. Appleton and Co., 1898. P. 33.
- ²² G.A.J. van der Sande. *Nova Guinea...* P. 241.
- ²³ David Russell Lawrence. Gunnar Landtman in Papua: 1910 to 1912. Australia, 2010. P. 164.
- ²⁴ Sir John Hubert Plunkett Murray. *Papua; Or, British New Guinea*. C. Scribner's sons, 1912. P. 179.
- ²⁵ *The Journal of the Royal Geographical Society*. T. 46. Royal Geographical Society, Great Britain, 1876.
- ²⁶ *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. T. 30. 1900. P. 36.
- ²⁷ G.A.J. van der Sande. *Nova Guinea...* P. 241.
- ²⁸ Henry Nottidge Moseley. *On the Inhabitants of the Admiralty Islands, &c*. *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1877. P. 28.
- ²⁹ *Headhunting Practices of the Asmat of Netherlands New Guinea*. *American Anthropologist*, 61(6): 1020–1041, 1959. P. 1023.
- ³⁰ Simon Harrison. *The Mask of War: Violence, Ritual, and the Self in Melanesia*. *Crete Britain*, 1993. P. 113.
- ³¹ Donald F. Tuzin. *The Ilahita Arapesh: Dimensions of Unity*. London, 1976. P. 342.
- ³² Pamela Stewart, Andrew Strathern. *Gender, Song, and Sensibility: Folktales and Folksongs in the Highlands of New Guinea*. London, 2002. P. 98.
- ³³ Gilbert H. Herdt. *Rituals of Manhood: Male Initiation in Papua New Guinea*. USA, 1982. P. 271.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ АФГАНСКИХ «УСТАВНЫХ» ШАШЕК

Большинство авторов, дававших в своих работах описание шашки, сходятся на том, что шашка – разновидность сабли с клинком небольшой кривизны и рукоятью без гарды и с навершием характерной формы – в виде раздвоенных «ушей». Рукоять устроена таким образом, что может входить в устье ножен по головку. Так же подавляющее большинство авторов считают отличительным признаком шашки особый способ ее ношения – лезвием назад^{1, 2, 3, 4}

Хорошо описаны и изучены образцы этого оружия, которые были распространены на Кавказе и в сопредельных регионах. Значительно хуже исследован вопрос бытования шашки в Центральной Азии. Это упущение было исправлено в статье автора «Афганская шашка», в которой выдвигается предположение, что в Афганистане шашки известны с начала XIX в. Упоминание о них можно встретить у Эгертона, который пишет: «Эльфистоун в своих заметках о поездке с посольством в Кабул дает следующее описание вооружение некоторых афганских племен в начале XIX столетия: «гильзаи, тури, шинвари и момады живут в Кабуле. Они носят **кривые персидские сабли без гарды**, длинные ножи на поясе, копыя и мушкеты... Индийская сталь для изготовления мечей ценится очень дорого, но лучшие мечи привозят из Персии...»⁵. Логично предположить, что «кривая сабля без гарды» – это шашка.

Документально шашка, именно по своему названию, фиксируется в Афганистане со второй половины XIX в. Мы сталкиваемся с ее многочисленными упоминаниями русскими путешественниками. Например, И.Л. Яворский, описывая вооружение афганской армии, говорит следующее: «Она (*афганская пехота*) была вооружена вин-

товками, заряжающимися с дула, с пистонным замком. Штыки, прикрепленные к ружьям – нашего старого образца, т.е. от основания к острию истончающиеся пирамидально. Кроме того, у некоторых висели на поясе длинные ножи или **шашки**»⁶. Другие авторы упоминают, что «При переходе к регулярной армии и увеличении численности пехоты афганское правительство встретилось с большими трудностями по обеспечению армии оружием. В 70-х годах (XIX в.) пехота была вооружена устаревшими ружьями, **шашками** и штыками или кабульской имитацией этого оружия»⁷. «Артиллеристы горных батарей были вооружены пистолетами, а полевых – шашками. Прислуга крепостных орудий оружия не имела»⁸, «... кроме того, все кавалеристы имеют **шашки**, ножи и пистолеты...»⁹. Расположенная в Кабуле кавалерия состоит: риссалья «Аван-шан-кандагари» 400 человек, вооружены короткими с казны заряжающимися ружьями, пикою, **шашкою** и английским револьвером...¹⁰ Мундиры, штаны желтого цвета; сапоги с английскими ботфортами, на голове черная чалма с белыми полосками, пояс и **шашечный** прибор серебряный»¹¹. Итак, что же это были за шашки?

Впервые вопрос типологии афганских шашек был затронут в обзорной статье автора «Холодное оружие Афганистана конца XVIII – начала XX веков. Обзор»¹².

Тогда было рассмотрено два основных типа шашек, встречающихся в Афганистане. Первый тип — это бухарская или среднеазиатская шашка (рис. 1). Клинок у нее однолезвийный, широкий и

Рис. 1. Бухарская (среднеазиатская) шашка

слабо изогнут. У рукояти четко выражена пятя клинка. Линия лезвия плавно сближается с линией обуха. Обух слегка уширен по сравнению с плоскостями клинка. Ближе к обуху обычно идут один или два тонких дола. Рукоять таких шашек образована двумя роговыми или костяными накладками, которые прикреплены к хвостовику пятью стальными заклепками. Стык щечек рукояти закрывает стальная или серебряная полоска. Торцы щечек рукояти со стороны клинка часто закрывают фигурные накладки из железа или листового серебра. Со

стороны головки рукояти имеется стальной выступ, служивший, скорее всего, для крепления темляка. Рукоять шашки не утапливается в ножны. Такую шашку мы можем видеть на картине В.В. Верещагина «Афганец» 1869–1870 гг. В Афганистане она встречается гораздо реже, чем шашка второго типа и, несмотря на ее использование в этой стране, все же не может считаться исключительно «афганской» шашкой, поэтому в данной статье мы ее не рассматриваем, а оста- навливаемся на шашке второго типа.

Второй тип — это, по характеристике Ярослава Лебединского, псевдо-шашка¹³ (рис. 2). Клинок такой шашки однолезвийный, с

Рис. 2. Псевдо-шашка (по характеристике Я. Лебединского)

фальшлезвием, слабо изогнут, менее широкий, чем у бухарской шашки. Ближе к обуху выражен один тонкий или широкий дол, идущий до фальшлезвия. Ближе к пяте на клинке часто можно обнаружить клейма арсенала в Кабуле «Машин Хана». Две накладки из дерева или рога, приклепанные к широкому хвостовику тремя стальными заклепками, под которые подложены серебряные или железные шайбы, занимают две трети от рукоятки. Головку рукояти образуют маленькие изящные «уши». Верхняя треть рукояти металлическая, чаще железная, а иногда серебряная, напаяна на хвостовик или приварена кузнечной сваркой (рис. 3). По спинке и брюшку могут проходить стальные

Рис. 3. Рукоять псевдо-шашки

накладки-по-яски. Рукоять утапливается в обгнутые кожей деревянные ножны так, что наверху остается только ее

головка, как у кавказских шашек. Но, на наш взгляд, формы все-таки отличаются достаточно значительно.

Что же пишет об этом оружии Ярослав Лебединский, пожалуй, единственный автор, хотя бы незначительно затрагивающий этот вопрос? В главе «Псевдо-шашки Центральной Азии» он говорит, что в Туркестане и Афганистане спорадически появлялись сабли, «странно похожие на кавказские шашки». По его мнению, на Востоке (исключая Кавказ) классические шашки встречаются лишь в поздней Османской империи (как трофейное оружие, результат импорта предметов роскоши или же продукции кавказских мастеров отходников) и в Персии, где они входили в обмундирование кавказской бригады, экипированной по-кавказски. Отмечая, что шашки Центральной Азии похожи на «оригинальные» (кавказские) формой клинка, заточкой и рукоятью, Лебединский считает, что монтаж центральноазиатских шашек опровергает это сходство. Он утверждает, что монтаж их рукоятей похож на типичный для традиционного этнического оружия Афганистана (хайберы и каруды) и Средней Азии (каруды и пеш-кабзы): «Она (рукоять) может быть из массива камня или состоять из двух частей, соединенных металлическими заклепками и металлическим обручем (пояском)». Также он утверждает, что ножны центральноазиатских шашек носят по-сабельному: «Ножны из дерева, обтянутые кожей или бархатом с металлическими украшениями, носят как ножны турецкой сабли, а не так, как шашечные, направляющие острие назад»¹⁴.

Обращаясь к вышеупомянутым определениям шашки, мы позволим себе не согласиться с Я. Лебединским в вопросе монтажа рукоятей центральноазиатских шашек. Его описание рукоятей практически совпадает с описанием Э.Г. Аствацатурян. Безусловно, есть некоторые «этнические особенности» монтажа рукояти, традиционные для этого региона. Однако, если рассматривать определения шашек, приводимые другими авторами, на наш взгляд, оно подходит и для «классической афганской шашки». Вопрос ношение шашки в Центральной Азии тоже далеко не так однозначен, как пишет Лебединский. Если к бухарским шашкам, распространенным в Средней Азии, его определение подходит, то в отношении афганских шашек, названных им «псевдо-шашками», оно не совсем верно. Фотографии и гравюры конца XIX и начала XX в., на которых изображены афганцы с шашками, опровергают его слова. Изучая вышеупомянутые источники, легко убедиться, что афганцы чаще носили шашки лезвием вперед («шашечный подвес»).

Мнение Лебединского о том, что один из центров производства «псевдо-шашек» располагался в Бухаре в Узбекистане¹⁵, также вызывает сомнение. Известно, что шашки такого типа были распространены и производились в Афганистане. Однако нет ни одного документально подтвержденного факта производства их в Бухаре, и нам не известны случаи их ношения бухарцами.

Вообще не совсем понятен термин «псевдо-шашка», предложенный для афганских шашек. По всем характеристикам афганская шашка подходит под определения «классической» шашки, предложенные Э.Г. Аствацатурян, А.Н. Кулинским, Д.К. Стоуном и К. Ривкиным, которые приведены в начале статьи. Она обладает однолезвийным клинком разной степени кривизны (чаще всего незначительной) и рукоятью без гарды с выраженными «ушами», часто утапливаемой по головку в ножны. Безусловно обсуждаемое оружие является шашкой. Важно отметить, что такой вариант шашки был распространен исключительно на территории Афганистана. Так что в дальнейшем мы позволили себе называть предмет нашего обсуждения – афганской шашкой.

В данной статье мы попробовали классифицировать шашки, стоявшие на вооружении в афганской армии в конце XIX – начале XX вв. Эти шашки, о которых мы встречаем многочисленные упоминания русских географов, этнографов и военных, условно были названы нами «уставными». Условность данного названия связана с тем, что мы, к сожалению, не знаем, существовали ли документы, регламентирующие их ношение. Тем не менее, мы позволили себе использовать данный термин, так как они были довольно широко распространены в афганской армии, изготавливались в кабульском арсенале «Машин Хана», снабжались рукоятями из дерева, что не типично для этнического афганского холодного оружия, и отличались от многочисленных кустарных образцов визуально¹⁶.

Изучив значительное количество вещественных памятников, мы убедились, что при всем кажущемся разнообразии афганских «уставных» шашек можно условно разделить их на две большие группы по внешнему виду и времени производства. Когда были произведены те или иные образцы шашек, выясняется по клеймам, нанесенным на пята клинка. Вопрос клейм на афганском огнестрельном оружии затрагивал Берт ван дер Молен, отмечавший, что хотя есть множество вариантов клейм, на них всегда присутствует михраб (mihrab) – ниша для моления, всегда повернутая в сторону Мекки, и минбар

(minbar) – переносная кафедра со ступеньками, которые помещены внутри мечети, под ними же расположены скрещенные пушки¹⁷. Клейма же на холодном оружии, изготовленном в арсенале Машин-Хана, впервые были рассмотрены в статье «К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX в. в Афганистане»¹⁸. На шашках мы встречаем три вида клейм, два из которых нам уже были известны – это «арочное» клеймо, ставившееся на холодное оружие до 1894 г. и прямоугольное с квадратной «крышей», ставившееся с 1894 г. по 1901 г. Третий тип клейма, который не встречается на «уставных» хайберах – овальное клеймо.

Таким образом, во-первых, мы можем разделить все афганские «уставные» шашки на две группы по датам производства, соответственно до 1894 и после 1894 г. Во-вторых, образцы шашек, попадающие в эти две временные группы, отличаются визуально (рис. 4).

Рис. 4. Различные образцы «уставных» афганских шашек

Шашки, клейменные в Машин-Хана до 1894 г. обладают рядом общих признаков. Их узкие длинные однолезвийные клинки изогнуты незначительно (см. таблицу). На некоторых образцах присутствует слабовыраженная елмань (рис. 5). Обе голомени симметрично разделаны простым узким долем, в основании которого (у рукояти) часто встречается насечка из желтого металла (вероятнее всего латуни)

Рис. 5. Образец афганской шашки с клеймом, ставившимся до 1894 года

в виде «куриной лапки» или треугольника из трех точек, вершина которого направлена к началу дола. Выражена пята (рикассо) – незаточенная и слегка расширенная часть клинка возле рукояти – длиной 7–8 см. Изящная рукоять расположена под углом к оси клинка. Головка рукояти и «уши» выражены слабо. Сама рукоять смонтирована накладным способом на хвостовике клинка. Щечки рукояти выполнены из дерева, скреплены с хвостовиком тремя сквозными стальными заклепками, под которые подложены железные шайбы, и занимают две трети от рукояти. Верхняя треть рукояти образована объемными железными накладками, напаянными на хвостовик. Деревянные ножны обтягивались коричневой или реже черной кожей. Стальной прибор ножен состоит из устья, двух обоймиц и наконечника. Точно такими же внешними признаками обладают афганские «уставные» шашки с «овальным» клеймом, на основании чего мы предполагаем, что они производились на Машин-Хана до 1894 г. Скорее всего, именно такую шашку или ее этнический прототип упоминает И.Л. Яворский, описывая своего проводника во время путешествия по Афганистану в конце 1870-х гг.: «Справа за поясом (*Мосин-хана*) были заткнуты два револьвера; слева – с пояса спускалась его неизменная, полуторааршинная (*около 105 см*), почти совсем прямая **шашка**»¹⁹.

С 1884 г. форма шашек меняется. Клинки становятся шире, изгиб несколько заметнее. Голомении симметрично разделаны простым широким долом. Рукоять сохраняет монтаж более ранних образцов. Но теперь она продолжает ось клинка и становится массивней за счет

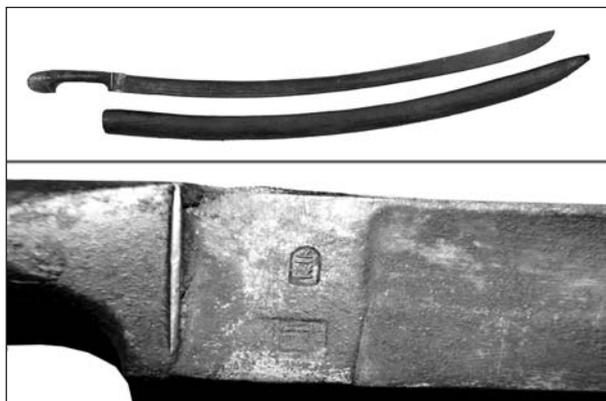

Рис. 6. Образец афганской шашки с клеймом 1894 года

того, что увеличивается головка рукояти. «Уши» более выражены. Клеймо арсенала квадратное, и кроме клейма «Машин-Хана» на клинке выбит год изготовления шашки

по хиджре – «1894» (рис. 6). На сегодняшний день нам известны три таких шашки, две из которых обладают достаточно короткими клинками. Но при разной длине все эти шашки в остальном похожи друг на друга по остальным признакам (см. таблицу). Мы предполагаем, что короткие шашки могли выпускаться для вооружения пехоты и полевой артиллерии^{20, 21}

Предположительно в это же время производились афганские «уставные» шашки, условно отнесенные к «переходным образцам». При сходных внешних габаритах с шашками с «квадратным» клеймом и датой производства, голомении «переходных» шашек разделаны узкими долами, как на образцах до 1894 г. Известен образец, где на голомении присутствуют как узкие долы, так и широкий, и образец без долов. Но на всех «переходных» шашках, известных нам, присутствуют «арочное» клеймо Машин-Хана и одно или два нечитаемых круглых клейма (надо отметить, что именно на шашках этого образца часто встречаются гравированные на рикассо надписи на фарси) (рис. 7).

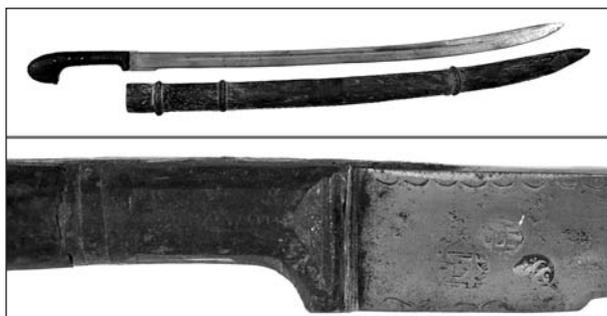

Рис. 7. «Переходный образец» афганской «уставной» шашки

П о с л е 1894 г., вероятно всего, был утвержден стандарт «уставной» шашки. Мы позволили себе говорить о «стандарте» (хотя не имеем подтверждающих до-

кументов) в связи с тем, что все афганские шашки, изготовленные после 1894 г., обладают сходными внешними признаками, аналогичными шашкам, клейменным «квадратным» клеймом и клеймом с датой «1894», и одинаковыми размерами (см. таблицу). У всех шашек этого образца широкий клинок с изгибом, широкие долы на голомениях, маленькое рикассо и наличие «квадратного» клейма (у некоторых экземпляров рядом с клеймом арсенала есть клеймо «гурда») (рис. 8). Эти хорошо узнаваемые шашки можно встретить на фотографиях афганских военных конца XIX – начала XX в. (рис. 9).

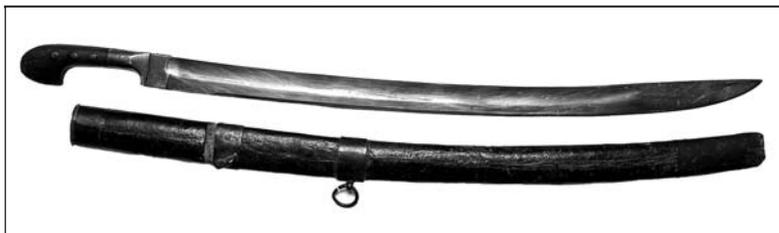

Рис. 8. Образец афганской шашки с клеймом, ставившимся после 1894 года

Рис. 9. Фотография афганских военных начала XX века с шашками

В начале XX в. афганские «уставные» шашки, как и шамширы с пулварами, перестают играть значимую роль в военных конфликтах (за исключением локальных) и, судя по всему, перестают производиться в арсенале «Машин Хана».

Таблица размеров и клейм афганских «уставных» шашек.

Образец шашки	Клейма	Общая длина, мм	Длина клинка, мм	Ширина у пяты, мм	Рикассо, мм
до 1894 года	«Овальное» или «арочное» клеймо Машин Хана	930–1000	780–830	30–33	40–80
переходный образец (?)	«Арочное» клеймо Машин-Хана и круглое клеймо		710–730	31–35	50–60
1894 года (короткие)	«Квадратное» клеймо Машин Хана и год «1894»	860–870	690–700	40	65–70
1894 года (длинная)	«Квадратное» клеймо Машин Хана и год «1894»	990	830	35	65
после 1894 года	«Квадратное» клеймо Машин Хана и иногда клеймо «турда»	900	740	40	25

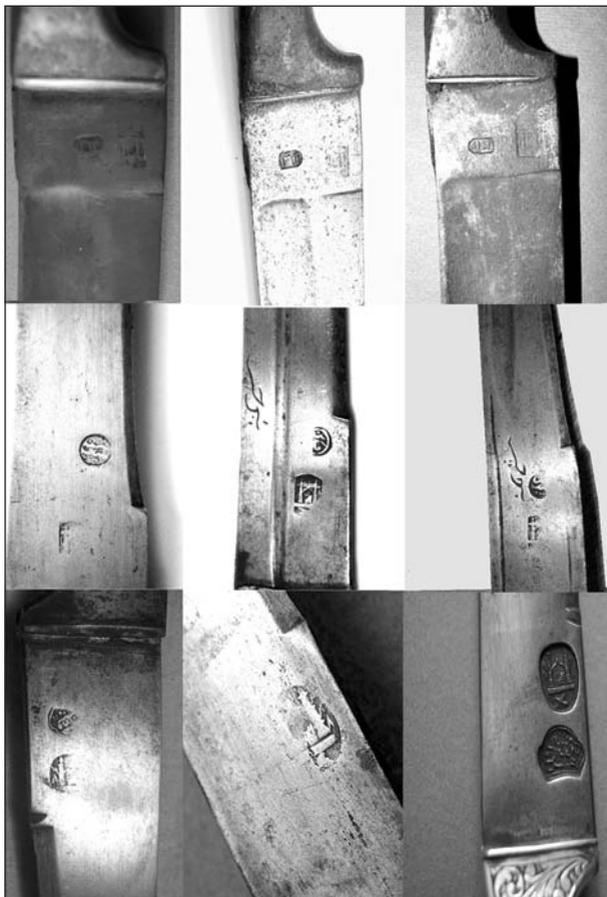

Рис. 10. Типы клейм афганских «уставных шашек»

¹ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: «Атлант», 2004. С. 50, 58.

² Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб.: «Атлант», 2005. С. 15, 213.

³ Стоун Д. К. Оружие и доспехи всех времен и народов. М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 719–720.

⁴ Ривкин К. Холодное оружие Кавказа. Определитель // Альманах №7/2012 История оружия. Музей истории оружия. Запорожье, 2011. С. 34–35.

⁵ Lord Egerton of Tatton. Indian and Oriental Arms and Armour. Mineola, 2002. P. 140.

⁶ Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганскому и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. 2. СПб., 1882. С. 138.

⁷ История Вооруженных сил Афганистана 1747–1977. М., 1985. С. 39.

- ⁸ Бабаходжаев М.А. Вооруженные силы Афганистана. С. 51.
- ⁹ Там же. С. 186.
- ¹⁰ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1910. С. 186.
- ¹¹ Там же. С. 188.
- ¹² Милосердов Д.Ю. Холодное оружие Афганистана конца XVIII – начала XX веков. Обзор // Материалы секции «Консервация, реставрация и реконструкция памятников военной истории». Труды Второй международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 127–139.
- ¹³ Lebedynsky I. «Les Armes Orientales». Éditions du Portail Paris, 1992. P. 75.
- ¹⁴ Ibid. P. 75–76.
- ¹⁵ Ibid. P. 76.
- ¹⁶ Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. Часть III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 24.
- ¹⁷ Bert van der Molen. The Mashin Khana: The History of the Kabul State Arsenal. Man at Arms. 2009. № 12. P. 37–46.
- ¹⁸ Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане. С. 237–247.
- ¹⁹ Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганскому и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. С. 272.
- ²⁰ История Вооруженных сил Афганистана 1747–1977. С. 39.
- ²¹ Бабаходжаев М.А. Вооруженные силы Афганистана. С. 51.

А.А. Михайлов, Н.Ю. Бринюк (Москва)

Н.А. ОРЛОВ О ЗНАЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРИНЦИПАХ, КОТОРЫМИ В СВОЕЙ РАБОТЕ ДОЛЖЕН РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ВОЕННЫЙ ИСТОРИК

Военная история как значимая составная часть всеобщей исторической науки всегда привлекала интерес образованной части русского общества. Уже в XVIII в., когда сами принципы и методы этой отрасли научного знания находились в зачаточном состоянии, большое воспитательное значение изучения прошлого в подготовке защитника страны и патриота своей Родины не подвергалось сомнению. К примеру, в составленной в середине столетия записке к учебной программе Артиллерийской и Инженерной школы отмечалось, что история «больше в сердце молодого человека добродетелей вливает, нежели наистрожайшее нравоучение, а сколько подает военному служащему пользы, того и описать не можно...»¹. В России и в последовавшие века уделялось большое внимание «мощному воспитательному и образовательному потенциалу исторических наук»².

Роль истории в подготовке офицеров и совершенствовании их профессионального уровня осознается и сегодня, когда, в сложной внешнеполитической обстановке, стране необходимо мобилизовать духовный потенциал народа. Вопросы о содержании современной военно-исторической литературы интересуют как профессиональных ученых, так и людей, работающих на дело государственной обороны³. В еженедельнике «Военно-промышленный курьер» в январе 2015 г. была опубликована статья редактора газеты М. Ходаренка под названием «Военно-историческое беспамятство»⁴ с критикой военно-исторического образования и труда военных историков. На наш взгляд, не со всеми высказанными автором утверждениями можно согласиться, но его статья поднимает острые вопросы современности и побуждает обратиться к опыту исследования и преподавания военной истории в прошлом.

В начале XX в. специалистами в сфере военной истории, был, в целом, определен круг обязанностей добросовестного исследователя, весьма конкретно очерченный в статье «Военной энциклопедии», в издании которой участвовали видные в то время представители военно-научного сообщества. Для нашего современника не может быть безразличен взгляд предков на военную историю, поэтому всем, кто увлечен историей войн и вооруженных сил, будет небезынтересно ознакомиться с содержательной статьей из XI тома этого фундаментального научно-справочного издания. Предлагаемая статья заслуживает тем более внимания, что многие ее положения выходят далеко за пределы справки и отражают проблемы изучения и преподавания военной истории, которые жарко обсуждались специалистами в прошлом и не утратили актуальности в наши дни.

Автор статьи – весьма интересный исторический персонаж, так что некоторые черты его биографии заслуживают хотя бы краткой характеристики. Кадровый офицер Императорской армии Николай Александрович Орлов (1855–1917) был плодовитым военным писателем, широко образованным военным специалистом и храбрым боевым офицером (рис. 1). Он окончил Михайловское артиллерийское училище и в составе артиллерийской бригады участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., во время которой получил за отличия чин штабс-капитана. В этот период молодой офицер начал и литературную деятельность, публикуя заметки в газете «Голос».

В 1881 г. Н.А. Орлов окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в стенах которой им было создано первое сочинение научного характера по одному из вопросов тактики. Впоследствии он занимался исследовательской и педагогической деятельностью в сфере военных наук. Им был издан ряд учебных и методических пособий по стратегии⁵, общей тактике и ее разделам⁶. Являясь одним из пионеров воздухоплавания, Н.А. Орлов разрабатывал

Рис. 1. Н.А. Орлов

тактику его применения в военных целях⁷. После получения места экстраординарного (1892), а затем и ординарного профессора кафедры военного искусства Николаевской академии Генерального штаба, читал в ее стенах лекции по тактике, преподавал стратегию в Николаевской морской академии и отличался редким красноречием.

Н.А. Орлов был постоянным автором многих периодических изданий, как военных, так и общественных, в которых публиковал статьи на различные темы. В 1880-х гг. он входил в состав сотрудников «Энциклопедии военных и морских наук», главным редактором которой был видный российский военный историк и теоретик Генрих Антонович Леер (рис. 2). Ряд статей энциклопедии, написанных Н.А. Орловым, был издан отдельными брошюрами⁸.

Рис. 2. Г.А. Леер

Идеи Г.А. Леера оказали на Н.А. Орлова очень сильное влияние. В их основе лежало типичное для «лееровской школы» убеждение в существовании неизменных законов стратегии. В 1894 г. Н.А. Орлов опубликовал в «Морском сборнике» лекцию «Совместные действия сухопутной армии и флота», прочитанную им в Кронштадтском морском собрании (вышла также отдельной брошюрой), в которой утверждал: «Стратегия существует одна, объясняющая в общей связи все военные явления. Конечно, морские действия имеют свои особенности, но, признав особую морскую стратегию, придется, пожалуй, признать еще особые стратегии — горную, лесную, болотную, стратегию пустынь и т. д.»⁹. Идея неизменности принципов стратегии нашла отражение и в военно-исторических работах Н.А. Орлова.

Пожалуй, военную историю Н.А. Орлов считал своим призванием. Особенно успешно занимался он изучением жизни и деятельности великого русского полководца А.В. Суворова, которому посвятил свою диссертацию¹⁰. Исследования о существовании суворовской такти-

ки, труды по военной истории эпохи, в которую он жил и воевал, занимают значительную часть научного наследия Н.А. Орлова¹¹. По отзывам его современника, военного историка генерала А.К. Пузыревского, в своих трудах исследователь «берет обстановку во всей ее совокупности, широте и разнообразии и затем рисует картину ясными, точными чертами», его сочинениям присуща «ясность представлений <...>, здравомыслие и верное критическое чутье»¹².

Помимо суворовской тематики Н.А. Орлов проводил исследования по другим разделам отечественной и всеобщей военной истории¹³, среди которых важное место занимали труды по изучению периода наполеоновских войн¹⁴. Н.А. Орлов был одним из членов-учредителей Императорского военно-исторического общества, деятельным сотрудником «Военной энциклопедии», редактором журнала «Разведчик».

Участвуя в 1900–1901 гг. в военных действиях на территории Манчжурии, Н.А. Орлов по окончании событий опубликовал увлекательное изложение боевой деятельности возглавляемого им Хайларского отряда – Забайкальской казачьей бригады, в котором не только описал ход кампании, но и ярко охарактеризовал нравы и быт казаков и местного населения, изобразил ряд портретов своих подчиненных, рассказал об испытанных в походе лишениях и боевых подвигах подчиненных¹⁵.

Во время событий на Дальнем Востоке, которые, конечно, нельзя оценивать как полноценные военные действия, генерал-майор Н.А. Орлов, с одной стороны, проявил инициативность и решительность, по собственной инициативе вторгнувшись вглубь Манчжурии и очистив ее от враждебных сил, а с другой – выказал недисциплинированность, не исполнив поручений по организации этапной линии Цицикар–Хайлар, за что получил высочайший выговор. После этого в адрес Орлова раздавалась весьма суровая и не вполне объективная критика со стороны современников¹⁶.

Н.А. Орлов был участником Русско-японской и Первой мировой войн, во время которых, несмотря на личную смелость, о которой свидетельствуют полученные во время рукопашной атаки в 1904 г. ранения и награждение в 1914 г. Георгиевским оружием, действия его как военачальника были неудачными. Во время Ляоянского сражения колонна, действовавшая под его командованием, была разбита японцами¹⁷. А.А. Свечин и Ю.Д. Романовский отмечали: «Войска (русские. – А.М., Н.Б.) совершенно потеряли ориентацию и, отсту-

пая, отстреливались во все стороны... Не так важно было исчезновение с поля сражения 12-батальонного отряда ген. Орлова, как тяжело было моральное впечатление, производимое этим эпизодом на войска всей Маньчжурской армии»¹⁸. Некоторым оправданием Орлову может служить то обстоятельство, что в его отряде было много необстрелянных новобранцев¹⁹.

В начале Первой мировой войны Н.А. Орлов командовал 8-м корпусом 8-й армии, который в декабре 1914 г. потерпел поражение, после чего генерал был переведен в резерв чинов, а в 1915 г. уволен со службы по болезни²⁰. По имеющимся сведениям, он был убит в 1917 г. в Петрограде после Октябрьской революции.

Оценка современниками личных качеств Н.А. Орлова носит неоднозначный характер. Занимавший в 1905–1909 гг. пост военного министра А.Ф. Редигер считал Орлова «человеком, несомненно, умным и способным», но в то же время отмечал его амбициозность, склонность браться за много дел сразу и, как следствие, срывать сроки исполнения²¹. Честолюбие, как полагал Редигер, часто приводило Орлова к конфликтам с окружающими (включая сослуживцев по Академии Генерального штаба), создавало ему врагов и недоброжелателей²².

Сходные мнения высказывал офицер-гвардеец Б.В. Геруа, подробно описывая конфликт, вызванный не слишком усердной работой Орлова над историей Лейб-гвардии Егерского полка²³. Тем не менее, этот мемуарист также не отрицал талантов Николая Александровича и его личного обаяния.

Слушавший лекции Орлова в Академии Генштаба А.А. Игнатьев отзывался об Орлове с откровенной антипатией, не скрывая, впрочем, доли восхищения: «Это был “деляга”, – писал Игнатьев, – использовавший свои недюжинные способности и изумительную память для заработка денег на военных изданиях и завоевания себе прочного положения в военной профессуре»²⁴.

А.А. Брусиллов, наблюдавший Орлова не в тиши академических аудиторий, а в боевой обстановке, также характеризовал его неоднозначно. Бывший командующий 8-й армией вспоминал, что это был «человек умный, знающий хорошо свое дело, распорядительный, настойчивый... заботился и об офицере и о солдате, <...> всеми силами старался добиваться боевых результатов с возможно меньшей кровью...»²⁵. Однако, уточнял, что Н.А. Орлов был скуп на награды, необщителен, не умел привлекать к себе людей, а в боях в декабре

1914 г. у Нового Сандеца «выказал значительную растерянность»²⁶. Впрочем, несмотря на то, что ненавистного подчиненным генерала сместили с должности по ходатайству самого А.А. Брусилова, тот писал, что Орлов «работал хорошо и со своим корпусом дело сделал»²⁷.

Противоречивый моральный и профессиональный облик генерала не мешает оценить тот вклад, который он внес в развитие военной науки конца XIX – начала XX вв. и в изучение военной истории. Статья же, помещенная Н.А. Орловым в «Военной энциклопедии», содержит весьма ценные и непреходящие идеи о значении исторической науки и принципах, которыми в своей работе должен руководствоваться военный историк.

* * *

История военная²⁸ разделяется: на историю войн, предмет которой явствует из самого названия, и историю военного искусства²⁹, которая описывает состояние военного искусства в разные эпохи и ход его развития. Нельзя отождествлять военную историю с историей войн или с историей военного искусства. История войн не исчерпывает всего предмета военной истории, паче чаяния в периоды, когда войн не было, все-таки существовало военное искусство, которое развивалось, совершенствовалось или падало под влиянием тех или других причин³⁰. Точно так же военная история не отождествляется с историей военного искусства, паче чаяния без описания войн не будет необходимой полноты. Частной военной историей называется история отдельных народов, стран, государств или отдельных эпох. Биографии описывают военную жизнь отдельного лица, а монографии – отдельное военное событие или историю какого-либо отдельного предмета военного искусства. Специальная военная история излагает историю какой-либо части военного искусства, например, историю отдельных родов войск.

Война есть крупное явление в общественной жизни; поэтому военная история принадлежит к наукам общественным, социальным. Относительно других военных наук она является богатейшею и неисчерпаемою сокровищницею военного опыта целых тысячелетий, из которой военные науки черпают материал для своих выводов. Фортификация, например, найдет в военной истории указания, как из простой стены с башнями для фланкирования образовались под влиянием усовершенствований бастионы, рavelины, прикрытые пути, сводчатые постройки; как каждая из этих построек должна была вы-

держат продолжительный опыт войн, чтобы быть принятой в систему укрепления крепостей; как потом, под влиянием изменений в оружии, технике, численности войск, организации армий и пр., изменились сами понятия о системе обороны крепостей и всей страны в фортификационном отношении. Относительно стратегии приведем слова Г.А. Леера³¹: «Все общие формулы стратегии получают смысл и содержание только при обширных сведениях из военной истории. Без больших сведений из военной истории они обращаются в бессодержательные общие места, ничего не говорящие уму и сердцу, и вся теория стратегии вырождается в бессодержательную, поверхностную болтовню, т. е. ни более, ни менее, как в дело вредное». Военная история является связью между всеми остальными военными науками и вместе с тем верным регулятором, удерживающим их от крайностей и ошибочных выводов; именно в военной истории военные науки находят подтверждение взаимной зависимости. Г.А. Леер говорит: «Одно только глубокое изучение военной истории может спасти от измышлений и шаблонов в нашем деле и поселить уважение к принципам». Вот почему часто военную историю называют мудростью веков. Она до некоторой степени восполняет недостаток личного опыта. Военные науки отличаются от других наук (например, естественных), между прочим, тем, что повторение опыта для них недоступно, т. к. явления войны слишком сложны и сопряжены с потерей человеческих жизней. Опыт мирного времени может воспроизвести лишь обстановку действия, подготовку боя, но не само действие. Недостаточность опыта мирного времени придает особое значение вековому опыту, занесенному на скрижали военной истории, изучение которой, по словам Наполеона, является единственным средством, чтобы проникнуть в тайны высшей части военного искусства. «Читайте и перечитывайте кампании великих полководцев, – говорит он, – и подражайте им»³². Военная история играет огромную роль в образовательном и воспитательном отношении как для нижних чинов и офицеров, так и для юношества, подготовляющегося к офицерскому званию. Изображенные в ней геройские подвиги, особенно отечественные, возвышают дух, воспитывают чувство долга и самоотверженности, вызывают желание подражать им; кроме того, в военной истории можно найти примеры на все случаи военной службы. Для юношества, подготовляющегося к офицерскому званию, военная история необходима для сознательного отношения к остальным военным наукам, которые ею, так сказать, одухот-

воряются; особенно же важно ее воспитательное значение. Однако никакими благими целями не может быть оправдано извращение истины. Ни в целях воспитательных, ни в целях популяризации военно-исторических знаний нельзя поступаться строгой научностью изложения военной истории. Достоинство ее как «свидетельства истины» требует полной свободы, но бывали случаи, что правительства не позволяли касаться наиболее важных вопросов, или патристические легенды выдавались за исторические факты; таким образом, общество или не знало многого из своего прошлого, или представляло его себе ложно. При военно-исторической работе следует, прежде всего, собрать достоверный материал, т. е. военный историк должен быть исследователем: научно установленные факты связать в ряды по категориям причинности или развития (связь каузальная или эволюционная), т. е. военный историк должен быть мыслителем; обобщить частные явления, чтобы сделать выводы, т. е. военный историк должен быть философом; наконец, представить все в виде цельной картины, т. е. военный историк должен быть художником. Сочетание всех упомянутых качеств в одном лице встречается весьма редко. На первом плане следует поставить верность военно-исторического произведения: без нее оно не имеет никакой цены. Поэтому собранные источники нужно подвергнуть тщательному исследованию, критике, чтобы установить, насколько и в чем именно можно полагаться на тот или другой источник. Наука обнаружила громадное количество подложных документов, намеренных искажений в подлинных документах, сознательно или бессознательно неверных сообщений. Чем обширнее круг сведений исследователя, чем менее он дает места личной фантазии, тем ценнее его заключения. При раскрытии связи фактов нередко обнаруживается недостаток некоторых звеньев общей цепи, и тогда историку поневоле приходится пускаться в дело фантазию, восполнять пробелы посредством гипотезы или аналогии и устанавливать взаимоотношения между рядами фактов; в одних случаях, например, заключая от действий к вызвавшим их причинам, в других стараясь объяснить частное из общего. Мыслитель обязан постараться воссоздать целое в том виде, как оно сложилось в действительности, и притом не только путем анализа одной объективной стороны дела (сил, времени, места), но в особенности стороны психологической, субъективной, что гораздо труднее, паче чаяния внутренняя, творческая работа полководца, мотивы его решений большей частью не отмечены в документах. В душе полководца мысли-

тель должен уметь вычитать его решения и мотивы к ним, т. е. по возможности передумать и перечувствовать все, что было передумано и перечувствовано самим деятелем. Отчасти по неуловимым чертам в документах военный историк старается осветить пробелы путем наиболее правдоподобных предположений, и все-таки это будет только гипотезой. Чтобы подобная работа историка была близка к истине, он должен в сильной степени обладать военно-историческим чутьем, да и то к подобному приему следует прибегать лишь в крайности, тщательно отмечая принятую гипотезу. Относительно обобщений и выводов существует мнение, что военный историк вовсе не должен их делать, чтобы не навязывать их читателю. Но читателю, который способен сам сделать выводы, нисколько не помешает критика военного историка – на основании добросовестно изложенного материала он отвергнет то, с чем не согласится; остальным же читателям выводы автора будут необходимы, между прочим, хотя бы потому, что он изучил предмет и обязан был его обсудить. Кроме того, работая по первоисточникам, он ознакомился с массой таких подробностей, которые не мог (например, вследствие определенных размеров сочинения) включить в свою работу, а между тем вся их совокупность влияет на него, создает около него, так сказать, современную эпоху атмосферу и помогает прийти к определенному выводу. Нередко исторические труды являются сборниками обвинительных или оправдательных актов. Следует заметить, что военный историк пишет, когда события уже совершились и когда ему известны действия обеих сторон, полностью вся обстановка. Между тем, деятели делали свое дело при других условиях. Военный историк обязан возможно ближе представлять ту обстановку, те обстоятельства, которые окружали деятеля, и как на основании всего этого он приходил к заключению, какое принять решение, как поступить сообразно с наличными ему представлявшимися условиями обстановки. Только тогда военный историк может прийти к заключению, действительно ли принятое решение и его исполнение оказались наиболее сообразными с обстоятельствами, что было упущено из виду и что, может быть, умышленно пренебрежено из известного в действительности, которое может быть принято в расчет, и как последнее отразилось на деле? Все это нужно не для осуждения или восхваления полководца, но для выяснения сущности дела и действительных причин тех или иных действий, что и составляет главную задачу науки. Осуждение и восхваление весьма условны и очень часто зависят от

точки зрения, с которой рассматриваются факты. Действия Нея³³ в сражении при Бауцене³⁴, при нападении на правый фланг союзников, были очень энергичны и успешны; казалось бы, его следует восхвалять; но с точки зрения плана Наполеона, направившего Нея не на фланг, а на тыл союзников, его следует осудить, паче чаяния он помешал решительным результатам победы. Действия Суворова в 1799 г. в Италии и Швейцарии превосходны, но с точки зрения политических интересов России бессмысленны. Своими обобщениями и выводами военный историк может оказать большую услугу науке. Хотя еще никогда и ничто не повторялось в истории, однако можно отметить те общие условия, которые, несмотря на разницу эпох и видимую разницу в обстановке, в коей происходили данные факты, приводили к победе и успеху или к поражению и неудаче. Отсюда один шаг до создания руководящих начал и принципов, до военной науки как преподавательницы руководящих указаний и советов на будущее. Возможность вывести законы истории, как общей, так и военной, при помощи эмпирической исторической науки или философии истории составляет вопрос спорный; большинством ученых эта возможность отрицается, но всеми признаются законы развития, эволюция. От военного историка требуется беспристрастие, возможная объективность; однако вряд ли это достижимо в полной мере, потому что неизбежно, даже против воли автора, на его произведении отражается его личность, его индивидуальные свойства. Такая субъективность не повредит делу, паче чаяния всегда может быть принята в расчет его современниками, а для последующих поколений даже принесет пользу, т.к. ознакомит их со взглядами, характерными для времени. Все это справедливо до тех пор, пока военный историк соблюдает добросовестность и не искажает истины намеренно, иначе произведение его теряет почти всякую ценность. Т.к. военная история находится в тесной связи с историей общей, то всякое военно-историческое событие или явление надо исследовать также и относительно общеисторической обстановки, иначе неполнота изучения и освещения будет иметь следствием узкость взглядов и односторонность или недостаточную многосторонность заключительных выводов³⁵. Очень важно изложить связь описываемого с предшествовавшими обстоятельствами, которая всегда существует, чтобы таким образом была открыта первоначальная причина. Подобное стремление должно иметь свои границы, потому что, по словам Луи Блана³⁶ (рис. 3): «История нигде не начинается и нигде не оканчивается.

Рис. 3. Луи Блан

Факты, из которых слагается мировое движение, представляют такое смешение и находятся в таком неясном средстве между собою, что нет ни одного события, первоначальную причину или окончательное завершение которого можно было бы отметить с достоверностью». Чтобы сделать изложение художественным и создать цельную картину, полезно иметь в виду слова Рюстова³⁷: «Война – это, с одной стороны, большое стройно сплавленное целое, а с другой – множество мелких отдельных действий и отдельных событий. Каждую войну можно рассматривать как произ-

ведение, отлитое сразу, или как мозаичную картину; в последнем случае можно также обращать внимание или на взаимное сцепление полных, ясно очерченных образов, или только на отдельные камни. Без множества мелких успехов на войне нельзя достигнуть и больших; но камни в обдуманном и искусном сочетании являют очаровательное целое, а перемешанные без порядка неловкою рукою представляют только собрание уродливостей...». Вследствие этого в военно-историческом изложении должна быть соблюдена хронологическая и научная (логическая) последовательность. Первая требует изложения событий в порядке времени, вторая – систематической группировки их. Ввиду последнего требования возможно нарушение первого. Систематическая группировка должна основываться не только на однородности событий, но и на внутренней связи, существующей между ними. Если (как то находим у многих военных историков) придерживаться исключительно хронологической последовательности изложения действий на каждом театре, то пострадает общая, логическая связь между военными действиями на всех театрах и получится механически связанное исследование отдельных действий, а не логически последовательное изложение всей войны. Сообразно с характером описываемого предмета должен быть усвоен и достойный его стиль. Военная история пользуется тем же фактиче-

ким материалом, теми же источниками и памятниками, что общая история. Большую помощь оказывают военному историку вспомогательные науки истории: археология, нумизматика, палеография, геральдика, сфрагистика, хронология, имеющие значение в исследовании запутанных вопросов, при определении степени участия исторического деятеля в сложных событиях; эпиграфика и дипломатика, исследующие племенные памятники, поскольку это требует специальных и технических сведений, а также география, этнография, статистика, политическая экономия, право, изучение народной словесности и языка с исторической точки зрения. Военный историк должен обратить особое внимание на такие памятники, как оружие, снаряжение, обмундирование войск, и на письменные специальные первоисточники. Весьма важны манифесты, государственные грамоты, дипломатическая переписка и другие официальные акты. Особенно же важен план войны, данный главнокомандующему, и др. распоряжения, исходившие свыше. Весьма часто упреки, которые обыкновенно делают полководцу, в значительной мере должны быть отнесены к упомянутым распоряжениям. Документы чрезвычайной ценности – подлинные приказания, донесения и телеграммы – в новейшее время пишутся на полевых книжках, оттиски на которых сохраняются в архивах и дают твердую опору военному историку. Здесь очень редко можно встретиться с подделкой, документы писаны в горячую минуту, под непосредственными впечатлениями, искажение истины заведомо вперед, т. е. имея в виду судебный разбор впоследствии или суд истории, встречается в исключительных случаях. Послужные списки, сказки, как называли их в прежние времена, месячные рапорты, входящие и исходящие журналы, списки убитых и раненых тоже составляют надежные документы и полезный материал. Например, сведения о потерях в боях могут навести на многие заключения. В новейшие времена после войны составляются по разным ведомствам отчеты, которые являются существенным историческим источником; полезно познакомиться с отчетностью по расходам различного рода довольствия войск, особенно патронами и снарядами. Диспозиции и вообще распоряжения для боя и других военных действий следует сопоставлять с их выполнением в действительности, паче чаяния почти никогда они с точностью не выполняются, иногда же не выполняются вовсе. Очень важно обращать внимание на отметку, когда приказание или донесение было получено исполнителем; этим выясняется, как он был осведомлен относи-

тельно обстановки. Во всяком случае диспозиции важны для уяснения первоначального плана начальника; при выполнении план может измениться под влиянием обстоятельств (например, направление главного удара Наполеона в сражении при Ваграме³⁸). Иногда в своих диспозициях или вообще предварительных распоряжениях начальник не только старается скрыть свой истинный план, но даже объявляет заведомо ложный (Суворов в сражении при Нови). Еще более осторожно следует относиться к реляциям, паче чаяния они составляются после сражения под весьма многими побуждениями; однако они все-таки весьма ценны: составлены вскоре после сражения, начальник может уже не скрывать своего плана действий, описание действий последовательное, притом составлено лицами, стоявшими близко к делу; если даже начальник и ввел искажение истины, то все-таки можно узнать его взгляд на дело. (Из реляции Кутузова о Бородинском сражении ясно видно, что Шевардинский редут он считал за левый фланг позиции, а не за передовой пункт, что служит объяснением многих несообразностей в этом бою)³⁹. Т. к., кроме реляций старших начальников, пишутся реляции и подчиненными их, то историк может проверить одни другими. Такими же примерно качествами отличаются и журналы военных действий, однако если они действительно велись своевременно. Во время революционных войн французские генералы представляли отчеты по декадам, т. е. за каждые 10 дней. Представления к наградам требуют внимательной критики. Если бы военный историк вздумал судить о Русско-японской войне 1904–05 гг. по русским наградным листам, то он неизбежно должен был бы прийти к заключению, что успех повсюду сопровождал русское оружие. Личная переписка деятелей (до самых младших), особенно неофициальная (например, с родственниками), очень часто имеет характер полной искренности и правдивости; иногда же, напротив, лица высокопоставленные писали во время войны частные письма (даже к дамам) с целью произвести известное впечатление на общество или на некоторых особ. Перечисленные выше документы находятся по большей части в архивах, главным образом, в военных⁴⁰. Мемуары различных исторических деятелей носят на себе отпечаток сильной субъективности, с чем и следует считаться; многие из них не написаны лично этими деятелями, но составлены по их рассказам, письмам, бумагам и т. п.; иногда же просто подделаны. Poleмика между участниками событий обыкновенно отличается субъективностью, а нередко и страстностью. Судебные процессы,

иногда возникающие после войны, не оправдывают надежд историка; они все-таки оставляют в тумане сущность дела. Таковы процессы: Базена⁴¹ после войны 1870–71 гг. и турецких пашей после войны 1877–78 гг.⁴², а процесс порт-артурский⁴³ (после Русско-японской войны 1904–1905 гг.) не дал ничего нового. Ценность сочинений обработанных, описывающих военные события, зависит от достоинств составителя и материалов, которыми он пользовался, но во всяком случае необходимо иметь в виду, что на работу ложится отпечаток личности автора и его времени. Такие сочинения в некоторых случаях могут быть первоисточниками, если, например, автор сочинения является одним из лиц, близко стоявших к делу, или если утрачены материалы, на основании которых написано сочинение. Полковые истории могут дать подробности, которых нельзя найти в самых подробных исторических сочинениях и даже в архивах, кроме полковых; поэтому-то весьма интересно пользоваться полковыми историями иностранных армий. Богатый и совершенно особенного характера материал дадут журналы и газеты, современные событиям: здесь весьма сильно отражается дух времени⁴⁴. Ни одно сочинение, ни один архив, ни один точный план местности не дают того, что иногда может дать личный обзор военным историком поля сражения и вообще местности, на которой происходили военные действия; что казалось темным при чтении, становится ясным при взгляде на местность; являются у историка новые мысли, новые соображения. В 1880 г., во время празднования 500-летия битвы на Куликовом поле, русские историки посетили место знаменитого побоища и собрали очень важный материал для исследований⁴⁵. Слову «история» древние греки придавали значение – знать предмет так, как будто его сам видел, как будто история была рассказом очевидца. Т. к. военные явления играли преобладающую роль в жизни древних, то их историческая литература представлялась в то же время военно-исторической. Геродот⁴⁶, которого называют «отцом истории», был только повествователь, хотя и проявил попытки прагматизма, т. е. желание связывать факты причинной связью. Первым настоящим представителем научной истории был Фукидид (рис. 4)⁴⁷. Его «Пелопонесская война» по добросовестности в собирании материалов, критическому отношению к ним, верности суждений, высоте мысли и отчетливости характеристик до сих пор остается образцовым произведением. Но и он, как и

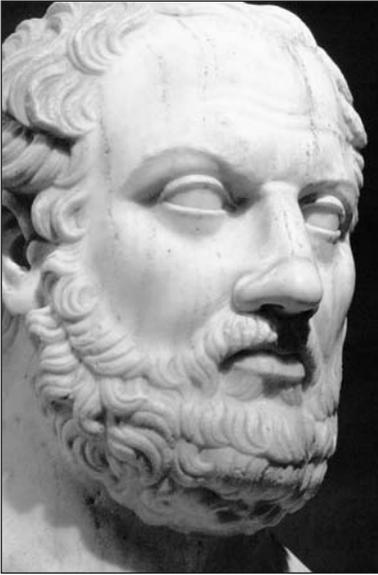

Рис. 4. Фукидид

Ксенофонт⁴⁸, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим; он считает себя в этих случаях правым, потому что в измышленной форме верно передает действительные намерения и мысли исторических лиц. Еще большее значение принадлежит Полибию, который ясно обозначил задачи прагматической истории, указал на необходимость обобщения фактов и на возможность делать предсказания относительно будущего, т. е. ставил историю на степень науки. В Средние века замечается упадок историографии; вместо истории составляли анналы, хроники, военная история все еще слита с общей. Филипп де

Комин⁴⁹, историк Людовика XI, является представителем перехода от хроник к настоящей истории. Эпоха Возрождения возродила также историю; Петрарка⁵⁰, разбирая подлинное письмо Ю. Цезаря, впервые применил довольно развитые приемы исторической критики; военная история обособляется более и более, а в XVII в. выделяется окончательно. В 1667 г. начинается громадная деятельность монаха Мобильона⁵¹, знаменитого изданием памятников и установлением правил, как проверять достоверность исторических источников. Но истории в настоящем смысле еще нет, господствует, главным образом, догматическое изложение. История становится наукою только в начале XIX в. и постепенно устанавливается преобладание критико-исторического метода изучения военного искусства. Блестящим представителем военной истории в России был Михайловский-Данилевский⁵², отличавшийся высокой художественностью изложения. Под влиянием обстоятельств часто он был вынужден писать панегирики, истина у него сильно страдала, почему в насмешку его называли баснописцем⁵³. Замечательный французский историк Тьер⁵⁴ также был панегиристом. В 1859 г. вышло классическое сочинение Д.А. Милютина

(рис. 5) «История войны 1799 г.»⁵⁵. Во 2-й половине XIX в. появляются превосходные издания по военной истории, составленные в Австрии, Пруссии и Франции особыми, вновь учрежденными историческими отделениями генерального штаба. К таким изданиям нельзя причислять известное сочинение прусского генерального штаба о войне 1870–1871 гг., которое сильно грешит относительно правдивости, т. к. увлеклось восхвалением успехов немцев. За последнее время военная история приняла такие размеры и задается такими задачами, что единичным лицам работа оказывается непосильной, приходится прибегать к предприятиям коллективным; явились официальные военно-исторические комиссии, занимающиеся изданием исторических материалов и обработанных сочинений, военно-исторические общества, печатающие свои труды, военно-исторические журналы, наконец, просто для частных военно-исторических изданий составляются товарищества из специалистов, создающих коллективные труды.

Рис. 5. Д.А. Милютин

¹ Жерве Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. Т. 1. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. С. 31.

² Никифоров Н.И., Коршунов Э.Л., Михайлов А.А. «История больше в сердце молодого человека добродетелей вливает, нежели наистрожайшее нравоучение...» Всеармейская олимпиада курсантов ВВУЗ МО РФ по учебной дисциплине «Военная история» // Военно-исторический журнал. 2014. № 8. С. 39.

³ См. подробнее: Коршунов Э.Л. «Оборона государственная» – прежде и теперь // Защита и безопасность. 2013. № 4. С. 16–18.

⁴ См. подробнее: Ходаренок М.М. Военно-историческое беспамятство // Военно-промышленный курьер. 2015. № 4 (570). 4–10 февраля. С. 10–11.

⁵ Стратегия. Конспект лекций полк. Ген. штаба Н.А. Орлова в 1896–1897 гг. Курс военно-морских наук при Николаевской морской академии. СПб.: Литогр. Морского министерства, 1897. 147 с.

- ⁶ См., напр.: Добавления и изменения по 1-е июня 1886 г. к Справочной книге по тактике Н. Левицкого издания 7-го 1884 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1886. 47 с.; Элементарная тактика: Лекции. Вып. 1. Артиллерия. СПб.: Николаевская академия Ген. штаба, 1897. 45 с.; Руководство для приготовления к испытанию на чин прапорщика запаса пехоты. 5-е изд. СПб.: Главный штаб, 1905. 538 с.; Употребление полевой артиллерии в бою: Лекции. СПб.: Николаевская академия Ген. штаба, 1900. 90 с., и др.
- ⁷ См., напр.: Устав полевой воздухоплавательной службы. СПб.: Военная тип., 1888. 48 с.; Краткое описание материальной части воздухоплавательного отделения. СПб.: Военная тип., 1889. 116 с. (Ред.); О тактике воздушных шаров (Военное воздухоплавание). Доклад в VII отд. Р.Т.О. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. 64 с.
- ⁸ См., напр.: Бауценское, или Вуршенское сражение 8 (20) и 9 (21) мая 1813 г. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1883. 18 с.; Восточная война 1853–1856 гг. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1885. 90 с.; Суворов, Александр Васильевич (1730–1800), князь Итальянский, граф Рымникский и Священной Римск. имп-ии, генералиссимус русск. армии и ген.-флدم. австрийской. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1894. 26 с., и др.
- ⁹ Орлов Н.А. Совместные действия сухопутной армии и флота // Морской сборник. 1894. Т. CCLIV. № 11. С. 2.
- ¹⁰ Суворов: Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1892. 362 с.
- ¹¹ См.: Штурм Измаила Суворовым в 1790 г. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1890. 197 с.; Суворов на Треббии в 1799 г. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского ВО, 1893. 107 с.; Штурм Праги Суворовым в 1794 г. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского ВО, 1894. 136 с.; Тактика Суворова. Изд. 2-е. СПб.: Типолит. А.Е. Ландау, 1901. 49 с.
- ¹² Пузыревский А. Штурм Праги Суворовым в 1794 г.: Рецензия // Разведчик. 1894. № 219. С. 1064.
- ¹³ Битва под Грюнвальдом 15 июля 1410 г. Калуга: Губернская типо-лит., 1910. 15 с.; Усмирение польского восстания в 1831 и 1863 гг. М.: Тип. Русского товарищества, 1912. 49 с.
- ¹⁴ См., напр.: Осенний поход 1813 г.: Лекции. СПб.: Николаевская академия Ген. штаба, 1893. 263 с.; Война за освобождение Германии в 1813 г. и низложение Наполеона в 1814 г. М.: Тип. Русского товарищества «Образование», 1911. 91 с.; Заграничные походы в 1813 и 1814 гг. М.: Тип. Русского товарищества, 1912. 91 с.
- ¹⁵ Орлов Н.А. Забайкальцы в Манчжурии в 1900 г. Очерки из похода Хайларского отряда ген. Н.А. Орлова в Китае в 1900 г. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1901. 199 с. Отдельными изданиями также вышли: Казак Стародубов. СПб.: Изд. В. Березовского, 1902. 14 с.; Буторин. СПб.: В.А. Березовский, 1902. 16 с.
- ¹⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. Т. 1. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. С. 328.
- ¹⁷ История Русско-японской войны / Ред. М.Е. Бархатов, В.В. Функе. Т. II. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. С. 409–417.
- ¹⁸ Свечин А.[А.], Романовский Ю.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг.: по документ. данным труда воен.-ист. комис. и др. ист. источникам. Ораниенбаум: Офицерская стрелковая школа, 1910. С. 224–225.
- ¹⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж: Танаис, 1969. С. 158.
- ²⁰ Разведчик. 1915. № 1262.

²¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 328–329.

²² Там же.

²³ Геруа Б.В. Указ. соч. С. 106–108.

²⁴ Игнатъев А.А. 50 лет в строю. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 97.

²⁵ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. С. 122.

²⁶ Там же. С. 133.

²⁷ Там же.

²⁸ История военная // Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко [и др.]. Т. XI. Инкерман – Кальмар. СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. С. 109–113.

²⁹ Н.П. Глиноецкий, описывая в своей работе по истории Академии Генерального штаба ее учебные программы в конце XIX в., отмечал: «Прежде История Военного Искусства была отнесена к Тактике, а вся Военная История заключалась в истории войн, всех по возможности без исключения, с преобладающим описательным характером, теперь же История Военного искусства выдвигается на первый план, а История Войн, не ограничиваясь одним описанием событий, а требовала критического разбора фактов для получения из них выводов, поучительных в тактике и стратегии» (Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. С. 161). В начале XX в. в младшем классе Академии преподавались история военного искусства и русская военная история, а в старшем классе – общая военная история.

³⁰ Сослуживец Н.А. Орлова по Николаевской академии Генерального штаба А.К. Пузыревский отмечал: «В истории военного искусства нет эпохи, которая не имела бы научного значения; времена наибольшего упадка военного искусства так же поучительны, как и времена широкого развития всех элементов, только изучая и те, и другие, можно уяснить причины, способствовавшие развитию военного искусства...» // Пузыревский А.К. История военного искусства в средние века (V–XVI столетия). Ч. 1. СПб.: Типография Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1884. С. III.

³¹ Леер Генрих Антонович (Генрих Август) (1829–1904), генерал от инфантерии (1896), видный российский военный историк и теоретик. С 1858 г. – на службе в Николаевской академии Генерального штаба, с 1864 г. – профессор кафедры тактики, с 1865 г. – профессор кафедры военного искусства. В 1889–1898 гг. – начальник Академии. Был организатором публикации и редактором 8-й томной «Энциклопедии военных и морских наук» (СПб., 1883–1897), которая является наиболее полным, для своего времени, справочным изданием по военным наукам; 4-томного «Обзора войн России от Петра Великого до наших дней» (СПб., 1885–1898); оригинального курса стратегии, основная часть которого выдержала 6 изданий; многих работ по тактике, стратегии и военной истории. Взгляды Л. на предмет, теорию и методологию военной науки, а также на роль военной истории изложены в работах: «Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия)» (СПб., 1869); «Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории)» (СПб., 1894), «Коренные вопросы: (Военные этюды)» (СПб., 1897) и др.

³² Данное высказывание Наполеона I цитировал также Г. Леер в работе, опубликованной еще в 1869 г. См.: Леер Г. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). Часть первая. СПб.: Печатня В. Головкина, 1869. С. 49.

³³ Ней (Neu) Мишель (1769–1815), маршал Франции (1804). Один из наиболее видных

военачальников в войсках Наполеона I, участник большинства его кампаний (в том числе похода на Россию в 1812 г.).

³⁴ Сражение при Бауцене – сражение 8–9 (20–21) мая 1813 г. между армией Наполеона I и русско-прусской армией под командованием русского генерала П.Х. Витгенштейна у г. Бауцен (в 40 км восточнее Дрездена).

³⁵ Г. Леер по данному вопросу высказывался чрезвычайно решительно и определенно: «Вообще военно-историческим сочинениям необходимо выйти на новый путь и не ограничиваться, как это до сих пор было, описанием маршей и битв, а обратиться к всестороннему, по возможности, разбору событий, углубляясь в политику, административную, даже в выяснение интриг, гнездящихся обыкновенно в штабах больших армий, играющих, к несчастью, столь важную роль в военных действиях и заглушающих нередко все благородные инстинкты в людях. Вообще надобно выворотить всю изнанку событий, а не заниматься описанием только одной лицевой стороны дела...» // Леер Г. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны «положительная стратегия». Часть первая. СПб.: Печатня В. Головкина, 1869. С. 75–76.

³⁶ Блан Луи Жан Жозеф (Louis Jean Joseph Blanc) (1811–1882), французский историк, общественный и политический деятель, социалист. Автор 12-томной «Истории французской революции» (на русском языке издана в 1907–1909 гг.), ряда книг по истории Франции.

³⁷ Рюстов Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm Rustow) (1821–1878), немецко-швейцарский военный теоретик и историк. Труды Р. активно публиковались в России, в том числе под редакцией и (или) с примечаниями видных российских военных историков. См.: [Рюстов Ф.В.] Война в Турции. Положение дел и событий на Балканском полуострове в 1875 и 1876 годах / Пер. с нем. под ред. А. Риттера. Вып. 1–2. СПб.: Тип. В.С. Балашева; [Рюстов Ф.В.] Всеобщая тактика в применении к современному развитию военного искусства. В. Рюстова. 2-е издание, передел. и значит. допол. авт. / Перевод 9-го Горенадерского СПб. полка майор Саговский. Примечания М. Драгомирова. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1869. 558 с.; История пехоты. Соч. Рюстова / Пер. с немецкого Ген. штаба кап. Пузыревского и др., под ред. профессора Николаевск. акад. Ген. штаба, ген-майора Станкевича. Т. 1–2. СПб.: Тип. В.П. Воленса, 1876 и др.

³⁸ Сражение при Ваграме (5–6 июля 1809 г.) – генеральное сражение Австро-французской войны 1809 г. между армиями Наполеона I и австрийского эрцгерцога Карла. Завершилось победой французских войск.

³⁹ Положение, что Шевардинский редут был не передовым пунктом позиции, а частью левого фланга, высказывал Л.Н. Толстой в «Войне и мире», эту точку зрения разделяли военные историки М.И. Драгомиров (как возможный вариант) и, более решительно, А.Н. Витмер и А. Балтийский. См.: Ивченко Л.Л. Бородино в сочинениях русских историков начала XX века // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009. С. 11–20.

⁴⁰ Крупнейшим военным архивом в России являлся Военно-ученый архив Главного штаба (с 1909 г. – Главного управления Генерального штаба), созданный в 1867 г. на основе Военно-исторического и топографического архива. Он комплектовался военно-оперативными документами, картографическими материалами, описаниями военных действий, мемуарами и проч. Начальниками архива в конце XIX – начале XX вв. были: ген. штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский (1898–1902), ген. штаба полковник Н.А. Обручев (1902), подполковник М.О. Бендер (1902–1909), ген. штаба полк. Е.А. Искрицкий (1909–1910).

⁴¹ Базен (Bazaine) Франсуа Ашиль (1811–1888), французский военачальник, маршал Франции (1864). В ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. действовал нерешительно, уклонялся от сражений и, в конце концов, капитулировал со своей армией перед прусскими войсками, сдав им г. Мец. Подвергся обвинениям в неспособности, трусости и даже в измене. В 1872 г. Б. был предан суду, который, под давлением общественного мнения вынес ему смертный приговор, замененный затем 20-летним тюремным заключением. В 1874 г. бежал из заключения, жил в Испании, где и умер в глубокой бедности.

⁴² После неудачной для Турции Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. под суд был отдан целый ряд турецких военачальников, в том числе бывший главнокомандующий войсками в Европейской Турции Сулейман-паша, бывший начальник Ванского и Баязетского отрядов Фаик-паша и др. Материалы о некоторых процессах публиковались в России. См.: Материалы для истории войны 1877–1878 гг. в Азиатской Турции. Процесс Фаик-паши, начальника Ванского и Баязетского отрядов. СПб.: Типография В.А. Полетики, 82 с.

⁴³ Имеется в виду рассмотрение Верховным военно-уголовным судом в 1907–1908 гг. дела о сдаче японцам крепости Порт-Артур, 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.). Обвинению подверглись начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А.М. Стессель, начальник сухопутной обороны крепости генерал-лейтенант А.В. Фок, комендант генерал-лейтенант Смирнов, начальник штаба Квантунского укрепленного района генерал-майор Рейс. Суду предшествовало тщательное расследование: следственное дело составило 7 томов (2456 листов), был произведен опрос свидетелей. На основе этих материалов главным военным прокурором генерал-лейтенантом Рыльке было составлено заключение, которое рассматривалось в частном присутствии Военного совета. Частное присутствие, проведя 19 заседаний, подготовило всеподданнейший доклад на имя императора с признанием того факта, что сдача крепости не диктовалась какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, подготавливалась ее инициаторами и стала неожиданностью для гарнизона. Председательствующим в суде был назначен генерал от инфантерии П.Г. Дукмасов, в состав вошли члены Военного совета: А.К. Водар, С.О. Гончаров, С.Н. Мылов и др., а также постоянные члены суда. Поддерживать обвинение было поручено помощнику главного военного прокурора генерал-лейтенанту А.М. Гурскому, каждому обвиняемому был предоставлен защитник. Заседания суда (всего 41) носили публичный характер, подробно освещались прессой. Генерал-лейтенант А.М. Стессель был приговорен к расстрелу, но казнь заменили 10-летним заключением в крепости, а по прошествии немногим более года, в мае 1909 г., Стесселя амнистировали. Фоку был объявлен выговор, Смирнова и Рейса суд оправдал. Впоследствии вышел целый ряд военно-исторических работ с разбором материалов суда. См.: Апушкин В.А. Дело о сдаче крепости Порт-Артур в 1904 г. Отчет. СПб.: В. Березовский, 1908. 742 с.

⁴⁴ См. подробнее: Белогуров С.Б. История становления и развития военной периодической печати России XIX – начала XX вв. М.: Военный университет, 1996; Гужва Д.Г. Военная периодическая печать Русской армии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Новосибирск, 2009; Козлов А.В. История периодической печати Вооруженных Сил России. М.: Военный университет, 2004.

⁴⁵ В юбилейный год 500-летия Куликовской битвы статьи и брошюры о ней выпустили: Н.П. Барсов, Д.И. Иловский, М.О. Коялович, П.П. Мельгунов и др. исследователи. Годом позже военный историк Дмитрий Федорович Масловский (впослед-

твии – профессор и начальник кафедры в Академии Генерального штаба) опубликовал статью о военных событиях, непосредственно предшествовавших битве. См.: Масловский Д. Ф. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского в 1380 г. до Куликовской битвы // Военный сборник. 1881. № 8. С. 207–238; № 9. С. 19–28.

⁴⁶ Геродот (между 490 и 480 – между 430 и 424 до н.э.), древнегреческий историк. Уроженец г. Галикарнаса. Много путешествовал, посетил Малую Азию, Вавилон, Египет, Финикию, города Южной Италии и др. Написал обширный трактат «История», посвященный борьбе греческих государств против Персии и ее союзников (греко-персидским войнам). При изложении исторических событий Г. стремился избегать вымысла, использовал свидетельства очевидцев, официальные документы.

⁴⁷ Фукидид (ок. 460 – ок. 400 до н.э.), древнегреческий историк. Написал «Историю Пелопонесской войны», современником и участником которой являлся. Поставил своей целью «отыскание» истины, противопоставлял исторические труды произведениям как поэтов, так и «логографов» (авторов, полагавших, что мифы содержат достоверные исторические сведения). Считал, что исторический опыт может быть использован в настоящем и пригодится в будущем. См.: Строецкий В.М. Проблемы становления истории как науки в Античности // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов: Саратовский государственный университет, 2006. С. 351–362.

⁴⁸ Ксенофонт (ок. 430 до н.э. – 355 или 354 до н.э.), древнегреческий историк, писатель. К числу его наиболее известных произведений относится «Анабасис» – повествование о тяжелом отступлении греческих наемников, воевавших в войске персидского царя Кира, из Месопотамии на родину. Написал также трактат «Киропедия», с описанием военного дела, тактики и организации персидского войска.

⁴⁹ Коммин Филипп, де (Philippe de Commines) (1447–1511), французский дипломат, советник королей Людовика XI и Карла VIII. Приобрел известность, в первую очередь, как автор мемуаров.

⁵⁰ Петрарка Франческо (Francesco Petrarca) (1304–1374), выдающийся итальянский поэт эпохи Возрождения, историк. При изучении античности одним из первых заложил основы научного разбора исторических источников.

⁵¹ Мобильон (Mabillon) Жан (1632–1707), французский историк, монах-бенедиктинец. Осуществил многотомную публикацию документов по истории ордена бенедиктинцев с комментариями и примечаниями. Готовя источники к изданию, М. тщательно проверял их подлинность и восстанавливал первоначальный текст. Считается одним из основателей исторических дисциплин палеографии и дипломатики.

⁵² Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1789–1848), выдающийся русский военный историк, генерал-лейтенант. Одним из основных трудов является «Описание Отечественной войны в 1812 году» в четырех частях (первое издание – 1839 г.), которое на долгое время стало основной официальной исторической работой о борьбе России с Наполеоновской Францией. Многие современники, однако, отмечали, что М.-Д. далек от беспристрастности, особенно при описании противников России. См.: Липранди И. Замечания на некоторые выражения, встречающиеся в «Описании Отечественной войны 1812 года». СПб., 1855.

⁵³ Имеется в виду язвительный отзыв участника Отечественной войны 1812 г. Сакена, который, по рассказу П.А. Вяземского, якобы заявил, узнав о смертельной болезни Михайловского-Данилевского: «Какое несчастье у нас пошло на баснописцев. Давно ли мы лишились Крылова, а вот теперь умирает Данилевский» (Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. 7. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметевым. С. 112).

⁵⁴ Тьер Луи Адольф (Louis-Adolfes Thiers) (1797–1877), выдающийся французский историк, государственный деятель. Его работа «История Консульства и Империи», содержащая безоговорочное восхваление Наполеона I, вызвала критические отзывы среди русских историков, но вместе с тем оказала сильное влияние на историографию Наполеоновских войн.

⁵⁵ [Милютин Д.А.] История войны 1799 года между Россией и Францией в царствовании императора Павла I. Составлена по высочайшему повелению Д. Милютиным, свиты е.и.в. ген.-майором. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857.

А.В. Михайлов, С.А. Астахов (Тула)

БЕСПОЩАДНЫЙ РУССКИЙ ШТЫК (ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ШТЫКОВ 1820–1880 ГОДЫ)

По мнению известного военного теоретика и педагога генерала М.И. Драгомирова: «Как бы ружье ни было совершенно, даже и на 50 шагов промах вероятнее, чем штыком на шаг или полтора; и во всяком случае для действия последним нужно гораздо более бесстрашия, самоотвержения, чувства товарищества, чем для стрельбы, более отвечающей инстинкту самосохранения. Стрельба требует покоя, удар штыком — движения вперед, которое уже само по себе выражает чувство нашего превосходства над неприятелем. Перестреливаться можно часами и ничего не добиться, штык разом заставляет неприятеля дать тыл».

В современных условиях штык по-прежнему является материальным выразителем высшего напряжения воли к победе.

С 1700 по 1708 г. в России фузеи «отпускали в войска с багинетами». Это были клинки длиной от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина с широким лезвием. Одна сторона лезвия была заточена, а другая сторона (обух) оставалась тупой. Багинет насаживался эфесом на деревянный «черень» длиной от 3 до 4 вершков, который вставлялся в ствол.

Позже был принят на вооружение трехгранный штык с трубкой. Он надевался на ствол.

По описанию генерал-лейтенанта Гогеля: «Штыковое лезвие делается из стали трехгранным... оно соединяется с трубкою посредством шейки, почти под прямым углом, только конец лезвия отклоняется несколько от ствола, чтобы он не препятствовал заряданию. Штык надевается на ствол посредством трубки, которая имеет коленчатый прорез для прохода целика. Целик защемляется посредством хомутика, подвижного кольца, стягиваемого винтом... Такое скреп-

ление штыка со стволом надежно, и во время действия невозможно штык сорвать с ружья... Длина штыка с трубкой – 21 дюйм, ширина лезвия в корню – 1 дюйм, вес штыка 82 золотника».¹

Для изготовления лезвия штыка применялась трехсварочная углеродистая сталь, которая получается «через сплавку чугуна с железными обрезками... Куски уклада, нагретые добела, разбиваются в тонкие полоски около ½ аршина длины и 2 вершков ширины... и кладутся одна на другую».

Полосы свариваются по концам кузнечной сваркой, а затем «сгибаются пополам и свариваются, это действие повторяется три раза», после чего полученный брусок вытягивается в полосу.

На Тульском оружейном заводе штыки отковывались в домашних мастерских Оружейной слободы.

«Шейка штыка отковывалась отдельно, и одним концом она приваривалась к трубке, а к другому концу плотно приваривалась полоса стали, которую после приварки проковывали на наковальне в длинное лезвие. На ковку требовалось времени 2½ часов. При работе мастера с одним молотобойцем выходило в день 4 штыка». Полученные заготовки представлялись «к осмотру надзирателя, который по приложению клейма отдает оный старосте, и сей посылает в калильную для закаливания лезвеев».

Термообработка как весьма ответственная операция производилась квалифицированным мастером на территории завода. «Лезвие откованного штыка закаливалось в воде, затем его отпускали и прравили».

Дальнейшая механическая обработка производилась на заводском вододействующем оборудовании: «на сверлильных станках, сходных со ствольными, но только меньшего размера... Доны на лезвии вытачивались на английских точилах, причем точка велась с водою. Окончательная полировка достигалась на полировальных кругах. Последние были дубовые и приводились в быстрое вращательное движение при помощи канатов. Круги намазывались салом и посыпались наждаком». Либо «смазывались наждаком с конопляным маслом, а затем толченым углем».

Штыковая трубка обрабатывалась по технологии, аналогичной ствольной.

С введением прокатного оборудования штыковое лезвие изготавливалось на вододействующих «плющильных станках». «Штыковое лезвие... готовится в плющильной машине, состоящей из двух

вращающихся плющильных цилиндров, на окружности которых делается вырезка по виду лезвия.

Поворотную щель трубки пробивают четырьмя прессами; в каждом из них трубка насаживается на стальной цилиндр с прорезом и действием винта с прошивнем продавливается один поворот щели».

Готовый штык «опиливается начисто по лекалам, и пригоняется к стволу, причем дульный конец ствола обрезывается по лекальной трубке»² и ствол вместе со штыком передается в ложевый цех.

Окончательный штык контролировался в сборе со стволом.

«По Высочайше утвержденной инструкции, снимая штык, удостоверяются:

1. Плотно ли трубка насаживается на ствол, доходит ли вплоть до первой гайки, а сверху оканчивается ли ровно со стволом; и при свободном движении, плотно ли хомутик защемляет штык на стволе.

2. В размере и весе сравнивают штык с образцовым.

3. Доброту лезвия узнают, сгибая его в обе стороны, на установленной для сего машине.

4. Осматривается, не имеет ли штык трещин, плен и сьедин, и чисто ли прорезан в трубке проход для целика».³

Производственный брак в 15–20 % только от некачественно подготовленного металла считался приемлемым.

В поисках производителей более качественного металла в 1830–1840-х гг. неоднократно проводились производственные эксперименты. Один из них – удачный – был сделан под руководством полковника Радожицкого и смотрителя работ Авдулова в мастерской мещанина Тоболина.

Из рапорта «Помощника Командира Завода по искусственной части Артиллерии Полковника Радожицкого от 1 сентября 1838 г. об опыте произведенном в заведении мещанина Тоболина над выделкою стали и выковкою штыков...

Старший Смотритель работ 10-го класса Авдулов, который осматривая то заведение (мещанина Тоболина) нашел, что в нем сталь выделяется надлежащего достоинства и недостатков для лучшей ея выделки в том заведении никаких не оказалось. В деле стали произведен им строжайший опыт.

Из положенного количества уклада и угля, уклад был нагрет до красна, хорошо очищен от ржавчины, и 8-мь мастеров сделали по одной закладке употребляя при работе сильные взвары и делая три загиба; протяжка стали в надлежащую толстоту прутьев для штыко-

вых лезвий сделана с большим вниманием, чтобы она под молотом не была перебита. После совершенной отделки мастерами штыковой стали мастерами, за клеймом Старшины Зябрева и штыкового кузнеца Баташева, взято от каждого молотового мастера на 10-ть штыков по 15-ти фунтов стали полагая по расценке по $1\frac{1}{2}$ фунта на штыковое лезвие и сделано из нее 80 штыков, из которых в совершенно отделанных оказалось годных 65, не годных за волосовинами на лезвиях 10 и за глубокими на трубках черновинами 5. Из сего видно, что браку причитается в штыках от стали $\frac{1}{8}$ часть, меньше чего никогда не выходило на вододействующем казенном заводе.

Старшине Зябреву приказано на одобряемых им прутках стали класть клейма на каждой четверти аршина, сверх того молотовым мастерам и тягольщикам велено на каждом пруте по концам полагать свои клейма, для того, что если при ковке штыков... будет оказываться негодная сталь, то посредством тех клейм можно узнать каким она мастером приготовлена».⁴

Из рапорта следует, что при соблюдении технологий получения штыкового металла, механической обработки, термообработки и строгом контроле за этим качественное лезвие штыка можно успешно изготавливать и в заводских условиях.

С принятием на вооружение винтовки системы Бердана № 2 императором Александром II был поднят вопрос о замене русского игольчатого штыка клинковым – тесаком прусского образца. Но большинство военных считали, и не без основания, что такой штык в русской армии на то время неприемлем.

Из дневника военного министра Д.А. Милютин за 14 марта 1874 г.: «... снова возбужден вопрос о замене штыка тесакими... по примеру пруссаков. Три раза уже был возбуждаем этот вопрос... все единогласно отдавали преимущества нашим штыкам и опровергали предположения государя, чтобы штыки примыкались к ружьям только во время, когда предоставится потребность действовать холодным оружием...».⁵

Все же было принято решение об изготовлении партии в 10 000 штыков на Златоустовском оружейном заводе.

Провести эксперименты по постановке производства штыков было предложено Тульскому оружейному заводу.

Первоначально предполагалось «ввиду особой точности при выделке эфеса и перекрестья этих тесаков... готовить в Златоусте только тесачные клинки... выделку же остальных частей тесаков,

так и сборку их... по незнакомству Златоустовской фабрики с точными лекальными работами и неимению соответственных станков производить на Тульском оружейном заводе... Такое разделение выделки ружейных тесаков между двумя заводами представляется безусловно выгодным в смысле обеспечения взаимной переменяемости тесаков в отношении винтовок»⁶.

Для отработки технологии изготовления и контроля деталей и всего изделия в сборе на Тульском оружейном заводе была изготовлена партия из 300 тесаков, включая клинки. Благо завод имел большой опыт по получению качественного клинкового металла, его механической обработке и термообработке.

О сложности реализации этого процесса говорит «Временная инструкция для приема и пробы ружейных тесаков и осмотре дульной части ствола с приспособлением для примыкания к оному тесака».

Инструкция предусматривала «осмотр ружейных тесаков, как в собранном, так и в разобранном виде, для определения правильности и чистоты их отделки, а также рода и качества материалов, из которых они изготовлены...». Для этого завод был снабжен образцовым тесаком с ножнами и дульной частью ствола, калибрами (лекалами), поверочными инструментами и построительными чертежами (применялись в качестве рабочих чертежей и чертежей для изготовления калибров) всех деталей тесака.

Лекала и контрольные приспособления были изготовлены в инструментальном цехе Петербургского патронного завода. Это предприятие обеспечивало поверочными инструментами все оружейные заводы военного ведомства, что гарантировало единство измерений и взаимозаменяемость оружейных частей.

Для контроля отдельных частей и всего тесака в сборе было изготовлено более 300 лекал. Это были нормальные и предельные калибры и шаблоны, которыми контролировались отклонения формы и расположения поверхностей.

По назначению они делились на справочные, рабочие и браковочные. Шаблонами контролировался износ рабочих калибров. Размеры калибров приемочной комиссии учитывали износ заводских калибров.

Клинок контролировался по форме и длине, толщине в 10 сечениях и по форме режущей части в 5 сечениях. Длина и форма клинка проверялись калибром «пройма». «...Пройма имеет вырез, соответствующий по размерам наибольшему клинку. На сторонах выреза

имеются шесть черт, определяющих: первая от острия наименьшую длину клинка, остальные пять – положение сечений, поверяемых лекалом № 309 (лекалом № 309 контролировалась форма клинка в 5 сечениях)».

После термообработки и отделки качество клинка контролировалось последовательно двумя способами.

«По вертикально стоящему чурбану, из твердой породы дерева... клинком делаются четыре сильных удара, из них два лезвием и два обухом. Если клинок окажется «слишком мягким или неравномерно закаленным», то он бракуется. Клинки, признанные годными, подвергаются испытанию на изгиб и скручивание на специальном приборе⁷.

Приспособление для испытания клинка на изгиб и скручивание представляет собой поворотные тиски с нагружающим устройством. Испытуемый клинок вставляется стеблем в прорезь тисков и зажимается в них с помощью гаек с барашками. На конец клинка надевается муфта с отверстием, соединенная с грузом (1 пуд). Груз при этом находится на полке. При повороте тисков вокруг вертикальной оси на 30° конец штыка перемещает муфту, поднимает груз и под действием груза изгибается в горизонтальной плоскости. Затем тиски с изогнутым штыком фиксируются штифтом и быстро поворачиваются маховиком вокруг горизонтальной оси, по и против часовой стрелки. При этом штык испытывается на скручивание.

При пробе штык не должен ломаться, а после пробы не должно быть остаточных деформаций.⁸

Инструкция подробно регламентировала правила использования калибров.

К примеру, при использовании нормальных лекал, имеющих один размер и предназначенных для контроля размеров с широкими допусками на изготовление, «...приемщику предоставляется, соображаясь со значением размера и с построительными чертежами, давать допуск по своему усмотрению». Но только в тело детали, то есть для охватываемых размеров (размеров валов) в меньшую сторону (в минус), а для охватывающих в большую сторону (в плюс). «В случае же сомнения... что отступления превосходят допуски, определенные построительными чертежами, приемщик поверяет означенную часть штанген-циркулем». Максимальное значение конкретных допусков также оговаривалась инструкцией.

Или: «Проверка тесаков производится рабочими лекалами. Справочные лекала отнюдь не должны употребляться для этой цели. Они служат лишь в тех случаях, когда при употреблении рабочих лекал произойдет недоразумение и явится необходимость сличить последние со справочными, с тем чтобы убедиться в их верности».

Инструкция также устанавливала порядок взаимоотношений завода и приемочной комиссии в случае возникающих разногласий.

«...В случае разногласия одноименных справочных лекал, находящихся в ведении завода и приемщика, следует, впредь до разъяснения подобного недоразумения, руководствоваться лекалами, находящимися в ведении Приемщика... но о подобном разногласии завод и приемщик должны сообщить Главному артиллерийскому управлению».

Приемщик имел право «чтобы убедиться в качестве материалов, употребляемых для изготовления тесаков... наблюдать за самою работкою тесаков, равно стали и меди, из коих тесаки изготавливаются, не входя при этом в распоряжения, касающиеся производства тесаков и вышеупомянутых материалов».⁹

Таким образом, технология изготовления и контроля ружейного тесака была отработана и готова к применению в массовом производстве. Однако дальше опытов и экспериментов дело не пошло, и игольчатый штык надолго остался на своем месте.

¹ Гогель И. Подробное наставление о изготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия. СПб., 1825. С. 183–189.

² В. Александров. Записки о ручном огнестрельном и белом оружии. СПб., 1846. С. 100–102.

³ Там же. С. 118–119.

⁴ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 5473. Л. 5–6.

⁵ Журнал «Оружие». 2011. № 12. С. 53–54.

⁶ Там же. Д. 5146. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 200–212.

⁸ Там же. Л. 223–223 об.

⁹ Там же. Л. 213–214.

А.В. Михайлов, Г.В. Малахов, В.В. Птицын (Тула)

ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ИСПЫТАНИЯ И ПРИЕМКА КИРАС (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ)

Кирасы изготавливались из проката, – из листового железа (мягкого) и латуни толщиной 1¼ линии. Железные кирасы могли быть окрашенными в черный цвет или «белыми» – не крашенными, а полированными. Кирасы из «латунной меди» только полировались.

Железные кирасы изготавливались по следующей технологии: выкроенные из листа заготовки «раскаляются в печи, и потом каленные сколачиваются (вытягиваются) ручными молотами в чугунной форме». Форма отливалась по деревянной модели, изготовленной в соответствии с размерами и формой образцовой кирасы. Отливка чугуна производилась в формы, изготовленные из песчано-глинистой формовочной смеси. Готовая чугунная форма зачищалась и полировалась «дабы наружная поверхность кирасы из оной выходила совершенно гладкая, чтобы не нужно было сглаживать ее пилами», что увеличивало трудоемкость изготовления.

Кроме этого при охлаждении железного листа во время вытяжки под молотом его наружная поверхность слегка закалялась, что придавало кирасе дополнительную прочность, «более твердости противу пуль и пики».

Затем в заготовке кирасы по периметру пробивались отверстия для пришивания подкладки и выпушки из шнура. Для крепления поясного и наплечных ремней припаивались металлические пуговицы.

После этого кираса окрашивалась в черный цвет, к ней пришивалась подкладка с выпушкой и крепились наплечные ремни с чешуей «из латунной меди, из каковой делается ружейный прибор». Передняя и спинная половины кирасы скреплялись этими ремнями и застегивались ремнем по поясу кирасира.

Светлые кирасы изготавливались по такой же технологии, но после вытяжки в форме «они не красятся, а отбеливаются пилами и полируются». Поэтому они уступали окрашенным кирасам в прочности. «Такие кирасы красивее, но несравненно слабее черных, не опиленных; ибо с них опилковкою и полировкой... снимается та кора или закал, которую они... получают при уколачивании их в форме». Кроме этого при опилковке становился тоньше и сам металл.

Медные (латунные) кирасы изготавливались двухслойными. Верхний слой – латунь, нижний – железо. «Медные кирасы делаются из латунной листовой меди, из коей выкроенные по надлежащей форме передняя и спинная половинки припаиваются на приготовленные наперед таковые же железные половинки».

Причем размеры верхних частей по периметру меньше нижних так, что остается полоса, «пальца на два не покрытая медью».

Затем производится опиливание, шлифовка и полировка. Такие кирасы отличаются красотой и прочностью. «Кирасы сии и противу пуль и пик столь же надежны, как и черные железные».

Для саперов изготавливались железные кирасы, состоящие из одной передней половины, но из более толстого металла «в 2½ линии толщиною ... дабы могли защитить от пуль, на близком расстоянии выстеленных». При этом «одна половинка выходит весом от 15 до 18 фунтов; а кирасирские и обе весят не более как от 14 до 15 фунтов».

Следует отметить, что кирасы достаточно надежно защищали только от ударов штыком, пикой или саблей. При выстреле с близкого расстояния они практически не спасали. Об этом свидетельствуют эксперименты, проводимые в 1807–1811 гг., как за рубежом, так и в России. Результаты зарубежных испытаний были известны нашим военным.

Например, при установке трех кирас одна за одной «По опытам, сделанным во Франции в 1807 году над обыкновенною кирасою... над кирасою из кованной Немецкой стали, и над прежнюю кирасирскою кирасою, состоящей из одной передней половинки, весом от 14 до 15 фунтов, скованною из железа вместе со сталью», оказалось, что при выстреле с расстояния в 75 сажений ружейная пуля пробила первую кирасу, а вторую и третью не пробила. На расстоянии в 54 сажени не пробила только третью кирасу. На расстоянии в 18 сажень «вдавливала ямку» в третьей кирасе. На 9 саженьх «еще грубже вдавливала, но подложенная подушка предохранила бы от вдавливания».

При выстрелах в несколько кирас с расстояния в 18 сажень «ружейная пуля пробивала четыре передние половинки обыкновенных кирас и вбивалась еще на весь диаметр свой в доску, позади их поставленную. Стальных кирас точно того же размера и веса пробивали только две и в третьей вдавливали ямку».¹

На Тульском оружейном заводе изготавливались кирасы трех описанных видов «соразмерно росту людей, по 13 образцам» следующей конструкции (по инструкции о приеме кирас 1835 г.):

«Пара кирас состоит из двух половинок: передней и задней.

Каждая половинка кирас подкладывается с внутренней стороны коровьим войлоком, а сверх одного равендуком (парусиновый холст).

К задним половинкам прикрепляются на оплечьях петли с шолнером и чешуею, посредством заклепок, имеющих снаружи вид пуговок; а к нижним концам пояса, такими же заклепками...

Чешуи готовятся к полированным и с медною накладкою кирасам, медные; к черным же, для Гвардии медные, а для Армии железные, покрытые черною краскою и лаком, с медными на концах застежками.

Чешуи насаживаются на тонкой коже, проволокою, из одинакового металла с чешуею...

Пояса делаются к кирасам полированным и черным, из черной глянцевої кожи; а к кирасам с медною накладкою, из красной юфты (сорт мягкой кожи)...»².

Инструкция о приеме кирас 1852 г. предусматривала 18 типоразмеров кирас.

В процессе изготовления производится контроль кирасных заготовок и их испытание выстрелами. Вначале они проверяются «относительно размера и веса, причем наблюдается, чтобы размеры и вес отдельных частей не выходили из пределов, определенных Высочайше утвержденною инструкцией... После этого кирасы испытываются выстрелами, для чего из каждой сотни кирас одного размера берут 5 легчайших и передние половинки их ставят на стеллаж... несколько наклонно вперед, чтобы пуля ударяла в нагрудники под прямым углом. Прочность нагрудника испытывается тремя попавшими в него пулями из пехотного ружья, с расстояния в $18\frac{2}{5}$ сажени. Если из 5 нагрудников выдержат пробу менее 5 нагрудников, то из остальных кирас берут еще 5 легчайших и пробуют тем же порядком; если из них 5 нагрудников опять не выдержат пробы, то берут снова 5 легчайших кирас до тех пор, пока 3 нагрудника из 5 выдер-

жат пробу; после того все остальные кирасы признаются годными и со внутренней стороны их передних половинок ставится пробное клеймо. После испытания выстрелами кирасы доканчиваются и отдаются в арсеналы»³.

При отправке из арсенала или с завода в полки кирасы принимаются полковыми приемщиками. Прием их в большом количестве, например, на полк, доверяется только штаб-офицерам. В случае отпуска кирас в меньшем количестве их приемка поручается обер-офицеру. Причем с приемщиками командировются мастера, «знающие свойства металлов».

Приемка кирас начиналась со сличения их с Высочайше утвержденными образцами. Они должны быть «во всем сходны».

Затем сравнивается вес принимаемых и образцовых кирас. При этом взвешиваются на весах только те, «кои покажутся легкими или тяжелыми». Кирасы бракуются по весу, если «тяжелее образцовой одним фунтом или легче тремя четвертями фунта».

Затем контролируются размеры передней и задней частей, чешуи, поясов, выгнутость, качество металла и обработки поверхности.

Допуски на линейные размеры установлены в пределах 0,5–2 линии.

Кирасы бракуются, если «по всей поверхности имеют надставки, трещины, плены (отслоения частиц поверхности), свищи и раковины, и если полировка нечиста и не бела против образца (велика шероховатость поверхности)... Если у медных кирас латунная накладка кругом не плотно припаяна... не гладка, с черновинами (включения инородного материала) и волосатинами (расслоения металла) и не чистой полировки. Если черные лакированные кирасы с буграми, впадинами, трещинами, и на которых лак не совершенно черного цвета, не гладкий, не блестящий».

Далее контролируется качество пайки, отделки и работы элементов соединения передней и задней половин кирас.

Качество ременной кожи и ее отделки поверяется следующим образом: «черные пояса свертываются в трубку, а красные в спиральное кольцо; от чего они не должны получать трещин».

Приемка заканчивалась контролем матерчатой обшивки кирас. Браком считалось если «подкладка из гнилого равендука, и не везде прочно и гладко пришита... шерстяной шнурок обложен по кирасе не ровно, не гладко с узлами, не одинаковой толщины и не яркого красного цвета».

Следует отметить, что при незначительных погрешностях в качестве обработки, «кои безобразия не делают» и которые могли легко исправляться, и при доброкачественном металле кирасы не браковались.

При сдаче кирас могли возникать споры между приемщиками и заводскими чиновниками, сдающими кирасы. Эти споры «разрешаются Командиром арсенала (или завода) словесно; причем он должен соблюдать строгую справедливость, то есть: чтобы при приеме в арсенал не были кирасы бракуемы напрасно, и чтобы при отпуске не сдавали в полк того, что негодно, и чтобы не браковалось годное».

В особо спорном случае командир арсенала имел право приказать полковому приемщику принять забракованные им кирасы. Но в этом случае «кирасы, не одобренные приемщиком, означаются особым клеймом, и одна или две представляются в Артиллерийский Департамент за печатями приемщика».

Если при осмотре в Артиллерийском департаменте обнаруживается, что кирасы были забракованы неправильно, то департамент «сообщает начальству приемщика о зачислении их годными и обращает издержки на пересылку... кирас на счет неправильно бракованного».

Если обнаруживается, что кирасы забракованы правильно, то департамент «распоряжается на счет Командира арсенала, переменною неправильно отпущенных кирас».⁴

Кирасы, требующие ремонта или лишние, сдавались из полков в арсенал или на завод по правилам, которые регламентировала «Инструкция для приема от полков в артиллерийское ведомство кирас, бывших в употреблении».

Их сдача и приемка осуществлялась войсковым и заводским штаб-офицерами и оружейными мастерами следующим образом.

Во-первых, производился осмотр кирас оружейным мастером «под наблюдением арсенального или заводского начальника».

При осмотре кирасы сортируются на: годные к употреблению, «которые не требуют никакой поправки и перемены частей... с малыми царапинками, не делающими безобразия», подлежащие ремонту и негодные.

Во-вторых, при сортировке составляются описания кирас, которые скрепляются подписями оружейного мастера и полкового приемщика, а затем утверждаются командиром арсенала или завода «с ответственностью всех их за правильность описания».

В-третьих, составляется смета расходов на ремонт, в которой в установленной форме «объясняется, какие повреждения должно принять на счет казны, какие отнести на счет Командира полка, и чего будет стоить починка или перемена негодных частей».

За счет казны ремонтировались кирасы, отслужившие установленный срок или пострадавшие во время сражений.

Например: «Тонкие, истершиеся от употребления, чистки... отпущенные из новых, по прослужении 15, а из старых 5 лет...»

Простреленные в сражениях и помятые от падения с лошадей; но о сих кирасах должно быть представлено в узаконенное время свидетельство Корпусного Командира или отрядного Начальника в том, что они повредились в сражении».

За счет полковых командиров ремонтировались кирасы: «Тонкие, сдаваемые прежде истечения означенных сроков... с большими свищами и раковинами, доказывающими, что кирасы были заржавлены... переделанные в полку не по образцу... Измятые с буграми и впадинами, с обломанными или порванными краями... не употребившиеся во время войны». Командиры полков также оплачивали ремонт кирас, испорченных в результате неправильного хранения, ремни и подкладки которых «от сырости и небрежения сгнившие».⁵

¹Гогель И. Подробное наставление о изготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия. СПб., 1825, С. 574–580.

²ГАТО. Ф. 187. Д. 1060. С. 9–10.

³Руководство для артиллерийской службы СПб., 1853. С. 311–312.

⁴ГАТО. Ф. 187. Д. 1060. С. 12–14.

⁵Там же. С. 1–9.

В.А. Мосунов (Санкт-Петербург)

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ У СТАНЦИИ ПОГОСТЬЕ В МАРТЕ 1942 ГОДА

В ходе зимнего наступления 1941–1942 гг. Красной армии на Северо-Западном стратегическом направлении ожесточенные бои развернулись на фронте от района южнее оз. Ильмень до железной дороги от Мги на Волховстрой южнее Ладожского озера. Началось наступление Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов. Многие из эпизодов этих боев так до сих пор и остаются малоизвестными не только для людей, интересующихся военной историей, но даже для специалистов. Больше знают о них бойцы поисковых отрядов, но их интерес к истории представляет прикладной характер.

Об одном из таких недостаточно изученных эпизодов войны и пойдет здесь речь. Точнее, правильнее было бы назвать его оставшимся в тени трагических событий, связанных с наступлением Волховского фронта и последующей гибелью в окружении части 2-й Ударной армии. Бои у станции Погостье зимой 1941–1942 гг. протекали в то же самое время, были не менее кровопролитны, но закончились несколько иначе. К сожалению, так получилось, что широкий круг читателей знает об этом только из воспоминаний Н.И. Никулина¹, сотрудника Эрмитажа. Однако эти воспоминания отражают лишь личные представления их писавшего, а не реальную обстановку. Можно еще вспомнить краткое упоминание об этих событиях в мемуарах И.И. Федюнинского² и статью И.Г. Прокофьева³, а также художественное описание боев у самой станции, сделанное П.Н. Лукницким⁴. Однако об успехах наших войск в мартовских боях крайне редко упоминалось и в воспоминаниях, и в военно-исторической литературе.

Поэтому в данной работе речь о боевых действиях марта 1942 г., когда основным противником нашей 54-й армии И.И. Федюнинского были две дивизии – 269-я и 96-я пехотные из 28-го армейского корпуса 18-й армии. Такое соотношение не должно смущать читателя. В составе немецких соединений было значительное количество подразделений из других дивизий, собранных, что называется, «с бору по сосенке» со всего участка 18-й армии под Ленинградом.

Предистория у этих событий была такова. В ходе своего наступления в январе 1941 г. 54-я армия смогла овладеть участком железнодорожной насыпи, самой станцией Погостье (которую немцы сумели отбить обратно) и частью поселка. Войска армии несколько раз прорывались в тыл противника. Но решающего успеха достичь не удалось.

Всю первую половину февраля стрелковые дивизии 54-й армии (115-я, 198-я, 11-я, 281-я) безуспешно пытались развить успех. Во вражеском тылу находились подразделения 80-й и 311-й стрелковых дивизий. Их действия не смогли оказать никакого влияния на ход операции. В начале февраля к ним присоединилась еще и 8-я армия Ленинградского фронта, которой была передана полоса обороны от берега Ладожского озера до участка у д. Лодва.

Для нового наступления, согласно директиве Ставки № 170219, недавно сформированный 4-й гвардейский стрелковый корпус передавался в состав 54-й армии, в него включалась 98-я танковая бригада (5 KB, 22 T-34). Задача для 54-й армии ставилась на уничтожение любанско-чудовской группировки. Армия должна была не позднее 1 марта перейти в наступление в общем направлении Кондуя–Любань. Это наступление успеха не имело. Прорвать оборону противника не удалось. Гвардейский корпус пока оставался в резерве.

К этому моменту 2-я Ударная армия продвинулась почти до Любани, но была остановлена там. Предполагалось, что 54-я армия Ленинградского фронта перейдет в наступление на Любань. К подготовке нового наступления подошли более серьезно.

К 9 марта ударная группировка армии сосредоточилась на линии Погостье – разъезд Жарок. В составе ударной группировки было пять стрелковых дивизий, одна стрелковая и три танковые бригады. Первый эшелон составляли 311-я, 281-я, 198-я, 11-я и 285-я стрелковые дивизии с 122-й и 124-й танковыми бригадами. Удар наносился вдоль грунтовой дороги на линию развилки дорог в 2 км западнее д. Шалы (т. е. у перекрестка, названного немцами «Звезда Мерседес»), а затем

должен был следовать поворот на Кондую и Смердыню, и далее продвижение на Любань.

Построение первого эшелона было следующим. 285-я дивизия в 1–1,5 км юго-западнее Погостья, 198-я дивизия заняла исходное положение в 1 км южнее Погостья.

Основную ударную силу армии составляли танки. К началу наступления в 124-й танковой бригаде удалось подготовить к бою 15 танков КВ. После укомплектования в двух танковых батальонах 122-й танковой бригады также насчитывалось 9 КВ, 13 Т-34, несколько легких машин и две самоходные установки на базе Т-26 с 76,2-мм пушками. Главный удар армия наносила вдоль грунтовой дороги в 2 км западнее Шалы.

В течение 8 марта командиры 124-й танковой бригады увязывали вопросы взаимодействия со штабом 198-й стрелковой дивизии. Ее задача была в выходе к «Звезде Мерседес».

122-я танковая бригада должна была действовать вместе с 281-й стрелковой дивизией, выйти в район южнее отметки 55,8 и далее развивать наступление на Кондую.

На правом фланге противника 54-й армии, 28-го корпуса оборону занимала 96-я пехотная дивизия (всего около 6 тыс. человек боевого состава), которая помимо собственных подразделений также включала еще и батальоны 43-го пехотного полка Отто Лаша, группу Мюллера и 333-й пехотный полк. Слева от нее оборону занимала 269-я пехотная дивизия. Справа – 11-я пехотная дивизия из 1-го армейского корпуса. Дивизию поддерживали 16 артиллерийских батарей, среди орудий были и 210-мм мортиры.

Для борьбы с танками дивизия должна была получить 400 человек пополнения и надкалиберные снаряды для 37-мм противотанковых пушек. Эти снаряды уже успели заслужить хорошие отзывы. Считалось, что они помогут пехоте бороться с танками. Штаб дивизии оценивал свое положение как довольно сложное из-за больших потерь в частях пехоты, многочисленных выведенных из строя орудий и малого количества бронетехники (всего около десятка танков и штурмовых орудий).

Наступление 54-й армии началось в 8 ч утра 9 марта. Основной удар пришелся на участок 96-й пехотной дивизии. К 9 ч утра оборона противника была прорвана, один немецкий танк и штурмовое орудие были подбиты в ходе боя. Оборона противника была прорвана силами 281-й, 198-й, 11-й стрелковых дивизий при поддержке тан-

ков 124-й танковой бригады. Наши бойцы наблюдали быстрый отход противника, кое-где превращавшийся в паническое бегство.

Отсечную позицию у «Звезды Мерседес» занял 333-й полк. Как выяснилось позже, два батальона 283-го полка были сбиты с насыпи фланговой атаккой, которую поддерживали танки. Нашим частям удалось прорвать оборону противника и на «Кухонной» просеке. Противник готовился к контрудару, но для него не хватало сил.

В течение 10 марта части 54-й армии продолжали развивать свой успех. Для расширения прорыва в бой вводились 294-я стрелковая дивизия и 16-я танковая бригада. Контратака собранного для 96-й пехотной дивизии резерва провалилась, несмотря на участие бывшего 287-го полка дивизии.

За эти два дня нашим бойцам удалось овладеть участком насыпи северо-западнее разъезда Жарок шириной 3 км и вклиниться в немецкие позиции южнее. Однако далее наступление 281-й стрелковой дивизии было остановлено сильным немецким сопротивлением. Дивизия более продвинуться не смогла. То же самое случилось и с 311-й стрелковой дивизией.

К 11 марта противнику удалось восстановить относительный порядок. Вместе с подразделениями 227-й пехотной дивизии он утром перешел в контратаку. В ходе нее немцы заняли обратно несколько ранее потерянных блиндажей. Но затем наши бойцы вновь заставили противника отступить.

К концу дня противник потерял еще около 300 метров полотна железной дороги, также были подбиты два штурмовых орудия. Приданные 96-й дивизии части 227-й пехотной дивизии начали отход.

12 марта из-за того, что правый фланг ударной группировки 54-й армии более не мог добиться успеха, основная тяжесть боев постепенно смещалась к Шале. Эта деревня вместе с опорными пунктами вокруг нее стала центром немецкой обороны. Иногда ее именуют как укрепленный узел, но это не совсем верно. Сплошной обороны там противник построить не успел. Оборона оставалась очаговой, опирающейся на опорные пункты у дорог и просек и более крупные, так называемые «лагеря».

Утром 12 марта немцы отходили от «Звезды Мерседес» на юг, к отсечной позиции. В это же время начался бой на линии железной дороги у Шалы. Прорыв танкистов 16-й танковой бригады оказался для противника крайне неприятным сюрпризом. Но для немцев еще

не все было потеряно. В штабе 28-го корпуса даже начали планировать операцию, целью которой было окружить прорвавшихся и затем уничтожить их. В районе Шалы стягивались резервы и штурмовые орудия. Предполагалось провести атаки на север, чтобы выйти севернее Погостья и там соединиться, отрезав прорвавшихся.

Однако к этому времени 333-й пехотный полк практически потерял свои опорные пункты на насыпи железной дороги. Наши части вышли к Шале. Однако нашу пехоту противник смог остановить огнем артиллерии и ударами авиации.

Именно 16-я танковая бригада обеспечила успех. Командир 1-го танкового батальона майор М.А. Кудрявцев смог прямо на поле боя принять командование, собрать командиров и увязать с ними вопросы взаимодействия и выработать новый план. Благодаря этому был достигнут большой успех – наши танки и пехота быстро вышли к Шале.

По немецким данным, три ее танка с пехотой захватили немецкие позиции ударом с фланга. Немцы пытались залатать дыру и организовать новую линию обороны.

Запланированная контратака для восстановления утраченного положения еще не была отменена противником. После прорыва советских танков в деревню провести ее было уже невозможно. К вечеру противнику все же удалось вернуть часть железнодорожной насыпи.

13 марта на всем протяжении правого фланга 28-го армейского корпуса положение складывалось для немцев критически. Несмотря на удачную контратаку, когда немцам удалось на насыпи временно оттеснить 11-ю стрелковую дивизию, перспективы для противника были довольно безрадостными.

Восточная часть Шалы еще оставалась у немцев. Именно туда было брошено только что прибывшее подкрепление. В ходе дневных боев противник смог оттеснить 294-ю стрелковую дивизию из западной части деревни. Но к вечеру сам откатился обратно, наши бойцы вместе с танками дошли до позиций артиллерии, которая была выставлена на прямую наводку. Позиции переходили из рук в руки несколько раз. Считается, что Шала была захвачена именно в этот день, однако бои здесь продолжались гораздо дольше.

Теперь 28-й армейский корпус начал получать подкрепления с более спокойных участков 18-й армии. К этому времени немцам удалось перехватить инициативу в борьбе со 2-й Ударной армией и провес-

ти операцию «Хищник», в результате чего вся ударная группировка Волховского фронта попала в окружение. Также улучшилась для них обстановка и под Любанью. Гитлеровцы планировали ударами с востока и запада отрезать ударную группировку 54-й армии.

Утром 14 марта немцы перешли в наступление. Поначалу им сопутствовал определенный успех. Штаб 28-го корпуса был доволен ходом дневного боя. Однако немцев ожидал еще один неприятный сюрприз – в бой должен был вводиться 4-й гвардейский стрелковый корпус. Ему предстояло развить успех армии и вести наступление на Зенино и Смердьню. И немецкий «успех» оказался лишь прелюдией к ожесточенным боям.

В составе 4-го гвардейского стрелкового корпуса должны были действовать следующие соединения:

– в первом эшелоне наступление вели 294-я и 285-я стрелковые дивизия, а также 16-я танковая бригада. В бой вводилась 3-я гвардейская стрелковая дивизия вместе со 124-й и 98-й танковыми бригадами.

– второй эшелон составляли 32-я и 33 стрелковые бригады, в третьем эшелоне находились 137-я и 140-я стрелковые бригады. Теперь все зависело от того, насколько быстро корпус сможет развить успех.

15 марта немцы несколько раз пытались переходить в контратаки, но уже не смогли добиться успеха. Наступление 54-й армии задерживали удары пикирующих бомбардировщиков, наши части несли большие потери, много танков вышло из строя. Росли потери и у противника. Только за одни сутки потери отряда Мюллера составили 700 человек и одно штурмовое орудие.

16 марта немцы, ожидавшие нового наступления, продолжали свои попытки восстановить ситуацию и подтянуть силы. В этот день началось наступление 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Его удар оказался настолько неожиданным, что, несмотря на то, что М.М. Агапов указывает на небольшой успех в первый день⁵, в документах противника ситуация рисуется как критическая. Даже такой не слишком временами честный историограф своего соединения, как Г. Ремхильд⁶, пишет о крайне тяжелой ситуации, в которую попали немецкие части.

Для противника положение у д. Шалы оставалось неясным. Было известно только то, что около 14 ч 30 мин оборона восточнее деревни была прорвана и немецкий батальон отступает на юго-восток.

В первые же часы наступления гвардейцам удалось выйти к штабам немецких боевых групп. Фашистская оборона прогибалась и начинала буквально крошиться.

Восточнее Шалы образовалась брешь около 3 км шириной. Все немецкие контратаки серьезного успеха не имели. Не помогли немцам и усилия соседа – 11-й пехотной дивизии.

В течение ночи с 16 на 17 марта у Шалы продолжался бой. 4-й гвардейский стрелковый корпус готовился продолжить наступление. Положение немцев становилось все сложнее, часть планировавшихся ранее операций была отменена. В результате 281-я стрелковая дивизия вышла к дороге Шала–Кондуя, что сильно осложнило противнику обстановку. Выбить дивизию с этого рубежа немцам так и не удалось.

Фашистов выдавливали на юг, танки прорвались в тыл отряда Лаша. У Шалы бой шел прямо у штаба Мюллера. В этой ситуации Лейзер, командир 269-й пехотной дивизии, предложил начать отход. Но армейское командование запретило даже думать об этом.

Противник безусловно собирался удерживать «Звезду Мерседес» и Шалу. Приказом корпуса была поставлена задача держаться, пока в тылу готовится новая линия обороны.

Однако ситуация становилась все хуже. Танки 16-й танковой бригады давили немецкие укрепления, расстреливали в упор огневые точки. Несколько танков прорвались южнее Шалы. Сам Мюллер доложил, что он сможет держаться только до вечера.

Удалось расширить прорыв и у «Звезды Мерседес», там советские танки с флангов проутюжили немецкие позиции на восток и запад. Глубоко вклинившиеся советские лыжники у д. Кондуя также вызвали немалое беспокойство немецкого командования. При этом, несмотря на угрозу окружения и уничтожения, противник решил удерживать участок у Шалы. Начальник штаба 18-й армии запретил даже поднимать вопрос, о том, что деревня может быть оставлена. Последовал приказ готовить позиции к круговой обороне.

Днем наши танки уничтожили две роты 333-го полка. Штаб корпуса сообщил об этом начальнику штаба 18-й армии, а затем добавил, что от «Звезды Мерседес» советские танки и пехота двинулись на восток. Шала окружена, и более удерживать этот район невозможно. Ее гарнизон находится под угрозой полного уничтожения. Отход на отсечную позицию также не является возможным. Все противотанковые пушки раздавлены танками, два последних штурмовых орудия подбиты.

Поэтому в 13 ч 10 мин штаб корпуса отдал приказ об отходе из Шалы на рубеж точка 49,6 (2 км юго-запад Шалы) – сев. окраина Смоляного леса – южнее сараи. Отход был разрешен командованием 18-й армии. Штаб армии требовал сохранить все орудия, не оставляя ни одного, что в тех условиях было невозможно.

Отход должен был происходить ночью. Однако к 16 ч управление группой Мюллера уже было потеряно, так как сам командир вынужден был покинуть свой штаб. К моменту отхода немецкая оборона на вышеуказанной промежуточной позиции была уже прорвана. Отступление велось небольшими группами, артиллерия была взорвана. К 18 марта части 54-й армии вышли к Кондуе и завязали вокруг нее бой.

В этой ситуации штаб 28-го корпуса отдал приказ. Исходя из него, 269-я пехотная дивизия занимала участок у Шалы; 96-я пехотная дивизия – участок Виняголово – Малукса-Людва.

Потери у немцев были велики. В пехотных батальонах оставалось не более 200 человек боевого состава, а в среднем от 100–150 и меньше. Всего у врага имелось до 15 пехотных батальонов (полторы штатной пехотной дивизии), но после понесенных потерь его поражение было теперь вопросом времени. 18 марта немцы предприняли очередную попытку выйти на пути снабжения 54-й армии и снова потерпели неудачу.

К 19 марта стало ясно, что 28-й корпус расходует свои последние резервы и через 4–5 дней без помощи армейских резервов будет не обойтись. В этот момент 4-й гвардейский стрелковый корпус продвинулся на юг, находясь примерно в 12 км от Любани, выйдя к д. Смердыня, Кородыня, Зенино, Дубовик. Крайне напряженные бои развернулись за д. Зенино, которая находилась прямо на важной дороге снабжения.

К 24 марта Зенино все же удалось захватить. Но 4-й гвардейский стрелковый корпус утратил свой первоначальный порыв. 98-я танковая бригада потеряла большую часть своей бронетехники. Дальнейшему наступлению не помогло и то, что в бой были брошены две дополнительные стрелковые бригады. Причин было много: большие потери, слабое вооружение стрелковых бригад и неумелое управление в чрезвычайно сложной местности. В этих условиях 28-й корпус получил разрешение на отход на отсечную позицию «Тигода». В то же время враг надеялся все же отрезать ударную группировку 54-й армии.

Дополнительные силы из армейского резерва были переданы в состав 1-го армейского корпуса. Туда перебрасывалась свежая 5-я горнострелковая дивизия Юлиуса Рингеля. Эта дивизия участвовала в штурме Крита, а под Ленинградом ее собирались использовать для захвата островов Финского залива. Здесь ее задача состояла в уничтожении частей противника между 11-й и 269-й дивизиями. Надо сказать, что это соединение в вермахте по праву считалось элитным. На ее солдат командование противника возлагало большие надежды. В составе дивизии было два горнострелковых полка, артиллерийский полк и специальные части.

24–26 марта 28-му корпусу удалось частично отойти на позицию «Тигода», только у Кондуи продолжались бои. К сожалению, использовать благоприятный момент наше командование не смогло.

В этих боях враг понес большие потери. 26 марта командир 269-й дивизии докладывал, что за 24 марта дивизия потеряла более 500 человек, 25 марта – 559 человек, из них 28 убитыми. Дивизии было подчинено 28 батальонов, и в них оставалось всего 2800 человек боевого состава на 15 км фронта.

Ко второй половине дня 27 марта Кондуя была почти окружена, все штурмовые орудия вышли из строя. Вводившиеся немцами в бой новые батальоны не могли переменить ситуацию. Из-за ухудшившегося положения противник принял решение об отходе. Положение противником оценивалось как критическое, в штабе 28-го корпуса ждали атаки 5-й горнострелковой дивизии. Она назначена на 30 марта. В первую очередь предполагалось уничтожить группировку 54-й армии между Зенином и позицией «Тигода» и облегчить состояние 28-го корпуса наступлением на Кондую. Операция получила название «Лесной аукцион». У дивизии было только около 1,5 суток для подготовки, Рингель, командир дивизии высказывал свои опасения по поводу влияния сложной местности на ход операции. Действительно, горным стрелкам пришлось действовать в ранее не знакомой местности с высоким снежным покровом, густым подлеском, малым количеством дорог. И их противник был очень упорен, гораздо упорней греков и англичан.

Положение для фашистов резко осложнилось 28 марта, немецкая пехота была рассеяна советскими танками. Немцы начали отход. К 29 марта они потеряли позиции у Кондуи, часть солдат 469-го пехотного полка попала в окружение, им запретили прорываться, выигрывая время за счет их гибели. В штабе 28-го корпуса опасались зна-

чительных потерь снаряжения и вооружения, поэтому окруженным давали ложную надежду на то, что к ним скоро прорвутся. Надежда была действительно ложная. Уже несколько раз появление советских танков вызывало панику в рядах противника. Введенный в бой свежий батальон 346-го пехотного полка из 217-й пехотной дивизии был сразу же рассеян танками.

Новые атаки наших бойцов не заставили себя долго ждать. Интересно отметить, что в состав 28-го армейского корпуса прибыл батальон из состава дивизии «Лейбштандарт». Этот батальон, что называется, был в командировке. Несмотря на критическую ситуацию, в бой его не бросили, предпочтя пожертвовать солдатами обычных пехотных частей.

В штабе 28-го корпуса, в конце концов, поняли, что пора отходить. Единственным реальным средством борьбы с танками оказались мины, оттепель только начиналась, и надеяться на болота не приходилось. А одних противотанковых мин не хватало 1900 штук. В ночь с 29 на 30 марта противник в беспорядке отошел от Кондуи на промежуточную позицию, при этом потеряв все свое тяжелое вооружение. Потери в людях тоже были велики. Кондуй смогла овладеть 11-я стрелковая дивизия.

При отступлении противник потерял 35 пулеметов, десять 81-мм минометов, шесть 75-мм пехотных пушек, семь 37-мм пушек, четыре 105-мм гаубицы, одну 88-мм зенитку. Начальник оперативного отдела корпуса, который целый день провел на передовой, доложил, что пехота более не способна выдерживать атаки танков, она или отступает, или просто бежит⁷. Ее не могут остановить ни офицеры, ни свои же унтеры.

Тем временем наступление немецкой 5-й дивизии провалилось. Утром туда поехали командир 1-го корпуса и офицеры его штаба. Наступление было частично сорвано уже тем, что часть 45-го полка в ходе советской атаки оказалась окружена. Тем не менее, 5-я дивизия перешла в наступление, но так как разведка ничего не дала, продвижение было медленным, пехота несла потери. К 16 ч дивизия вышла на участок 4 км северо-восточнее Дидвина, далее продвигалась на север на Кородыню. Выйти на линию Смердыня – Зенино она не смогла. Никакого облегчения в положении 28-го армейского корпуса не получилось.

Более того, еще больших успехов 54-я армия достигла на следующий день. Немецкая оборона в течение 31 марта буквально рухнула

северо-восточнее Макарьевской пустыни. Однако это был последний удар. 54-я армия и 4-й гвардейский стрелковый корпус исчерпали все свои возможности.

В течение 31 марта 5-я горнострелковая дивизия вновь не смогла добиться никаких успехов. Отмечались невероятные сложности с продвижением. Также немцы отмечали, что противник хорошо окопался. Герои Крита оказались не готовы воевать в условиях русской зимы. В дальнейшем дивизия Рингеля долго еще не могла восстановить своей репутации.

В течение первых дней апреля 4-й гвардейский стрелковый корпус продолжал попытки прорвать оборону противника. Все они заканчивались безуспешно. Части 54-й армии также продолжали вести бои с 1-м армейским корпусом. В дальнейшем 54-я безуспешно пыталась прорвать оборону противника у Макарьевской пустыни. Однако немцы, опираясь на подготовленные позиции, отбили все эти атаки.

В целом, нельзя признать эту операцию 54-й армии полностью удачной. Отсутствие координации между действиями Ленинградского и Волховского фронтов крайне негативно сказалось на ходе боевых действий. Возможно, если бы перенос направления главного удара армии состоялся в феврале, то удалось бы добиться гораздо большего успеха. К сожалению, крайне затруднительно определить потери 54-й армии в ходе боев. По данным, которые при работе с ОБД «Мемориал» собрал И. Иевлев, только 11-я стрелковая дивизия за весь период боев с января по апрель потеряла около 3600 человек убитыми. Около 1 тыс. человек она потеряла в марте 1942 г. Если учесть, что здесь действовало еще 6 стрелковых дивизий и несколько стрелковых бригад, общие безвозвратные потери 54-й армии только за март 1942 г. могут превысить 10 тыс. человек. Но это уже тема для отдельного исследования.

Потери противника известны лучше. Только за 21–31 марта боевые потери 19 батальонов 269-й пехотной дивизии составили 1011 человек. Это далеко не полные данные, последние десять дней марта учет потерь у противника был поставлен слабо. Поэтому точно определить немецкие потери весьма затруднительно, но они точно составили около 6000 человек у 28-го корпуса и около тысячи человек из 1-го корпуса. В целом, это были значительные потери, превышающие те, которые враг понес за то же время в боях с частями Волховского фронта.

Судьба участников этого сражения сложилась по-разному. Н.А. Гаген будет возглавлять свой 4-й гвардейский стрелковый корпус во время неудачной Синявинской операции 1942 г. После этого он вместе со штабом корпуса окажется вдалеке от Ленинграда и к концу войны станет командармом. И.И. Федюнинский вернется под Ленинград в 1943 г. после снятия с поста командующего 54-й армией уже как заместитель командующего Волховским фронтом.

С немецкой стороны наиболее примечательные карьеры сделает Отто Лаш, для которого война кончилась в Кенигсберге. После себя он оставил книгу воспоминаний о последних днях войны. Герберт Лох в 1944 г. будет некоторое время командовать всей 18-й армией. Тяжелые бои у Погостья окажутся в тени боевых действий с силами Волховского фронта.

¹ Никулин Н.И. Воспоминания о войне. М., 2014.

² Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961. С. 91–111.

³ Прокофьев И.Г. Погостье // Простите нас, солдаты / Сост. И.А. Иванова. СПб., 2012. С. 204–240.

⁴ Лукницкий. П.Н. Ленинград действует...: Фронтовой дневник. Кн. 1. М., 1971. С. 415–470.

⁵ Агапов М.М. Любанская операция: Ч.1. Наступательная операция (07.01.1942 – 30.04.1942). М., 2005. С. 205.

⁶ Roemhild H. Geschichte der 269. Infanterie-Division. Bad Nauheim, 1967. S. 194.

⁷ NARA (National archives and Records administration). T. 314. R. 787. Fr. 586.

В.В. Наумов, Б.Г. Братенков (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 ГОДА

В сентябре – октябре 1956 г. на волне студенческих и рабочих манифестаций новое правительство во главе с Имре Надем попыталось выйти из жесткой зависимости от Москвы, разорвать союзнические отношения с СССР и другими странами народной демократии, добиться вступления в НАТО. Венгерская партия трудящихся была оттеснена от власти и фактически оказалась вне закона. Апогеем венгерской «октябрьской революции» стали события 23 октября 1956 г., когда собравшиеся на митинге в Будапеште вооруженные студенты и рабочие разрушили монумент Сталину. В ответ на эти действия советское руководство приняло решение о военном вмешательстве во внутренние дела Венгрии (опираясь на формальное обращение «временного рабоче-крестьянского правительства» Я. Кадара). В ночь на 4 ноября Будапешт был оккупирован советскими войсками. Народное восстание было подавлено. Погибло около 2,5 тыс. повстанцев, десятки тысяч венгров были ранены, многие эмигрировали из страны. Власть компартии и союзнические обязательства Венгерской народной республики по отношению к СССР и странам Организации Варшавского Договора были восстановлены.

Венгерские события и в нашей стране, и в самой Венгрии долгое время однозначно оценивались как контрреволюция. В 1989 г. в Венгрии произошла кардинальная переоценка этих событий, которые рассматриваются теперь как народно-освободительная революция, народное восстание.

Накопление потенциала народного недовольства, которое в конечном итоге послужило причиной восстания 1956 г. в Венгрии, началось уже в первые годы после освобождения страны от фашизма. Во

многим это было связано с великодержавной по своей сути политикой, проводившейся Сталиным, тогдашним партийно-государственным руководством СССР в Венгрии и других восточноевропейских странах. Правительство СССР активно использовало потсдамские договоренности с державами-победительницами во Второй мировой войне о разделе сфер влияния в Европе для усиления своих позиций в восточноевропейском регионе, для поддержки просоветских, прокоммунистических сил. При этом зачастую не учитывались национально-исторические особенности, степень готовности общества к социалистическим преобразованиям. При помощи кадров компартий, прошедших школу Коминтерна, активно внедрялась советская модель.

Нельзя забывать, что все это проходило на фоне обострения отношений с США и их союзниками, возникновения НАТО, усиления конфронтации двух блоков.

Хотя за освобождение Венгрии от германского фашизма и его венгерских приспешников погибло 140 тыс. советских солдат, однако на уровне быденного сознания у венгерского населения нередко складывался стереотип, что «русские» эксплуатируют Венгрию, вмешиваются в ее внутренние дела. Усиливало антисоветские настроения также то, что после войны СССР поддержал требования соседних стран к Венгрии по территориальным проблемам. «Бельмом на глазу» было пребывание советских войск.

В то же время следует отметить тот факт, что в первые послевоенные годы руководители Кремля не ставили перед собой задачи смены политического строя Венгрии. Не без учета первых неудач на выборах коммунисты активизировали внимание к социальной политике, сыграли главную роль в проведении земельной реформы, что укрепило базу социалистических идей в массах. К 1948 г. в Венгрии сложилось объединение левых сил, выступавших за создание государства народной демократии, за построение социализма при сохранении многопартийности, коалиционности и традиций европейского парламентаризма.

Однако после 1949 г. с усилением международной напряженности, а затем наступлением «холодной войны» советское руководство произвело переоценку своей прежней политики в Восточной Европе, форсировало линию на коренные общественно-экономические преобразования. Руководители стран народной демократии в основном послушно следовали этой линии. Осуществляя на практике свое дог-

матическое видение этого курса, руководство ВПТ (так называлась партия после объединения в 1948 г. коммунистов с левыми социал-демократами) перешло к волюнтаристским, недемократичным, насильственным методам строительства социализма в Венгрии. Были ликвидированы партии демократической коалиции. В результате сузился социальный базис политики коммунистов, значительные слои населения лишились возможности творческого участия в ходе процессов социального переустройства.

Для периода 1949–1953 гг. были характерны бездумные попытки копирования в стране сталинской модели социализма, что приводило к негативным последствиям. Наблюдалась полная концентрация власти в руках сросшегося партийно-государственного аппарата и прежде всего его верхушки — политбюро, причем внутри этого органа существовал «московский клан» (М. Ракоши, Э. Гере, М. Фаркаш, И. Ревай), определявший политику и нередко ссылавшийся для обоснования своих решений на указания из Кремля. Слепое следование советскому опыту индустриализации и коллективизации, разрыв с элементарной логикой экономики, взвинчивание военных расходов после начала войны в Корее породили серьезные народнохозяйственные диспропорции, снизили уровень жизни населения.

Внедрение административно-казарменного социализма в Венгрии, так же как и в СССР, сопровождалось волной неоправданных карательных мер против различных слоев населения. 1946–1949 гг. ознаменовались рядом сфальсифицированных политических процессов.

Среди жертв оказались политические противники режима — бывший премьер-министр Ф. Надь, покинувший страну, кардинал Миндсенти и др., а затем и видные деятели коммунистического и рабочего движения — Л. Райк, Д. Палффи (оба казнены в 1949 г.), Я. Кадар, А. Сакашич, Д. Марошан и др. Говоря об уважении суверенитета стран народной демократии, советское руководство на деле допускало прямое вмешательство во все сферы их внутренней и внешней политики, что особенно усилилось после разрыва отношений с Югославией и в период корейской войны, когда Сталин начал требовать от союзников готовиться к третьей мировой войне. Однако основную роль в осуществлении в Венгрии антинародной, антинациональной политики и в проведении репрессивных мер сыграло все-таки руководство ВПТ во главе с М. Ракоши.

Было бы некорректно не отметить, что в указанный период в Венгрии безусловно имели место и серьезные социально-экономические достижения. Однако в целом режим власти в Венгрии был антидемократичным, внедрял тоталитаризм, допускал деформации социалистических принципов, что в конечном счете привело к отчуждению значительных слоев венгерского народа от социалистического строя. Венгерское общество находилось в предкризисном состоянии.

После смерти Сталина партийно-государственное руководство СССР выступило за корректировку отношений со странами народной демократии. Влияние Н.С. Хрущева как реформатора еще было неполным, однако и прежний состав Президиума ЦК КПСС, в котором преобладали сталинисты, не мог не видеть, что в странах народной демократии усиливается брожение, назревают перемены. Было срочно изучено положение в странах, запрошены оценки советских послов, после чего в середине июня 1953 г. и состоялась встреча с венграми в Москве. Их ждал суровый прием.

В Москве считали, что Ракоши грешит «вождизмом», раздувает свой культ личности, сконцентрировал в своих руках чрезмерную власть, игнорирует исторические особенности страны, погряз в нарушениях законности. Резкой критике были подвергнуты и остальные члены установившей монополии на власть венгерской правящей группы – Гере, Фаркаш, Реваи. Советские руководители потребовали изменения приоритетов экономической политики, более полного учета особенностей страны, в том числе национального фактора, реабилитации невинно осужденных, а также перемен в расстановке кадров. Парадокс состоял в том, что главными критиками венгерского «застоя» выступали два таких видных соратника И. Сталина, как Л. Берия и В. Молотов. От имени Президиума ЦК КПСС Маленков внес предложение о разделении постов генсека партии и главы правительства. Премьер-министром был предложен И. Надь. Первым секретарем ЦК ВПТ остался М. Ракоши. Чувствовалось, что, признавая за собой часть вины за сложную обстановку в Венгрии, за опеку, советское руководство отнюдь не хотело полностью разделять ответственность с руководством ВПТ и огонь критики направило на догматические ошибки и единоличное правление Ракоши и его команды.

Ракоши пытался ссылаться на то, что он, дескать, выполнял кремлевские советы, но Хрущев и Берия быстро поставили его на место. Было рекомендовано вывести из Политбюро Фаркаша и Реваи и добавить молодых, тридцатилетних – Хидаша, Салаи и Фёльдвари.

И. Надь в то время был заместителем главы правительства. На встрече в Москве он поддерживал советскую критику. Да и раньше Надь предостерегал против перегибов, например, насильственного создания сельхозкооперативов.

Некоторые члены советского руководства, особенно Берия, Маленков, неплохо знали Надя по работе в Москве в Коминтерне и по сотрудничеству в послевоенные годы в качестве члена Политбюро ВПГ и министра.

Была еще одна сторона биографии И. Нады, о которой широко стало известно только в 1989 г. В годы гражданской войны в России он был сотрудником ВЧК в Сибири, а затем после возвращения с нелегальной партработы в Венгрии в 1933 г. стал секретным осведомителем НКВД. Работая в Международном аграрном институте, органе Коминтерна, он не участвовал во фракционной борьбе в компартии Венгрии, но регулярно поставлял информацию на Лубянку. О его доносах ходили глухие слухи среди венгров-эмигрантов. Однако в духе того страшного времени доносили и на него, и в 1938 г. он был арестован Московским управлением госбезопасности, но через четыре дня по требованию другого главка НКГБ СССР, с которым он был постоянно связан, отпущен на свободу. И. Надь считался инициативным агентом. Существует обширный список лиц, на которых он давал сведения. Часть из них погибла, часть была репрессирована.

Почему он это делал? Можно только предполагать, что другой возможности отвернуться от «дружбы» с НКВД в то страшное время у него не было. С началом Великой Отечественной войны И. Надь – в составе интернационального полка, созданного Разведуправлением РККА и НКГБ СССР. Затем М. Ракоши с помощью Г. Димитрова отозвал его для работы на венгерском радио.

Конечно, пособничество органам НКВД является темным пятном в биографии И. Нады, характеризует его как весьма противоречивую личность, однако в истории он оставил след как премьер-министр Венгрии, глава коалиционного правительства во время восстания 1956 г.

По своим политическим взглядам он был политиком-реформатором, «национальным коммунистом». Его курс национальной независимости, демократизации, установления равноправных отношений с СССР, разработанный в 1953–1955 гг., пользовался популярностью среди интеллигенции и народных масс Венгрии.

На июньском (1953 г.) Пленуме ЦК ВПГ политика Ракоши и его сторонников была подвергнута резкой критике. И. Надь вроде бы ста-

новился действительным лидером. Однако М. Ракоши начал борьбу за восстановление своей власти, развернув интриги против И. Надя.

Изменения в политике носили поверхностный характер. К 1955 г. М. Ракоши убедил Н.С. Хрущева и других советских руководителей, что И. Надя проводит «правооппортунистический курс», потакает националистам. Внутренняя борьба в руководстве ВПГ кончилась смещением И. Нады и его исключением из партии в 1955 г.

Временное усиление позиций М. Ракоши не способствовало оздоровлению обстановки. В Москве видели, что против Ракоши и его приспешников нарастает недовольство. Ведь началась «оттепель» в СССР. Линия XX съезда КПСС вызвала ожидания демократических сил в партии и стране, М. Ракоши пытался торпедировать ее. Ответственность требовала наказания виновных за порочную политику, за репрессии, а Ракоши лавировал, тормозил ход реабилитации, искал «козлов отпущения». Начальник управления госбезопасности Г. Петер был арестован еще в 1953 г. В июне политбюро ЦК ВПГ обратилось к советскому руководству за советом и помощью по «делу Фаркаша», бывшего члена политбюро, отвечавшего за армию и госбезопасность.

Разбираться был направлен М.А. Суслов. Прибыв в Будапешт в июне 1956 г., он поддержал в целом меры ЦК по осуждению беззаконий, персонально против Фаркаша, но рекомендовал не доводить дело до крайностей, которые могли причинить вред ВПГ и ее руководству. Он подчеркнул, что смена в руководстве партии, в частности, замена Ракоши или раскол в ЦК, явилась бы «таким подарком враждебным силам, лучше которого они не могли ждать». Такая позиция вела в тупик.

Кризис системы власти в Венгрии нарастал. Активную роль в радикализации настроений играл кружок им. Петефи, созданный среди интеллигенции. Посольство СССР докладывало, что недовольство охватывает не только интеллигенцию, но и трудящихся. Положение было на грани взрыва.

13 июля 1956 г. в Венгрию прибыл А.И. Микоян. Ему было поручено решить вопрос о судьбе Ракоши. Ознакомившись с положением, Микоян сначала пытался напирать на необходимость строгих мер. Однако на вопрос Микояна, почему не предпринимают арестов в отношении враждебных элементов, даже Ракоши ответил, что аресты не помогут, «арестуем одних – появятся другие».

А.И. Микоян пришел к выводу: в стране глубокий кризис, власть уплывает из рук венгерских товарищей, «формирует-

ся параллельный центр из враждебных элементов, действующих активно и решительно, самоуверенно». Мнение Москвы о необходимости отстранения М. Ракоши подтверждалось. Когда на совещании в узком составе Микоян спросил, не лучше ли в интересах партии в создавшихся условиях самому Ракоши подать в отставку, чтобы облегчить положение и нейтрализовать оппозицию, члены венгерского руководства обрадовались. Они ждали инициативы из Москвы.

Микоян лично беседовал с Ракоши по поводу его отставки, участвовал в обсуждении кандидатур на пост лидера партии. Он выступал за молодого премьер-министра А. Хегедюша, однако венгерские руководители сделали выбор в пользу Э. Гере. Именно здесь и скрывалась одна из причин последующего взрыва, так как этот политик мало чем отличался от Ракоши. Тогда же Я. Кадар, который в 1954 г. был реабилитирован и вновь начал работать в партии, был избран секретарем ЦК, фактически вторым лицом в партийном руководстве.

В беседах с венграми А. Микоян не мог не затронуть вопрос о Наде, популярном в стране политике. В Москве считали ошибкой его исключение из ВПГ, хотя бы потому, что если бы он остался в рядах партии, то обязан был бы подчиниться партийной дисциплине. С Надем беседовали Кадар и Киш, другие члены венгерского руководства, состоялось восстановление его в партии, но на самокритику И. Надь не пошел.

Половинчатость политики партии, запоздалые решения о смене высшего руководства не внесли перемен. Натиск оппозиции усиливался, недовольство росло. 6 октября по требованию оппозиции в присутствии десятков тысяч людей было произведено перезахоронение останков невинно погибших в 1949 г. Л. Райка, Д. Палффи, Т. Сёньи, А. Салаи, ставшее своеобразной репетицией событий 23 октября 1956 г.

Вал демократических революций в Восточной Европе изменил подходы к оценке многих проблем. События 1956 г. в Венгрии теперь называют народным восстанием, революцией, освободительным движением. День 23 октября – национальный праздник Венгрии.

Целями венгерского восстания 1956 г. были свобода и независимость, слом сталинской системы и тоталитарного господства. К этим целям примазались различные реакционные, профашистские элементы, но не они определяли характер событий. В позиции СССР

преобладал имперский подход, чем перекрывался кислород и для реформ в собственной стране.

26 декабря 1991 г. президент СССР М.С. Горбачев в речи по случаю приема венгерского премьер-министра И. Анталла впервые осудил советское вторжение в 1956 г. Президент РФ заявлял об этом неоднократно раньше.

Официальные оценки новой России были подтверждены во время визита Б.Н. Ельцина в Венгрию в ноябре 1992 г. Тогда же президент возложил венок на могилу И. Надя. Венгерская общественность с удовлетворением восприняла передачу правительству Венгрии архивных материалов о позиции СССР во время событий 1956 г.

-
1. История южных и западных славян. Т. 2. Новейшее время / Под ред. Г. Ф. Матвеева. М.: МГУ, 1998.
 2. История Венгрии. Т. 2. М.: Наука, 1993.
 3. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1991.
 4. Кредер А. А. Новейшая история: XX век. М.: ЦГО, 1995.
 5. Новейшая история зарубежных стран. XX век / Под ред. А. М. Родригеса. М.: Владос, 1998.
 6. Осмысление истории / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Просвещение, 1996.
 7. Братенков Б.Г. «Венгерские события 1956 года» Военно-исторический журнал. 2008. № 3.

Е.И.Нератова (Санкт-Петербург)

КИНЖАЛ АРКАДИЯ СУВОРОВА

В собрании современного московского коллекционера А.Д. Гнедовского находится замечательный кинжал середины XIX в. (рис. 1 и 2). О нем в 2010 г. было составлено экспертное заключение Э.Г. Аствацатурян с атрибуцией предмета, которая, на мой взгляд, требует некоторых уточнений.

Рис. 1. Кинжал с ножнами. Общий вид. Лицевая сторона

Рис. 2. Кинжал с ножнами. Общий вид. Тыльная сторона

Рис. 3. Украшение лицевой стороны клинка

Рис. 4. Украшение тыльной стороны клинка с именем мастера-клиночника

Это кинжал великолепного качества с клинком замечательной работы и подписью мастера. Клинок кинжала прямой, обоюдоострый с двумя неглубокими, расположенными по обе стороны от ребра долами, окантованными узкими бороздками. Основание клинка украшено растительным и зооморфным орнаментом, вписанным в арковидную рамку, вершина которой переходит в стилизованный бутон, упирающийся в ребро жесткости у начала долов. Орнамент в каждой из арковидных рамок состоит из пересекающихся ветвей и дополнен изображениями двух птичек. Фон вокруг орнамента опущен, канфарен точками и вызолочен. Арковидная рамка, обрамляющая рисунок, поднята, очерчена бороздками, покрыта золотом по насечке и украшена гравированными штрихами и завитками. Стилизованный бутонобразный элемент с лицевой стороны клинка разделен на четыре сектора и декорирован насечкой золотом (рис. 3). С тыльной стороны клинка в бутонобразный элемент вписано имя мастера, выполнен-

ное арабской графикой также в технике насечки золотом: «Работал Геюрг»¹ – Геурк (рис. 4).

С лицевой стороны клинка имеется еще одна важная деталь – почти полностью стертая короткая надпись, расположенная в две строки по обе стороны от бутоновидного украшения и долов. Вдоль долов она идет в верхней строке на длину 2,5 см, в нижней – на длину 0,5 см.

Рукоять кинжала цельная, выполнена из моржового клыка. Головка и основание рукояти почти прямоугольной формы, достаточно уплощенные. Подобные рукояти Э.Г. Аствацатурян назвала в своем исследовании рукоятями иранского типа². Их также часто соотносят с формой рукоятей офицерских кинжалов Черноморского казачьего войска образца 1840 г.³ И то, и другое, думаю, в чем-то справедливо, но не совсем верно. Ибо на иранских кинжалах-кама подобных рукоятей не встречается вовсе, а некоторое подобие, встречающееся среди кинжалов-бебутов, не имеет уплощенности, которая характерна для рассматриваемого образца. От черноморских казачьих данный тип также отличается. И скорее следует предположить, что такие распространенные в Закавказье типы рукоятей сами были образцом для подражания.

Хвостовик клинка скреплен с рукоятью всадным способом и закреплен, вероятно, только на одной (нижней) заклепке. Заклепка на головке рукояти предположительно является декоративной. Шляпки заклепок серебряные, выпуклые, украшенные гравировкой и чернью. Рисунок напоминает изображение георгиевского креста с раздвоенными концами. Под шляпки заклепок подложены круглые пластины-шайбы разного диаметра, украшенные геометрическим орнаментом, выполненным гравировкой и чернью (рис. 5).

Рис. 5. Рукоять кинжала

Ножны деревянные, обтянутые черной кожей и имеющие продольную вставку коричневой кожи с тыльной стороны. Прибор ножен состоит из двухчастного устья, обоймицы и наконечника. Обоймица железная, закрытая с лицевой стороны припаянной к ней серебряной пластинкой. Остальные детали прибора полностью серебряные. Обоймица надета на ножны между двух серебряных деталей, оформляющих устье ножен. Серебряные детали прибора украшены гравировкой и чернью. Орнамент стилизованный растительный, состоящий из выделенных чернью стеблей с листочками и бутонами (или розетками). Рисунок не густой, гравировка не глубокая, что характерно для закавказских кинжалов первой половины XIX в. Фон вокруг орнамента заполнен зигзагообразными гравированными линиями.

С тыльной стороны на серебряных деталях имеются клейма: именная мастера-ювелира с грузинскими буквами «СО» (სო) и трилистником, вписанными в квадратную рамку с закругленными углами (рис. 6); утвержденное в 1843 г. клеймо Тифлисской окружной пробирной палатки с изображением Георгия Победоносца в щитке с не полностью читаемой датой: 184?; клеймо тифлисского пробирера Е.И. Блюмберга с такой же датой; 84 проба (рис. 7).

Но вернемся к самому любопытному на этом предмете – надписи на клинке. Она видна плохо, очень потерта, но, несмотря на это, читается полностью. На кинжале написано: «К. Аркадій Суворовъ». Такая надпись сразу привлекает внимание всех, кто видел этот предмет. И автоматически вызывает желание считать владельцем кинжала сына Александра Васильевича Суворова – Аркадия Александровича. Однако сын великого полководца утонул в 1811 г. при переправе через реку Рымник⁴. И это печальное событие произошло задолго

Рис. 6. Клеймо мастера-ювелира

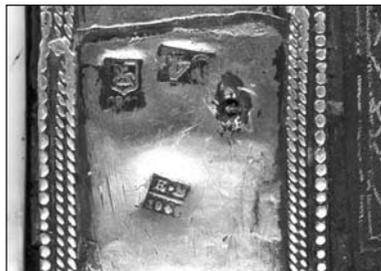

Рис. 7. Пробирные клейма

до изготовления рассматриваемого кинжала. А предположение, что данный предмет, вернее, его клинок, является одной из более ранних известных работ Геурка Элиарова и лишь был смонтирован (или перемонтирован) в более позднее время (в соответствии с клеймами на серебре), представляется мне необоснованным. По роду своей службы сын А.В. Суворова никогда не бывал на Кавказе, а значит, сам он не мог приобрести такую вещь. Можно, конечно, допустить, что она была ему подарена. Но никто из его близких друзей также не служил на Кавказе. Купить подобный кинжал за пределами Кавказа в самом начале XIX в. было практически невозможно. Мода на все кавказское возникает позднее и может датироваться началом второй четверти XIX в. А в Петербурге и Москве кавказские мастера-оружейники и мастера, работающие в кавказском стиле, появляются еще позже. Коллекционеры кавказского оружия и, следовательно, рынок предметов, привезенных с Кавказа, формируется за его пределами не ранее середины XIX в. Таким образом, кинжал (либо только клинок), выполненный мастером Геурком, не мог попасть в Европейскую Россию и быть приобретен уже там А.А. Суворовым до 1811 г. Теоретически такой кинжал мог быть приобретен внуком А.В. Суворова, который в 1826–1827 гг. участвовал в военных действиях на Кавказе.⁵ Но его звали, как и деда, Александром, а не Аркадием. Кроме того, годы его кавказской службы снова предполагают необходимость перемонтажа кинжала в 1840-х гг., причем не где-нибудь, а именно в Тифлисе, ибо на серебре стоят именно тифлиские клейма, а мастер-ювелир имеет клеймо с грузинскими буквами «*ბე*».

Но если мы обратимся к личности правнука А.В. Суворова и полного тезки своего деда – князя Аркадия Александровича Суворова (1834–1893), то найдем больше причин предполагать принадлежность данного кинжала этому человеку.

В апреле 1856 г. Аркадий Суворов (Младший) был назначен адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьеву-Карскому, в сентябре, по смене командующего, назначен на ту же должность к князю А.И. Барятинскому. В июне 1857 г. Аркадий Суворов был командирован состоять при начальнике Лезгинского отряда, участвовал в боях с лезгинами, в сентябре–декабре участвовал в Чеченской экспедиции. В июле 1859 г. находился в Чеченском, а в августе – в Дагестанском отряде. 25 августа 1859 г. он находился при представлении плененного Шамиля князю Барятинскому под аулом Ведено. В мае 1860 г. был переведен в Ставрополь-

ский пехотный, в 1861 г. находился в Шапсугском отряде, в октябре 1862 г. назначен для командования батальоном Ставропольского полка. В 1863–1864 гг. находился в Пшехском отряде, отличился в ряде боев в присутствии нового главнокомандующего Кавказской армией – великого князя Михаила Николаевича. А 4 июня 1866 г. он вышел в отставку полковником с мундиром.⁶

Светлейший князь Аркадий Александрович Суворов (Младший) за время десятилетней службы на Кавказе был награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами, орденом св. Анны 3-й степени с мечами, орденом св. Владимира с мечами и бантом, золотой саблей с надписью «За храбрость», а также серебряными медалями «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 гг.» и «За покорение Западного Кавказа 1859–1864 гг.», а также крестом «За службу на Кавказе».⁷

Только человек с такой «кавказской» биографией мог иметь возможность, да и желание приобрести кинжал работы знаменитого тифлисского оружейника Геурка Элиарова. Однако когда мы рассматриваем в качестве кандидата во владельцы этого кинжала правнука А.В. Суворова, мы сталкиваемся с новой проблемой. Если Аркадий Суворов (Старший) был «старше» данного предмета (скончался до его изготовления), то Аркадий Суворов (Младший) оказывается его «младше», т. е. время его прибытия на Кавказ как минимум на 10 лет позднее времени изготовления предмета (основываясь на клеймах на серебре). Но эту неувязку, на мой взгляд, можно попытаться объяснить. Я предполагаю, что кинжал, сделанный в Тифлисе в 1840-х гг. мастером Геурком и в эти же годы отделанный серебром, не был изначально именованным и не предназначался для Аркадия Суворова. Эта вещь была приобретена владельцем, пожелавшим нанести на клинок свое имя, позже. Она была куплена (либо получена в дар) не у самого мастера, а у предыдущего владельца кинжала, либо даже взята в бою. Более вероятной (из-за желания подписать кинжал) мне кажется версия о дарообмене либо о трофее. Именно такие предметы частенько тем или иным способом маркировались новыми владельцами (написанными золотом по насечке, гравированными или даже нацарапанными надписями, включавшими имя или инициалы, иногда дату и место получения предмета в зависимости от того, что казалось наиболее важным).

Таким образом, надпись на клинок была нанесена по заказу нового владельца – князя Аркадия Суворова. Именно поэтому она располагается не на специально выделенном для нее месте, что было бы

непременным условием для заказного именованного предмета, а просто на плоскости клинка по обе стороны от украшения клинка и долов, причем, даже заходя на один из долов петель от буквы «д». Кроме того, она сделана не в соответствии со всем остальным оформлением кинжала (со строгой идеей симметрии): верхняя строка длиннее, нижняя – короче. Наконец, стиль работы мастера, сделавшего надпись: «К. Аркадій Суворовъ» золотом по насечке, разительно отличается от стиля, в котором сделаны выполненные в той же технике насечки золотом подписи мастера-оружейника и орнаментация бутонovidного украшения. Дело в том, что мастеру, изготовившему этот клинок, было характерно отчеркивать буквы и элементы орнамента тонкими неглубокими бороздками, делающими надпись по насечке рельефнее. А мастер, который делал надпись с именем владельца, сделал ее без отчеркивания букв. Более того, сама насечка выполнена очень деликатно, только под буквы, не занимая дополнительного пространства.

Любопытно, что кроме Аркадия Суворова (Младшего), на котором пресекался род Суворовых по мужской линии, на Кавказе в середине XIX в. служил еще один потомок генералиссимуса, который также приходился А.В. Суворову правнуком, а Аркадию Суворову (Младшему) двоюродным братом. Это был сын В.А. Суворовой Аркадий Дмитриевич Башмаков (1826–1880). В 1845 г. он окончил Николаевское кавалерийское училище и начал службу в Кавалергардском полку, с 1848 г. состоял для особых поручений при кавказском наместнике князе М.С. Воронцове. В 1855 г. отличился в сражении при Курюк-Дара и штурме крепости Карс и был награжден орденом св. Анны 2-й степени с мечами. В 1857 г. командовал сборным казачьим полком в Чеченской экспедиции генерала Н.И. Евдокимова. В 1862 г. вышел в отставку полковником с мундиром.⁸

Надо заметить, Аркадий Башмаков был связан с Кавказом не только своей более чем 15-летней службой, но и кровными узами. В 1857 г. он женился на внучке последнего грузинского царя княжне Елизавете Ильиничне Грузинской⁹. Нет сомнений, что двоюродные братья встречались на Кавказе. Аркадий Башмаков, например, мог посоветовать Аркадию Суворову (Младшему) приобрести хорошую, хотя и не новую вещь (ибо работ Геурка Элиарова, датированных после 1850 г., неизвестно, а последний раз его мастерская упоминается в «Кавказском календаре» за 1855 г.¹⁰) Нельзя также исключить возможность, что кинжал работы знаменитого тифлисского мастера,

признанного Собственным Его Императорского Величества оружейником, Аркадий Башмаков (человек, практически ставший членом царской грузинской семьи) мог подарить своему родственнику, недавно прибывшему на Кавказ. К сожалению, это предположение проверить невозможно, поскольку у этой семьи не было собственной канцелярии, в которой бы фиксировались все дары. И если такой подарок был, то он носил исключительно частный характер.

Однако кем бы ни был предыдущий владелец кинжала, в 1856–1866 гг. этот предмет попал в руки нашего героя – Светлейшего князя Аркадия Александровича Италийского графа Суворова-Рымникского (Младшего), после кончины которого начал свое путешествие по миру и попал, наконец, к нынешнему владельцу, без истории, но с загадками, которые мы теперь пытаемся разгадать.

¹ Автор выражает благодарность сотруднице Государственного Эрмитажа Е.И. Малоземовой за разбор подписи мастера.

² Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004, С. 367–368.

³ Там же. С. 66; Клочков Д.А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества Конвой. СПб., 2007. С. 92.

⁴ Галенко Б.В. Семья и потомки Суворова, СПб., 2002, С. 35.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Там же.

⁸ Сборник биографий Кавалдберггардов 1826–1908. Под ред. С.А. Панчулидзева. М., 2008 (репринтное издание). С. 150–151.

⁹ Отец княжны Е.И.Грузинской был Илья (Элизбар) Георгиевич Багратион (1790–1854), получивший после присоединения Каргли-Кахетинского царства к России фамилию Грузинский. Мать – Анастасия Григорьевна Оболенская (1805–1885). Дед по отцовской линии – Георгий XIII Ираклиевич Багратион (1746–1800), бабка – Мариам Георгиевна Цицишвили (1768–1850).

¹⁰ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. С. 395.

М.А. Несин (Новгород)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕ ОТСТУПЛЕНИЯ ТАТАРСКОГО ВОЙСКА ПОСЛЕ СТОЯНИЯ НА УГРЕ

С начала 1470-х гг. великий московский князь Иван III перестал регулярно платить золотоордынскому хану традиционную дань. Однако вопрос о падении двух с половиной векового ордынского ига окончательно решился в 1480 г., после знаменитого осеннего стояния на Угре. В тот год хан Ахмат воспользовался усобицей между Ивана III и его братьями, Борисом Волоцким и Андреем Большим и выступил в поход к русским рубежам, чтобы восстановить старинную ордынскую власть над Русью и принудить Ивана III во всем подчиняться ханской воле и платить дань. Хан собрал многочисленную рать – с ним шло целых 6 ордынских «царевичей» со своими отрядами – больше, чем в иных ордынских военных походах за все XV столетие. Очевидно, хан учел опыт своего прошлого похода на Русь летом 1472 г. Тогда татары взяли Алексин, но уже на другой день они отступили, не решаясь вступить в открытый бой с подоспевшими свежими русскими силами. И теперь Ахмат собрал небывалую рать, чтобы избежать прошлых ошибок. Кроме того, стоя на Угре, хан ожидал помощи от литовского короля Казимира IV, обещавшего прислать войска.

В войске Ивана III кроме самих москвичей был отряд его младшего брата Андрея Меньшого, удельного князя Вологды и Тарусы, состоящий из тарусинцев и, возможно, вологжан. Есть сведения и об участии тверичей. Русское и татарское войска несколько недель стояли друг напротив друга на противоположных берегах р. Угры. В первой половине октября, в течение нескольких дней подряд, либо с 6¹, либо с 8 по 12 октября², татарские отряды безуспешно пытались форсировать реку. Разночтения в летописных датировках связывают

с многочисленностью татарского войска, передние части которого начали наступать 6 октября, а другие подтянулись к берегу через несколько дней³. Но, вероятно, 6 числа была первая, разовая стычка на переправе, а с 8 по 12 ордынцы постоянно пытались перейти реку в течение 4 дней подряд.

Однако русские войска оказали татарам серьезное сопротивление, и врагу не удалось переправиться. При этом русские стреляли в татар из луков и пищалей. А татары могли отвечать лишь стрелами. Вероятно, отчасти по этой причине за все 4 дня упорных попыток они не смогли форсировать Угру.

После этого Иван III посоветовался с младшим братом Андреем Меньшим и попытался заключить с ханом Ахматом перемирие. Он передал ему через его мурзу Темира дары, «тешь» и просил его увести войска. Тем самым великий князь поставил вопрос о независимости Руси от ордынского ига: разовые дары, «тешь» не покрывали многолетнюю неуплату дани, а о своих дальнейших обязательствах по отношению к ордынским властям князь ничего не упоминал. Однако хан дар не взял, заявив, что пришел наказать Ивана III за непокорность и восьмилетнюю неуплату дани. При этом он намекнул, что как наступят холода и замерзнут реки, у него будет немало дорог на Русь.

По Вологодско-Пермской летописи, великий князь второй раз после этого ездил в Москву помолиться и посоветоваться с матерью, боярами и архиереями, а потом вернулся на Угру⁴. На наш взгляд, здесь по ошибке дважды повторяется известие о ранней, сентябрьской поездке Ивана III в Москву из Коломны. Ведь в пришедшем вскоре послании на Угру ростовского архиепископа Вассиана, опубликованном в том числе и в этом источнике, говорится лишь о первой поездке князя, до неудавшегося октябрьского перемирия с ханом. Об этих переговорах до Вассиана и митрополита Геронтия «дошло» лишь потом, как и сведения, что некоторые нечестивые по их мнению люди подговаривают князя не лезть в бой, а отвести войска с Угры⁵. Так что, второй раз Иван III в Москве не был, а сведения о событиях на Угре «дошли» до архиереев иным путем.

А хан, отказавшись мириться, послал своих воевод незаметно форсировать Угру в стороне от основных сил противника, против Опакова Городища и пленить князя. Но русские войска, охранявшие берег на протяжении 60 верст, заметили входивших в воду ордынских конников и снова отбили их натиск, не дав переправиться через реку.

Но когда 26 октября на день Св. Дмитрия наступили морозы и все реки в тех краях стали, великий князь, находившийся в своей ставке в городке Кременце, по предложению некоторых своих советников стянул все войска от Угры к себе, опасаясь «перехождения» татар по льду реки. Заметим, что по Типографской летописи князь не думал сдаваться, а скапливал в Кременецкой крепости силы, чтобы при надобности выдержать нападение «противных»⁶. Кременец был в 40 км от места стояния на Угре, на р. Луже, по мерзлой земле конное служилое войско добиралось в пределах нескольких часов.

Московский великокняжеский летописец, авторы Софийско-Львовской и Типографской летописей, явно опираясь на некий общий источник, почти дословно обвиняют княжеских советников в корысти, предательстве, называя их «сребролюбцами, «богатыми и брюхатами» татарскими «норвниками»⁷. При этом в Московском летописном своде (МЛС) назван один из них – окольничий Г.А. Мамон, чьими устами, якобы говорил сам дьявол⁸ (Софийско-Львовская летопись содержит независимый рассказ о том, как боярин Ощера и Мамон еще до того, как Иван III безуспешно пытался замирился с Ахматом, настойчиво убеждали его отступить, ссылаясь на военные тяготы его предков в столкновениях с ордынскими ратями)⁹. По мнению иноков-книжников, совпадавшему с позицией некоторых архиереев, вроде великокняжеского духовника ростовского архиепископа Вассиана и митрополита московского Геронтия, эти люди мешали князю исполнять его христианский долг – стоять против безбожных татар во что бы то ни стало. Как мы уже отмечали выше, в своем пространном послании на Угру от имени себя и митрополита Московского Вассиан предостерегал Ивана III от подобных советов, обвиняя таких советников в нечестивости. Эту церковную риторику впоследствии подхватили и многие видные историки, в том числе и советские. Наиболее развернуто эту точку зрения выразил Л.В. Черепнин. По его мнению, в подобной клерикальной форме отразился подлинный «патриотизм» московской черни, хотевшей решительно свержения ордынского ига. Она будто бы и заставила считаться с собой духовных феодалов¹⁰. Но во-первых, выступление городских низов (больше других страдавших в оборонительном положении. – *М.Н.*) вовсе не являлось назревающим антифеодальным мятежом, в целом отвечая внешнеполитическому курсу правительства¹¹. Во-вторых, в историографии высказывалась точка зрения¹², что отвод русских войск с Угры в Кременец был вполне целесообразен и продик-

тован реальной необходимостью. С этим следует согласиться. Дело в том, что русские войска были растянuty по реке узкой полосой на целых 60 верст. Поскольку татары недавно отходили в сторону и пытались форсировать Угру у Опакова городка, такое расположение военных сил для осени было актуально, оно позволяло контролировать реку на значительном протяжении и пресекать попытки недругов форсировать ее. Теперь, когда река стала, пересечь ее на конях по ровному льду стало значительно легче, и у московских воевод и князя возникли резонные опасения, что теперь ордынцев уже будет не остановить. В таком случае татары провалили бы узкие ряды москвичей, это могло бы кончиться поражением всего войска и открыть путь на Москву. Поэтому князь сперва отвел войска в укрепленный Кременец, чтобы при случае из-за стен отразить наступление «противных» татар, а затем – в Боровск, чтобы на тамошних «полях» при необходимости сразиться с татарами в открытом конном бою. Таким образом, великий князь вовсе не поддавался уговорам предателей, а внял благоразумному совету своих умных советников, при этом он при необходимости готов был вступить с неприятелем в бой, но в более оптимальных условиях и не подводя под верную гибель всю рать, не открывая дорогу недругам на столицу.

Но и ханские войска в эти дни отступили, показав неспособность реально противостоять русскому войску в решительном бою, а соответственно, прочно держать Русь под контролем, вымогая, как встарь, дань и утверждая князей. Это взаимное отступление обеих вражеских армий наиболее живописно изображено в МЛС в качестве важного события, решившего весь исход кампании. Притом, летописец рисует его синхронным, обе рати в его изображении стали расходиться одновременно. Согласно данному источнику, еще когда на реке начал вставать лед, оба войска стали друг друга опасаться, а когда русские воины по приказу Ивана III отходили к нему в Кременец, им чудилось, что татары идут следом. Но и татары боялись, что русские ушли ненадолго, с тем, чтобы потом вероломно напасть. Отход татар летописец объясняет чудом Пресвятой Богородицы: не иначе, как по воле свыше, на Ахмата внезапно напал страх, и он приказал войскам удалиться¹³. Сходный и почти дословный текст есть и в Типографской, а также в Софийско-Львовской летописях, явно восходящий к тому же источнику, что и великокняжеский МЛС,¹⁴ (хотя в целом, обе летописи содержат уникальные, самостоятельные повествования о стоянии на Угре, а в составе Софийско-Львовской

летописи сохранился текст ростовского летописания, со многими уникальными подробностями и последовательным возвеличиванием архиепископа Вассиана Ростовского. Но отход татар, а также критика советников Ивана III переданы почти дословно с МЛС и явно основаны на тех же данных). Необходимо, впрочем, отметить одно обстоятельство, до сих пор не замеченное исследователями: в более полном варианте текста об отходе татар, представленном в Софийско-Львовской и Типографской летописи, добавлено, что чудо произошло благодаря усердной молитве «всех» находившихся в Москве людей Христу и Богородице¹⁵. Главным храмом в Москве был Успенский собор. А поскольку в старину покровителем города считался тот, кому посвящен кафедральный храм, то московскому князю по представлению современников чудо сотворила Богородица. В средневековом Смоленске, где главный храм был посвящен Успению Богородицы, она также считалась заступницей города и его жителей¹⁶.

Важно еще иметь в виду то обстоятельство, что с точки зрения тогдашней церкви борьба великого князя с татарами была его великим христианским долгом. И отступление врагов, по средневековым религиозным представлениям, должно быть связано с небесным чудом.

В историографии этому эпизоду со времен Н.М. Карамзина¹⁷ тоже нередко отводится ключевая роль в истории всей кампании, и нарисованная в древнерусском летописании яркая картина синхронного отхода обеих ратей приняла достаточно хрестоматийный характер. Правда, по верному выражению А.Е. Преснякова, в научных трудах, начиная с XIX в., она приобрела уже не мистический, а «комический» смысл. Сам ученый считал это событие не столь важным для исхода кампании, как это показывали средневековые летописцы, а после – новые «рассудочные книжники» – историки¹⁸.

Современный исследователь Ю.Г. Алексеев и вовсе назвал этот эпизод «незначительным»¹⁹. По мнению ученого, это было закономерным результатом неспособности ордынцев противостоять Руси в открытом побоище. Когда москвичи ушли от Угры к Кременца, татары не решались наступать. А если и была паника (возможная, по мнению ученого, после длительного напряженного стояния больших армий друг против друга)²⁰, она отнюдь не сыграла ключевой роли в кампании, ибо Ахмат и без того не решался вступить в бой с москвичами, и ему оставалось лишь уходить самому.

Однако в этих построениях исследователя опущен один важный момент (не учтенный в данном контексте и другими историками), хотя

сам по себе известный. Ведь москвичи и татары отступали от Угры не одновременно. Русские войска отозвали в Кременец 26 октября, когда стал лед. Татары же отошли уже в первой половине ноября. Летописи датируют это 9, 10 и 11 числом²¹. А согласно записям разрядных книг, отход татар начался около 6 числа²². Впрочем, анализируя расхождения в летописных датировках, тот же Ю.Г. Алексеев убедительно показал²³, что они не противоречат друг другу, ибо по летописным данным татары отходили медленно, «за многи дни», распуская полон. (Распуск полонна вероятно и был причиной столь длительных сборов. Когда 1 августа 1472 г. ордынская рать отступала от Оки, она снялась с места за один день, но побросала полон, перехваченный подоспевшими русскими войсками). Думается однако, что выражение «многи дни» подходит не только для двух суток с 9 по 11 число, но и для 5 дней с 6 по 11. Поэтому данные разрядных книг нам кажутся правдоподобными и по существу не противоречащими иным летописным датировкам. Кстати, по сведениям Вологодско-Пермской летописи, после отхода русских войск хан стоял на Угре еще 10 дней²⁴. Летопись относит уход татар к 9 ноября, но так как русские ушли во время ледостава 26 октября, то, если прибавить 10 дней, выйдет примерно 6 ноября, указанное в разрядных книгах. Видимо, с того дня татары стали понемногу уходить, распуская полон, затем какие-то их отряды отступали 9, какие-то 10, а последние – 11 ноября. Ордынское войско было неоднородным, к Ахмату пристало еще 6 татарских «царевичей» со своими отрядами. И, вероятно, каждый из них, распуская полон, отходил по отдельности. Но тогда татарское войско было очень неповоротливым. Оно могло смести узкую цепочку русских береговых войск при быстром переходе реки по льду, но в конном бою в полях под Боровском маневренная русская конница имела большой шанс на победу. По данным Владимирского летописца, в тот же день, когда татары отступали с Угры, русские уже вышли из Кременца в сторону Боровска (летопись относит это к 10 ноября)²⁵. Едва ли это совпадение было случайным. В боровских полях (и, вероятно, густых лесах, годных для засады. – *М.Н.*) русские войска собирались при случае столкнуться с ордынцами в решающем бою²⁶. Поначалу, отводя войска с Угры, Иван III ожидал, что враги могут прийти к Кременцу, и был готов защищаться там. Теперь, когда татары ушли с Угры в другом направлении, русские ушли к Боровску. Таким образом, не было синхронного панического отступления обеих армий от Угры. Ордынцы простояли на Угре еще десять дней кряду после отъезда русских в Кременец.

Поэтому едва ли их погнала паника от долгого стояния лицом к лицу с недругом – должен был быть иной повод. Согласно летописям, хан испугался вероломного нападения русских. Но если это было так, то не при виде уходящих с Угры врагов, а через 10 дней. Значит, он получил новые сведения.

Казанский летописец приводит сведения о том, что Иван III тайно послал вооруженный отряд в поход на Большую орду, что и послужило причиной отступления Ахмата с Угры, для защиты своих владений²⁷. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин поверили этому известию, затем в XX вв. к нему с доверием отнеслись К.В. Базилевич и Л.В. Черепнин²⁸. Однако, еще С.М. Соловьев счел эти сведения ненадежными, указав на то, что сама летопись достаточно «мутная», а хан с Угры вовсе не спешил на юг спасать свои земли, а продолжал грабить соседние области²⁹. С этим следует согласиться. Отведя войска с Угры, хан не очень торопился назад и не посылал войска вперед себя. Сам он возвращался по Литовской земле, через Серпейск и Мценск, грабя попутно литовские земли за «измену» короля Казимира, нарушившего уговор и не явившегося на помощь. Более того, он отправил отряд своего сына на заокские окрестности Алексина – Конин и Нюхово, и татары ушли оттуда лишь тогда, когда узнали о приближении посланных против них отрядов братьев Ивана III³⁰. А так бы они продолжали грабить русские волости и дальше. Значит, ни о какой беде у себя в орде не знали и отступили от Угры по другой причине.

В связи с этим вызывает сомнения и версия Софийско-Львовской летописи о том, что татары к холодам обносились. По ее образному выражению, они были наги и босы и ободравшиеся, что и послужило поводом к отступлению³¹. Некоторые историки даже сочли это единственной причиной ухода татар³². Но как мы видели, он отнюдь не напоминал возвращение французов зимой 1812 г. Изможденная от холода рать не стала бы захватывать городов в Литве и идти в принадлежавшие Московскому княжеству окрестности Алексина.

В ярлыке хана Ахмата, написанном в виде обращения хана к Ивану III, тоже есть упоминание о том, что татары отошли от «берега», поскольку «люди» были «без одеж», а кони – «без попон»³³. Некоторые исследователи уверенно это относят ко времени стояния на Угре³⁴. Впрочем, высказывались и иные точки зрения о том, что сам документ был составлен еще в 1476 г., после того, как Ахмат одержал важную победу в Крыму и чувствовал себя в силе диктовать соседям свои требования³⁵. Во всяком случае ярлык представляет собой связ-

ную компиляцию известий о разных ордынских походах – на Русь и Крым и в основном содержит реалии похода на Оку 1472 г. У нас нет оснований твердо относить интересующий нас сюжет к ноябрю 1480 г, а не к лету 1472 г. Нехватка одежды и конского снаряжения представляет для войска большую беду в любую погоду, если надо противостоят сильной служилой коннице.

Польский хронист М. Стрыйковский приводит версию о подкупе ханского мурзы Тимура, который за взятку смог убедить хана отступить от Угры, и передаче хану особенно щедрых даров, «которые за несколько лет должна была уплатить Москва»³⁶. Однако сам А.И. Рогов обоснованно считал эту версию противоречащей данным русских летописей, а также реальному ходу событий³⁷. С этим следует согласиться. Во-первых, русские летописи, не скрывающие факта отступления русских войск к Кременцу и ругающие княжеских «злых советников», конечно, не стали бы такое умалчивать. А сам Иван III вел себя так, как будто не знал точно о перемещениях хана после отхода ордынцев с берега Угры и его дальнейших намерениях. Едва ли князь это разыгрывал это для отвода глаз, желая придать своей сделке с ханом сверхсекретный характер, прислав ему дары втайне для всех. Ведь Иван не мог тайно добыть такую крупную сумму. Дань орде и так собирали по всей земле. Чтобы сразу погасить 8–9-летнюю задолженность, надо было организовать отряды по срочному сбору податей. К тому же, после стояния на Угре Русь дань Орде больше не платила. Если бы Иван III отдал Ахмату все долги, то ему пришлось бы и дальше платить дань его преемникам. Однако, по нашему мнению, в основе этой легенды лежали и реальные события. По Вологодско-Пермской летописи еще в октябре, до ледостава, когда Иван III безуспешно пытался мириться с ханом, его посланец Товарков действительно прибегал к посредничеству ханского приближенного. И хану, и Темиру в самом деле дал дары³⁸. Но это были разовые подарки, обычные при дипломатических переговорах с ордой, а не компенсация многолетней неуплаты дани. А хан тогда ни даров, ни условий князя не принял, а Темир тоже вернул «тешь», сказав, чтобы Иван почитал ордынские власти и был у его и ханского «стремени». Польский хронист мог слышать об этом эпизоде, но он, вероятно, дошел до него в искаженном виде. Кроме того, Стрыйковский жил в конце XVI в., когда между Русью и Польшей были враждебные отношения, и он мог намеренно изобразить русских никчемными воинами, способными побеждать лишь при помощи взяток. Так что следует искать другую причину отхода татар от Угры.

В этом плане интересна запись в разрядных книгах, которую историки до сих пор не привлекали, ориентируясь только на летописные данные. Между тем, разрядные книги являются важным источником, ибо они велись не достаточно далекими от военного дела монахами, а великокняжескими чиновниками зародившегося как раз при Иване III особого военного ведомства. В их обязанности входило вести не эпическое повествование с ярко выраженной авторской оценкой событий, а краткие протокольные записи документального характера. Согласно разрядным книгам, «Лета 6989-го году пришил царь к Угре октября в 2 день, и против ево стояли великого князя сын и братья великого князя князь Ондрей Меньшой, а воеводы с ними были по полком. И в то время братья смиришась с великим князем князь Андрей да князь Борис и приидоша к великому князю в Кременеск. И послышав царь Охмат и побегал от Угры в ночи ноебря в 6 день»³⁹. Запись эта является достаточно правдоподобной. Летописи также сообщают о том, что братья примирились с Иваном III и даже пришли к нему в Кременец на помощь с войсками⁴⁰. Хан знал об их усобице. Она-то и послужила поводом для войны – воспользовавшись ею, он двинул войска на Русь. Теперь же братья не только помирились, но и объединили силы для противостояния татарам. И известие о прибытии подкрепления к великокняжескому войску было для Ахмата вполне серьезным поводом для принятия решения об отходе. Ордынцы и так не преследовали москвичей до Кременца, опасаясь вступать с ними в открытое столкновение. А теперь биться и вовсе было немислимо. Правда, из рассказа МЛС может сложиться ощущение, что братья прибыли на Кременец еще в начале октября⁴¹, когда Иван III, согласно этому источнику, вернулся из Москвы. Но, как справедливо отметил Ю.Г. Алексеев, весть от великого князя они получили уже после конца сентября, когда он, по МЛС, твердо решил противостоять ордынцам и выехал из Москвы в сторону рубежей Руси. Соответственно, с учетом осенней распутицы должны были прибыть к концу месяца.⁴² В МЛС прямо сказано, что Иван III послал за ними еще из Москвы, куда они сами первые прислали к нему послов с просьбой о мире. Тогда они, очевидно, уже разочаровались в военной помощи литовского короля Казимира IV, воевавшего с крымчаками на Волыни. Иван III отправил к ним своего посла, приказав им прибыть «вборзе», а также велел матери послать за ними еще одного посла от себя. Видимо, он считал, что мольбы их общей матери смогут примирить их. В Вологодско-Перм-

ской, Типографской и Софийско-Львовской летописях рассказ о посольстве к братьям помещен уже после сообщения о прибытии князя на Угру, но при этом по смыслу он тоже, скорее, связан со временем его пребывания в Москве – ведь по этим летописям, мириться с братьями его уговорили бывшие в столице архиереи и его мать⁴³. Таким образом, по этим источникам, инициатива посольства принадлежала церковным архиереям и постриженной в иночество княгине-матери, а по МЛС – самому великому князю. Но летописи сходятся на том, что послы были отправлены из Москвы в период пребывания там Ивана III, который, по МЛС, протекал с 30 сентября по 3 октября. Как показал Ю.Г. Алексеев⁴⁴, эти сроки правдоподобны и подтверждаются независимым свидетельством Владимирского летописца о том, что князь уже приехал к войскам 11 числа, а по осенним раскисшим дорогам он как раз должен был скакать около недели. Кроме того, еще до ледостава Иван III получил послание Вассиана, до которого в Москве успела дойти весть о переговорах князя с Ахматом после татарских атак 9–12 октября. На этом основании историк подверг сомнению популярную в историографии версию Софийско-Львовской версии о двухнедельном пребывании князя в Москве. В самом деле, если бы князь выехал из Москвы числа 13, он никак не прибыл бы к войскам 11-го. А на Угре переговоры с ханом он смог вести не раньше 20-х чисел. До 26 числа весть об этом могла до Москвы дойти, но Вассиан не успел бы написать к этому дню свое знаменитое пространное послание и передать его князю за полтораста верст. Правда, вышеуказанное повествование Софийско-Львовской летописи, которое историки безоговорочно связывают именно с этой поездкой⁴⁵, на самом деле имеет довольно сложный характер. Дело в том, что летопись сообщает о целых двух поездках князя в Москву, и двухнедельное трусливое сидение в подмосковном селе Красном связывает со второй, совершенной уже после получения послания Вассиана, и вопреки призывам этого письма, известие о получении которого вообще стоит уже после отступления русских войск с Угры и похода к Боровску⁴⁶. Таким образом, послание пришло к адресату лишь около середины ноября, а в Москву он поехал позже. М.Н. Тихомиров⁴⁷ и Л.В. Черенин⁴⁸ тоже на этом основании писали о двух поездках в Москву, не пытаясь, правда, точно определиться с их датами. Однако, на наш взгляд, следует согласиться с К. В. Базилевичем, что тут по ошибке повторен рассказ о более ранней поездке князя, свершенной в конце сентября из Коломны.⁴⁹ Добавим, что со

вторым приездом летопись связывает вещи, относящиеся именно к первой поездке в Москву – дачу наместничества в Москве Патрикееву, занявшему должность уже до отъезда князя из Москвы в начале октября. Кроме того, по летописи, когда князь возвращался из Москвы к войскам, татары подходили к Угре, а русские вышли им навстречу и стали напротив. Таким образом, летопись говорит о двух стояниях на Угре, что неверно, ибо с нее татары двинулись в Литву, послав один отряд на Оку в район Алексина. Здесь, как и в Вологодско-Пермской летописи, по ошибке дважды говорится о сентябрьской поездке в Москву из Коломны, совершенной до стояния на Угре. В летописи оказались перепутаны местами разные события. А вопреки призывам послания Вассиана стоять до последнего, Иван III, очевидно, просто благоразумно стянул войска в Кременец во время ледостава. Другое дело, что, желая сделать архиепископа истинным героем свержения ига, летописец чрезмерно принижает князя, изображая его безвольным «бегуном», который якобы целых две недели прятался в столице, а Вассиан едва умолил его продолжить кампанию. На самом деле князь пробыл в столице лишь 3 дня и отбыл 3 октября. Но если князь и его мать отправили послов до 3 октября, тем надо было ехать не менее недели, чтобы доскакать по осенней слякоти до Великих Лук, где прибывали братья, а тем – около трех недель, чтобы прибыть в Кременец с войсками по размытым дорогам. Следовательно, они могли прибыть не ранее самых последних чисел октября. Кстати, в Типографской летописи прямо сказано, что братья прибыли к Ивану III после ледостава. Когда князь успел стянуть туда войска с берега Угры⁵⁰. Так как река стала 26 числа, то встреча братьев произошла не раньше этого дня.

Между прочим, в Устюжской летописи тоже сказано, что татары ушли с Угры, узнав о прибытии к Ивану III на подмогу его двух братьев. Устюжане не участвовали в Стоянии на Угре. Сведения о нем до них дошли достаточно смутные и отрывочные: летописец почему-то датировал отход татар 15 сентября⁵¹. Но причину отступления ханских войск он знал верно. В стоянии на Угре участвовал и Андрей Меньшой, удельный князь недалеко от Устюга Вологды. Устюжане что-то узнали от вологжан, а может быть, и от вологодских московских наместников, прибывших в Вологду уже в следующем 1481 г., когда умирающий Андрей в завещании отписал Вологду старшему брату Ивана III.

Таким образом, усобица между Иваном III и его братьями, Андреем Большим и Борисом Волоцким послужила поводом для нашествия татар на Русь, а ее окончание и приезд братьев к нему на помощь в Кременец заставили хана отвести войска от Угры. Ордынцы и прежде не решались воевать с москвичами в открытом сражении. После отхода русских войск к Кременцу с наступлением ледостава они не преследовали их, а стояли на своем берегу еще 10 дней кряду. А когда до них дошла весть о прибытии к Ивану III братьев, они и вовсе отступили. Правда, уходя с Угры, хан послал своего сына грабить порубежные русские земли под Алексиным. Но тот ретировался, когда Иван III послал туда войска. Многолетнее иго окончательно пало, и преемники Ахмата не требовали с Руси регулярной выплаты дани и не утверждали кандидатуры русских князей. 28 ноября Иван III с войсками возвратился в Москву.

¹ Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ) М., 2009. Т. 30. С. 137.

² ПСРЛ. Л., 1959. Т. 26. С. 264.

³ Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 52.; Алексеев Ю. Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 106–107; 2) Походы русских войск при Иване III. М., 2009. С. 250–251.

⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 265.

⁵ См. напр.: ПСРЛ. Т. 26. С. 266–270.

⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 200.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. С. 346.; ПСРЛ. Т. 24. С. 200–201; ПСРЛ. М., 2000. Т. 25 (далее – МЛС). С. 338.

⁸ МЛС. С. 328.

⁹ ПСРЛ. Т. 20. С. 346.

¹⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 87–82.

¹¹ Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 100–103; 2) Походы русских войск при Иване III. С. 243–245.

¹² Иван III на Угре. Сборник в честь С.Ф. Платонова. СПб., 1911. С. 285. Базилевич К.В. Внешняя политика Московского государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 158; Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 127; Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. С. 44–55. Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 112; 2) Походы русских войск при Иване III. С. 256.

¹³ МЛС. С. 328.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 20. С. 246; Т. 24. С. 200–201.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 20. С. 246; Т. 24. С. 200–201.

¹⁶ Молочников А.М. В дому у Пречистой Богородицы//<http://primirenie-sml.ru/v-domu-u-prechistoj-bogorodicy/>

¹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 3 книгах. СПб., 2000. Кн. 2. Т. VI. Гл. III. С. 322–323.

- ¹⁸ Иван III на Угре. С. 286.
- ¹⁹ Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 194. Примеч. № 288; 2) Походы русских войск при Иване III. М., 2009. С. 258. Примеч. № 141.
- ²⁰ Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 113; 2) Походы русских войск при Иване III. С. 257.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 273; Т. 20. С. 346; Т. 30. С. 137; Т. 24. С. 201; МЛС. С. 326.
- ²² Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 25.
- ²³ ПСРЛ. Т. 26. С. 273; Алексеев Ю. Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 113, 194. Примеч. № 285; 2) Походы русских войск при Иване III. С. 257.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 273.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 30. С. 137.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 26. С. 273; Т. 24. С. 200.
- ²⁷ ПСРЛ. СПб., 1902. Т. 19. С. 202–203.
- ²⁸ Щербатов М.М. История Российская. СПб., 1783. Т. 4. Ч. 2. С. 183; Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 159–160, 163; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 881; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VI. Глава III. С. 322–323.
- ²⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 72.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 20. С. 346; Т. 26. С. 273.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 20. С. 346.
- ³² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2003. С. 156; Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 120.
- ³³ Цит. по: Горский А.А. Москва и Орда. Приложение II. С. 476.
- ³⁴ Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник МГУ. М., 1948. Вып. № 1. С. 29–46; Горский А.А. Москва и Орда. С. 156.
- ³⁵ Леонид, архимандрит. Два акта XV века с объяснительными к оным примечаниями // Известия Русского археологического общества. СПб., 1884. Т. 10. Вып. 3–6. Стб. 270; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 270–271.; Григорьев А.П. Время написания «Ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1987. Вып. 10. С. 28–29.
- ³⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. S. 284; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 217.
- ³⁷ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. С. 217–218.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 265.
- ³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 25.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 20. С. 246; Т. 24. С. 200; Т. 26. С. 273; МЛС. С. 238.
- ⁴¹ МЛС. С. 238.
- ⁴² Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 111; 2) Походы русских войск при Иване III. С. 245–246.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 20. С. 240; Т. 26. С. 273.
- ⁴⁴ Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 103–104 2) Походы русских войск при Иване III. С. 245–246.
- ⁴⁵ Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. С. 118. Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. С. 103–104. 2) Походы русских войск при Иване III. С. 245–246.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 20. С. 240, 246.

⁴⁷ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1961. С. 231–237.

⁴⁸ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 878.

⁴⁹ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 134–137.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 200.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 49, 95.

Вс. Н. Образцов, Ю.А. Пятницкий (Санкт-Петербург)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКИФОРА ФОКИ НА САБЛЕ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В музейных и частных коллекциях старинного оружия нередко встречаются сабли ближневосточного происхождения, имеющие на клинках христианские изображения и сопровождающие их греческие и славянские надписи религиозного характера.

Наибольшее распространение имеют изображения Богоматери с Младенцем, ангелов, зажженных свечей, несколько реже встречаются изображения Спасителя, Св. Георгия, поражающего змия, креста.

Интерес к изучению и интерпретации такого оружия, воспринимавшегося как «греческие сабли», появился в России во второй половине XIX столетия, и одно из первых исследований о саблях с христианскими сюжетами и надписями, опубликованное в 1877 г.¹, принадлежит Василию Александровичу Прохорову, заведующему Музеем древнерусского искусства Академии художеств в Санкт-Петербурге².

Работа была встречена с интересом, но так и осталась своеобразной экзотикой, а тема не получила дальнейшего развития. Отчасти в этом был виноват сам автор: собрав материал с исключительной, для того времени, полнотой, он создал некую видимость исчерпанности тематики. В то же время В.А. Прохоров не сумел ясно и четко наметить пути дальнейшего развития сюжета. Поэтому на долгие годы, практически до сегодняшнего дня, исследование В.А. Прохорова «О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями» остается единственной специальной работой о саблях с христианскими изображениями на клинках.

Одним из неоспоримых достоинств этого исследования является обилие собранного автором материала. Он основывался на наиболее важных коллекциях того времени: Московской Оружейной палаты,

Царскосельского Арсенала, частных собраниях, в основном петербургских. В этом аспекте публикация В.А. Прохорова, бесспорно, остается важным фактологическим источником. К несомненным достоинствам следует отнести и прекрасный иллюстративный материал, сопровождающий брошюру 1877 г.

В своем исследовании В.А. Прохоров не касался вопроса о месте производства декора клинков. Указав, что ему приходилось в частных руках видеть несколько сабель с инкрустированными надписями, он добавил, что «владельцы этих клинков определяли происхождение их различно: одни называли их венгерскими, другие сербскими, а иные греческими, армянскими и т. д. Латинские надписи приписывали славянам-католикам»³. Понимая стилевое разнообразие изображений и надписей и невозможность их создания в одном единственном, даже весьма крупном центре, В.А. Прохоров не смог ни провести систематизацию клинков, ни указать, даже предварительно, возможные центры их изготовления.

Относительно христианской символики на клинках автор справедливо отметил, что изображение Богородицы с Младенцем, чаще всего в иконографическом типе «Богородица Неувядаемый цвет», является наиболее распространенным. Столь же справедливо его замечание о несколько «западном, латинском привкусе» в иконографии таких изображений. Например, иногда Мария представлена с непокрытыми волосами, часто в руке она держит цветок. Делая вывод, что в клинках нет ничего греческого, кроме надписей, – он одновременно прав и неправ. Если подразумевать под словом «греческий» собственно византийское искусство, то В.А. Прохоров, несомненно, прав. Все изображения на приводимых им клинках созданы намного позже времени существования Византийской империи и не имеют стилистики искусства этого периода. Однако существует понятие «поствизантийское искусство», то есть искусство православного населения на территории бывшей Византийской империи после 1453 г. – времени падения Константинополя. Понятие это чрезвычайно емкое и широкое, как по хронологии, так и по географическим рамкам. Если рассматривать изображения на клинках как явление поствизантийского искусства, то они весьма органически попадают в это понятие, как по своей иконографии, так и по стилю.

Следующий этап в изучении сабель с христианскими сюжетами и надписями приходится на последнее десятилетие XIX в., когда в 1888 г. в Императорском Эрмитаже было открыто специальное Отделение Средних веков и эпохи Возрождения. В новое Отделение Эрмитажа был в 1885–1886 гг. перемещен и Царскосельский Арсенал. В 1891 г.

был опубликован «Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения»⁴, составленный его хранителем Никодимом Павловичем Кондаковым, в котором некоторое внимание было уделено и саблям с христианской символикой на клинках.

В 1895 г. в свет вышла работа одного из ведущих исследователей оружия того времени Э.Э. Ленца «Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева»⁵, в которой, среди прочих предметов вооружения, было опубликовано еще несколько сабель с христианскими сюжетами. Описывая одну из них – с длинной греческой надписью с упоминанием императора Константина, а также ссылаясь на аналогичные клинки из собраний Императорского Эрмитажа и Московской Оружейной палаты, он пришел к весьма важному выводу, что такие сабли появились не ранее XVII столетия.

В послереволюционный период изучение сабель с христианскими надписями и сюжетами остановилось, подобные предметы не особенно интересовали советских специалистов. Лишь с конца 80-х гг. XX в. возобновились активное изучение и публикация памятников религиозного искусства, в том числе сабель с христианскими сюжетами.

Важным событием в изучении этого вида памятников был выход книги Э.Г. Аствацатурян «Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея»⁶. Автор – хранитель фонда Восточного оружия ГИМ – выделила группу клинков сабель «клих» XVII–XVIII вв., которые имеют одинаковую малоизогнутую форму клинка с небольшой елманью; выкованы из высокосортной булатной стали; украшены золотой инкрустацией. Внутри эта группа разделяется на две части: одна – клинки с арабскими надписями (изречения из Корана, выполненные куфическим шрифтом), вторая – клинки с греческими, славянскими, латинскими надписями и христианскими сюжетами⁷. Именно последним Э.Г. Аствацатурян уделила наибольшее внимание⁸. Она дала описание и воспроизведение шести таких сабель из коллекции Исторического музея.

Относительно центра производства Э.Г. Аствацатурян высказала мнение, что большинство сабель было изготовлено в Стамбуле, поскольку техника исполнения золотой насечки и некоторые детали декора идентичны клинкам с арабскими надписями. По ее мнению, на стамбульские мастерские указывают султанские тугры на серебряных накладках на крестовине и ножнах. Вместе с тем, она отмечает что «по-видимому, пользователями этих изделий были христиане, этим объясняется появление на них христианской символики»⁹. Большим

достоинством книги Э.Г. Аствацатурян, как в свое время брошюры В.А. Прохорова, является прекрасный иллюстративный материал. Несмотря на бесспорное значение этой книги, клинкам с христианскими сюжетами и надписями в ней уделены всего несколько страниц. При этом часть текста носит компиляционный характер, а библиография ограничивается исключительно работой В.А. Прохорова 1877 г. К сожалению, при всей отмеченной выше научной ценности, ни дореволюционные исследования, ни книга Э.Г. Аствацатурян не дают в полной мере ответов на многочисленные вопросы, связанные с этим крайне интересным явлением оружейного и декоративно-прикладного искусства Поствизантийского мира XVII–XVIII вв.

В настоящее время в эрмитажном собрании выделено 17 предметов с греческими и славянскими надписями и христианскими сюжетами. Надписи и, частично, изображения выполнены в технике золотой насечки, то есть инкрустацией золотом по булату клинков. Все выявленные памятники датируются в пределах второй половины XVII – первой половины XVIII вв. и могут быть отнесены к категории османских сабель. По типологии, предложенной в 1953 г. в своей диссертации научным сотрудником Эрмитажа Ю.А. Миллером¹⁰ и использованной Э.Г. Аствацатурян в своей монографии 2002 г., большинство сабель этого комплекса (за исключением двух) следует отнести к типу «клих», а две сабли – к категории «кылыч».

Одна из этих сабель выделяется особым богатством декорировки клинка. В отличие от большинства других предметов комплекса, золотой насечкой украшены обе стороны клинка. С лицевой стороны на клинке помещены надписи и изображение Богоматери с Младенцем, с другой стороны – благословляющий двумя руками Спаситель и фигура византийского императора Никифора Фоки. Именно об этой сабле и пойдет речь (рис. 1).

Рис. 1. Сабля с ножнами, Турция (Османский период), 1-я половина XVIII в. Инв. № В.О.-3239

Рассматриваемый предмет поступил в Государственный Эрмитаж в 1926 г. из Мраморного дворца в Ленинграде, который с 1840-х по 1917 гг. был родовым домом великих князей из ветви Константиновичей. Сабля имеет следующие размеры: общая длина – 935 мм; клинок – 797 мм; ширина клинка у пяты – 32,2 мм; толщина клинка у пяты – 6,18 мм; длина ножен – 835 мм.

Ножны состоят из двух деревянных дощечек, обтянутых сильно потертым и выцветшим красным бархатом; на стык нашита серебряная тесьма. Прибор состоит из устья, двух обоймиц, с кольцами для перевязи на внутренней стороне, и наконечника. В верхней части с обеих сторон устья имеются специальные гнезда для вкладывания надклиночных стержней крестовины; со стороны обуха в устье и ножнах выполнен довольно длинный разрез, доходящий до верхней обоймицы, предназначенный для облегчения вкладывания клинка в ножны; наконечник снабжен так называемым «башмаком» в виде двух изогнутых листьев. Все детали прибора выполнены из позолоченной меди и украшены легкой гравировкой и насечкой, аналогичной орнаменту на соединительной полосе. При этом орнамент размещен по краям деталей прибора ножен так, что в середине остается незаполненное пространство.

Рукоять состоит из двух полукруглых в сечении пластин, вырезанных из светло-коричневого рога, каждая из которых прикреплена к хвостовику двумя гвоздиками. Круглый довольно массивный набалдашник отогнут по направлению к лезвию. В набалдашнике пробито отверстие для темляка, обложенное гравированной медной позолоченной пластинкой в виде шестилепестковой розетки. По стыку роговых частей рукояти на хвостовик набита соединительная пластина, выполненная из позолоченной меди. По краям пластины прорезаны узкие канавки, образующие рамку, внутреннее пространство которой заполнено гравированным орнаментом – извивающаяся лента и ветвь с листиками. Крестовина из золоченой меди декорирована гравированным растительным орнаментом и извивающейся лентой, аналогичной той, которая имеется на соединительной полосе. При этом средняя часть крестовины оставлена пустой. Отроги перекрестья оканчиваются шишечками.

Клинок сабли имеет плавный изгиб и выкован из булатной стали низкого качества – узор угадывается с большим трудом. Полоса плавно расширяется к незначительно выступающему обуху, по всей длине которого, от пяты до елмани, вырезан боровок. Елмань обо-

юдоострая. Вдоль всей ее длины в верхней части прорезан узкий декоративный долик. В начале елмани находится выступ с плоским обухом, резко сведенный затем на нет. Центр удара помечен стилизованным растительным завитком, выполненным инкрустированной золотой проволокой. Исходя из приведенных характеристик, саблю можно атрибутировать как османский кылыч (типология Миллера-Аствацатурян) 1-й половины XVIII в.

Среди рассматриваемого комплекса сабель данная отличается сложным декором клинка и большим, чем на других клинках, количеством греческих надписей. Кроме того, клинок украшен золотой насечкой с двух сторон. С лицевой стороны клинок украшен греческой надписью в две строки, ограниченной арабесками; двумя картушами с надписями на греческом языке (одна в четыре строки, другая в шесть строк), между картушами размещено поясное изображение Богородицы с Младенцем на руках; пята украшена переплетением арабесок с четырехконечным крестом в центре (рис. 2, 3, 4).

Рис. 2. Сабля В.О.-3239, деталь: клинок с греческими надписями

Рис. 4. Сабля ВО-3239, деталь: инкрустация на пите клинка под крестовиной

Рис. 3. Сабля В.О.-3239, деталь: клинок с изображением Богородицы с Младенцем

Надписи на клинке взяты из Псалтири. Двустрочная – это Псалом Давида, первая строка «Молитвы о помощи» (от гонителей). Она довольно часто встречается на клинках с греческими надписями (Пс. 34.1). Текст в двух картушах также взят из Псалтири – Псалом Бракосочетание Царя – «Царь и его владычество» (Пс. 44.4). Этот текст в настоящее время известен нам только на клинке данной сабли.

Надпись в две строки, которая занимает половину ширины полосы клинка (рис. 5):

Рис. 5. Сабля В.О.-3239, деталь: клинок с греческой надписью из Псалма 34

ΔΙΚΑΣΟΝ Κ(ύριε)Ε ΤΟΥΣ ΑΔΙΚΟΥΝΤΑΣ ΜΕ || ΠΟΛΕΜΗΣΟΝ ΤΟΥΣ ΠΟΛΕΜΟΥΝΤΑΣ ΜΕ.

(Δίκασον, Κύριε, τοὺς ἀδικοῦντάς με, πολέμησον τοὺς πολεμοῦντάς με).

«Вступись, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною» (Пс. 34.1) – в Синодальном переводе. У П. Юнгера перевод немного отличается: «Суди, Господи, обижающих меня, побори борющихся со мною».

Четырехстрочная надпись в первом картуше гласит (рис. 6):

Рис. 6. Сабля В.О.-3239, деталь: первый картуш с греческой надписью из Псалма 44

ΠΕΡΙΣΣΑΙ ΤΗΝ || ΡΟΜΦΑΙΑΝ ΣΟΥ || ΕΠΙ ΤΩΝ ΜΥΡΩ||+Ν ΣΟΥ +
(περίσσαι τὴν ρομφαίαν σου ἐπὶ τὸν μῦρόν σου).

«Препояшь Себя по бедру мечом Твоим» (Пс. 44.4).

В надписи есть небольшие замены букв $\omicron = \omega$, $\upsilon = \eta$; в этом нет ничего необычного. А вот крестики, которые фланкируют последнюю строку, свидетельствуют, что мастер инкрустации не понял, что буква υ относится к последнему слову предпоследней строки.

Надпись в шесть строк во втором картуше (рис. 7):

Рис. 7. Сабля В.О.-3239, деталь: второй картуш с греческой надписью из Псалма 44.

ΔΥΝΑΤΕ ΤΗ ΟΡΑ||ΙΟΥΤΗΙ ΣΟΥ ΚΑΙ || ΤΩι ΚΑΛΛΗ ΣΟΥ + || ΚΑΙ
ΕΝΤΗΝΕ ΚΑΙ || ΚΑΙ ΕΥΟΛΟΥ ΚΑΙ || ΒΑΣΙΛΕΥΕ.

(δυνατέ, τῇ ὠραιότητί σου καὶ τῷ κάλλει σου + καὶ ἐντεινον καὶ κατευοδοῦ καὶ βασιλεύε).

«Сильный, славою Твоею и красотою Твоею.

И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу» (Пс. 44.4-5).

Так звучит этот фрагмент Псалтири в Синодальном переводе. Более соответствует греческому тексту на клинке перевод П. Юнгера: «Сильный, красотою Твоею и добротою Твоею, и напрягись, и поспеши, и царствуй».

Ошибки в греческом языке в предпоследней строке свидетельствуют о том, что мастер путал похожие по написанию буквы: $\Lambda = \Delta$, $\Gamma = \Theta$, $\Lambda = \Delta$. Таким образом, он воспроизводил написанный на бумаге текст, по-видимому, не понимая его¹¹.

Обратная стороны клинка также декорирована золотой насечкой. На пяте имеется два изображения. Вверху выполнена поясная фигу-

ра Иисуса Христа, благословляющего двумя руками. Она помещена в фигурный картуш из арабесок, увенчанный четырехконечным крестом. В нижнем картуше из арабесок – мужская фигура в плаще, с короной на голове, со скипетром в правой руке и «посохом, увенчанным крестом» – в левой. По сторонам от фигуры буквы: «NK» и «ФР» (рис. 8). Под этой фигурой греческая надпись ΒΑΣΙΛΕΑ (царь) и дата, ограниченная двумя крестиками, + 963 + (рис. 9).

Рис. 8. Сабля В.О.-3239, деталь: клинок с изображением императора Никифора Фоки, которого благословляет Иисус Христос

Рис. 9. Сабля В.О.-3239, деталь: клинок с греческой надписью и датой под фигурой византийского императора Никифора Фоки

Арабески и надписи выполнены инкрустированной золотой проволокой, приподнятой над поверхностью клинка, а изображения Богоматери, Спасителя и византийского императора исполнены путем гравировки по насеченной на сталь тончайшей золотой пластинке.

Насколько нам известно, изображение императора Никифора Фоки и указание точной даты его вступления на византийский престол в декоре других клинков не встречается. Так же как и столь многочисленные цитаты из Псалтири. По-видимому, появление этих

элементов на данной сабле было связано с каким-то конкретным событием в истории бытования этого предмета.

Заслуживает внимание личность византийского императора Никифора Фоки (правил 963–969). С его именем связан небывалый подъем политической и военной силы Византийской империи. Еще до вступления на трон он прославился своими воинскими подвигами против мусульман (борьба с эмирами Алеппо и Мосула, наместником Триполи) и пиратов арабского Крита (остров был возвращен под власть империи). После смерти императора Романа II в начале 963 г. и недолгого регентства царицы Феофано, в лагере под Кесарией военначальник Никифор Фока был провозглашен войском императором. В августе 963 г. он вошел в столицу Византийской империи и был венчан на царство патриархом Полиевктом в соборе Святой Софии. Восшествие на престол не помешало Никифору лично возглавить весной 964 г. поход на Восток, который открыл серию успешных военных компаний императора против мусульман. Хотя внутренняя политика Никифора Фоки и его «западная дипломатия» не были столь же успешными, как военные походы на Восток, именно последние создали имидж Никифора как мудрого правителя и неустрашимого борца с неверными за торжество Православия. Определенный романтический флер придавала его фигуре и история гибели – он был убит в декабре 969 г. заговорщиками, среди которых был его родственник и некогда ближайший друг Иоанн Цимисхий и сама императрица, вступившая с Цимисхием в любовную связь¹². Византийский историк Лев Дьякон писал о Никифоре Фоке: «Мужеством и силой тела он без сомнения превосходил всех людей его поколения, в воинских делах отличался необыкновенной изобретательностью и опытностью, был непоколебим среди всякого рода трудностей и не был подвержен обольщениям телесных удовольствий. В делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справедливого судьи и непреклонного законодателя. Он был суров и неумолим в молитвах и всеобщих бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию. Однако многие считали недостатком его желание, чтобы все безукоризненно следовало добродетели и не уклонялись от высшей справедливости. За отступление от этих правил он строго наказывал и потому казался неумолимым и жестоким для уклоняющихся от законов и был ненавистен тем, кто желал вести беспечную жизнь. <...> [если бы судьба] <...> не лишила его так скоро жизни,

Ромейская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала. Ведь провидение, презирающее грубый и заносчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в ничто и непостижимыми, ему одному известными судьбами направляет челн нашей жизни к полезному»¹³.

Читая эту красочную характеристику древнего правителя, невольно пытаешься сопоставить ее с российской историей. Учитывая происхождение сабли из Мраморного дворца, с 30-х гг. XIX в. бывшего родовым домом великих князей династии Романовых из ветви Константиновичей, т. е. потомков великого князя Константина Павловича, на ум приходит так называемый «Греческий проект Екатерины Великой» – проект образования на территории Турции нового Православного государства со столицей в Константинополе–Стамбуле. Императрица даже своего внука назвала Константин, намекая на историю жизни и деяний Святого Константина Великого. В этом аспекте и воинские подвиги Никифора Фоки против «неверных» как бы должны были быть повторены владельцем сабли.

Резюмируя изложенное, позволим себе сделать следующие выводы:

1. Рассматриваемая сабля относится к категории османских кылычей и может быть датирована 1-й половиной XVIII в.

2. Как уже было отмечено, надписи на греческом, насеченные на клинке сабли, выполнены с явными ошибками. Это свидетельствует о том, что мастер, выполнявший данную работу, не владел греческим и лишь воспроизводил написанный текст.

3. Декорировка сабли цитатами из Псалтири, равно как и нанесение изображения императора Никифора Фоки, имеет явный идеологический характер.

Исходя из вышесказанного, можно предложить, что рассматриваемая сабля является трофеем Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Надписи же и изображения были нанесены мастером не греческого происхождения. Необходимо иметь в виду, что именно в этот период активно развивался «Греческий проект» Екатерины II. В ходе войны русским правительством активно педалировалась тема защиты православия от неверных, в качестве примера можно привести известную медаль этого периода «Поборнику православия».

Таким образом, появление на клинке сабли изображения византийского императора, прославившегося именно как непримиримого борца за торжество Православия, логично укладывается в канву

идеологической политики Екатерины II в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

¹ Прохоров В.А. О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями: читано во 2-м С.-Петербургском археологическом съезде СПб., 1877. 16 с.

² Возникнув в 1856 г. как подсобное хранение при «Классе Православного иконописания», этот музей в течение двух десятков лет неоднократно менял свое название: «Музей Православного иконописания», «Музей Православного иконописания и русских древностей», «Музей русской археологии», «Музей Христианских древностей» и наконец, за ним укрепилось название «Музей Древнерусского искусства», которое наиболее точно отражало состав и задачи этого музея. В 1898 г. все коллекции «Музея Древнерусского искусства» были переданы в созданный Русский музей Императора Александра III в Санкт-Петербурге.

³ Прохоров В.А. О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями. С. 3.

⁴ Кондаков Н.П. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891. 369 с.

⁵ Ленц Э.Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. 197 с.

⁶ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. СПб., 2002. 336 с.

⁷ Там же. С. 95–101.

⁸ Следует указать, что большое значение для исследования Э.Г. Аствацатурян имела кандидатская диссертация сотрудника Государственного Эрмитажа Ю.А. Миллера «Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI–XVIII вв.», защищенная в 1953 г., с которой Э.Г. Аствацатурян имела возможность ознакомиться благодаря любезности автора.

⁹ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. С. 101.

¹⁰ Миллер Ю.А. Художественное оформление холодного оружия в Турции в XVI–XVIII вв. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1953.

¹¹ За помощь в чтении и комментариях греческих надписей авторы приносят искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику Института Всеобщей истории РАН В.Г. Ченцовой.

¹² Успенский Ф.И. История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057) / Сост. Л.В. Литвинова. М.: Мысль, 1997. С. 332–380.

¹³ Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. С. 49–50.

Н.А. Оводков (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ПАТРОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ В 1866–1869 ГОДАХ

Вмоих двух предыдущих статьях, посвященных сталествольному¹ и пороховому² производствам, речь шла о развитии видов металлообрабатывающей и химической отраслей промышленности. Сталествольному производству предшествовало железноствольное, а в пороховой промышленности крупные изменения произошли лишь в 1880-х гг., как в Российской империи, так и в остальных странах. С патронным производством дело обстоит по-другому, в первую очередь, потому что это совершенно новый вид промышленности, возникший в России лишь во второй половине XIX в. Общие представления о возникновении патронного производства в России связаны с принятием на вооружение в армии винтовки системы Крынка обр. 1868 г. под унитарный металлический патрон и с устройством Санкт-Петербургского патронного завода, который начал действовать в 1869 г. До этого боеприпасы к ружьям заготавливались в войсковых мастерских, но что касается бумажных, а тем более металлических унитарных патронов, то «изготовление в войсках таких патронов оказалось невозможным, потому что некоторые части их выделывались ручным способом очень медленно и для ускорения работы их приходилось высылать из центральных учреждений, войска же могли только отливать пули, клеить гильзы и собирать патроны...»³. Однако, такое крупное промышленное предприятие, как патронный завод, не могло возникнуть в один момент, в течение одного года. Созданию Санкт-Петербургского завода предшествовали несколько лет упорной работы...

Патронное производство в России являлось настолько молодым видом военной промышленности, что довольно трудно разобраться

в том, какое отделение в Главном артиллерийском управлении Военного министерства отвечало за него. В «Росписании дел Артиллерийского Департамента на разряды»⁴ и в «Положении о Главном Артиллерийском Управлении»⁵ четко указано, что Парковое и пороховое отделение Артиллерийского департамента, а затем Главного артиллерийского управления ведало всем, что связано с пороховыми заводами, их устройством и т. д. Сталествольным производством ведало оружейное отделение (четвертое), так как производство стволов тесно связано с оружейными заводами. В документах практически не упоминается патронное производство, за исключением того, что 3-й стол паркового и порохового отделения Артиллерийского департамента занимался комплектованием войск боевыми патронами и приготовлением патронов и зарядов для маневров и остальных дел. В документах Главного артиллерийского управления упоминается 2-й стол порохового и паркового отделения (пятое), который занимался снабжением всех войск комплектными боевыми патронами. Этот же стол занимался устройством лабораторий, ракетных и капсюльных заведений.

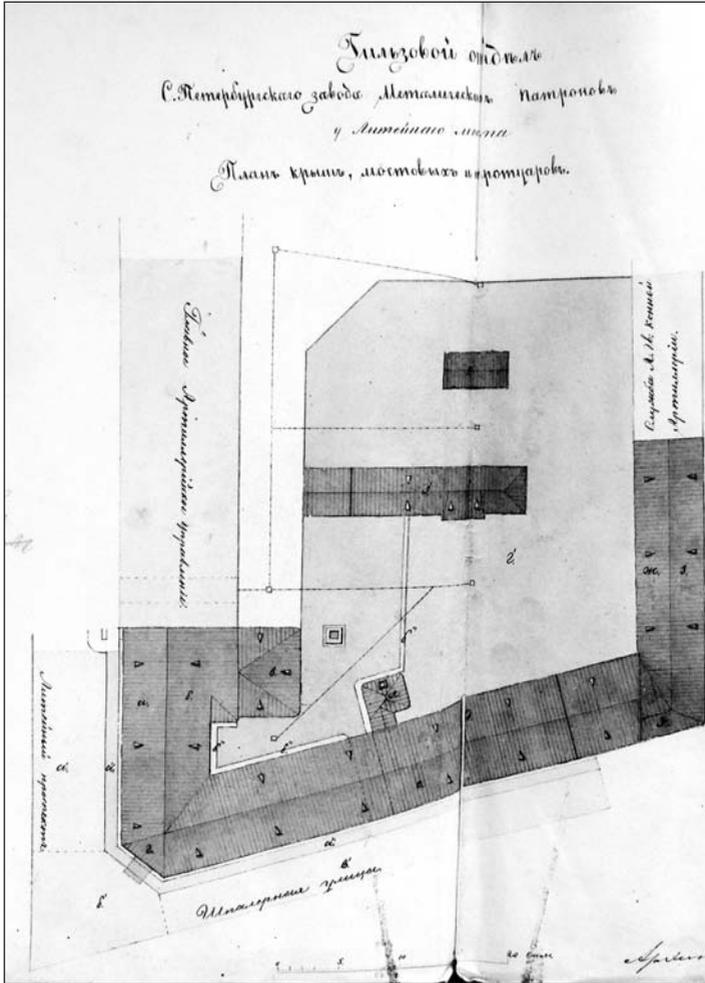
По причине того, что устраиваемое патронное заведение было в первую очередь ориентировано на выпуск унитарных металлических патронов к казнозарядным нарезным винтовкам, которыми перевооружали нашу армию, им занимался патронный стол Исполнительной комиссии по перевооружению армии⁶, образованной в марте 1869 г. Члены комиссии на протяжении всего становления патронного производства тесно сотрудничали с отдельными комиссиями по устройству опытных патронных мастерских. До образования Исполнительной комиссии должен был быть орган, который был ответственен за устройство патронного производства, хоть и в виде опытной мастерской. Разумеется, была образована комиссия по устройству патронного завода и, отдельно, комиссия, отвечавшая за опытную патронную мастерскую. О них речь пойдет ниже. Вероятнее всего, устройство мастерской и завода обсуждалось в искусственном отделении ГАУ, в первом столе (техническом). Как известно, именно технический стол занимался составлением докладов о всякого рода проектах, изобретениях, открытиях, ведал распоряжениями о построении для испытания машин и других изобретений, а также занимался учреждением временных комитетов для рассмотрения и испытания изобретений. В нашем случае, это был не временный комитет, а временные комиссии.

Опытная патронная мастерская 1867–1868 гг.

Почва для строительства крупного патронного производства в России начала обрастать фундаментом задолго до того, как возникла такая крупная производственная единица, как Санкт-Петербургский патронный завод. Устройство отдельного патронного производства началось в Главном артиллерийском управлении еще в 1866 г., когда специалистами обсуждалось изготовление унитарных металлических патронов к винтовками системы Лэдли и системы Пибоди. Эти металлические патроны испытывались в Охтенском капсюльном заведении, а точнее, в его патронной мастерской, заведующим которой был поручик К.О. Патцевич.

В качестве экспериментальной площадки летом 1867 г. решено было устроить отдельную опытную патронную мастерскую. Следовало оценить уровень капиталовложений, уровень сложности и количество проблем. В плане было открыть опытную патронную мастерскую с начала 1868 г. и изготовить 500 000 металлических патронов за год. С 1869 г. планировалось изготавливать до 1 000 000 патронов ежегодно. В начале работ по устройству мастерская носила название опытной, чуть позже была переименована в пробную. Для руководства процессом срочно была собрана комиссия под председательством генерал-лейтенанта В.М. Яфимовича⁷, состоявшая из генерал-майора Карташевского, полковников К. Ракуса-Суцевского⁸ и Беляева, коллежского советника И.А. Вышнеградского⁹ и поручика К.О. Патцевича¹⁰ и работавшая вплоть до 31 мая 1869 г.

Первоначально внимание членов комиссии в процессе поиска помещения для мастерской было сосредоточено на казармах гарнизонной роты Охтинского порохового завода. Там в одной из частей здания казарм хотели выделить 6 комнат и пристроить несколько помещений для паровых котлов и паровой машины. С этим помещением возникли различные неудобства: «трудности нанимать хороших вольных рабочих, для которых не имеется на заводе жилых помещений; дальность расстояния от частных механических заводов... невозможность расширить, в случае надобности, пробную патронную мастерскую в здании казарм порохового завода»¹¹. Поэтому осенью 1867 г. пробную патронную мастерскую начали размещать в комплексе зданий (рис. 1) старого арсенала, и одновременно подготавливать снаряжательное производство. В здании старого арсенала уже существовала «временная опытная патронная мастерская», которая на тот момент активно занималась изучением патрона к винтовке

Карта Гильзового отдела Санкт-Петербургского завода металлических патронов.

Архив ВИМАИВиВС. Ф.7. Оп. 48/2. Д.1. Л. 178.

На карте указан комплекс зданий, расположенный на углу Литейного проспекта и Шпалерной улицы. В 1867 г. именно здесь, на территории старого Арсенала было решено обустроить опытную патронную мастерскую. В дальнейшем опытная патронная мастерская стала

Литейным гильзовым отделом Санкт-Петербургского завода металлических патронов

системы Карле. Патрон был введен в августе 1867 г., поэтому лаборатористам давали еще месяц на изучение практической сборки частей патрона и т. д. В дальнейшем, вероятнее всего, старая мастерская не переехала, а слилась с новым заведением. Строительство закончилось в июне 1868 г., хотя производство и опыты начались еще в начале 1868 г. Со снаряжательной мастерской возникли проблемы, так как в помещениях старого арсенала нельзя было наполнять гильзы порохом, помещать и обжимать пули. Иными словами, для этих действий в здании арсенала надо было устроить пороховой склад, а делать это в пределах города было запрещено правилами. Необходимо было организовать склад для хранения трех пудов пороха. Место для склада выбрали за новым арсеналом на Выборгской стороне. Из-за того, что место для опытной патронной мастерской было выбрано новое и не было необходимости тратить финансы на крупные строительные работы (только на переоборудование помещений), то суммы в 109 000 рублей, выделенной на это, вполне хватало еще и на оборудование снаряжательной мастерской.

Как оказалось, место во флигеле старого арсенала, которое занимала патронная мастерская, первоначально предназначалось для нового помещения ГАУ, однако устройство мастерской спутало карты, и Главному артиллерийскому управлению пришлось выбирать дома на углу Сергиевской улицы и Воскресенского проспекта или на Фурштатской улице.

Ниже представлена таблица расходов на устройство мастерской, которые в целом составляли сумму до 100 000 рублей, не считая вознаграждений, непредвиденных расходов и покупки такого дорогостоящего оборудования, как машина для деланья пуль Ч. Ланкастера. Это дорогостоящее оборудование производитель предложил поставить уже в декабре 1866 г., когда начала работать комиссия по устройству патронного завода. Однако, ввиду того, что опытная мастерская являлась пробным плацдармом для устройства позже крупного предприятия, такую машину можно было бы опробовать и в опытной патронной мастерской. Как указывал Чарльз Ланкастер, подобные машины уже были закуплены английским, индийским и французским правительствами. Машина служила для изготовления удлиненных пуль с желобками на цилиндрической части. «... число пуль, изготавливаемых этими машинами в данное время, будет такое, как в Вуличском арсенале – именно: около 150 в минуту»¹². Производитель обещал изготовить машину за 4 месяца.

Работы по переоборудованию здания старого арсенала под мастерскую были закончены 18 мая 1868 г., т. е. с запозданием более, чем на четыре месяца. После этого настала очередь постройки железного порохового погреба на 600 пудов пороха. Одновременно к лету 1868 г. началась перевозка оборудования и инструментов из опытной патронной мастерской Охтенского капсюльного заведения в новую мастерскую. На самом деле все было готово, предметы перевозились, а в старом арсенале пустовало лишь место для дорогостоящей машины по производству пуль Ланкастера.

В то время как заканчивались все эти работы, настало время для набора рабочих рук в новое опытное заведение. «Кроме мастеровых, необходимых для производства работ на станках служащих для выделки патронов, во вновь устроенной мастерской нужны еще рабочие для наблюдения за паровыми машинами, котлами, приводами, а равно кузнецы, сторожа...», – писал в своем рапорте штабс-капитан К.О. Патцевич в августе 1868 г. В прежней опытной патронной мастерской при Охтинском капсюльном заведении рабочих было достаточно, да и размеры заведения были не такие большие; здесь же возникла необходимость нанимать целый штат. В гильзовом отделе (мастерской), где уже кипела работа, насчитывалось до 40 рабочих, и это при условии, что пока не работал снаряжательный отдел (мастерская) на месте старой артиллерийской лаборатории (в районе нынешнего проспекта Маршала Блюхера). Вместе штат этих двух отделов будет составлять 60 человек (знающих и умеющих работать со всем необходимым оборудованием), которым необходимо будет платить больше 1500 рублей в месяц.

В то время как опытная патронная мастерская обустроивалась, в ней уже проходили испытания. В апреле 1868 г. там занимались патронами системы Бердана и проблемами, связанными с поиском подходящей латуни, а в ноябре 1868 г. происходило изучение изготовления капсюлей к патронам системы Бердана, которые при выстреле одновременно предотвращали прорыв пороховых газов.

При изготовлении подобных капсюлей и снаряжении ими патронов нужна тщательность и время на предварительные испытания. Капсюльное производство для патронов системы Бердана еще находилось в зачаточном состоянии, необходимо было закупить оборудование, инструменты, и, в конце концов, тщательно изучить процесс и методы. Тем более, что эти капсюли на тот момент еще не изучались и не испытывались. Именно поэтому было принято решение разо-

браться с ними в новой патронной мастерской, а затем, когда они будут готовы к валовому производству, передать «бразды» производства в Охтинское капсульное заведение.

Таблица. Ведомость расходов, потребных для устройства опытной патронной мастерской¹³ (для сравнения, «...денежное содержание генерала от артиллерии военного министра Д.А. Милютина составляло 12 000 рублей в год ... мяско от 1 рубля 60 копеек до 2-х рублей за пуд...»¹⁴)

Предмет расхода	Кол-во	Цена за шт. (руб.)	Цена за все (руб.)
Приспособление здания к устройству мастерской			6000
Паровая машина в 20 сил о двух цилиндрах	1		3000
Паровых котлов по 10 сил каждый	3	1000	3000
Паровых печей с железными креплениями, чугунной топкой, колосниками и всеми приборами	3	800	2400
Дымовая железная труба	1		2200
Приводов, состоящих из чугунных кронштейнов, подвесок, муфт, подушек, железных валов и т.д.			7500
Вентилятор с приводом	1		400
К нему воздушная труба с кранами	1		1000
Токарных станков	3	1200	3600
Ручной токарный станок	1		150
Полировальный станок	1		500
Вертикально-сверлильный станок	1		600
Универсально-строгальный станок	1		1000
Двойной кузнечный горн	1		400
Ручных тисков	10	25	250
Наковален	2	75	150
Верстаков, шкафов, столов			450
Машина для резки картона	1		400
Специальные патронные приборы			
Котлов, один для плавки свинца, другой для обсаживания пуль и патронов	2	300	600
Вальцовый прибор для протягивания свинцовых брусков	1		2000
Малых штамповальных машин	2	1000	2000
Форм чугунных для отливки свинца	20	20	400
ножницы	1		400
Вальцовый станок	1		1000
Отжигательных печей	2	500	1000
Ящиков для чистки	8	50	400
Пресс	1		1200
Вытяжных станков	4	1100	4400
Обрезатель	1		600
Шляпник	1		1000
Ножницы для резки бумаги	1		400
Станков для свертывания гильз	2	1000	2000
Прессов для больших папок	2	1200	2400
Пресс для малых папок	1		1000
Станок для вырубki медных пластинок	1		700
Гвоздилка	1		800

Станок для вгонки папок	2	1200	2400
Станок для вырубki бумажных кружков	1		400
Ручных станков для вгонки ударников и папок	2	50	100
Станков для придания конической формы	3	1500	4500
Станков для расправки патронов	2	800	1600
Станков для снаряжения патронов	2	2000	4000
Весов для взвешивания готовых патронов	2	500	1000
Итого:			99300
Вознаграждения лицам и т. д.			3465
Непредвиденные расходы			6235
Сверх сего, если Главное Артиллерийское Управление найдет возможным приобрести из-за границы машину Ланкастера, то для ее приобретения потребуетс я до			30000

Когда все оборудование было доставлено в старый арсенал, возникла необходимость все настроить, проверить, испытать. Этим должен был заниматься член комиссии коллежский советник И.А. Вышнеградский, но он одновременно присутствовал как инженер и механик на работах по переустройству Охтинского порохового завода. Эта проблема решилась лишь в январе 1868 г., когда в мастерскую был официально принят механик, великобританский подданный Генрих Браун (младший). Он же, позднее, продлил свой контракт еще на некоторое время, пока «механизмы» завода не начнут работать полностью исправно и на полную мощность. Стоит заметить, что при закупках такого дорогостоящего и сложного оборудования, требующего точности и качества обработки, комиссия по устройству пробной патронной мастерской работала с ведущими механическими заводами. Перенесемся в 1867 г., когда 18 декабря был назначен «новый решительный торг, к участию в котором приглашены были повестками известные комиссии петербургские механические заводчики: Клифус и К°, Нобель, Лесснер, Берд, Илис и Бутц, Макферсон, Норманн, Главный агент общества Кокериль, Август Шарлье, заведывающий мастерскими приюта Принца Ольденбургского, а также компания С.-Петербургского металлического завода...»¹⁵.

От Опытной патронной мастерской к Петербургской мастерской металлических патронов

Итак, к началу 1869 г. мы видим почти полностью обустроенную Опытную патронную мастерскую. В феврале 1869 г. что-то доделывалось, что-то докупалось и довозилось. Опытная патронная мастерская имела два отдела. Первый – гильзовый отдел в здании старого арсенала, и второй – снаряжательный отдел на месте старой лаборатории, на Выборгской стороне. Снаряжательный отдел занимался

наполнением патронов порохом и снаряжением капсюлей. В феврале снаряжательному отделу необходимо было оборудовать помещения для приготовления ударного состава к капсюлям. Казалось бы, для этого дела существовала такая промышленная единица, как капсюльное заведение при Охтенском пороховом заводе, но «работа эта совершенно нова, так как для патронов системы Бердана приняты капсюли, устройства совершенно отличного от обыкновенных капсюлей; условия этой работы еще мало определились и, наконец, по мере изготовления капсюлей может встретиться надобность в изменении способа их выделки»¹⁶. Целью было изготавливать капсюли к патронам системы Бердана в тесной связи с самим патронным производством. Затем, когда новые патроны будут окончательно доработаны для их валового производства, работу по изготовлению капсюлей передадут в Охтинское капсюльное заведение.

По окончании всех работ по обустройству пробная патронная мастерская (опытная) должна была действовать на основании специальной инструкции, а личный состав мастерской определялся специальной ведомостью. На самом деле, когда в мастерской начались первые опыты, инструкция должна была быть разработана уже тогда, но, видимо, процесс затягивался. Для привлечения людей столовые оклады по инструкции были значительными, например, начальник мастерской в месяц получал 1500 рублей, а его помощник 1000 рублей. Что касается обычного мастера, то по условиям он не мог получать в день более трех рублей.

В процессе развития начала появляться необходимость докупать станки, какое-то оборудование. Выбор пал на американских заводчиков Брауна и Шарпса в Провиденсе. Таким образом, понемногу расширяясь, обновляясь технически, опытная мастерская перерастала в Петербургскую мастерскую металлических патронов.

Санкт-Петербургский завод металлических патронов

В сентябре 1866 г., как уже упоминалось, ГАУ приняло решение о начале планирования крупного патронного производства в Санкт-Петербурге. Уже тогда активно работала комиссия по производству опытов над металлическими патронами и «уже достигнута возможность изготовлять 4,5 лин. патроны для ружья Лэдди, и без сомнения, что ею будут изготовлены патроны для ружья Пибоди, для чего уже заказаны все необходимые станки»¹⁷. Необходимость создания узкоспециализированного промышленного производства очевидно,

ведь когда в России приняли на вооружение винтовку системы Карле образца 1867 года и к ней бумажный патрон, стало понятно, что игольчатая система вместе с бумажным патроном не вечный выбор, кроме того, патрон был сложен в изготовлении. Унитарный металлический патрон как более совершенный по сравнению с бумажным был успешно испытан и опробован солдатами США в Гражданской войне 1861–1865 гг. Однако, как писал В.Г. Федоров, американцы, «первые допустившие употребление металлических патронов к военному оружию, были вынуждены к тому силою обстоятельств; будучи поставлены в необходимость образовать и вооружить в самый короткий промежуток времени громадную армию, они должны были без разбора хвататься за всякое оружие»¹⁸. Отсюда и разнообразие систем в их армии с металлическими и бумажными патронами. В России была возможность более вдумчиво подойти к решению этой проблемы, хотя медлить тоже не стоило.

Чтобы устройством столь крупной промышленной единицы занималась максимально компетентная группа людей, была создана комиссия по устройству патронного производства. Немного позднее, она тесно взаимодействовала с комиссией по устройству опытной патронной мастерской.

Одним из членов комиссии должен был быть член Оружейной комиссии Артиллерийского комитета ГАУ, за опыты над патронами отвечал полковник К. Ракуса-Сущевский; в состав комиссии были включены полковник А.П. Горлов и поручик К.И. Гунниус (по приезде из Америки); полковник А.Е. Мин; поручик Патцевич (заведовал тогда опытной патронной мастерской при Охтенском капсюльном заведении); механик Браун (он же позже станет главным механиком в Опытной патронной мастерской); полковник Гаусман (опытный военный инженер); гвардейской артиллерии капитан Н.И. Чагин¹⁹. Чуть позже в состав были включены генерал-лейтенант В.М. Яфимович и генерал-майор Карташевский (производитель дел). Председателем комиссии являлся генерал-фельдцейхмейстер, великий князь Михаил Николаевич. Комиссия представляла из себя группу профессионалов, на плечи которых легло множество задач: опыты над сплавами меди для патронов, алгоритм заказов частным заводам, анализ информации от военной агентуры, изучение состояния механической промышленности, изучение ударного состава для патрона, изучение причин разрыва. Иными словами, комиссия должна была заниматься широчайшим спектром проблем, связанным с устройс-

твом патронного производства, разбираться в самых крошечных мелочах и владеть широкой информативной базой.

В конце февраля 1869 г. была достигнута цель совместной работы комиссии по устройству опытной патронной мастерской, комиссии по устройству патронного производства и оружейной комиссии – после кропотливой работы 1867–1868 гг. был основан Санкт-Петербургский завод металлических патронов. В процессе организационных мероприятий стало ясно, что завод будет крупной промышленной единицей с отделами по всему городу.

Была сразу же составлена «Инструкция для руководства заводу», по которой мы можем судить о структуре завода. Отделы бывшей мастерской оказались в его составе, а также появились новые. «С. Петербургский завод металлических патронов состоит из трех отделов: 1. Васильевского гильзового – в здании бывшего винного городка, на о-ве Голодае; 2. Литейного гильзового – в здании упраздненного Арсенала, на Литейном проспекте, и 3. снаряжательного – на месте бывшей артиллерийской Лаборатории на Выборгской стороне»²⁰. В Васильевском и Литейном гильзовых отделах было сосредоточено производство патронных гильз, а в Снаряжательном изготавливали пули и снаряжали патроны. Также в состав завода вошло Охтинское капсюльное заведение.

На самом деле, по документам довольно трудно отследить, когда Санкт-Петербургская мастерская металлических патронов была переименована в завод. Это не столь важно. К лету 1869 г. снова закупалось оборудование, необходимые для работы материалы и т. д. ГАУ утвердило целый список заводчиков и «покупок» с количеством и стоимостью. У заводчиков предполагалось закупить все необходимое²¹ для действия завода:

а) у механика Рейхеля разрешено было приобрести поверочный инструмент для винтовок системы Крынка за 4475 рублей;

б) у Бердана и Калишера по 10000 пудов латуни в чашках по 155 фунтов стерлингов за тонну и по 16 рублей за пуд;

в) у Г. Кейнора 20 000 00 готовых металлических патронных гильз со вставленными чашками и капсюлями по 19 рублей 50 копеек на тысячу;

г) у Бердана 50 миллионов патронных капсюлей по 2 рубля 30 копеек за тысячу и машину системы Бердана для снаряжения 500 000 капсюлей в день за 30 000 рублей;

д) у купца Бруно Гофмарка заготовить до 340 000 пудов свинца по

тем ценам, по которым металл обойдется при покупке с 2 % комиссией самому Гофмарку.

Все эти расходы сопровождалось сокращением штата самого завода, хотя он еще был, по сути, в стадии достройки. Это объяснялось тем, что штат нового завода находился под жестким контролем Главной распорядительной комиссии по перевооружению армии. Более того, перед заводом ставилась определенная цель, а именно изготовить к весне 1870 г. 150 млн металлических патронов к винтовкам системы Крынка. Все остальное уходило на второй план по причине экономии финансов. Перечисленные заказы являются довольно крупными, поэтому можно сделать вывод, что в середине 1869 г. производство находилось в стадии перехода от опытного к валовому, не более того.

В 1869 г. требовалось как можно скорее решить вопрос о месте еще одного производства металлических гильз к винтовками. Вопрос был решен, и обустройство завода было начато на месте бывшего Винного городка на о. Голодае в Василеостровской части Санкт-Петербурга. Чтобы было примерно понятно о сроках строительства, отметим, что 14 февраля 1869 г., как заявил инспектор пороховых заводов Ефимов, требуемого плана и чертежей для соображения мер к устройству большого завода металлических патронов в окрестностях Петербурга в делах управления не имеется. Там в течение нескольких месяцев обустроивался будущий Васильевский гильзовый отдел Санкт-Петербургского патронного завода. С организацией производства следовало спешить, так как уже в 1868 г. прошли испытания 4,2-линейной винтовки системы Бердана обр. 1868 года (№ 1) и был сделан иностранный заказ на 30 000 винтовок и 7, 5 млн патронов. Более того, уже в марте 1869 г. была утверждена система Крынка, а в октябре 1869 г. был принят заказ на 9872 винтовки системы Баранова образца 1869 года. В будущем заводу предстояло изготавливать патроны к 4,2-линейной винтовке системы Бердана образца 1871 года (№ 2), которая на долгие годы станет основным образцом военной винтовки на вооружении российской армии.

Дальнейшая судьба патронного производства в России нуждается в тщательном изучении, особенно это касается раннего периода (1870–1871 гг.) действия Санкт-Петербургского патронного завода. В будущем, вероятнее всего, будет написана отдельная статья по этой теме.

В 1866–1869 гг. был сделан мощный толчок в организации производства унитарных металлических патронов в России. Был перенят западный метод устройства заводов, который заключался в том, чтобы, начиная от маленького (опытного) производства, плавно переходить к крупному. К этому методу присовокупились традиции тщательного изучения всех аспектов проблем, связанных с производством унитарных металлических патронов, которая была свойственна российским специалистам по военно-промышленному комплексу России, оружейникам, конструкторам, инженерам.

¹ Оводков Н.А. Новые требования к производству ручного огнестрельного оружия в 50–70-е годы XIX века в России. Сталествольное производство // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013.

² Оводков Н.А. Пороховое производство в России в 1850–1870-х годах XIX века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014.

³ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1901. С. 196.

⁴ Росписание дел Артиллерийского Департамента на разряды, 1837.

⁵ Положение о Главном Артиллерийском Управлении. СПб.: Тип-я Главного Артиллерийского Управления, 1863.

⁶ Исполнительная комиссия по перевооружению армии – комиссия, утвержденная 20 марта 1869 г. при ГАУ под председательством Постоянного члена Артиллерийского комитета Г.Л. Резвого. При ней образована Опытная комиссия. Вторая комиссия – Распорядительная. Она была образована при Военном Совете // Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 210.

⁷ Владимир Матвеевич Яфимович (1809–1888) – генерал-лейтенант с 1860 г., инспектор пороховых заводов, председатель комиссии по устройству опытной патронной мастерской.

⁸ Константин Ракуса-Сушецкий – выпускник Михайловской артиллерийской академии в 1846 г., полковник, член комиссии по устройству опытной патронной мастерской на месте старого арсенала, отвечал за опыты над патронами в комиссии по устройству патронного производства.

⁹ Иван Алексеевич Вышнеградский (1832–1895) – русский ученый, с 1867 г. занимал должность инженера-механика в Главном артиллерийском управлении, был членом комиссии по устройству патронного производства, а также комиссии по устройству опытной патронной мастерской.

¹⁰ Константин Осипович Патцевич – поручик, являлся заведующим патронной мастерскими Охтенского капсюльного заведения, а также заведующим опытной патронной мастерской на территории старого арсенала с 1866 г.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7. Оп. 48/2. Д. 13. Л. 118 об.

¹² Там же. Л. 34.

¹³ Там же. Л. 84–85 об.

- ¹⁴ Ильина Т.Н. Военные агенты и русское оружие. СПб.: Атлант, 2008. С.171–174.
- ¹⁵ Там же. Л. 244 об.
- ¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7. Оп. 48/2. Д. 1 «О петербургском литейном гильзовом отделе патронного завода. Ч. I». Л. 23 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁸ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 195.
- ¹⁹ Николай Иванович Чагин (1831 – после 1903) – генерал от артиллерии. С 1860 г. прикомандирован к Оружейной комиссии. С 1867 г. – начальник оружейного отдела ГАУ. Один из крупнейших специалистов в области стрелкового оружия // Т.Н. Ильина. Военные агенты и русское оружие. С. 72.
- ²⁰ Там же. Л. 82.
- ²¹ Там же. Л. 143.

С.Ю. Окунев, М.А. Горшков (Санкт-Петербург)

НЕДОСТАТКИ В ПОДГОТОВКЕ РАТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С началом Первой мировой войны в России началась всеобщая мобилизация. Уже на пятый день были призваны ратники ополчения 1-го разряда, перечисленные из запаса, то есть лица в возрасте 40–43 лет (класса 1895–1892 гг.), отбывшие в свое время действительную службу. Общая численность их 400 тысяч человек.

Одновременно с этими пожилыми людьми была призвана в европейской части России также часть ратников 1-го разряда четырех младших возрастов, 22–25 лет (классы 1913–1910 гг.). Число этих призванных, ранее не служивших в армии, тоже 400 тысяч. В течение октября – ноября под ружье было поставлено еще 500 тысяч ратников государственного ополчения в возрасте 22–32 лет, не служивших в армии¹. За четыре месяца с начала войны ратниками государственного ополчения были полностью укомплектованы по штатам военного времени кадровые части первой линии, которые принимали участие в боях осенью и зимой 1914 г., а остальные пошли на формирование второочередных дивизий, тыловых частей и учреждений. Затем, в течение первого года войны, согласно представлению военного министра от 21 июля (3 августа) в Государственную думу и Государственный совет, призвано было ратников 1-го разряда 1 580 000 человек.² Эти полтора миллиона ратников 1-го разряда были призваны в европейской части России.

Из призванных и ратников государственного ополчения в этот период было сформировано 105 пехотных дивизий, 18 стрелковых бригад и 36 конных дивизий. В тылу готовились к отправке на фронт 118 бригад государственного ополчения – всего около 2 миллионов человек.³ После призыва запасных чинов первой очереди числен-

ность армии 1 августа 1914 г. составила 4 миллиона 700 тысяч человек. При этом следует отметить, что в первую мобилизацию под ружье был поставлен почти весь подготовленный воинский контингент, и в дальнейшем пополнение армии проходило за счет ратников ополчения, не проходивших в мирное время действительной военной службы, и новобранцев.

Одним из недостатков мобилизации явилось нерациональное использование призванных из запаса унтер-офицеров, многие из которых имели опыт Русско-японской войны, были награждены георгиевскими крестами и медалями. Часто из-за отсутствия вакансии старшие унтер-офицеры вместо должности взводного командира получали должности командиров отделений, а немало младших унтер-офицеров встали в строй рядовыми. Такое отношение к истине золотому запасу армии имело негативные последствия, особенно это сказалось на артиллерии, в которой всю войну ощущался недостаток в опытных фейерверкерах – орудийных начальниках и наводчиках.

На основании закона 15 (28) августа 1915 г. были призваны в европейской части России ратники 1-го разряда классов 1916–1898 гг. (возраст 20–38 лет). Это дало 300 000 человек. В этот же день были также подняты ратники 1-го разряда в Сибири и Туркестане – классы 1916–1898 гг. (возраст 20–38 лет) и на Кавказе – классы 1916–1910 гг. (возраст 20–26 лет). Это дало 50 000⁴ человек.

К середине июня 1915 г. почти весь контингент ратников ополчения 1-го разряда был исчерпан. Сменивший на посту военного министра Сухомлинова генерал А.А. Поливанов, в связи с большими потерями на фронте, оказался перед необходимостью приступить к пополнению действующей армии ратниками 2-го разряда. Но это противоречило существующему закону. Новый военный министр отдавал себе отчет, что призыв ратников 2-го разряда негативно отразится на психологии народных масс, привыкших считать, что эта категория не может быть призвана воевать.⁵

После длительных дебатов в Совете министров 19 августа (2 сентября) 1915 г. в Государственной думе состоялось рассмотрение законопроекта о порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения 2-го разряда. Государственная дума согласилась с доводами военного министерства и приняла закон. Спустя две недели на призывные пункты пришли те, кто должен был заниматься производительным трудом в тылу. Этот призыв больно ударил по

деревне, так как она лишалась последних работников, на которых держалось сельскохозяйственное производство.

5 (18) сентября 1915 г. начался призыв ратников ополчения 2-го разряда. В этот день были подняты в европейской части России и в Сибири классы 1916–1912 гг. ратников 2-го разряда (возраст 20–24 года). Это дало 900 000 человек.

15 (28) сентября 1915 г. в Приамурском генерал-губернаторстве были призваны ратники 1-го разряда (классы 1916–1898 гг., возраст 20–38 лет) – 25 000 человек и ратники 2-го разряда (классы 1916–1912 гг., возраст 20–24 года) – 25 000 человек.

15 (28) октября 1915 г. на Кавказе были призваны ратники 1-го разряда, принадлежащие к классам 1909–1906 гг. (возраст 27–30 лет) – 30 000 человек.

30 октября (12 ноября) 1915 г. в европейской части России и в Сибири были призваны ратники 2-го разряда классов 1911–1910 гг. (возраст 25–26 лет) – 400 000 человек.

В 1916 г., согласно отчету о деятельности военного министерства, было призвано 2 040 000 человек.

Также в течение войны было произведено переосвидетельствование забракованных «белобилетников», запасных и ратников классов 1916–1910 гг., что позволило поставить под ружье еще 200 000 человек.

К концу 1916 г. основной костяк русской армии составляли призванные на службу ратники ополчения, которые не хотели воевать.

Тяжелые потери в первые месяцы войны, поражения 1-й и 2-й армий в Восточной Пруссии остро поставили вопрос не только в отношении восполнения боевых потерь, но и формировании новых соединений (дивизий, корпусов). Поэтому уже в сентябре было решено призвать дополнительно 400 тысяч ратников 1-го разряда, а в октябре начали мобилизацию новобранцев 1893 года рождения. Это был последний призыв по жеребьевке. За два месяца было призвано 700 тысяч человек. Всего же, с учетом 200 тысяч ратников 1-го разряда ноябрьского призыва, в 1914 г. в действующую армию было мобилизовано 5 миллионов 515 тысяч человек. Из них 1 миллион 200 тысяч после проведения всеобщей мобилизации на восполнение потерь и формирование новых частей. Всего за годы войны было проведено 24 призыва.⁶

Для подготовки пополнения для пехоты в 1914 г. было сформировано 152 запасных пехотных и стрелковых батальона. Из них 130

батальонов имели 8-ротный состав и 22 батальона 4-ротный состав, в которых одновременно проходило подготовку 282 тысячи человек, что составляло примерно 15 % от численного строевого состава действующей армии. При этом надо учесть, что после мобилизации, с учетом второочередных дивизий, в армии было уже 1812 запасных батальонов средней численностью строевых 1812 тысяч человек (1000 человек на батальон). Срок подготовки рядового в запасном батальоне составлял 4–6 недель.⁷

После ухода кадровых частей на фронт казармы заполнили запасные и ратники ополчения. «Их учили месяца два-три в тылу с палками вместо винтовок, – вспоминал солдат Первой мировой войны, будущий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, – был допущен мобилизационный просчет: винтовок через полгода не хватало даже для фронта, не говоря уже о запасных полках»⁸. В результате, по отзывам командующих армиями, на фронте «ратники оказались слабо подготовленными для действий в бою, а также плохо обучены стрельбе, между тем хорошо усвоена выправка и маршировка, что свидетельствует о неправильных приемах обучения».⁹

В 1915 г. ежемесячная потребность в пополнениях, с учетом формирования дивизий третьей очереди, достигала 454 тысяч человек – ежедневно требовались около 15 тысяч, то есть одна пехотная дивизия. Для подготовки такого количества призываемых число запасных батальонов было доведено до 301 с общей численностью переменного состава 602 тысячи человек, что составляло уже 33 % от всей пехоты действующей армии. Увеличение числа призываемых привело к тому, что в запасных частях при штатных ротах формировались так называемые литерные роты. Это заставило ведомство с середины 1916 г. начать переформирование запасных пехотных батальонов в запасные полки 12–16-ротного состава в пределах существующих запасных пехотных бригад. Всего к концу войны их насчитывалось 36 (из них 19 на фронте), в состав которых входило 359 запасных пехотных батальонов (109 на фронте). Пулеметчиков для пехоты и кавалерии готовили в четырех запасных полках и двух запасных пулеметных командах. Срок подготовки пулеметчиков составлял один месяц.

Значительная часть мужского трудоспособного населения была призвана на военную службу. Из 15,5 миллионов мобилизованных за три с половиной года войны 12,8 миллионов человек было призвано из деревни¹⁰. Первой реакцией мобилизованных на войну был психо-

логический шок, который проявлялся в асоциальном поведении. Так, 11 сентября 1915 г. в Ржеве около 400 ратников-новобранцев, скопившись в торговых рядах для покупки чайников, кружек, теплых носков и т. д., возмутились высокими ценами и начали расхватывать вещи. Только подоспевший военный патруль и стражники остановили дальнейшее разграбление¹¹.

Особенно тяжело переживали призыв в армию ратники старших возрастов, которые составляли значительный контингент тыловых гарнизонов. Сорокалетние бородачи-ратники, призванные под ружье, тосковали по земле и брошенной на нищету и разорение семье. В таком возрасте тяготы и лишения казарменной жизни были неизмеримо ощутимее и труднопереносимее, чем солдатами молодых возрастов. «Коморы после ухода войск наполнялись согнанными сюда запасными и ратниками ополчения. На плитках казарменных коридоров с рассвета до вечера муштровали белобилетников и никогда до этого не служивших сорокалетних, сорокапятилетних и даже сорокасезимлетних мужиков. Вечерами их загоняли в шевелившуюся от вшей соломенную труху на многоярусных деревянных нарах. Это готовили для пополнения армии маршевые роты. Запасных плохо кормили. Они пропитались смрадом коптевших ламп. Запасные, в большинстве своем крестьяне, привыкшие к деревенским просторам, заболели от недостатка воздуха, затхлости и сырости казарм. Они становились вялыми и апатичными, и вид их ничем не вызывал представления о воинской силе».¹²

С большим трудом ратники привыкали к военной службе. Они тяготились воинской дисциплиной и испытывали острое неудовлетворение солдатской жизнью. Ополченцы не знали, за что они должны воевать, чьи интересы защищать на чужой земле. У многих за плечами был опыт Русско-японской войны и фронта, поэтому среди них господствовали пацифистские настроения. Ратники ополчения 2-го разряда в возрасте 40 и более лет несли в армию «специфическую идеологию и психологию, характерную для тыловой деревни в первую голову, но не для армии как таковой»¹³. У ратника была своя жизненная позиция в отношении того, кем он себя ощущал, будучи призванным в армию. «Убеждение, что перечисление из запаса в ополчение есть уже, в сущности, чистая отставка, царило в народе всегда, и никто никогда не позаботился разрушить эту порочную, перешедшую десятками лет в нечто нереальное иллюзию. Прежде всего, народ был удивлен призывом ополчения, и удивлен глубо-

ко. Так с вопросом на лице он и явился не только к воинскому начальнику, но и в воинские части. Если спрашиваешь «крестоносца»: «Ты рядовой?», он неизменно отвечает: «Никак нет, ратник». – «Ну да, рядовой или унтер-офицер?» – «Никак нет, ратник»... И это ратничество глубоко запало в сознание. Офицеры тоже разделяли его, но значительно слабее и поэтому скорее отделялись от прежнего предрассудка. Самые исполнительные и надежные люди, которые являлись действительными помощниками офицеров по организации рот в дружинах ополчения, были всегда убеждены в том: «Какие мы солдаты, ваше высокоблагородие! Разве только для тыла – бревна носить да хлеб печь»¹⁴.

Особенностью тыловых гарнизонов было наличие в них эвакуированных, выздоравливающих, «особо поднадзорных» (дезертиров) солдат. Проходивший службу солдатом в 57-м пехотном запасном полку В.С. Коровин вспоминал, что в запасных частях «абсолютное большинство состояло из солдат, бывших на фронтах и после ранения снова назначенных в запасные полки»¹⁵. Это уже не были наивные деревенские парни, вышколенные в военной муштре. Годы войны, постоянная смерть перед глазами, ненависть к врагам изуродовали их психику и сознание. Война отравила души солдат привычкой убивать себе подобных, сжигать, уничтожать добытое вековым трудом. Солдаты привыкли смотреть с полным равнодушием и на человеческую смерть, и на человеческие страдания, и на все ужасы грабежа и насилия. Постоянно рискуя собственной жизнью, они не задумывались о завтрашнем дне. От этого рождалась «та бесшабашность, то отчаяние, которым каждый в свободную от бойни минуту старался забыть в разгуле, разврате или вине»¹⁶, – писал в газету «Тверской край» солдат Сергей Корсак. Прошедшие суровую школу кровавых боев и окопных лишений эвакуированные нижние чины представляли собой деморализованную, одичавшую массу, склонную к анархии, жестокостям и насилию. Они были самым беспокойным элементом в тыловых гарнизонах. «Что касается дисциплины и поведения, – указывал генерал-майор Соколовский в отчете о проверке хода занятий в полках и командах 27-й пехотной запасной бригады, – то на большинство нижних чинов ротные командиры жалуются как на мало дисциплинированных и плохо влияющих на остальных»¹⁷. Особенно плохо влияли побывавшие на фронте солдаты на пожилых ратников ополчения, которые укреплялись в своей уверенности, что их после запасного полка погонят на фронт – на верный убой, что их семьи останутся без кормильцев.

Тяжелое настроение солдат усугубляли письма из дома. В них сообщалось о распаде крестьянского хозяйства, разрухе, голоде, нужде. В отчете военной комиссии Минского военного округа за декабрь 1916 г. говорилось: «Для писем в армию характерны жалобы на чудовищную дороговизну жизни и на невозможность достать предметы насущной потребности. В письмах сквозит усталость, апатия, недовольство правящими сферами»¹⁸.

В подразделениях, расквартированных в Симбирской губернии, наблюдалось массовое дезертирство солдат, новобранцы не являлись на призывные пункты. В июле 1915 г. в Сенгилее призывники отказались идти в армию. Воинский начальник прибег к оружию. Некоторые зачинщики были приговорены к каторжным работам. Подобные волнения произошли в Инзе и Алатыре. В сентябре 1916 г. 300 ратников Симбирской дружины ополчения отправили к новому месту службы. Но в назначенный пункт прибыли только три человека с пятью конвойными. Остальные разбежались по домам.¹⁹

Мобилизованные ратники от безысходности, нежелания воевать за чуждые им интересы громили все на своем пути к фронту. 7 ноября ратники ополчения 62-го пехотного запасного батальона, следуя в Нижний Новгород по Николаевской железной дороге, бросали поленья во встречный пассажирский поезд. В результате этого в поезде 15 оконных стекол было разбито. Нижние чины 239-го запасного батальона, следовавшие воинским эшелоном, 22 ноября 1915 г. на станции Тверь произвели погром торговых лавок. 23 ноября этого же года ратники эшелона, остановившегося на станции Охват Давыдовской волости Тверской губернии, грабили торговые лавки, избивали их владельцев.²⁰

На фронте ратники не скрывали своего настроения. Участник Первой мировой войны Л. Войтоловский вспоминал: «Воздух наполнен злобой и ненавистью. Возле нас расположилась на отдых ополченская бригада. Солдаты во всеуслышание обсуждают все, что творится на их глазах: «То не было снарядов, а то весь день и всю ночь топили в Буге снаряды. Каждый – прямо как бык. Во какие! Перегатили Буг от снарядов... Вишь ты, чертовщина какая! Снарядов не хватало, а теперь топят! Скоро и пушки топить будут... Как в Порт-Артуре: затопили броненосцы, а японец их прекрасно вытащил. Сволочь! Такое начальство и в воду не грех, коль оно своих, русских, не жалеет.

Засыпать бы немца ураганным огнем, как он нас засыпает. Так нет же – не стреляют, а топят!»²¹.

Когда ратники видели, что их безрассудно гонят на убой, они сдавались в плен. «Я поднялся из окопа, и моим глазам представилась невероятная картина: роты справа и слева, поднявши белые флаги, сдаются немцам. Нечто невероятное! Из другого полка, стоящего рядом с нами, также попало в плен 8 рот»²². Из письма служащего в 5-м Сибирском Мортирном дивизионе на имя Н.Н.Ч.: «Потери у нас громадные: 14-я Сибирская дивизия в составе 16 000 человек ввязалась в бой 2 ноября 1914 года, 11-го в ней было 2500. 13-я Сибирская дивизия вступила в бой 2 ноября, 16-го в ней оказалось вместо 64 рот всего 3 роты; некоторые роты состоят всего из 15 человек. Почти одна треть сдалась в плен. Идет усиленный обстрел пулеметами, много убитых. Вдруг какой-то подлец кричит: «Что же, ребята, нас на убой сюда привели? Сдадимся в плен!» И моментально чуть ли не целый батальон насадил на штыки платки и выставил их вверх из-за бруствера».²³

С 1 мая по 1 сентября 1915 г. в русской армии сдались в плен 2500 офицеров и 488 000 нижних чинов.²⁴

О том, что чувствовали солдаты Первой мировой войны, сидя в окопах, писал в воспоминаниях ее участник Я. Окунев: «Двадцатый день мы сидим в передовой цепи окопов в качестве прикрытия. За это время мы успели привыкнуть ко всему. Когда, гудя, как трамвай, шипя и разбрасывая во все стороны огонь, к нам летят «чемоданы»; когда шестидесятипудовый снаряд, рванувшись вниз, роет огромную воронку, забрасывая нас щебнем, осколками и землей, мы не бросаемся ничком, не бежим за прикрытием, не мутится в уме от ужаса. Нам все равно. Страх перегорел в душе, смерть перестала пугать нас... Здесь, на войне, я не могу представить себе, что есть где-нибудь на свете такое место, где не воют снаряды, что есть люди, которые не думают об атаках и боях, что есть что-нибудь, покрывающее своей значительностью, своей важностью, своим жутким, трагическим смыслом эти мечты о горячих щах под дождем пуль и снарядов».²⁵

В связи с возросшим дезертирством и массовыми случаями сдачи в плен врагу 27 марта 1915 г. на заседании Совете министров было принято решение о прекращении выдачи пайков семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров. Это ставило под удар семьи солдат, которые решили таким способом в дальнейшем не участвовать в войне. Эти меры обрекали на голодную смерть оставшихся в тылу их жен и детей. Семейные ратники становились заложниками этой

ситуации, прекрасно понимая, что плен и дезертирство могут погубить их близких. Среди таких солдат особенно успешно велась революционная пропаганда. Оторванный от деревни крестьянин-солдат вносил в революционное движение разрушительный потенциал.

Пока власть была сильной и авторитетной, солдат знал, что он поставлен перед необходимостью повиновения, и покорно мирился с этим. По мере разложения командного состава и царской власти внутренний порядок в войсках ослабевал, дисциплина падала. Это приводило к неповиновению командирам, отказу идти в наступление, уходу в тыл при любом удобном случае.

Чтобы повысить боеготовность сформированных из дружин ополчения пехотных полков, в них стали создаваться учебные команды. В них поочередно направляли ратников из всех рот. Здесь вчерашние крестьяне в течение двух месяцев проходили военную подготовку, овладевали наукой выжить на войне, офицеры стремились укрепить их дух, уверенность в своих силах. «Солдат вовсе не ищет распущенности; он впадает в нее, если не видит сопротивления начальника. Он также не ищет случая полодырничать. Словом, несет службу вполне добросовестно, если видит целесообразность предъявляемых ему требований и главное – пример самого начальника. Редкие качества русского человека открываются в лице солдата каждому начальнику, который искренне любит народ и солдата, который честно и любовно относится к своему долгу»,²⁶ – писал в воспоминаниях М.К. Лемке.

В подтверждение этих слов можно привести действия русских войск на Юго-Западном фронте в июле-августе 1914 г. Они отразили мощное наступление австро-венгерской армии и перешли в контрнаступление. Русские войска одержали победу в первой Галицийской битве. Однако в дальнейшем в связи с тем, что в армии набирала силу антивоенная пропаганда, к противостоянию с которой офицерский корпус оказался не готов, дисциплина в войсках стала падать. Сказалось на общем настроении войск и положение в тылу, отсутствие необходимого количества боеприпасов и вооружения. Кадровые части в первых сражениях понесли большие потери и в процессе пополнения их ратниками ополчения и запасными солдатами растворились в общей массе призванных в армию.

Одной из причин поражения России в Первой мировой войне была неподготовленность государственного ополчения как резерва армии к затяжной позиционной борьбе на истощение материальных

и людских ресурсов. Рассчитывая на быструю, маневренную войну на ограниченной территории, царские стратеги допустили серьезный мобилизационный просчет, в результате которого войскам уже после первых месяцев войны стало не хватать современного вооружения и боеприпасов. В ходе войны было крайне неудовлетворительным руководство вооруженными силами и ходом боевых действий со стороны Верховного командования и правительства России, полная зависимость их оперативно-стратегического планирования от требований союзников в ущерб российским национальным интересам. Союзники России по Антанте вели войну «до последнего русского солдата» и использовали Восточный театр военных действий в качестве противовеса германскому наступлению на Западном фронте, неоднократно вынуждали высшее военно-политическое руководство России преждевременно бросать в бой неподготовленные и не обеспеченные необходимым запасом боеприпасов войска в нарушение ранее согласованных стратегических планов.

Всего во время Первой мировой войны под ружье было поставлено 15 миллионов 378 тысяч человек. Для крестьянской России это была огромная цифра: в армию ушло половина трудоспособных мужчин (из 1000 человек – 474); из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин самого «тяглого» возраста, в результате чего половина хозяйств осталось без кормильцев. Более 6 миллионов ратников государственного ополчения находились в окопах или несли службу в тыловых частях. По отношению ко всему населению страны (без различия пола и возраста) из каждой тысячи граждан убыло на войну 112 человек.²⁷

На объектах оборонного значения работало 433 тысячи ратников государственного ополчения, которые подлежали призыву, но получили отсрочку как работавшие на нужды обороны государства.²⁸

За годы Первой мировой войны было убито, умерло от ран и отравления газами, от болезней и в плену 2 254 369 человек. Санитарные потери составили 5 148 180 человек, из них ранеными – 2 844 500, заболевшими – 2 303 680²⁹ человек.

Русская армия, по сравнению с армиями других участников военных коалиций, понесла в Первой мировой войне самые страшные потери, составившие более 60 % от численности вооруженных сил. Немалые потери пришлось на призванных в армию ратников государственного ополчения. Они не получили необходимой боевой подготовки, не умели вести современный бой, не обладали навыка-

ми выживания в трудных боевых условиях. Это привело к тому, что многие из них были убиты и ранены в первых боях на фронте.

В русской армии накануне и в ходе Первой мировой войны не придавалось значения морально-психологической и идеологической подготовке бойцов, особенно ратников. Они привнесли во фронтовую жизнь крестьянское мировоззрение и философию, которая отражала их многолетний уклад жизни, мало меняющийся при развитии буржуазных отношений в деревне. Критическое осмысление существующих порядков, гнет власти создавали скрытый протест против этой власти, за которую русский крестьянин должен был умирать на фронтах Первой мировой войны. В сознании большинства ратников государственного ополчения происходило разделение понятий Россия и власть. Попытки власти спекулировать на патриотических чувствах народа, отождествить Россию и власть не дали результатов. Развал армии привел к развалу государства. Политизированные нижние чины российской армии быстро научились понимать, что Родина – это не власть, которая гонит крестьянина на убой. Когда у уставших от войны солдат русской армии – вчерашних крестьян – появилась идея, они вновь взялись за оружие и решили исход сражений к Гражданской войне.

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Стратегическое исследование. М., 2001. С. 205.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 59.

³ Керсновский А.А. История русской армии: 1881–1916. Мировая война. Смоленск, 2004. С. 142.

⁴ Россия в мировой войне в цифрах. В 2-х кн. М., 1925. Кн. 2. С. 125.

⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 63.

⁶ Леонов О.Д. Мобилизация русской армии в августе 1914 г. и пополнение армии во время войны. Изменения в организации пехоты. М., 1994. С. 7.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Малиновский Р.Я. Солдаты России. В сб.: Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 464–465.

⁹ Приказ по Казанскому военному округу № 1 от 1915 г.

¹⁰ Россия в мировой войне в цифрах. Кн. 2. С. 49.

¹¹ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 207.

¹² Вишневецкий В. Тысяча девятьсот пятнадцатый год. В сб.: Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. С. 376–377.

¹³ Крыленко Н. Февральская революция и старая армия // Пролетарская революция. 1927. № 2.

- ¹⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Воспоминания. Мемуары: в 2-х кн. Минск: Харвест, 2003. Кн. 1. С. 25–27.
- ¹⁵ Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 114. Оп. 1. Д. 162. Л. 66.
- ¹⁶ Тверской край. 1917. 3 декабря.
- ¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2060. Оп. 1. Д. 51. Л. 14.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2043. Л. 64 об.
- ¹⁹ Симбирский курьер. 2004. № 26–27. 21 февраля.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 815. Оп. 2. Д. 180. Л. 272–277.
- ²¹ Войтоловский Л. По следам войны. В сб.: Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. С. 523.
- ²² Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Кн. 1. С. 235.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 238.
- ²⁵ Окунев Я. Воинская страда. В сб.: Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. С. 493.
- ²⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Кн. 1. С. 32.
- ²⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Стратегическое исследование. М., 2001. С. 247.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 249.

С.П. Орленко (Москва)

РУССКИЕ МЕЧИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII ВЕКА

В Московском государстве меч не входил в состав парадного вооружения великих князей и царей московских. Первое место в составе государева воинского наряда традиционно принадлежало саадаку. Холодное оружие было представлено саблей, булавой, рогаатиной, копьем, сулицей.

Первый сюжет с появлением меча в придворном церемониале относится к недолгому периоду царствования Лжедмитрия I. Польские дневники указывают, что в мае 1606 г. во время аудиенций в церемониальной страже Лжедмитрия I помимо четырех рынд с топорами присутствовал и пятый – с обнаженным мечом¹. Участвовал мечник и в церемонии коронации Марии Мнишек 18 мая 1606 г.² В составе русского двора Лжедмитрием был учрежден новый чин – «мечник великий», которым становится молодой представитель знатнейшего рода, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский³. Распоряжение Лжедмитрия I не было экзотическим проявлением персональной милости к князю Михаилу Васильевичу. В его отсутствие придворная служба «великого мечника» могла быть возложена на другого. 5 мая 1606 г. с мечом по левую сторону от трона стоял Дмитрий Шуйский⁴.

Этот шаг «государя Димитрия» вероятней всего представлял собой заимствование из церемониальной практики дворов западных монархов, а в качестве непосредственного источника для подражания могла выступать придворная жизнь Речи Посполитой⁵. После убийства Лжедмитрия I чин мечника пропадает из состава русского двора. При Василии Шуйском и при первом Романове новшества, введенные Самозванцем, едва ли могли прижиться по идеологическим

причинам. Ситуация изменилась в 50-е гг. XVII столетия, что, по всей вероятности, было связано со вступлением России в войну на западных рубежах.

Летом 1656 г. русская армия продвигается к Риге. К ней готовится присоединиться и находившийся в Смоленске государь Алексей Михайлович. В это время царь дает распоряжение боярину князю Григорию Семеновичу Куракину срочно украсить присланные ему из Смоленска 20 протазанов. Документ был писан «в нашей отчине в Смоленску» в июне без указания дня⁶. Это распоряжение было вскоре дополнено другим. Память дьяку Ивану Степанову со ссылкой на царский указ от 18 июня предписывает изготовить в Оружейном приказе «сорок пратазанов средних чтоб были образцом лутчи тех протазанов которые посланы к Москве... Да десет мечей з долами которые взяты за государем в поход и позолотит по доликама по местам где пригоже... те протазаны и мечи делать наспех». В документе звучит категорическое указание закончить все работы не позже сентября⁷.

Еще одно подтверждение указа о мечах и протазанах последовало в июле. «По нашему указу велено в нашей Оружейной палате зделать сорок протазанов да десять мечей. И как к Вам ся наша грамота придет и вы б в нашей Оружейной палате сорок протазанов да десять мечей велели зделать против образцов... Писана в нашем великого государя стану под городом Динобурком лета 7164 (1656) года июля в 27 день»⁸.

Таким образом, мы видим, что государем был выдан заказ на создание масштабной группы парадно-церемониального оружия. Нет никаких сомнений, что заказанные мечи имели исключительно парадно-церемониальное назначение. Как боевое оружие в середине XVII в. двуручный меч был безнадежно архаичен и в составе вооружения русских войск в отличие от протазанов и алебард не упоминается.

Относительно планов возможного использования этой парадно-церемониальной группы оружия в контексте военно-политических реалий лета 1656 г. и поставленных сроков выполнения работ наиболее правдоподобно выглядит версия о приготовлениях к торжественному вступлению государя Алексея Михайловича в Ригу.

Допускает различные толкования относящаяся к присланным в Москву образцовым мечам фраза: «взяты за государем в поход». Были ли мечи взяты в поход из Москвы из государевой Оружейной

палаты, были ли взяты во время похода в качестве трофея или были кем-то поднесены государю и взяты в его походную оружейную казну? Нет информации о том, что это были за мечи и как они выглядели, за исключением наличия на них «доликов». В описи Оружейной казны, что была с государем в Рижском походе, мечи упомянуты, хотя запись о них, в отличие от подробных описаний другого оружия, предельно лаконична: «6 мечей»⁹.

Отчасти ясность в этот вопрос может внести приходо-расходная книга Оружейного приказа 1656 г. (более ранние не сохранились). Расходная часть начинается с конца февраля и фиксирует активную работу над группой парадно-церемониального оружия, заказанной царем после возвращения из Смоленского похода зимой 1655 г. Ранняя группа также состояла из мечей и протазанов. Однако если процесс создания и украшения протазанов можно проследить достаточно подробно, то к работе над мечами относится только одна запись: 27 апреля дано было «паникадилному мастеру Ивану Иванову на медь на одиннадцать фунтов рубль три алтына две денги, да на уголья на мешок два алтына две денги. Всего рубль пять алтын четыре денги делать к мечам три огнива»¹⁰. Очевидно, расходная книга отражает лишь завершающую часть работ над группой церемониального оружия накануне выступления государя из Москвы.

Как следует из документа, изготовление литых медных эфесов к мечам было возложено на мастера-паникадильщика. Паникадильные мастера занимались изготовлением церковных люстр – паникадил. Наряду с пушечными и колокольными литейщиками они работали на московском Пушечном дворе на р. Неглинной, а также трудились в частном порядке. В Москве паникадильные мастера проживали преимущественно в Таганной слободе. Возможно, упомянутый в документе Иван Иванов был учеником известного нюрнбергского литейного мастера Ганса Фалька, трудившегося в Москве в 1627–1653 гг.¹¹

Оперативное исполнение заказа, полученного летом 1656 г., в полном объеме представляло немалую трудность для Оружейной палаты, испытывавшей на тот момент острейший кадровый голод. Большой урон личному составу мастерских нанесла московская чума 1654 г. Часть мастеров находилась вместе с государем в походе.

Восстановить хронологию работ дает возможность та же приходо-расходная книга 1656 г. Работа над мечами началась только 20 июля: сабельному мастеру Андрону Ефремову выдали деньги на 30 гривенок стали. «Велено ему зделать двенатцать мечей».

23 июля «паникадильщику Ивашку Тиханову [дано] на глиняные на пятнатцать брусочков, в чем медь топить к мечовым крыжам, по пяти денег брусок». 8 августа было затребовано 4 пуда меди на отливку «агнив» – гард к 10 государевым мечам. Запись о выдаче 3 пудов меди сделана 11 августа¹². (Обращает на себя внимание явно избыточное количество материалов, и особенно меди, запрошенное на изготовление мечей.) 9 августа сабельному мастеру Андрону Ефремову выдали деньги «на пять дерев липовых к мечам на ножны». Того ж числа «стрелцу Астафьева приказу Зыбина Федке Иванову на стальное железо... четыре алтына. Велено ему к мечам зделать три пилы». 15 августа «Астафьева приказу Зыбина стрелцу Федке Иванову государева жалованья поденного корму на 14 дней по алтыну. Вытирал (выгачивал. – С.О.) у десяти мечей доль»¹³.

Очевидно, что выполнить поставленную задачу в полном объеме в поставленный срок не удавалось. Впрочем, если верны наши предположения относительно планов использования этой парадно-церемониальной группы оружия, то актуальность заказа вскоре снялась. Осада Риги затягивалась, русские войска испытывали трудности со снабжением, кроме того, появились сведения, что в Риге началась чума. По мнению исследователя О. Курбатова, уже к середине сентября было принято решение об отказе от штурма и начались приготовления к снятию осады. В последних числах сентября государь Алексей Михайлович с частью войска отступил от Риги к Полоцку.

24 августа золотарю Ивашку Григорьеву выдали «на уголье тринатцать алтын две денги. Золотил к мечам крыжи». 27-го числа «сабелного дела мастеру Андрону Ефремову на сталь на пять гривенок пять алтын к мечам. Ему ж на уголье десять алтын... Делал мечи¹⁴». В конце августа неуказанное количество «крыжей» к мечам золотил «золотарь» Иван Григорьев. Возможно, им была выполнена небольшая часть работы, или ее качество не удовлетворило администратцию. Так или иначе, но в декабре появляется информация о работе над золочением эфесов одного из лучших мастеров Золотой и Серебряной палаты Семена Ярославца. В приходе-расходной книге записано: «Декабря 11 день приказу Серебряного дела мастеру Семену Ярославцу с товарищи на десять огнив и наконешники на полфунта селитры, на полфунта нашатырю, на полфунта купоросу. За все полтина»¹⁵. Также декабрем датируется приказная память о выдаче мастеру серебряной палаты Семену Ярославцу «с товарищи» 50 золотых «ко государевым десяти мечам золотить десять *агнив*

(зачеркнуто) *крыжей* (над строкой) да десять наконешников»¹⁶. Вероятно, «агнива» – пять клинков у мечей уже вызолотил Иван Григорьев, а Семену Ярославцу предстояло заняться золочением эфесов и наверший рукоятей.

Первого ноября дана была память казначею Богдану Миничу Дубровскому прислать в Оружейной приказ «к околничему к Богдану Матвеевичу Хитрову да к дьяку Ивану Степанову [для] (чернильное пятно) государевых десяти мечей бархату травчатого красного *пять аршин* (зачеркнуто) десеть аршин». Причем отметка об исполнении и выдаче тканей датирована лишь 19 декабря.¹⁷ В тот же день заплатили рубль кормовых денег «паликадилщнику Ивашке» (Ивану Тихонову). «Делал десят крыжей да десят наконешников». 20 декабря «сабелнику Андрону Ефремову на олово на нашатырь – пять алтын. На двенатцатцать мечей». Возможно мастер крепил (подгонял) эфесы к клинкам и (или) лудил железную оправу на ножнах, как можно предположить по выданным ему материалам. К началу января 1657 г. работа над протазанами и мечами, по-видимому, была окончена.

К сожалению, отсутствует точная дата в отписке оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, в которой он рапортует об исполнении заказа – сообщает об изготовлении 40 протазанов и 10 мечей и спрашивает, отослать ли оружие к государю в Вязьму или ожидать его прихода в Москву¹⁸. Произойти это могло никак не ранее зимы. Алексей Михайлович находился в Вязьме с 26 ноября 1656 г. по 14 января 1657 г.

На основе материалов приходо-расходных книг и столбцов Оружейной палаты можно попытаться реконструировать внешний вид мечей 1656 г. Основываясь на выявленных источниках, можно установить, что у мечей, изготовленных в 1656 г., на клинках были «долики», пята у части клинков была гладкой, у другой части «травчатой» – украшенной растительным орнаментом. Согласно царскому распоряжению, пята клинков были позолочены (возможно частично). Эфес и навершие рукояти были отлиты из меди и золочены. Деревянные ножны и рукояти мечей были обтянуты «бархатом травчатым красным по белой земле».

В собрании оружия Музеев Московского кремля хранятся несколько мечей с клинками русской работы, чрезвычайно массивным, сложной формы литым медным эфесом¹⁹. На клинках по три глубоких дола, центральный из которых длиннее боковых, у его конца выбиты четыре глубоких точки. Два из указанных мечей имеют клинки, украшенные гравированным растительным орнаментом, два – гладкие (рис. 1, 2).

Рис. 1. Мечи двуручные, церемониальные. Россия, Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастера: Андрон Ефремов, Иван Иванов, Иван Григорьев, Семен Ярославец

Рис. 2. Меч двуручный, церемониальный. Россия, Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастера: Андрон Ефремов, Иван Иванов, Иван Григорьев, Семен Ярославец (деталь)

В описи оружейной казны, хранящейся в Оружейной палате, эти мечи прочитываются в числе группы из 12 мечей, написанных третьими. Согласно описи, мечи имели разные варианты золочения и серебрения «доликов» и участков клинка «промеж» и «повыше доликов». Ножны у мечей были «оболочены бархатом червчатым», устья и наконечники ножен – железные луженые. В 1686/1687 гг. из двенадцати мечей, что числились в 1682 г. в Оружейной палате, оставалось девять²⁰. За исключением одного, мечи пострадали от пожара 1737 г., лишившись ножен и рукоятей. Нынешние деревянные, выкрашенные черной краской рукояти и наверхия – поздние. Погорелые клинки были подвергнуты грубой чистке, вследствие чего практически полностью лишились золочения.

Хотя войти в Ригу триумфальной процессией государю Алексею Михайловичу не удалось, это не поколебало энтузиазма в деле расширения и модернизации группы церемониального оружия. Приходо-расходные книги вновь фиксируют пробуждение активности по поновлению и пополнению протазанной группы летом 1657 г. К

работе над мечами относится только одна запись: велено было прислать «в Оружейной приказ... на протазаны и на мечи отласа красного 54 аршина, желтого 38 аршин, объери серебряные травчатые цветные пят аршин, объари серебряные одноцветные три аршина, сукна светло-зеленова половинку полукармазину»²¹. Едва ли ткань на ножнах и рукоятях мечей, сделанных в 1656 г., успела настолько износиться, что ее требовалось менять. Возможно, ткань понадобилась для поновления мечей, которые были с государем под Ригой и вместе с походной оружейной казной вернулись в Кремль. Вновь возникает закономерный вопрос: к какому событию проводились приготовления?

Летом 1658 г. в Москве с немислимым почетом принимали грузинского царя Теймураза Давидовича. Во время приема царя Теймураза в Грановитой палате 6 июля царь Алексей Михайлович сидел на троне, «а рынды перед Великим Государем с мечми, столньники: князь Михайло да князь Петр княж Семеновы дети Прозоровского, Матвей Степанов сын Пушкин, Иван Богданов сын Приклонской». «Мечники» были при государе и во время торжественного обеда в Грановитой палате. «А как государю кушанье подали, и перед ним государем стояли по сторонам с мечи: по правую руку столник князь Михайло княж Семенов сын Прозоровский, да на той же стороне по конец стола стояли головы стрелецкие: Артамон Сергеев, Василей Философов; по левую сторону столник князь Петр княж Семенов сын Прозоровский... против его головы стрелецкие: Федор Александров, Матвей Шишкин»²².

Прием грузинского царя Теймураза в 1658 г. был беспрецедентен как по уровню пышности, так и по элементу новизны в церемониале. Это первый документированный случай, когда стоявшая при государе церемониальная стража – рынды были вооружены мечами. 8 мая 1660 г. в Москве по схожему сценарию, хоть и с несколько менее пышно, принимали грузинского царевича Николая Давыдовича «А как грузинский царевич вшел а Грановитую палату, и Великий Государь в то время был на своем царском месте. При государе стояли ж с мечами: по правую сторону столник Никита Иванович Шереметев... по левую Григорий княж Федоров сын Щербатой...». Они же стояли с мечами по сторонам царского места во время торжественного обеда в Грановитой палате»²³.

Идея собиpания всех православных народов под рукой московского государя страстно пропагандировалась патриархом Никоном.

Такие настроения старательно поддерживались восточными православными иерархами, прибывавшими в Москву за поддержкой и «милостыней». В этом контексте приезд царя Теймураза, который был официально декларирован как «подданный» московского государя, имел колоссальное значение, что подвигло к модернизации церемониала, приданию ему экстраординарного характера.

Документы Оружейного приказа свидетельствуют, что с осени 1658 г. работа над созданием новых мечей продолжилась. 21 ноября 1658 г. уже знакомому нам по изготовлению мечей в 1656 г. сабельному мастеру Андрону Ефремову было велено «выковать меч против образца». Далее тема мечей, причем в довольно неожиданном ракурсе, вновь возникает в январе 1659 г. 11 января было выдано «Миките Давыдову на сталное железо и на уголь тритцать алтын. Делал граненый меч». 15 января дано «иноземцу Юрью Бою на уголье десять алтын. Золотил меч и на ножнах оправу». В марте Никита Давыдов получает новый заказ. Согласно записи от 7 марта «делал зубчатой меч». В апреле паникадильного дела мастер Андрей Андреев отливал к мечу Никиты Давыдова «крыж медной»²⁴. 3 ноября «на оболочку на мечевые ножны» было велено дать десять аршин красного бархата²⁵. Как следует из вышеуказанных записей, в Оружейной палате конца 1650-х гг. внимание акцентировали уже не на количестве, а на качестве новых образцов церемониального вооружения.

Нам неизвестно, с какого образца Андрону Ефремову в 1658 г. велено было делать новый меч и насколько успешно он с этим заданием справился. Андрон Ефремов не принадлежал к первостатейным мастерам и имел довольно скромный для Оружейной палаты тех лет денежный оклад в 5 рублей. Никита же Давыдов был лучшим мастером Оружейной палаты с наивысшим на то время годовым окладом в 30 рублей.

Трудно сказать, что представлял из себя выполненный Никитой Давыдовым «меч граненый». Оружие с длинным, прямым, граненым клинком, предназначенным для колющего удара (кончар), было хорошо известно в России в XVII в. В описи государевой оружейной казны, что в Оружейной палате 1687 г., кончары писаны в отдельную главу, между палашами и шпагами²⁶. Таким образом, терминологическая путаница маловероятна. Следующим шагом стало требование Никите Давыдов отковать довольно экзотичный для России предмет – меч с волнообразным клинком, явно ориентированный на западноевропейские образцы.

Как мы видим, интерес к мечу как типу церемониального оружия оставался высоким. Пытаясь осмыслить характер и направленность заданий, выдаваемых Оружейной палате, можно прийти к выводу, что выполненные в 1656 г. Андронем Ефремовым мечи уже не вполне соответствовали высоким требованиям. Теперь работа была поручена исполнителю высочайшего класса. В стенах дворцовых мастерских шел энергичный эксперимент с поиском новых решений и форм, способных удовлетворить взыскательного заказчика. Во исполнение этой задачи был предпринят ряд шагов несколько иного рода.

28 декабря 1659 г. государю Алексею Михайловичу челом ударил голландские земли торговый иноземец Иван Фансведен (Йохан ван Сведен) – поднес в дар группу предметов западноевропейского оружия. Первой строкой в росписи подарков были написаны «12 мечей золоченых, ножны облочены бархатом червчатым»²⁷. Привоз голландцем именно в это время мечей не был случайностью. И. Фансведен активно занимался поставками из Европы строевого оружия для русской армии и по роду своей деятельности был тесно связан с администрацией Оружейной палаты и оружничим Богданом Хитрово. Нет сомнений, что голландец был четко сориентирован, чем государю челом ударить. Вскоре после его челобитья, в феврале 1660 г., с ним был заключен один из самых крупных контрактов на поставку оружия в Россию в XVII в. Голландец обязался доставить в Архангельск в августе «первым корабельным ходом» 50 тысяч единиц огнестрельного оружия – мушкетов, карабинов и пистолетов с принадлежностями. Русскую сторону «при уговоре» представлял оружничий Б.М. Хитрово²⁸.

5 января 1660 г. в приходо-расходной книге Оружейной палаты была сделана запись: «извощику Стенке за провоз четыре алтына. Возил протазаны и мечи с немецкого двора в Оружейный приказ»²⁹. К 1660 г. абсолютное большинство иностранных торговцев было вынуждено перебраться за город в Новонемецкую слободу. В пределах Белого города на своих дворах, преимущественно в районе Покровки и Поганого пруда, проживало около десятка привилегированных иностранных купеческих семейств³⁰. В черте города, а не в Новонемецкой слободе находился и двор Фансведена. Известно, что на соседнем с голландцем дворе проживал патриарший дьяк Иван Кокошилов³¹.

Следующее по времени упоминание церемониального применения мечей – описание смотра ратных людей на Девичьем поле ца-

рем Алексеем Михайловичем 3 февраля 1664 г., опубликованное Л.П. Яковлевым. Государь выехал на смотр в саних, его церемониальную стражу составляли десять сокольников, облаченных в куяки и вооруженных мечами. В документах, относящихся к организации смотра, присутствует запись о выдаче сокольнику Терентью Тулубьеву «с товарищи 10 человекам мечей немецких»³². Возможно, необычно было и вооружение самого Алексея Михайловича. В документах Оружейной палаты в январе 1664 г. упоминаются работы над неким «государевым походным санным полашом»³³.

Информация об использовании на смотре группы «немецких» мечей крайне важна. Таким образом подтверждаются выдвинутые ранее предположения о характере мер, предпринятых администрацией Оружейной палаты для реализации замыслов по расширению и совершенствованию состава церемониального оружия.

В собрании Оружейной палаты хранится группа мечей с прямыми и волнообразными клинками и медными эфесами³⁴. Клинки мечей немецкие, на пяте украшены двумя продольными полосами растительного орнамента, между которыми по центральному долу гравирован девиз: SOLI DEO GLORIA³⁵. Пята клинка украшена гравированным изображением двуглавого орла под короной. Эфесы медные с кольцами, на концах крестовин и на кольцах – орлиные головы. На кольцах у орлиных голов видны следы от утраченной детали. Рукояти и навершия рукоятей XVII в. не сохранились. Мечи сильно пострадали во время большого московского пожара 1737 г. Сами мечи «погорели», а ножны «згорели»³⁶. «Горелые» мечи были подвергнуты грубой чистке. Сейчас золочение на пяте клинков практически утрачено. Нынешние деревянные выкрашенные черной краской рукояти поздние, ножен нет. Эти мечи четко соотносятся с группой, фигурирующей в описи государевой оружейной казны 1686/1687 гг. Правда, в 1680-е гг. немецких мечей было уже не двенадцать, а одиннадцать. «Полосы стальные. В том числе пять мечей зубатых, шесть гладких. От крыжа на полосах по обе стороны на голомяни по долику с подписью. По обе стороны подписей – травы. Повыше трав по орлу двоеглавому с корунами. Орлы и травы и подписи наведены золотом. Крыжи и по конец черен орльи головы с корунами. На корунах по кресту медные золочены и посеребрены. Черены оболочены бархатом червчатым, перевиты голуном золотным. Бахрамы у крыжей и по конец черенов шолк червчат з золотом. Ножны оболочены бархатом червчатым, устье и наконешник железные луженые»³⁷ (рис. 3, 4).

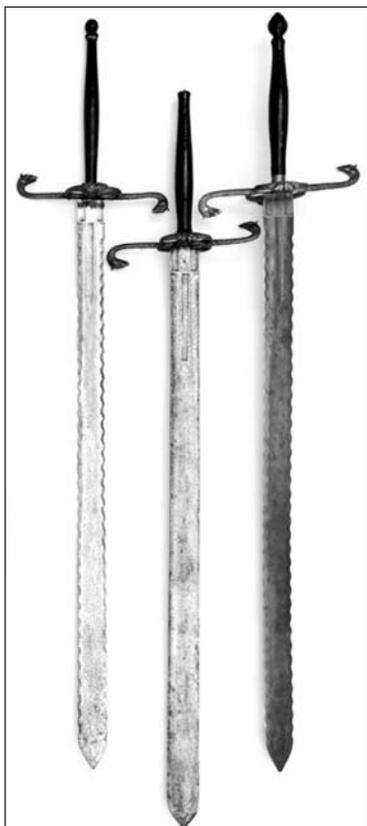

Рис. 3. Мечи двуручные. Клинки – Германия, первая пол. XVII в. Прибор – Россия, Москва 1660-е гг.

Рис. 4. Меч двуручный. Клинок – Германия, первая пол. XVII в. Прибор – Россия, Москва 1660-е гг. (деталь)

Запись о привозе мечей с «немецкого двора» в Оружейный приказ 5 января 1660 г. говорит о том, что «челобитье» Фансведена – поднос оружия государю Алексею Михайловичу 28 декабря 1659 г. был осуществлен лишь документально, а мечи и протазаны не были реально явлены «пред очи государевы». По всей вероятности это объясняется намерением Б.М. Хитрово должным образом доработать «немецкое» оружие.

4 июля в приходе-расходной книге зафиксировано, что «сабелному мастеру Андронку Ефремову велено зделат ко государевым мечам наклепен[ь]. И ему на уголье шесть алтын четыре денги. Да ему ж Андронку на работников четыре алтына»³⁸. Значение термина «наклепен[ь]», к сожалению, неясно. Можно говорить только о том, что речь шла не о создании новых, а о доработке уже имевшихся

«государевых мечей». Применительно к мечам с немецкими клинками можно предположить, что они дорабатывались под новый прибор. Мастеру поручили нарастить (вытянуть) хвостовики под более длинную рукоять с навершием, для чего металл хвостовика следовало предварительно отпустить.

Как и у русских мечей 1656 г., эфесы «немецких» мечей так же изготовлены из меди, причем в чрезвычайно специфической художественной манере. Близких аналогий изображениям орлиных голов на кольцах обнаружить не удалось. Скорее всего, и эту работу выполнили паникадильных дел мастера. В октябре 1660 г. в приказ Большого дворца была послана память с требованием прислать по государеву указу в Оружейную палату к окольниковому и оружничему Богдану Матвеевичу Хитрову двух Таганной слободы паникадильных мастеров Фильку Иванова сына Сажонкова да Ивашку Емельянова сына Бороденка «для своего государева дела на время»³⁹.

Вероятность того, что именно эти немецкие мечи были в руках у сокольников под началом Терентия Тулубьева, сопровождавших государя на зимнем смотре 1664 г., на мой взгляд, весьма велика. Другой единообразно оформленной группы немецких мечей в единственной сохранившейся описи оружейной казны XVII в. не числится. Согласно описи 1686/1687 гг. в Оружейной палате хранилось одиннадцать немецких мечей, шесть из которых имели прямой клинок, а пять волнистый.

С 1664 г. (прием английского посольства гр. Ч.Г. Карляйля⁴⁰) в посольский церемониал входит эпизодическое использование мечей в качестве вооружения рынд – церемониальной стражи русских государей. В ряде случаев «мечники» присутствовали во время торжественных обедов⁴¹.

В XVIII в. в преддверии коронации императрицы Елизаветы Петровны было принято решение ввести в состав государственных регалий Государственный меч. Согласно указу от 16 апреля 1742 г. для этого надлежало выбрать в Мастерской Оружейной палате «лучший из находящихся в оной»⁴². Ныне этот меч выставлен в экспозиции Оружейной палаты в витрине № 50 с государственными регалиями. Что же нам известно об этом мече?

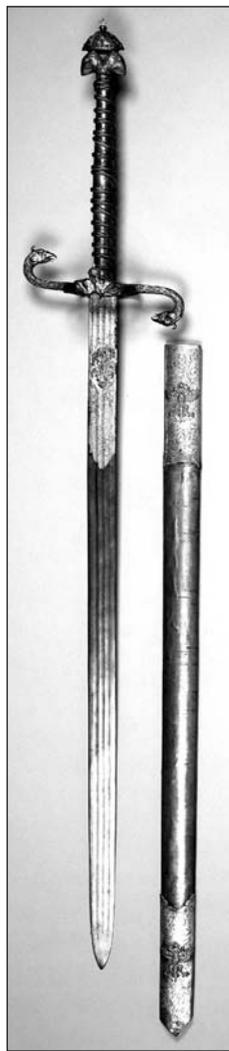
Самое раннее упоминание о нем относится к 1687 г. В «Переписной книге Оружейной и всякой царской казне...» он был написан первым в главе 8-й «Мечи немецкого и русского дела...»: «Меч, полуса стальная польская в три дола. От крыжа голомя наведено золо-

**Рис. 5. Меч государственный с ножнами.
Клинок – Польша (?) XVII в. Прибор - Россия,
Москва 1660-е гг. Мастер Григорий Вяткин
(декор клинка)**

том. С одну сторону насечен орел двоеглавый, нем коруна, в ногах змей. На другой стороне грив – держит в ногах меч. Ножны поволочены бархатом серебряным цветным. На черену на конце вместо яблока две главы орловые, над ними коруна с крестом. Крыж з двумя колцы, у крыжа и у колец птичьи головы, с одной стороны на конце коруна. И устье и наконешник серебряные золоченые резные. На устье и на наконешнике с обе стороны по орлу двоеглавому чеканному, напаиваны с корунами. Цена сорок пять рублей. А в прежних книгах не написан»⁴³. Меч практически полностью соответствует этому описанию. В XVIII–XIX вв. в связи с подготовкой к коронациям несколько раз обновлялась ткань на ножнах и рукояти. Согласно описи 1884 г. при коронации Александра III ножны и рукоять были покрыты золотным глазетом⁴⁴. Эта ткань остается на вещи по сей день (рис. 5).

Про откованный из дамасской стали клинок меча в документе написано: «полоса польская». Определение «польский» связано, скорее всего, не с типом, а с происхождением полосы. Среди посольских даров Речи Посполитой московским государям ни мечей, ни клинков мечей не выявлено. Клинок мог быть привезен в Россию и продан в Оружейную палату, взят в качестве трофея во время военных действий против польско-литовского государства. Не исключено, что полоса была откована в Москве «польским» мастером, которых было немало в Оружейной палате с конца 1650-х гг.⁴⁵

На пяте клинка в технике обронной резьбы выполнено изображение двуглавого орла под тремя коронами терзающего крылатого дракона (змея) (рис. 6). Изображение представляет собой специфич-

**Рис. 6. Меч государственный
(деталь)**

ческую трактовку «Видения царьградского» из «Истории...» или «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году», автором которой, согласно послесловию, был некто Нестор Искандер – обращенный в ислам грек, сохранивший сочувствие к христианам⁴⁶.

Излагая историю основания Царьграда, Нестор передает предание о знамени, явленном императору Константину. Перед императором из норы выползла змея, но с неба пал на нее орел, и, схватив, взмыл ввысь. Змея же обвилась вокруг орла и одолела его, и упал орел на то же место. Люди же подбежав, змею убили, а орла у нее отняли. Знамение истолковано так: на этом месте встанет город и возвеличится более всех городов, но суждено ему поколебаться. Орел – символ христианский, а змея – символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возведено, что мусульманство одолеет христианство. А так как

христиане змею убили, а орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и градом овладеют, и в нем воцарятся⁴⁷. Нет никаких сомнений, что сцена противоборства двуглавого под тремя коронами орла и змея, выполненная на клинке меча в дворцовых мастерских, представляет собой выраженный с предельной степенью аллегорической прозрачности лозунг: «царь Алексей Михайлович – победитель неверных, освободитель Царьграда».

На другой стороне, на пяте клинка в фигурном картуше в технике оброна на проканфаренном фоне выполнено изображение грифона с мечом (рис. 7). Хотелось дистанцироваться от рассуждений на тему: «грифон – родовой герб Романовых». В Московском государстве XVII вв., грифон принадлежал к числу наиболее популярных фигур так называемой «декоративной геральдики». Только в собрании Ору-

Рис. 7. Меч государственный (деталь)

жейной палаты насчитывается более пятидесяти русских памятников XVII в. с изображениями грифонов. Разновариантные и выполненные в разных техниках изображения грифонов украшают собой сосуды, предметы конского убранства, оружие и знамена. Среди них присутствуют как вещи, изготовленные «про государев обиход», так и для частных лиц, выполненные как в дворцовых мастерских, так и в провинции. Грифон изображен и на ряде предметов «царского чина» – саадаке Большого наряда царя Михаила Федоровича⁴⁸ и двойном троне государей Ивана и Петра Алексеевичей⁴⁹. Но и до воцарения Романовых образ грифона присутствовал близ царского престола. По свидетельству Георга Паерле помимо четырех лежащих серебряных львов по сторонам трона Лжедмитрия I стояли фигуры двух грифонов с державой и мечом⁵⁰. Сходное известие содержит и дневник Марии Мнишек⁵¹.

Обращает на себя внимание несообразность размещения изображений на клинке меча. Если изображение двуглавого орла в «Видении царьградском» ориентировано вертикально и при удержании меча вверх острием занимает свое обычное положение, то ориентированное горизонтально изображение грифона в таком положении смотрится довольно нелепо – стоящим на одной лапе, с запрокинутой головой и высунутым вверх языком, с мечом, опущенным вниз за спину.

На пистолетных, карабинных и пищальных стволах работы мастеров Оружейной палаты изображения размещены аналогичным об-

разом – «вразнобой»: орел ориентирован головами к дулу, лапами к казенной части, а грифон – «по горизонтали». Таким образом, можно утверждать, что изображения на клинке меча «насекал» ствольный мастер Оружейной палаты, не отступая от привычного ему типа изображений и расположения геральдических фигур. С высокой долей уверенности можно утверждать, что геральдические изображения на клинке меча были выполнены первостатейным ствольным и замочным мастером Григорием Никитичем Вяткиным⁵².

На пяте клинка присутствуют резные клейма в виде двух зубчатых полукружий с тремя точками по краям – имитация так называемых «серпов», клейма знаменитого генуэзского оружейника Андрэа Ферара (Andrea Ferara) конца XV – начала XVI вв. Нанесение псевдогенуэзских клейм на оружие местного производства было чрезвычайно распространено, особенно в Восточной Европе XVI–XVII вв. Вполне вероятно, оружие с такими клеймами могло приходить в Россию с территории Польско-Литовского государства. По мнению А.К. Левыкина именно это обстоятельство могло способствовать определению клинка как «польского».

**Рис. 8. Меч государственный
(деталь)**

Прибор меча – эфес и навершие рукояти выполнены из золоченого серебра. По форме и декору эфес чрезвычайно близок к медным эфесам «немецких» мечей и отличается только несколько меньшим размером пропорционально длине клинка. На серебряном эфесе над орлиными головами на кольцах сохранилась корона с крестом, утраченная на эфесах «немецких» мечей (рис. 8).

Чрезвычайный интерес представляет навершие рукояти. Над двумя орлиными головами чрезвычайно необычного вида находится «коруна» с крестом. Форма «коруны» почти коническая и более напоминает русские венцы. По обе стороны уплощенной «коруны» от навершия к нижнему краю расходятся по три рельефные полосы. Тулья по центру украшена изображениями двух развернутых в стороны птичьих голов, нижние края венца по сторонам декорированы стилизованными птичьими головами. Исполнение навершия рукояти

характеризует чрезвычайно высокий уровень фантазийности. Элементы русской государственной символики на навершии были выполнены в форме, весьма далекой от геральдически корректной (рис. 9).

Рис. 9. Меч государственный (деталь)

Чрезвычайная близость декора эфесов «немецких мечей» и меча с серебряным прибором говорит о том, что они имели одну общую модель. Вероятно, близким было и время их создания.

Над украшением клинка, эфесом, навершием и ножнами работали разные мастера (возможно группы мастеров). Если орел на клинке весьма близок к тем, что выполняли на казенной части стволов мастера Оружейной палаты в середине XVII в., то накладные орлы на ножнах с характерными «шипастыми» шеями и «пальчатými» – к изображениям орлов на оружии и доспехе, выполненным «наводного дела мастерами» – выходцами из Великого княжества Литовского⁵³.

Следует отметить, что серебряный золоченый прибор меча с «польским» клинком визуалью мало чем отличался от медных золоченых приборов мечей с немецкими клинками. Увидеть отличие в качестве клинка и рассмотреть обронные изображения на его золоченой пяте можно было лишь с очень близкого расстояния.

Таким образом, отличие меча с «польским» клинком от мечей немецкой группы в большей степени статусное, нежели декоративное.

Крайне осторожно можно предположить, что этот меч мог быть предназначен для самого царя Алексея Михайловича и находиться при нем во время смотра войск 1664 г. Косвенно об этом свидетельствует идентичность оформления серебряного прибора меча с дамасским клинком и мечей сокольников, окружавших царские сани. Никакими иными доводами, позволяющими идентифицировать вышеупомянутый меч как «государев походный санный полаш» 1664 г., мы не располагаем.

Последнее в XVII в. известие о создании в Оружейной палате мечей относится к 1674 г. Для традиционного подношения на Пасху

царю Алексею Михайловичу иноземец «немчин» Борис Крыгор выполнил «два меча волнистых с крыжами, ножни покрыты обьерью золотною⁵⁴». Поднесение государю различных изделий мастеров Оружейной палаты на Пасху было традиционным ежегодным мероприятием. Очевидно, на сей раз изготовленные мечи не вызвали интереса государя. В документе рядом с именем Бориса Крыгора нет отметки о получении какой-либо награды. В изготовлении оружейных вещей для пасхального подноса следующего года (последнего в жизни Алексея Михайловича) он не участвовал⁵⁵. К сожалению, как и мечи работы Никиты Давыдова 1659 г., мечи Бориса Крыгора 1674 г. в собрании Музеев Московского Кремля идентифицировать не удалось. Возможно, эти памятники не сохранились.

Среди столбцов второго разряда бывшего архива Оружейной палаты хранится документ о пожаловании наградным оружием наиболее видных представителей политической и военной элиты Русского государства: «Царственные большие печати и государственных посольских дел оберегателю, ближнему боярину и дворовому воеводе и наместнику Новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну. Меч стальной зубатой в лице от крыжа присинька а в присиньке травы, в травах слова латынския на травах орел двоеглавой с коруною. По обе стороны крыжа и верх золочены и серебрены, наверху корона. Ножны покрыты бархатом червчатым, оправа на них железная прорезная золоченая в сорочке червчатой суконной кармазиновой.

Боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шеину. Меч стальной гладкой, от крыжа долики посеребрены и позолочены, травы обронные позолочены. Крыж и яблоко медные позолочены. Ножны покрыты бархатом червчатым рытым по белой земле. Черен покрыт отласом цветным. На ножнах оправа железная в сорочке суконной. Боярину и воеводе князю Володимеру Дмитриевичу Долгорукову. Меч против вышписанного меча, каков боярину Алексею Семеновичу Шеину... Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетману Ивану Самойловичю. Меч против вышписанных двух, долики золочены, расчеканены. В сорочке суконной»⁵⁶.

В документе не проставлена дата, однако состав награжденных, а также отсутствие в комплектах одного «немецкого» и трех «русских» мечей, зафиксированное в Переписной книге государевой оружейной казны 1686/1687 гг., указывают на то, что пожалование состоялось накануне первого Крымского похода. Обращает на себя внимание высокий статус меча как предмета пожалования. Несмотря на то,

Рис. 10. Меч двуручный, церемониальный «Шейнской». Россия, Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастера: Андрон Ефремов, Иван Иванов, Иван Григорьев, Семен Ярославцев

что мечи имели простые стальные клинки и медный прибор, их вручили самым высокопоставленным лицам. Менее важные чины получили палаши и сабли, в том числе с булатными клинками и драгоценными приборами.

Из четырех вышеперечисленных наградных мечей два возвратились в Оружейную палату. В кон-

фискованном имуществе князя Василия Васильевича Голицына, что было в его московском доме между Тверской и Дмитровкой, в 1689 г. находился меч, по описанию весьма близкий пожалованному ему «немецкому»⁵⁷. Этот же меч присутствует среди оружия В.В. Голицына, поступившего в Государеву оружейную казну⁵⁸. К сожалению, идентифицировать меч, пожалованный В.В. Голицыну, среди «горелых» мечей немецкой группы не представляется возможным.

В 1831 г. в Оружейную палату с Колымажного двора с легендой – «Шейнской» поступил меч, с клинком и гардой, идентичными хранящимся в Оружейной палате мечам 1656–1657 гг.⁵⁹ Согласно описи имущества Московского Колымажного двора «палаш большой Шейнской» поступил туда в 1754 г. из Ведомства придворной конюшенной конторы в составе разнородной группы предметов: знамя, седла, упряжь, доспех (зеркала, панцири, лагы, поручи)⁶⁰ (рис. 10, 11). Меч, пожалованный боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шейну, не

Рис. 11. Меч двуручный, церемониальный «Шейнской» (деталь)

попал в пожар 1737 г., сохранив черты своего первоначального облика, следы золочения и серебрения на клинке, обтянутую бархатом рукоять с бахромой у эфеса и грушевидное золоченое навершие.

¹ Дневник происшествий Московских и посольства в Москву пана Николая Олесницкого... Писанный в 1606 году в Москве // Акты исторические, относящиеся до России, собранные... А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 98.

² Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 53.

³ Поименная роспись духовным и светским чинам, составлявшим Государственный совет в правление Лжедмитрия Отрепьева // СГГД. Т. 2. М., 1819. С. 209.

⁴ Дневник Марины Мнишек. С. 40.

⁵ Лаврентьев А.В. «Полаш Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы Эпохи Смутного времени // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 73.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5661. 1656 г. Грамота кн. Куракину с посылкою 20 протазанов для позолоты и о присылке их в поход в Динабург. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Д. 5835. 1657 г. Роспись казны ц. Алексея Михайловича, которая была в походе... Л. 76.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 946. 1656 г. Приходная и расходная книга денежной казны Оружейной палаты. Л. 99 об.

¹¹ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР (IX–XVII вв.). М.; Л., 1947. Ч. 1. С. 46–47.

Кирюхина В.А. Государев колокольный мастер Иван Фальк – создатель колокола церкви Святой Троицы в Никитниках // Труды ГИМ. М., 1998. С. 65–73.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5676. Память в Оружейный приказ о сделании вновь десяти мечей и о присылке к государю в поход. Л. 1–2.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 946. Приходная и расходная книга денежной казны Оружейного приказа. Л. 126 об. – 149 об.

¹⁴ Там же. Л. 145–150; Д. 947. 1656–1657 гг. Расходная книга денежной казне Оружейного приказа. Л. 9–31 об.

¹⁵ Там же. Д. 947. Л. 23.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 5731. О даче из Оружейного приказа серебряной палаты мастеру Семену Ярославцу с тов. к государевым мечам для золочения десяти крыжей и наконечников пятьдесят золотых. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 5727. Память в Казенный приказ о присылке в Оружейный приказ к государевым десяти мечам бархату красного травчатого 10 аршин. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 5831. Отписка оружничего Б.М. Хитрово к государю в Вязьму об изготовленных в Оружейном приказе протазанов и мечей. Л. 1.

¹⁹ ОР-323; ОР-324; ОР-988; ОР-989.

²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга... Л. 98–98 об.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 6056. Память в Казенный приказ о присылке в Оружейный приказ на протазаны и на мечи атласов... Л. 1–3.

²² Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. С. 499–502.

²³ Там же. С. 517, 519.

²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948. 1658–1659 гг. Приходная и расходная книги денежной

казны Оружейного приказа. Л. 72 об., 125, 134, 164.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 7266. О присылке в ОП бархату на оболочку на мечевые ножны. Л. 1.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне и в прочих палатах... 1687 г. Л. 90 об. – 94 об.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7125. Роспись разным вещам, поднесенным в дар в 7168 г. ц. Алексею Михайловичу голландские земли от торгового иноземца Ивана Фансведена. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 7129. Об уплате голландцу Фансведену за поставленные в Оружейную палату вещи. Л. 14–17.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 949. 1659–1660 гг. Приходная и расходная книги денежной казны Оружейного приказа. Л. 145 об.

³⁰ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в Московском государстве XVII в. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 66–68.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7662. Челобитная голландца Ивана Фансведена о краже с его двора государева ружья 152 пар пистолей. Л. 1.

³² Яковлев Л.П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Приложение. М., 1865. С. 113, 116, 120.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Книга приходная и расходная золоту и серебру... Л. 34.

³⁴ ОР-318; ОР-978; ОР-979; ОР-980; ОР-981; ОР-982; ОР-983; ОР-4210.

³⁵ Одному Господу слава (лат.).

³⁶ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4, кн. 3. М., 1886. С. 74.

³⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 97 об.

³⁸ Там же. Д. 950. Книга приходная и расходная деньгам Оружейной палаты. Л. 30.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 7251. О присылке из приказа Большого дворца в Оружейную палату паникадильных мастеров на время. Л. 1.

⁴⁰ Дворцовые разряды. Т. 3. С. 564.

⁴¹ Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 22. М., 2014. С. 45–88.

⁴² Голованова М.П. Регалии Российской империи: Государственное знамя. М., 2007. С. 9.

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 96 об. – 97.

⁴⁴ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 1. М., 1884. С. 27.

⁴⁵ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.

Орленко С.П. Белорусские мастера «наводного дела», работавшие в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 24. М., 2014. С. 88–107.

⁴⁶ Скрипиль М.О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // ТОДРЛ. Вып. X. М., 1954. С. 166–184.

⁴⁷ Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Худож. лит., 1982. С. 216–218.

⁴⁸ Ор-144/1-4.

⁴⁹ Р-31/1-4.

⁵⁰ Паерле Г. Описание путешествия... // Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 177.

- ⁵¹ Дневник Марины Мнишек. С. 39.
- ⁵² Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2011. Т. II. С. 122–143.
- ⁵³ Орленко С.П. Белорусские мастера... С. 88–107.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14946. О поднесении к Пасхе разных вещей, сделанных в Оружейной Палате по наряду. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Д. 15621. Роспись ко государеву жалованию Оружейной палаты мастеровым людям за подносные дела прошлого 182-го и нынешнего 183 году. Л. 19.
- ⁵⁶ Там же. Д. 36904. Роспись мечам и другому оружию, пожалованному кн. Василию Васильевичу Голицыну, Алексею Семеновичу Шеину... Л. 1–3.
- ⁵⁷ Книги описныя князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на из московском большом и загородном дворех, то за Никитскими вороты и привозных... // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. С. 119–120.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату. Л. 19 об.
- ⁵⁹ ОР-325.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34715. Рапорт правящаго должность надзирателя Остоженской конюшни Бушина с приложением описей и ведомостей состоящим при Московском Колымажном дворе лошадям, старинным экипажам, вещам... Л. 78–79.

М.В. Оськин (Тула)

ПУЛЕМЕТ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОГНЕВАЯ ТАКТИКА ПЕХОТЫ И КАВАЛЕРИИ

В начале XX в., невзирая на достижения колониальных войн (Трансвааль, Судан, Гонконг), на европейском континенте пулеметы первоначально вводились на вооружение крепостей, на крепостных лафетах, в качестве стационарного оружия. Участник войны, служивший в крепости Ковно, характеризует крепостной пулемет следующим образом: «Пулеметы у нас были Максима, а лафеты их были такие, что я нигде больше не видал таких пулеметов ни до этого, ни после. Колеса вышиной были около метра, такой же громадный щит, крепились они к лафету на кронштейне. Правильная часть была со шкворневой лапой более метра длиной, они очень хорошо приходились сзади к снарядному ящику. Таким образом и перевозились, на телегу их не затащишь»¹. До Русско-японской войны пулеметы воспринимались не как средство поддержки пехоты, а как род полковой артиллерии. Пулеметные команды и роты все еще организовывались по типу артиллерийских подразделений.

В Русско-японской войне 1904–1905 гг. пулемет утверждает свою позицию как мощнейшее оружие пехоты, следствием чего стало как увеличение числа пулеметов в противоборствовавших армиях в ходе самой войны, так и резкое насыщение ими армий всех государств мира сразу же по ее окончании. Участники войны в один голос свидетельствовали, что наличие в японской армии большого (по сравнению с русскими) количества пулеметов являлось одной из причин поражений русских войск в тактических боях. В письмах с фронта отмечалось, что пулеметы укрепляли обороноспособность японских войск, а также успешно поддерживали атаки неприятеля. Что же касается количества, то в период завершающего сражения Русско-

японской войны – Мукденской операции – японцы имели более 200 пулеметов, в то время как русские – только 56 штук. Генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии М.В. Алексеев в письме от 16–17 апреля 1905 г. об итогах Мукденского сражения указывал: «У нас нет пулеметов, японцы их не имели также в начале кампании. Теперь у нас тоже почти нет, у японцев в каждом полку своя рота пулеметов из 8–10 [единиц]. Это грозное оружие временами сметает нашу атакующую пехоту»². Лишь к окончанию войны русские Маньчжурские армии получили достаточное количество пулеметов (рис. 1).

Рис.1. Русские пулеметчики в Маньчжурии

Несмотря на ценный опыт и доказавшее себя значение пулеметов, великие европейские державы не торопились насыщать свои сухопутные армии большим количеством этого вида оружия хотя работа над его совершенствованием продолжалась: «после Русско-японской войны 1904–1905 гг. пулеметы значительно облегчаются в весе, но не получают численного развития в армии в известной мере благодаря ненужной дороговизне перевозочных средств для них: каждый пулемет требовал двух дорогих двуколок, ценной амуниции и семь лошадей»³. Активным проводником нового оружия в русской гвардии стал отличившийся в Маньчжурии командир 24-го

Восточно-Сибирского стрелкового полка П.А. Лечицкий. Будущий выдающийся командарм-9 Первой мировой войны, награжденный за Японскую войну орденом Св. Георгия IV степени и Золотым оружием, в 1906–1908 гг. командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией. Служивший под его началом офицер вспоминал: «Большинство уже тогда понимало, что это оружие будущего, хотя молодых пулеметчиков еще больше занимали двуколки, лошади и всякое другое подобие артиллерии. Лечицкий собирался ввести обязательное обучение пулеметному делу для всех офицеров в полку и большинства унтер-офицеров. Из проекта этого, увы, ничего не вышло. Пулеметному делу, каждый за свой страх, мы учились уже на войне»⁴ (рис. 2).

Рис. 2. Русский пулеметный секрет

В межвоенный период определился подход различных держав к совершенствованию пулемета. При этом, пулемет системы Максима оставался приоритетом. Его имели на вооружении Россия, Германия и Великобритания; австрийская система Манлихера и французская система Гочкиса уступали изобретению американца. Совершенствование шло по пути облегчения пулемета и увеличения его скорострельности, так как после 1905 г. было ясно осознано, что пулемет – это мощнейшее оружие пехоты. В Германии тело пулемета было уложено на своеобразные салазки облегченного типа, что позволяло перемещать оружие на поле боя и, прежде всего, в окопе, так как пулемет в смысле обороноспособности превосходил пехотный стрелковый взвод. В России же, принявшей на вооружение активную наступательную доктрину, решили поставить пулемет на колеса.

В 1910 г. полковник А.А. Соколов сконструировал для пулемета низкий колесный станок. В походе его можно было возить на двуколке, а в кавалерии – на вьюке. В бою его мог свободно двигать один пулеметчик. Вес пулемета – 66 кг, в том числе тело пулемета – 20 кг, станок – 40 кг, щит – 8 кг. При этом российские конструкторы сумели добиться большого увеличения скорострельности пулемета. Русские 7,62-мм пулеметы Максима стреляли с темпом 600 выстрелов в минуту, у немцев же 7,92-мм пулеметы системы того же Максима били лишь 450 выстрелов в минуту. Каждый пулемет, произведенный в России, обходился казне почти на тысячу рублей дешевле пулемета, закупленного за границей (2 220 р. против 3 100). Общая экономия доходила до 4 млн. р. Уже в 1910 г. русскими оружейниками «была обеспечена полная взаимозаменяемость деталей, в том числе и деталей замка, чего не было в пулеметах английского и германского изготовления. Были внесены многие “конструктивные изменения и усовершенствования”, имевшие для легкого пулемета решающее значение»⁵ (рис. 3).

Рис. 3. Германский пулемет на маневрах

Пулеметы пехотных полков организационно объединялись в специальные пулеметные команды. На каждую команду полагалось 3 офицера – начальник команды и 2 младших офицера. Перед войной каждый пехотный полк имел на вооружении 8 пулеметов. При этом высказывалось пожелание, что пулеметному делу должно обучаться максимально возможное число солдат в полку⁶. Так, уже после начала Первой мировой войны, 4 августа 1914 г. начдив-72 Д.Д. Орлов приказывал: «Теперь же подготовить на каждый пулемет по 2 и даже

по 3 хороших наводчика»⁷ (72-я дивизия была второочередной, то есть создавалась в ходе мобилизации, и потому заранее подготовленных кадров пулеметной команды здесь не было). Расчет пулемета: начальник, наводчик, второй номер, два подносчика патронов, ездовой. Итого – 7 человек на пулемет. Из личного оружия пулеметчики получали не тяжелые пехотные трехлинейные винтовки, а удобные короткие карабины. О передвижении пулеметной команды в бою лучше прочих вспоминал служивший пулеметчиком будущий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский: «[команда] состояла из парных пулеметных двуколок системы Соколова и таких же патронных двуколок – это 16 боевых колесниц, в которые при необходимости впрягались уносные пары. В пулеметную двуколку впрягались верховые лошади взводного унтер-офицера и начальника пулемета, а в патронную – лошади седьмого и восьмого номеров тоже верховых. На пулеметную двуколку садились в установленные места наводчик пулемета, помощник наводчика и третий номер, а на патронную двуколку четвертый, пятый и шестой номера. Так пулеметная команда превращалась в конное подразделение, приобретая необходимую подвижность. Поэтому пулеметчики старались себя выделять из пехоты и держались как-то особо, гордились своей военной специальностью. Да и начальство, понимая, что это главная огневая сила полка, оберегало пулеметчиков и обычно не посылало их в наступление

Рис. 4. Русские пулеметчики в окопе

в цепях вместе с пехотой. Они находились немного позади, чтобы поддержать цепи пехоты огнем своего оружия»⁸ (рис. 4).

Разброс числа пулеметов в армиях великих держав к июлю 1914 г. был весьма велик. Вдвое превосходя по пулеметам австро-венгров, русская армия втрое уступала немцам – даже взятые вместе русские и французы имели пулеметов меньше, чем одна только Германия. К началу войны Франция имела в составе своих войск около 5 тыс. пулеметов, Германия – 12 тыс., Австро-Венгрия – немногим более 2 тыс., Россия – около 4,2 тыс. В том числе: перволинейные пехотные части – 2848 (в 352 пулеметных командах), второочередные части – 960 (120), кавалерия – 256 (32), мобилизационный запас – 69, Заамурская пограничная стража – 24 (6)⁹.

В самом начале войны выяснилось, что противник превосходит русских в количестве пулеметов, и требуются срочные меры по исправлению положения. Однако, увеличение войск не позволяло насыщать пулеметами кадровые дивизии, так как русские второочередные дивизии в начале войны имели лишь по несколько пулеметов на дивизию и требовали пополнения своей матчасти. Как вспоминал русский военачальник, «Были предприняты меры для увеличения количества полковых пулеметов. Этому, с одной стороны, препятствовала необходимость формирования новых пулеметных команд для непрерывно формировавшихся новых пехотных полков, а с другой – трудности с выполнением заказов на поставку двухколесных пулеметных станков»¹⁰.

В первый год войны в пехоте не было ни ручных пулеметов, ни батальонных или полковых пушек. Приходилось насыщать пехоту станковыми пулеметами, причем наступательный бой поддерживался артиллерийскими ударами, а пулемет господствовал в обороне. Советский исследователь справедливо отметил: «Во время первых же боев обнаружилось, что мощь стрелкового и артиллерийского огня является одним из важнейших условий успеха в бою. Оружием, которое оказало резкое влияние на ход боя, был пулемет. Пулемет стал господствовать на поле боя, и это обстоятельство дало первый толчок к насыщению пехоты этим автоматическим оружием. Сила ружейного и пулеметного огня вместе с окопами сделала оборону сильнее наступления»¹¹. Пулеметный огонь позволил заменять собой массу стрелков, что повысило устойчивость в обороне не только пехоты, но и, что важно – конницы. Один из офицеров писал домой, что «весь боевой пыл запасных пропадает при виде неприятельского

пулемета, и только кадровые части удерживают запасных от бегства перед пулеметами»¹². Общее количество пулеметов в противоборствующих армиях Восточного фронта в 1914 г. было невелико. Их было примерно вдвое меньше, нежели орудий. В такой ситуации исход сражений решался, в первую голову, артиллерийским огнем, а пулеметы усиливали обороняющуюся пехоту. (рис. 5).

Рис. 5. Русский пулеметный окоп

Ход боевых действий, с самого начала ознаменовавшийся невиданными до того потерями, вынуждал командование чем дальше тем больше заменять людей техническими средствами ведения боя. Опыт Русско-японской войны 1904–1905 гг., на который ориентировались руководители военных машин, когда между операциями существовал значительный перерыв, оказался неприменим на полях европейских сражений. Точно так же не оправдались и расчеты на мощь стрелкового оружия. Если в 1904 г. 85 % потерь наносилось винтовочным и пулеметным огнем, то в 1914 г. эта цифра снизилась примерно до 40–45 %. Позиционная война еще больше делает упор на артиллерийский огонь как ведущее средство нанесения потерь живой силе противника (75 %). Как только в боях погибли кадровые стрелки, подготовленные перед войной, пулемет стал приобретать все большее значение в обороне. К началу 1915 г., «точно так же, как новые технологии и новые инструменты сделали мастерство до-

ступным для всех, так и пулемет вытеснил обученный корпус метких стрелков и дал в руки одного человека орудие, равное по своей огневой мощи взводу или даже роте»¹³. Моральный эффект пулеметного огня оказался столь велик, что, по свидетельствам участников войны, один пулемет заменял уже роту пехоты. Понятно, что и убыль в пулеметчиках, на которых теперь ложилась основная тяжесть боя пехоты, стала велика. Командование теперь готовило пулеметчиков не только для восполнения потерь, но и про запас, так как тыл готовил пулеметчиков для фронта лишь в отдельном 1-м запасном пулеметном полку, который располагался в столице страны – Петрограде. Подготавливаемые пулеметчики сводились в пулеметные команды, получали материальную часть и лишь после этого отправлялись на фронт. Такой подход не мог возместить требования фронта, хотя подготовленные в Царском Селе пулеметчики были обучены лучше, нежели их соратники во фронтовых частях¹⁴.

Производство пулеметов в стране не успевало за потребностями фронта. Станковые пулеметы системы Максим в России производились только на Тульском оружейном заводе, ибо «пулеметное производство еще сложнее и труднее, чем ружейное. Предельная точность в пулемете до половины тысячной дюйма, тогда как в винтовке одна тысячная, а некоторые части пулеметного замка должны быть изготовлены с точностью лекал без какого бы то ни было допуска и пригоняются “в притирку”». Поэтому, изготовление пулеметов могло поручаться только таким заводам, которые занимались их изготовлением, а таких в России, кроме Тульского оружейного завода, не было»¹⁵. При этом, легкие пулеметы поступали от фирмы «Виккерс-Максим», так как после закулисных интриг за два года перед войной у ТОЗа был вырван и передан английскому «Виккерсу» заказ на облегченный тип пулемета. Невзирая на завышенную цену (1750 руб. за пулемет против 1000 руб. в Туле), британцы выиграли этот тендер. Только за первую половину 1914 г. российское военное министерство передало фирме «Виккерс» заказов на 40 млн. р. С одной стороны, эти действия объективно явились следствием союза по Антанте, а с другой, субъективной – обычной коррупцией военного министра В.А. Сухомлинова и его присных¹⁶.

Таким образом, высокая степень сложности изготовления стала причиной того, что в России для производства пулеметов использовался лишь ТОЗ, хотя пулеметов катастрофически не хватало. Так, за январь–март 1915 г. ТОЗ сдал 672 пулемета, переделал под русский

патрон 26 трофейных пулеметов и исправил еще 140 штук. Войскам не хватало пулеметов, что позволяло успешно восполнять потери в пулеметчиках, но этот успех базировался не на систематизации подготовки, а на простой нехватке материальной части. Например, потребность фронта в пулеметах в мае 1915 г. определялась Ставкой Верховного Главнокомандования в 800 единиц в месяц, а ТОЗ дал всего 272 пулемета – почти в 3 раза меньше требуемого (рис. 6).

Рис. 6. Русский пулемет на позиции

Перед войной считалось, что войска будут терять не более полусотни пулеметов в месяц, и на основании общего мобилизационного задания Генеральный Штаб распорядился, чтобы Главное артиллерийское управление (ГАУ) пополняло запасы военного времени в размере 454 пулеметов в год (Тульский оружейный завод мог дать 700 единиц). Но уже в мае 1915 г. была выработана норма в 800 пулеметов в месяц, осенью – 2078 (то есть, увеличение по сравнению с довоенными предположениями – в 36 раз).

Такое положение вещей сохранялось в течение всего первого года войны, да и впоследствии русская производительность пулеметов существенно отставала от производства в прочих великих державах, как союзных, так и неприятельских. Поэтому «вследствие обращения изготавливаемых пулеметов в новые формирования и на вооружение бронированных автомобилей, отпуск пулеметов в передовые запасы армий начался только с ноября 1914 г. и к 1 января 1915 г. достиг 523»¹⁷. Всего в 1914 г. Тульский оружейный завод дал армии

1184 пулемета. Но это производство являлось еще предвоенным: до конца 1914 г., несмотря на повысившиеся заявки на пулеметы, ТОЗ смог лишь выполнить предвоенный заказ, выпустив пулеметы, недостававшие по мобилизационным нормам – 828 единиц. В 1915 г. было выпущено 4251 (плюс 1067, поставленных союзниками), причем повышение производства (более 400 в месяц) началось только с июля месяца. По неполным данным, представленным военным ведомством, к началу 1916 г. в войска поступило 227 тыс. винтовок за 1914 г., и 1321 тыс. за 1915-й, а также 731 пулемет в 1914 г. и 5363 пулемета в 1915-м (в том числе 680 170 винтовок и 1067 пулеметов из-за рубежа)¹⁸.

По свидетельствам фронтовиков, жизненно необходимый минимум пулеметов на пехотный полк должен составлять 32 единицы. Однако в создавшихся условиях о таком не приходилось и думать. В конце 1915 г. нормой являлось всего 8 пулеметов на полк, что покрывалось производством Тульского оружейного завода. Небольшой «избыток» шел новым формированиям. Помощник военного министра М.А. Беляев (одновременно он являлся и.д. начальника Главного управления Генерального Штаба) в августе 1915 г. считал, что действующей армии требуется 12 039 пулеметов. Об этой цифре оставалось только мечтать: к 15 ноября в полевых армиях находилось 3177 пулеметов при минимальной потребности в 4426 единиц. При этом производство пулеметов неуклонно повышалось из месяца в месяц в тяжелые дни войны¹⁹:

месяц	1914 год	1915 год	1916 год	1917 год
Январь	72	216	560	1200
Февраль	40	136	624	1004
Март	68	304	752	1200
Апрель	48	252	752	1116
Май	48	272	800	1160
Июнь	48	304	904	960
Июль	32	344	1000	740
Август	112	412	1080	740
Сентябрь	176	440	1120	880
Октябрь	176	472	1136	1040
Ноябрь	192	488	1144	940
Декабрь	172	504	1200	440
Итого	1184	4251	11 072	11 420

Как видно из таблицы, в 1916 г. производство повысилось почти до 1200 единиц в месяц, но все-таки «общая месячная потребность русской армии определялась в 4430 пулеметов – сопоставимо с тем количеством, каким в 1914 г. собирались вести всю войну»²⁰. Надо сказать, что эта цифра более, чем втрое уступала германской стороне. Если в 1914 г., когда еще не прошла мобилизация промышленности, германские заводы давали войскам не более 200 пулеметов в месяц, то уже с августа 1915 г. эта цифра выросла до 800 единиц. К августу 1916 г. немцы производили 2,3 тыс. пулеметов в месяц, а в начале 1917 г. – 7 тыс. В начале войны немцы имели 1578 пулеметов, а к 1 января 1917 г. – около 18 тыс. После принятия «Программы Гинденбурга» производительность предметов вооружения в Германии возросла в 1,5–2 и более раз. Пик производства пулеметов – август 1918 г. – 11 350 штук.

Всего за войну в России было произведено более 27 тыс. пулеметов (в Германии – в 10 раз больше), из которых около 15 тыс. было потеряно в боях. Можно видеть, насколько возросло производство оружия по сравнению с довоенным периодом. Производство пулеметов на Тульском оружейном заводе перед войной²¹: 1906 г. – 148, 1907 г. – 525, 1908 – 911, 1909 – 379, 1910 – 700. Затем начинают производиться облегченные пулеметы по методу полковника А.А. Соколова: 1911 г. – 596 (в том числе облегченных образца 1910 г. – 160), 1912 – 735 (585), 1913 – 788 (732), итого – 4 782 пулемета. В 1912–1913 гг. тяжелые пулеметы уже не производились. 27 июля 1914 г. начальник артиллерийских технических заведений предписал ТОЗу делать по 80 пулеметов в месяц. Но уже 23 сентября Верховный Главнокомандующий распорядился делать по 180–200 пулеметов в месяц, а для расширения производства выделялось 3 млн р. (рис. 7).

Правда, официальная цифра пулеметов в русских войсках, вероятнее всего, немного уступает реальной. Трофейные пулеметы, как правило, моментально ставились на службу и не фигурировали ни в каких репортажах и донесениях. Участник войны вспоминает: «Во всех сообщениях Ставки о взятых трофеях обращает на себя внимание малое, сравнительно с числом захваченных орудий, количество пулеметов». Причина тому – трофейные пулеметы войска брали себе и «не показывали их в числе трофеев, потому что трофейные полагалось сдавать высокому артиллерийскому командованию. Поэтому в донесениях о трофеях полки показывали малое число пулеметов – лишь бы начальство не заподозрило, что полки утаивают пулеметы.

Рис. 7. Стрельба по аэроплану из пулемета

Так пехота разрешала проблему своего довооружения огневыми машинами»²². Пулемет показывался трофейным лишь в том случае, если он был взят в бою, за который офицер или группа солдат могли получить награду. В условиях кризиса вооружений 1915 г., когда пехотная атака далеко не всегда могла начинаться с артиллерийского огневого налета и не поддерживалась артиллерийским огнем в течение всего боя, пулемет становился и наступательным оружием. Например, приказом по 9-й армии Юго-Западного фронта от 15 сентября устанавливалось: «борьба с контратакой должна основываться на атаке во фланг контратакующего, на заградительном огне артиллерии и на огне пулеметов... Пулеметы во всех случаях должны следовать с цепями атакующих»²³.

Зима 1915/1916 г. стала первой длительной передышкой для Восточного фронта, в то время как Западный фронт застыл в окопной борьбе еще в ноябре 1914 г. В этот период стороны пользовались временным затишьем, чтобы лучше подготовить свои вооруженные силы. Русский «задел» зимней оперативной паузы, например, выразился в победе Брусиловского прорыва. В частности, в ходе Брусиловского прорыва в числе русских трофеев только по официальным данным (несомненно, преуменьшенным) оказалось 1795 австрийских пулеметов. Это все производство австрийских заводов с начала года до начала русского наступления. Австрийцы производили меньше пулеметов, пользуясь германской поддержкой как на поле боя, так и в поставках вооружения: пулеметы в Австро-Венгрии делал

только завод в Штейре, который лишь со второй половины 1915 г. стал давать 320 штук в месяц²⁴ (рис. 8).

Рис. 8. Австрийский пулемет

Что касается пулеметных подразделений, то массовые поставки техники промышленностью позволили образовывать уже не запас пулеметчиков, а целые запасные пулеметные команды. В докладе императору от 24 ноября 1915 г. указывалось, что запасные батальоны вовсе не имеют пулеметов, поэтому Запасной пулеметный полк не может дать кадров, а пик заказов пулеметов на 1916 г. должен прийти на август месяц²⁵. Однако, наступившее затишье на Восточном фронте позволило преодолеть негатив. Относительная малочисленность пулеметов в русской армии и сама организация комплектования теперь позволяли вполне справляться с обучением: к началу 1916 г. на фронте числилось всего 4100 пулеметов системы Максима, и 200 – Кольта; ровно столько же (4300) было и полевых трехдюймовых орудий²⁶. Однако, количество оружия пополнялось с каждым днем, что при отсутствии активных боевых действий (оперативная пауза на Восточном фронте) должно было привести к накоплению необходимого минимума вооружения. Согласно представленным начальником Штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексеевым на совещании 24 февраля 1916 г. в Ставке, к этому времени армия имела 6 тыс. пулеметов, причем, не считая тех 1375 единиц, что должны были дать заводы к апрелю.

С помощью союзных поставок и расширения собственного производства кризис пулеметного вооружения к маю 1916 г. во многом

был преодолен. 6 сентября повелением Верховного Главнокомандующего было приказано считать нормой 2 пулемета на роту или 32 на полк – в 4 раза больше предположений 1910 г., по мобилизационным решениям которых развертывалась в августе 1914 г. русская армия. При всем том, оптимальное число пулеметов, так сказать, наименьший предел по оценке исхода сражений – 12 пулеметов на батальон²⁷. Для русских 4-батальонных полков, следовательно – 48 пулеметов на полк. То есть, лишь к началу Брусиловского прорыва «голодный паек» в отношении пулеметов был сравнительно преодолен, но до жизненного максимума русская армия так и не «дотянула» – за исключением тех частей, что имели на вооружении трофейные, преимущественно австрийские, пулеметы. В то же время французский батальон имел на вооружении 8 станковых и 24 ручных пулемета; германский батальон – 6 станковых и 12 ручных.

Развертывание наступательных боевых действий в 1916 г. и резкое увеличение количества пулеметов побудили командование задуматься над некоторым изменением системы образования пулеметных команд. Приказом за подписью Алексева от 23 октября в каждом полку должны были быть две 12-пулеметные команды станковых пулеметов системы Максима и одна 8-пулеметная команда ручных пулеметов системы Льюиса или Кольта. Приказом от 2 декабря одна из команд Максима должна была быть выучной, другая – повозочной. Наконец, в феврале 1917 г. в каждой роте пулеметному делу стали обучать одно отделение, чтобы иметь возможность своевременной замены выбывшей из строя пулеметной прислуги²⁸. К 1 января 1918 г. пехота должна была иметь по 2 пулемета на роту (перед войной – на батальон). Это – 21 760 пулеметов для 616 пехотных и 226 кавалерийских полков. В запасных частях – еще 750 пулеметов. Плюс 50 % запаса. Итого – 33 365 единиц только станковых пулеметов, хотя ручных пулеметов катастрофически не хватало.

Кампания 1917 г. предполагалась Верховным Главнокомандующим императором Николаем II как решительная. Уже в конце 1916 г. высшие штабы, предлагая воспользоваться наступившим затишьем на фронте, приказывали всем чинам готовиться к предстоящей кампании, долженствующей носить решительный и победоносный характер. Что касается пулеметов, то, например, приказ по 7-й армии Юго-Западного фронта от 1 декабря 1916 г. предписывал: «Свое оружие, его свойство и пользование им как при наступлении, так и при обороне, солдат должен знать в совершенстве. Вместе с этим каж-

дый боец должен уметь вести траншейную борьбу и хорошо знать употребление противогазов. Нижних чинов готовить не только как рядовых бойцов, но и как кадровых руководителей и начальников при укомплектовании частей будущими пополнениями. Теперь же приступить к подготовке запаса специалистов: пулеметчиков, бомбометчиков, чинов связи и т. д.»²⁹. Только накануне революции генералитет наконец-то соизволил обратить внимание на то, что убыль в пулеметчиках восполняется специально подготовленными людьми из пулеметных команд, в то время как у немцев пулеметному делу обучается до половины пехотинцев. Русское командование с вопиющим изумлением увидело, что этим «исключается возможность бездействия пулеметов, вследствие убыли личного состава». И только 3 февраля увидел свет приказ № 186 за подписью и. о. начальника Штаба Верховного Главнокомандующего В.И. Гурко о необходимости обучения на пулеметах (в том числе и трофейных) хотя бы по одному отделению на роту³⁰.

Впрочем, существовали и объективные причины такого запоздания: во-первых, сравнительно малое число пулеметов вообще (к началу 1917 г. – всего только вдвое больше, нежели число артиллерийских орудий); во-вторых, практически абсолютное преобладание в русской армии не ручных, а станковых пулеметов. Если ручной пулемет требует для себя одного подготовленного бойца, то станковый – команду, а не одиночку. Так, в инструкции, изданной в 9-й армии перед подготовкой июньского наступления 1917 г., в частности, говорилось: «Каждый солдат должен твердо знать, что, захватив первую линию [неприятельской обороны], он должен обязательно продвинуться вперед до следующего выгодного рубежа, залечь и открыть огонь [по второй линии]... Пулемет – элемент атаки и самое ужасное оружие ближнего боя. Пулемет должен продвинуться возможно дальше вперед – за остановившуюся цепь... лишь впереди он дает возможность пехоте двигаться вперед под прикрытием огня...»³¹.

Эволюция патронного оружия в годы Первой мировой войны претерпела кардинальные изменения, немыслимые до 1 августа 1914 г. К 1917 г. союзники полностью свернули производство станковых пулеметов, переводя свои войска на ручные пулеметы как лучшее средство ближнего боя пехоты. Во Франции в армии еще состояло 13 тыс. станковых пулеметов, но ручных – уже более 90 тыс. Великобритания переключила свою пулеметную промышленность на производство тяжелых ручных пулеметов системы Льюиса. И это в

то время, когда в России всех пулеметов насчитывалось лишь около 25 тыс., из коих ручные пулеметы составляли явное меньшинство. А ведь пулеметные команды требовали массы лошадей, а соответственно, и фуража, двуколок, прочих элементов, необходимых для грузового транспорта.

На межсоюзнической петроградской конференции в феврале 1917 г. В.И. Гурко просил у союзников 110 тыс. ручных пулеметов на 1917 г. Заказ на пулеметы исходил из расчета 128 штук на пехотный и 36 на кавалерийский полк. Реально же поступило около 17,5 тыс., да и то в основном с американских заводов. Правда, поставки оружия из-за границы продолжались и после Февральской революции. Более того, в связи с общим подъемом производительности и удовлетворением собственных нужд, в 1917 г. русская армия получила больше вооружения и военной техники, нежели за предшествующее время, хотя союзники одновременно сократили предполагаемые поставки сырья и оборудования. За 1915–1916 гг. за границей было заказано 41 150 пулеметов, получено – 10 565 (в том числе 9437 из США с заводов «Марлин и Соваж» и 663 из Великобритании). За 1917 г. было получено 31 833 пулемета (станковый пулемет Максима – США – 900, станковый пулемет Кольта – США – 13 871, станковый пулемет Льюиса – США – 9600, ручной пулемет Льюиса – Великобритания – 1862, ручной пулемет Шоша – Франция – 5600). Итого – 42 398. Всего же от союзников Российская империя получила только 8 630 пулеметов, а из США – около 33 тыс., из коих ручные пулеметы составили менее трети. Собственное производство составило 27 571 пулемет системы Максима. В конечном счете, в процентном соотношении, русские пулеметы за 1914–1917 гг. представляют собой такие цифры: состояло к началу войны – 5 %, сделано на Тульском оружейном заводе – 36 %, прислано из-за границы – 57 %, трофейные – 2 %. В 1914 г. русская армия имела на вооружении 4152 пулемета и 7909 орудий. В 1917 г. – 23 800 пулеметов и 9 815 орудий. Таким образом, количество пулеметов увеличилось больше чем в 5 раз, а орудий – на четверть. В 1914 г. на 2 орудия приходился 1 пулемет, а в 1917 г., напротив, на 2 орудия – 5 пулеметов³².

К 1917 г. русская пехотная дивизия имела 72 пулемета, немецкая – 324 (в том числе 216 ручных), французская – 574, английская – 684. Это позволило ряду ученых и исследователей считать, что разрыв между русскими и немцами в техническом отношении в ходе войны увеличивался, а не сокращался. Однако же Россия вела войну

не в одиночку. И если посчитать общий потенциал союзников по Антанте, то немецкое превосходство начинает меркнуть. Кроме того, в сентябре 1916 г. было решено одновременно сформировать к весне 605 8-пулеметных команд «Кольта» для пехоты, в связи с резким переломом в пополнении армии техникой – почти 5 тыс. пулеметов и 195 команд для конницы³³. Данное мероприятие требовало по штату 34 485 лошадей, по 57 голов на каждое подразделение – или примерно по 7 лошадей на каждый пулемет (рис. 9).

Рис. 9. Российская команда пулеметчиков

Эти команды формировались 2-м запасным пулеметным полком в Ораниенбауме, объединенным с Офицерской стрелковой школой. В месяц должно было формироваться по 64 команды, чтобы закончить формирование всех 605 команд к 15 июня 1917 г. Для зимних боев в середине октября 1916 г. генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович приказал оснастить кольтовские команды «льжными станками и саями» усилиями Офицерской стрелковой школы³⁴. Формированием пулеметных команд с пулеметами системы Максима по-прежнему занимался 1-й запасной пулеметный полк. Каждая команда требовала месяца на свою подготовку и оснащение, и 1-й полк не справлялся с поставленными на зимнюю оперативную паузу сроками. Посему 134-й (квартирование в городе Петровск) и 244-й (Бузулук) пехотные запасные полки, расквартированные в Казанском военном округе, были переведены в штаты 3-го и 4-го пулеметных запасных полков³⁵.

Что касается кавалерии, то в начале войны русская конница вооружалась ружьями-пулеметами датской системы Мадсена. Еще в

1912 г. эти пулеметы были сняты с вооружения кавалерии и отправлены в крепости, но огневая слабость конницы, наряду с непредвиденными масштабами войны побудили вновь передать пулеметы Мадсена в войска. Кроме мадсеновского оружия, конница имела и свою пулеметную команду, по образцу пехотной, причем пулеметы перевозились в специальных вьюках. В 1912 г. в кавалерийской дивизии числилось 12 пулеметов системы Максима. Во время войны – по 4 пулемета в каждом полку³⁶. Осенью 1916 г. генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем Б.М. Петрово-Соловово запросил мнения высших кавалерийских начальников о предстоящей реформе конницы, согласно которой предполагалось формировать пешие стрелковые эскадроны при кавалерийских полках. Помимо прочего – артиллерийского усиления, пеших эскадронов и т. д. – конные начальники просили увеличить число пулеметов в кавполках. Так, по мнению командира Гвардейского кавалерийского корпуса Г. Хана Нахичеванского требовалось по 2 ружья-пулемета Мадсена на конный эскадрон, а каждый стрелковый дивизион в кавдивизии должен иметь 8 пулеметов – по 2 на каждый стрелковый эскадрон³⁷ (рис. 10).

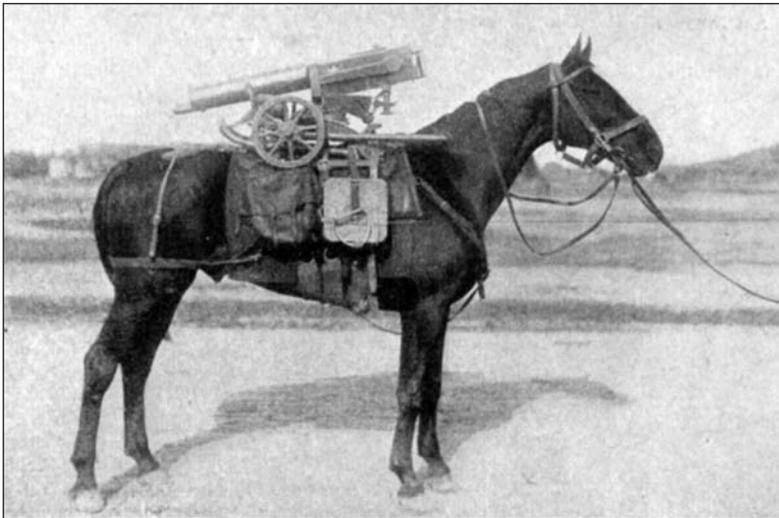

Рис. 10. Русский вьючный пулемет

После Февральской революции 1917 г. Восточный фронт стал постепенно разваливаться – страна выходила из войны. Но даже в пери-

од июньского наступления, при той обстановке, когда целые корпуса бросали оружие и уходили в свои окопы после первого успеха, австро-венгерский фронт в Галиции был прорван – 30 тыс. пленных и 120 трофейных орудий – подтверждение тому, как была подготовлена русская армия к кампании 1917 г. Вопрос: а что было бы, наступай весной дисциплинированные армады императорской армии? Остается только догадываться, что могли сделать для дальнейшего хода войны русские Вооруженные силы, будь у них равноценное с противником по количеству и качеству оружие.

¹ Гребенкин К.М. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 54.

² Цит. по: Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 142.

³ Красильников С.Н. Организация крупных общевойсковых соединений. М., 1933. С. 57.

⁴ Макаров Ю. Моя служба в старой Гвардии 1905–1917. Буэнос-Айрес, 1951. С. 141–142.

⁵ Ашурков В.Н. Введение автоматического оружия в русской армии (Военное ведомство и концерн «Виккерс–Максим») // Из истории Тульского края. Тула, 1972. С. 72, 77–78.

⁶ Сводка тактических указаний, данных начальниками в войну 1904/05г. СПб., 1906. С. 27.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2402. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

⁸ Малиновский Р.Я. Солдаты России. М. 1988. С. 87.

⁹ Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. С. 43.

¹⁰ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 133.

¹¹ Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 355.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 341. Л. 132.

¹³ Форд Р. Адский косильщик. Пулемет на полях сражений XX века. М., 2006. С. 114.

¹⁴ Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958. С. 24, 27.

¹⁵ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). М., 1949. Т. 2. С. 269.

¹⁶ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 127.

¹⁷ Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004. С. 785.

¹⁸ Краткий отчет о главнейших предметах артиллерийского снабжения, поданных в Действующую армию с начала войны по 1 января 1916. Пг., 1916. С. 4.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2290. Л. 54 об.; История Тульского оружейного завода, 1712–1972. М., 1973. С. 122.

- ²⁰ Федосеев С.Л. Пулеметы русской армии в бою. М., 2008. С. 132.
- ²¹ Ашурков В.Н. Указ. соч. С. 78.
- ²² Месснер Е. Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы. Нью-Йорк, 1968. С. 95.
- ²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 60.
- ²⁴ Последняя австро-венгерская война. Издание австрийского военного архива. М., 1929. Т. 4. С. 122.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1580. Л. 125–126.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1748. Л. 54.
- ²⁷ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1925. С. 99.
- ²⁸ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 159.
- ²⁹ Сборник руководящих приказов и приказаний VII-й армии. Б.М. 1917. С. 266.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 377. Л. 53 об.–54.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ³² См.: Шумов С.А. Оружие, армия, война, бой. М., 2003. С. 196.
- ³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1553. Л. 176.
- ³⁴ Там же. Л. 287, 402.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 265. Л. 244.
- ³⁶ Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. М., 2006. С. 120.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 271. Л. 9.

В.В. Оточкин (Санкт-Петербург)

“СЕКРЕТНАЯ ГАУБИЦА” П.И. ШУВАЛОВА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Вступление России в Семилетнюю войну летом 1756 г. поставило перед командованием русской армии вопрос перевооружения, так как на вооружении артиллерии стояли орудия двадцатилетней давности. В короткий период времени генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов (1711–1762) обеспечил поступление в армию новых орудий, по своим характеристикам и по возможностям боевого применения превосходивших прусскую артиллерию и внесших решающий вклад в победы русской армии в сражениях.

Еще в 1754 г. Военная коллегия представляла кандидата на должность главы артиллерии и инженерного корпуса – генерал-фельдцейхмейстера, «упорно останавливаясь на графе Петре Ивановиче Шувалове» и ссылаясь на его участие в создании секретной гаубицы для артиллерии.¹

Роль П.И. Шувалова в создании гаубицы от идеи до изготовления опытных и серийных образцов не подвергается сомнению современниками и историками. В общих чертах процесс принятия секретной «шуваловской» гаубицы на вооружение раскрыт в работах по истории артиллерии, затронут во всех биографических статьях, посвященных его жизни и деятельности.² Но как через пробы и опытные стрельбы создавалось и испытывалось орудие, прежде чем поступить на вооружение? Как применялось в боевой обстановке? Ответы на эти вопросы не нашли отражения в отечественной историографии.

Обращение к опубликованным архивным документам – протоколам Правительствующего Сената, решения которого сыграли важную роль в реализации проекта, дают возможность увидеть, как развивались эти события.

Первое упоминание о новом оружии встречаем 2 июля 1753 г., когда П.И. Шувалов подает в Сенат проект и чертежи гаубицы «с овалыстым калибром, из которого рассуждается в стрельбании картечами лутчий способ». Картечи при выстреле нового орудия «более по линии в стороны раздаваться имеют, а не так, как до ныне от круглых калибров большое число вниз и вверх праздно падают»³.

Члены Правительствующего Сената, находившегося в то время вместе с императорским Двором в Москве, одобрили проект П.И. Шувалова. Было принято решение призвать из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации генерал-майора М. Толстого, которому отдать чертежи с таким приказанием: «чтоб наисекретнейшим образом по тому чертежу две оные гаубицы вылиты были немедленно» и при сенаторе П.И. Шувалове «пробы учинены». В Московском арсенале под общим руководством генерала М. Толстого при участии майора К. Мусина-Пушкина, штык-юнкеров И. Вельяшева-Волынцева, М. Жукова, учеником пушечного мастера М. Степанова были вылиты пробные экземпляры, проведены испытательные стрельбы на разных зарядах пороха для определения результатов и эффективности применения «изобретенного» орудия.

Как писал о Шувалове один из создателей знаменитых единорогов М.В. Данилов: «граф был человек замыслов великих и предприимчивый, который еще до сего чина выдумал одну гаубицу, желая быть фельдцейхмейстером, в которой дуло было не круглое, а продолговатое, подобно сжатому до половины круглому кольцу; а как оное орудие стреляло широко одной дробью (картечью. – В.О.)»⁴.

П.И. Шувалов до предложения проекта имел контакты с должностными лицами Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, Оружейной канцелярии, арсеналов. В 1752 г. в бытность командиром дивизии он делал запросы в Военную коллегия, артиллерийское ведомство о содержании и обучении артиллерийских служителей в драгунских и пехотных полках, заявки об отпуске пороха для эзерциций (учебных занятий. – В.О.) и замене пороха в ротных патронных ящиках.

Являясь типичным по порядку рассмотрения Сенатом многих проектов П.И. Шувалова в сферах финансовой, предпринимательской и таможенной деятельности, процесс создания опытных экземпляров орудия перед возможным принятием его на вооружение артиллерии – пример тщательности подготовки и реализации им своих «проектов»⁵.

Мы можем говорить об артиллерийском опыте П.И. Шувалова: он не только автор или соавтор идеи, но и непосредственный участник опытных стрельб и подготовки документов с выводами об эффективности огня орудий. Генерал-майор М. Толстой – второе лицо Канцелярии Главной артиллерии и фортификации – докладывает именно генерал-аншефу сенатору П.И. Шувалову о ходе изготовления опытных образцов новой гаубицы. Это может быть признанием роли П.И. Шувалова как организатора работ, а возможно, и реально-го кандидата на должность командующего артиллерией⁶.

Обращение к протоколам Сенатского архива за 1753–1756 гг. подтверждает, что создание гаубицы было предметом неоднократного рассмотрения в Правительствующем Сенате. В той или иной постановке вопрос ставился 2, 4 и 9 июля, 21 и 26 октября, 10, 15 и 22 ноября, 13 декабря 1753 г., 10, 14 и 31 января 1754 г. За каждой строкой протокола детальное обсуждение поставленных проблем.⁷

Несмотря на то, что на заседании 26 октября 1753 г. П.И. Шувалов объявил, что при пробах новая гаубица «нашлась с его, генерала и кавалера, чаяниями сходная», Сенат приглашает членов Военной коллегии «для рассуждения о пользе оной» гаубицы и обоснования заключения для принятия какого-либо решения. Нужно представить сложность ситуации, в которой находились члены Военной коллегии. «Вельможный прожектор» сенатор П.И. Шувалов определял внутреннюю политику России, реализовывал проекты отмены внутренних таможен и межевания земель. Через свою жену Мавру Егоровну и двоюродного брата Ивана Шувалова – фаворита императрицы – он был приближен к Елизавете Петровне и мог прямыми докладами императрице беспрепятственно решать многие вопросы. Речь шла не просто об очередной «курьозной инвенции» – необычном изобретении, каких было немало в 40–50-х гг. XVIII в.⁸ В случае успеха испытаний был возможен переход от опытного экземпляра к серийному производству и вооружению орудиями армии в преддверии войны с Пруссией.

Однако генерал-аншеф С.Ф. Апраксин и бригадир В.И. Суворов заявили, как записано в протоколе Сената, что «не видав чертежа и той гаубицы в самой пробе, о пользе оной рассуждать не можно», и предложили провести повторные опытные стрельбы в их присутствии.

10 ноября 1753г. стрельбы состоялись. На них присутствовали члены Правительствующего Сената, Военной коллегии и высший

командный состав – генералы С. Апраксин, П. Сумароков, П. Салтыков, Д. Дадриан, бригадир В. Суворов и другие.

Новая гаубица оценивалась и сравнивалась в применении с орудиями, состоявшими на вооружении с 1734 г. Были установлены два щита – мишени: первый – размером 26 сажень (55,38 м) в ширину и 3 аршина (2,13 м) в высоту на расстоянии 100 сажень (213 м), второй щит – 26 сажень (55,38 м) на 4 аршина (2,8 м) на расстоянии 125 сажень (266 м) от орудия (1 сажень = 2,13 м; 1 аршин = 71 см).

В протоколах есть сведения о результатах сравнительных стрельб. Только после стрельб Сенатом и Военной коллегией было сделано заключение о том, что новая гаубица «несравненно против старой гаубицы сильнее и далее бьет, и по линии фронта более 21 сажень захватывает, а в баталии и первая, и вторая линии полков были бы поражены». П.И. Шувалов впоследствии организовал устранение недостатков, высказанных Сенатом и Военной коллегией, добиваясь увеличения разлета картечи по фронту при сохранении убойной силы на тех же дальностях. Сенат после обсуждения результатов стрельб принимает решение о принятии орудия на вооружение и ставит задачу изготовить предложенное Шуваловым количество орудий – 69 и выделить необходимую сумму – 64 439 рублей с последующим содержанием с годовым расходом 11 380 рублей.⁹

На стволе одного из опытных орудий, и сегодня находящегося на экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге, вырезана надпись: «В... государственование... императрицы Елизаветы Петровны... изобретена вновь и именована гоубица Шувалова сенатором генералом-аншефом... графом Петром Ивановичем Шуваловым в 1753 году и ноября 10 дня того году Правительствующим сенатом, Военною коллегиею и генералитетом пробована и усмотрена со всем в отменном ее действии перед прежними и полезнейшею против неприятеля»¹⁰.

Характеристики нового орудия, принятого на вооружение и объявленного секретным по причине скрытия формы канала ствола, обобщены военным историком А.М. Агеевым:

Калибр (мм)	Длина ствола (калибр / см)	Вес заряда (кг)	Вес орудия / лафета (кг)	Боевой комплект (выстрелы)	Дальность стрельбы (м)
95 x 207	9/162	13,2	491/848	150	400–500

Количество снарядов на орудие – картечей вязаных свинцовых (каждая по 25 фунтов (10 кг) – 150, для перевозки – 14 лошадей – (на гаубицу – 4, на 4 ящика – 8, запасных – 2), расчет орудия – 7 человек (1 бомбардир, 6 гантлангеров).¹¹

Принимаются меры по обеспечению секретности орудия. В своих воспоминаниях М.В. Данилов не без доли иронии отмечал: «гоубицу назвали секретною и дула никому не давали смотреть, за-слоняли его медными закрышками и замыкали замком. А которые были к таковому орудию приставлены служители для стрельяния, офицеры и рядовые, оным учинена была особливая присяга, чтоб никому не показывали секретной гоубицы дула, хотя уже многие его знали»¹². Составлен текст специальной присяги для артиллеристов расчетов орудий, обязывающей хранить секрет орудия. «Я... ниже-именованный... обещаю и клянусь великим богом пред святым его евангелием определен быть и службу производить при секретных инвентованных гаубицах, присягаю по обыкновенной генеральной присяге так в обязанность мне хранить в секрете всегда верно содержать, и что я при том видеть и знать буду, никому не объявлять и действительно в чем секрет состоит, в разговоры вступать о том не буду»¹³.

Создатели орудия поощряются, а сам П.И. Шувалов становится основным кандидатом на должность генерал-фельдцейхмейстера. Для руководства артиллерией с учетом опыта предыдущей военной деятельности Шувалова, в том числе и по созданию секретной гаубицы, 31 мая 1756 г. он назначается «как наиболее способнейший» на должность командующего артиллерией и инженерным корпусом¹⁴.

Сократив количество гаубиц с 69 до 50, что «по числу армии довольно видится», решено содержать их в Бомбардирской роте, реорганизованной в Бомбардирский корпус первоначально в составе одной, а затем – четырех рот. Командиром созданного Бомбардирского корпуса секретных шуваловских гаубиц назначен представленный к званию подполковника Калистрат Мусин-Пушкин. Всем, кто состоял при секретных гаубицах, были созданы преимущества в службе, «дабы состоящие в них инвенции в твердом секрете содержать могли, с преимуществом в жалованье, выше классом и с предпочтением в старшинстве против других артиллерийского корпуса служителей». Предусматривалось использование секретных гаубиц в боевых действиях по дивизиям в виде команд-партий» в

составе двух секретных гаубиц для усиления огня полковой артиллерии. Штат Бомбардирского корпуса на 50 орудий, представленный генерал-майором М.А. Толстым, предусматривал 410 человек, из них – 9 офицеров, 350 при орудиях, 400 фурлейтов при 850 лошадях.¹⁵

В 1753 г. делалась ставка на применение только картечи, а не других снарядов видов – ядер, бомб и брандкугелей (разрывных и зажигательных снарядов. – *В.О.*). В этом недостатке обвиняли критики «секретных» гаубиц, не упоминая о том, что на вооружении полковой артиллерии русской армии в то время стояли пушки, стрелявшие только ядрами, которые не могли обеспечить огневое противодействие наступающим массам пехоты и конницы. А сам П.И. Шувалов уже в 1756 г. писал о недостатках секретных гаубиц главнокомандующему генерал-аншефу С.Ф. Апраксину, предлагая их усовершенствовать.

Шувалов с подчиненной ему Канцелярией Главной артиллерии и фортификации начал работы по доработке «секретных» гаубиц образца 1753 г. Дальнейшие работы с использованием характеристик конструкции созданного М. Даниловым и М. Мартыновым знаменитого единорога привели к модернизации орудия, получившего возможности для стрельбы другими видами снарядов, хотя и за счет дальнейшего усложнения процесса создания гаубицы «нового рода».¹⁶

В 1758 г. отливаются секретные гаубицы с конической зарядной каморой, как у единорогов, стрелявшие кроме картечей еще и ядрами, бомбами и брандкугелями «прежних секретных шуваловских преимущественнее и на дальнейшее расстояние действуют».¹⁷

В сентябре 1758 г. указом императрицы определяется изготовление 30 гаубиц нового рода. Специальной инструкцией определялся порядок их боевого применения. В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранятся три образца секретных гаубиц 1758 г. калибров, соответственно, 65 x 130 мм, 70 x 175мм, 120 x 235 мм. Один из образцов размещен на внешней экспозиции музея¹⁸.

Отечественная историография, несмотря на свидетельства официальных документов и участников, единодушна в оценке роли и применении секретных шуваловских гаубиц в сражениях Семилетней войны (1756–1763). Без анализа результатов их боевого использования делаются отрицательные выводы.

Лишь видный историк русской артиллерии, начальник Артиллерийского исторического музея Н.Е. Бранденбург, опубликовав документы из архива артиллерийского ведомства, раскрыл применение артиллерии в сражениях под Цорндорфом (1758), Пальцигом и Куннерсдорфом (1759). Но анализа эффективности использования секретных гаубиц в боевой обстановке Н.Е. Бранденбург не делал, не касался он и сражения при Егерсдорфе (1757).

Мы используем источники артиллерийского ведомства, хранящиеся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в г. Санкт-Петербурге и частично опубликованные.

Было ли участие секретных гаубиц в первом столкновении русской и прусской армий под Егерсдорфом 19 августа 1757 г.? Ответ находим в Инструкции командующего артиллерией, где выделены пункты по использованию секретных гаубиц: они распределялись в полки по одному орудию в дополнение к четырем 3-фунтовым пушкам, не открывая их секрета до начала боевого применения.

Командир роты Архангелогородского полка А. Болотов так описывал Егерсдорфское сражение: «В сие время привезены были в полки новые и славные секретные шуваловские гаубицы. Мы удивились, увидев сии огнестрельные орудия, и не могли довольно начудиться, для чего дулы прикрыты у них медными сковородками, и замкнуты, и опечатаны. К сим пушкам и близко никого не допускали. Но всегда стоял подле ее особливый человек, а для стрельбы определен был в каждый полк особливый артиллерийский офицер с особой канонирской командой, которой под смертной казнью запрещено было о них сказывать». И далее описание хода боя: «Одни только пушечные выстрелы были отличны, а особенно из наших секретных шуваловских гаубиц, которые по особенному своему звуку и густому черному дыму мы (могли. – *В.О.*) явственно видеть и отличать от прочей пушечной стрельбы».¹⁹

В донесении императрице после сражения под Егерсдорфом главнокомандующий генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин отмечал: «Наша артиллерия, а особливо новоизобретенные генералом-фельдцейхмейстером графом Шуваловым, по имени его шуваловскими названные, гоубицы такое при том имели действие, что, заслуживая ему справедливую похвалу, не токмо не допустили стреляющегося неприятеля ворваться в наши линии,

но паче кавалерию его в крайнее привели замечание (замешательство. – *В.О.*)»²⁰.

В конце 1757 г. П.И. Шувалов предлагает отказаться от придания секретных гаубиц полкам, предлагая разделение секретных гаубиц на 35 партий с прибавкой к ним постулавших в войска единогого.

По данным ведомостей о наличии артиллерии были отлиты в Московском арсенале орудий 72 секретные гаубицы. Но в действительности в действующую армию отправлено 63 орудия; из них 13 передано в союзную австрийскую армию. На декабрь 1757 г. в войсках числилось всего 30 секретных гаубиц. 16 орудий – в полевой артиллерии Главной армии (из них 2 орудия выведены из строя – их разорвало в сражении под Егерсдорфом) и 14 – в полевой артиллерии Обсервационного корпуса²¹. По этой причине главнокомандующий генерал-аншеф В.В. Фермор писал П.И. Шувалову о невозможности выполнить его распоряжение о разделении секретных гаубиц на партии в связи с отсутствием необходимого количества орудий.

В сражении под Цорндорфом 14 августа 1758 г. на «партии» разбивались 14 шуваловских гаубиц в полевой артиллерии Главной армии. В каждой партии, которые прикрывали фланги пехотных или гренадерских полков, по 2 гаубицы и по одному единорогу²². Секретные гаубицы артиллерии Обсервационного корпуса придавались его полкам.

Генерал-майор К.Б. Бороздин в донесении после сражения писал П.И. Шувалову: «Всего печальнее не сыскано бывших в Главной армии и Обсервационном корпусе при полках 17-ти шуваловских гаубиц, которые заступлены (захвачены. – *В.О.*) неприятелем на месте баталии, а часть была брошена сверх того, которые удалось собрать при помощи некоторых полковых чинов, гусар и казаков, коим было обещано и выдаваемо за то денежное вознаграждение».²³

Оставление неприятелю секретных гаубиц, утрата которых беспокоила Шувалова и артиллерийское командование, как писал Н.Е. Бранденбург, потеря управления подразделениями, отсутствие офицеров-артиллеристов в боевых порядках в сражении под Цорндорфом – вопросы, которые стали основой проведенного дознания, «не разоблачилась ли на пользу неприятеля» тайна гаубиц.

Командиром одной из партий был подпоручик Александр Хомотов (между 4-м Гренадерским и Смоленским полками) сообщал,

что партия, которой он командовал, первой подверглась нападению прусской конницы. Расчеты выстрелили 40 и 35 зарядов, после чего у одной из гаубиц раздуло ствол. После безуспешной попытки втроем вывезти гаубицу она была оставлена; оставшихся в живых солдат Хомутов вывел к своим войскам.

Объяснения офицеров и солдат, рассказ гантлангера Козьмы Гнильцова, бывшего в составе партии при Черниговском полку и попавшего вследствие двух ранений в плен, показали, что артиллеристы Бомбардирского корпуса были действительно проникнуты сознанием всей важности сохранения доверенной им тайны и предпринимали все возможное для спасения орудий от неприятеля. Выяснилось, что неприятелю не удалось захватить снарядов секретных гаубиц, потому что был израсходован весь боекомплект, следовательно, не была раскрыта их тайна, несмотря на все расспросы, «не знает ли кто, как и чем те орудия заряжаются, чтобы знающие заряды делать и действовать секретные гаубицы явились» за предлагаемые вознаграждения. Это подтверждалось и объяснением пленного прусского поручика Анориуса в 1759 г., что зарядов к шуваловским гаубицам не одного не досталось, захваченные орудия, невзирая на курьезность, переливались в обыкновенные, по свидетельству же прусских артиллерийских офицеров – оные русские орудия жесточайше и далее их стреляют»²⁴.

Захваченные неприятелем гаубицы были доставлены в Кюстрин, затем по приказу короля Фридриха – в Берлин, выставлены на обозрение и потом отправлены на переплавку. В 1760 г. среди трофеев королевских цейхгаузов Берлина были обнаружены 3 секретные гаубицы образца 1753 года – «две на лафетах, одна без лафета», захваченные под Цорндорфом²⁵.

В сражении под Пальцигом 12 июля 1759 г. Н.Е. Бранденбург насчитывает в составе Бомбардирского корпуса 34 секретных гаубицы (из них – «нового рода» – 17). В полевую артиллерию были переданы 18, при прикрытии обозов – 4.

В наставлении перед сражением командующий артиллерией генерал-поручик К. Бороздин ставит задачи командирам партий секретных гаубиц: из гаубиц нового рода на батареях открывать огонь ядрами за версту (1065 м. – *В.О.*) и даже более; картечами «большими» дальними за 200 сажень (426 м), а ближе – средними и меньшими скорострельною пальбою, прицеливаясь горизонтально. Из второй линии стрелять ядрами через головы своих. Гаубицам в партиях «во

фронте» (полков первой линии. – *В.О.*) поддерживать огонь пушек и единорогов своим картечным огнем.

Н.Е. Бранденбург приводил слова К. Бороздина о действиях артиллерии в сражении при Пальциге: «неприятеля нового рода гаубицами и единорогами «нечаянно (внезапно. – *В.О.*) столь встретили скорострельною стрельбою картечами храбро, что едва ль кто из передних спастись могли».²⁶ В своей реляции по итогам сражения генерал-фельдмаршал П.С. Салтыков писал, что «единороги и шуваловские гаубицы ужасное имели действие».

В ведомостях мы видим свидетельства применения секретных гаубиц, приданных полковой артиллерии. Из 835 снарядов сделан 361 выстрел из секретных гаубиц. В Обсервационном корпусе – 162 выстрела из 254 общего числа выстреленных снарядов. В полевой артиллерии из 18 секретных гаубиц произведено 495 выстрелов. В.Ф.Масловский отмечал, что в сражении при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г. прусская пехота была встречена «губительным огнем» секретных гаубиц». Из 269 орудий действующей армии в сражении участвовали: в Бомбардирском корпусе – 25 секретных шуваловских гаубиц, в том числе 17 «нового рода» и в полках Обсервационного корпуса – 10 гаубиц²⁷.

1760 год в истории Семилетней войны знаменателен участием русской армии во взятии Берлина. В марте секретные гаубицы распределялись в партии по артиллерийским бригадам. 28 сентября архивные документы фиксируют боевое применение секретных гаубиц при взятии Берлина. Выстрелено из секретных гаубиц нового рода: бомб 160, ядер 55, брандкугелей 26, картечей 18. Причем из единорогов под Берлином сделано всего 152 выстрела²⁸.

Шуваловские гаубицы находились в артиллерии действующей армии до конца Семилетней войны. Тогда же принимались решения о вооружении гаубицами образца 1758 г. артиллерии полков, несших охрану границ и гарнизонов крепостей²⁹. Одно из последних приказанных распоряжений самого П.И.Шувалова «о вылитии к шуваловым гаубицам “нового рода” по 50-ти к каждой трех калиберов бомб, ядер, брандкугелей» и об отправке команды для изготовления для крепостей сибирских гарнизонов 10 шуваловских секретных гаубиц³⁰. После смерти П.И. Шувалова в 1762 г. орудия как сложные в изготовлении были сняты с вооружения, хотя в войсках находились до середины 70-х гг. XVIII в.

- ¹ Столетие Военного министерства. Т. 6. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. Ч. 1. Сост. Д.П. Струков. СПб., 1902. С. 227; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 14.
- ² История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1. Кн. 2. С. 32; Прочко И.С. История развития артиллерии. СПб.: Полигон, 1994. С. 103–104.
- ³ Сенатский архив. Т. IX. Протоколы Правительствующего Сената. 1753–1756 гг. СПб., 1901. С. 107.
- ⁴ Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова. М., 1842. С. 80.
- ⁵ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 2. / Сост. А.Е. Пресняков. СПб., 1911. С. 31; Андриянен С.В. Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб.: СПбГУЭФ, 2011. 239 с.
- ⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 38–38 об.; Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 26.
- ⁷ Сенатский архив. Т. IX. С. 107, 109, 185–188, 194–196, 200, 227; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 998. Л. 1–3.
- ⁸ Бранденбург Н.Е. Каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. 2 (XVIII в.). Вып. первый. Репринт // В кн.: Артиллерийский музей. СПб.: Арт-Палас, 2001. С. 76–102.
- ⁹ Сенатский архив. Т. IX. С. 194–196, 200, 218, 224.
- ¹⁰ ВИМАИВиВС. Инв. № 2/17; Канинский О.М. Исторический арсенал // Музей военной истории и боевой славы. СПб., 1996. С. 96.
- ¹¹ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 184.
- ¹² Данилов М.В. Записки артиллерии майора... С. 80.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 376. Л. 38; Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 2, 29.
- ¹⁴ Баранов П. Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Сенатском архиве за XVIII век. Т. III, 1740–1764 гг. СПб., 1878. С. 234–278; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 14–15.
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 376. Л. 40–43; Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 142; Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIV. Ч. 1. С. 295–333.
- ¹⁶ Энциклопедия военных и морских наук. Т. 8. СПб., 1897. С. 392; Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.
- ¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 105, 113.
- ¹⁸ ВИМАИВиВС. Инв. № 2/69, 2/16, 2/70; Канинский О.М. Исторический арсенал. С. 96.
- ¹⁹ Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796 гг. Т. 1. Тула, 1888. С. 155.
- ²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 364.
- ²¹ Там же. Л. 58.
- ²² Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны. Артиллерийский журнал. 1898. № 4. С. 281–282.
- ²³ Там же. С. 304.
- ²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 1. Д. 20. Л. 320–324, 628–630; Пашута В.Л., Оточкин В.В. Военно-историческая антропология и боевое применение артиллерии в Семилетней войне 1756–1763 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды IV международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. Ч. III.

СПб.: ВИМАИВиВС. С. 437–448.

²⁵ Архив ВИМАИВиВС, Ф. НС. Оп. 1. Д. 20. Л. 207.

²⁶ Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны. Артиллерийский журнал. 1898. № 9. С. 715.

²⁷ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. С. 125, 129; Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны. Артиллерийский журнал. 1898. № 9. С. 705; 1899. № 2. С. 107; Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 762.

²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 810, 822, 832.

²⁹ Там же. Ф.2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 121, 125; История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 184.

³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 790. Л. 73 об.

М.К. Павлович (Москва)

МУЗЕИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Судьбе старейшего музея Москвы в 1941–1945 гг. посвящено немало работ. В год семидесятилетия Великой Победы мы вновь обращаемся к этой теме, чтобы отдать дань памяти и уважения нашим коллегам, вписавшим свою славную страницу в историю самой страшной и кровопролитной из всех войн, которые только знало человечество. На основании архивных источников мы стараемся дополнить некоторые факты, уже имеющиеся в более ранних публикациях¹.

Предвоенные годы для кремлевских музеев были связаны с большими переменами. По Постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. Оружейная палата и архитектурные памятники со всеми находящимися в них предметами декоративно-прикладного искусства и иконописи, а также произведения художественного литья (Царь-колокол и Царь-пушка) были переданы в Управление коменданта Московского Кремля (УКМК). Для приема музея из ведения Комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР 27 апреля была образована специальная комиссия. В ходе ее работы вскрылись серьезные недостатки, допущенные директором – бывшим командиром Красной Армии, ставленником Наркома внутренних дел Н.И. Ежова К.Г. Масловым. «Некоторые произведения искусства хранились в хаотическом состоянии, без малейшего соблюдения правил музейного хранения, отдельные экспонаты из ткани XVI–XVII вв. были прибиты в витринах ржавыми толстыми гвоздями... ларь испанской работы XVI в. использовался для сбора мусора...»². Описи не соответствовали реальному положению дел, музейные залы напоминали случайное

хранилище предметов, а не грамотно и логично выстроенную экспозицию, имелись грубые нарушения в финансовой сфере. Вскоре была создана новая компетентная комиссия. В ее состав вошли представители Наркомфина и Наркомата внутренней торговли СССР (опытные ювелиры-эксперты), научные сотрудники Государственного исторического музея и Третьяковской галереи. Задачи комиссии состояли в проведении проверки наличия и сохранности предметов Оружейной палаты и соборов, составлении новых описей и других учетных документов, а также определении примерной стоимости музейного собрания. В результате работы комиссией был составлен акт, на основании которого и состоялась передача всего имущества Государственной Оружейной палаты и музеев-соборов новому директору – Н.Н. Захарову. Николай Никитович, ранее работавший помощником заведующего сектором отдела руководящих партийных органов ЦК КПСС³, сумел организовать подчиненный ему небольшой коллектив на выполнение поставленных задач. Основной из них было составление единой учетной книги с занесением ювелирных данных и сведений о сохранности памятников и создание научных описей на ее основе. Выпускник института имени Н.Э. Баумана, он не имел специальных навыков и знаний в музейном деле, но обладал прекрасными организаторскими способностями, живым природным умом, честностью, порядочностью, исключительной трудоспособностью и трудолюбием, чувством ответственности за порученное дело. Доброжелательный и внимательный к людям, он являл яркий контраст прежнему директору. Николай Никитович не давал хода и анонимным письмам и доносам, аресты прекратились. Обстановка в музее входила в спокойное, деловое русло. Возрождались многие виды музейной деятельности. Шла планомерная работа над описью, созданием путеводителей и задуманного еще в середине 1930-х гг. научного сборника «Государственная Оружейная палата», на издание которого уже были выделены средства и заключен договор с издательством «Искусство»⁴. Осуществить намеченное помешала Великая Отечественная война, поставившая перед коллективом главную задачу – сохранить бесценные сокровища в изменившихся условиях.

22 июня 1941 г. в 10 утра, как в обычные дни, у Боровицких ворот собралась небольшая толпа экскурсантов. Несмотря на то, что свободный вход в Кремль был отменен еще в 1930-е гг., по заявкам от учреждений и предприятий, направлявшимся вместе со списка-

ми желающих, ежедневно проходило несколько групп. Вскоре было объявлено, что экскурсии отменяются. В 12 часов небольшой коллектив сотрудников – всего 19 человек, 11 из которых представляли административный и научный персонал, из выступления по радио Председателя Совнаркома и Наркома иностранных дел В.М. Молотова узнали о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. А уже 23 июня по распоряжению коменданта Московского Кремля Николая Кирилловича Спиридонова коллектив музея приступил к демонтажу экспозиции и упаковке экспонатов. По воспоминаниям Н.Н. Захарова, это был умный, волевой руководитель и прекрасный организатор. В залы музея срочно доставили все необходимые упаковочные материалы и ящики. В 1941 г. планировалось начать ремонт Оружейной палаты, поэтому ящики для перемещения экспонатов были изготовлены заблаговременно. Сначала паковались более мелкие предметы ювелирного искусства, затем в специальные ящики укладывали более крупные изделия из драгоценных металлов – кубки, потиры, чаши, блюда, ткани, оружие и т. д. Старший научный сотрудник Николай Васильевич Гордеев позднее вспоминал об этом так: «Необходимо было убрать и запаковать ценнейшие памятники русской культуры и отправить в глубокий тыл. Началась напряженная работа, которая не прекращалась ни днем, ни ночью. Все витрины были открыты, огромные ящики расставлялись по залам. Нам помогала постоянно рота солдат Кремлевского гарнизона: солдаты менялись, а мы оставались на своих местах, ночью по очереди спали, сидя в креслах. Кипела спешная работа в течение семи дней»⁵. Николаю Васильевичу как самому умелому и опытному сотруднику была поручена упаковка наиболее сложных и крупногабаритных экспонатов – тронных кресел, подсвечников, окладов евангелий, изделий из хрупких материалов. Упакованные ящики закрывались на замки, опломбировались, нумеровались, а затем в специальном журнале отмечались их номера и место хранения.

Первоначально предметы предполагалось укрыть на территории Кремля – в Тайницкой башне, подклете Благовещенского собора, Арсенале, запасниках палаты. Но обстановка на фронте ухудшалась, враг стремительно приближался к столице. По предложению коменданта Н.К. Спиридонова были приняты меры по маскировке древнего центра столицы с целью «затруднить противнику при подлете отыскание Кремля на фоне г. Москвы»⁶. В этих тяжелых условиях и было принято решение об эвакуации сокровищ на Урал. Директор

палаты капитан госбезопасности Н.Н. Захаров получил предписание – отбыть с наиболее ценными экспонатами из Москвы. Вместе с ним первую партию ценного груза сопровождали младший лейтенант В.Д. Павлов и сотрудники музея – сержанты Н.В. Гордеев, А.В. Баянов и контролер (главный хранитель) сержант Е.А. Ефимов, а также делопроизводитель О.С. Владимирова. В выданном Н.Н. Захарову удостоверении за подписью Н.К. Спиридонова в целях безопасности не было указано место назначения. Заканчивался документ словами: «Просьба ко всем органам НКГБ и НКВД в пути следования оказывать тов. ЗАХАРОВУ Н.Н. всемерное содействие»⁷. Погрузка упакованных и опломбированных ящиков проходила с 22 часов 29 июня до 12 часов 30 июня. Сохранился список лиц, участвовавших в работе при отправлении ценностей на восток⁸. Н.Н. Захаров отвечал за отправку ящиков из Оружейной палаты, зав. учетом М.А. Кирильцева и делопроизводитель О.С. Владимирова осуществляли их регистрацию. А.В. Баянов отвечал за отправку ящиков с предметами из соборов, а К.П. Наумова и В.С. Валуев их регистрировали. Контролер Е.А.Ефимов был ответственным за приемку и установку ящиков и упаковок в железнодорожных вагонах. Погрузку ящиков в машины, а затем их разгрузку и доставку в вагоны помогали осуществить солдаты кремлевского гарнизона. В 10 часов вечера того же дня экспонаты, занявшие три пульмановских (больших спальных) вагона, отбыли с Северного (Ярославского) вокзала. Сотрудники ехали в соседнем обычном вагоне. Сопровождали груз и красноармейцы. Всего этим рейсом было вывезено 163 ящика и ряд упакованных в мешки крупногабаритных предметов, в том числе орел из слоновой кости на подставке, подаренный японским императором императору Николаю II по случаю коронации в 1896 г. Не обошлось в пути и без неприятностей. На станции Свеча Кировской области в полу одного из вагонов обнаружили трещины и расхождение досок. Состав был задержан, пол отремонтировали. В ночь на 5 июля ценный груз прибыл в Свердловск (ныне Екатеринбург), где его встретили и помогли доставить до места назначения курсанты Свердловской школы УНКГБ. Для транспортировки ящиков были выделены автомашины. Через три дня прибыла вторая группа экспонатов в сопровождении В.С. Валуева и К.П. Наумовой. 10 июля А.А. Старухина (Гончарова) привезла на Урал последнюю группу предметов, преимущественно из фондов музея. Всего за три рейса из Кремля было вывезено около 75 процентов экспонатов. В палате

осталась коллекция экипажей, несколько тронных кресел, скульптура Наполеона I и ряд других предметов, упаковка и транспортировка которых из-за больших размеров была крайне затруднительна. Из-за сложности демонтажа иконостасов не была эвакуирована и подавляющая часть икон из кремлевских соборов, на Урал вывезли всего несколько образов. Вместе с сотрудниками приехали их семьи. В июле прибыл в Свердловск реставратор по ювелирным изделиям и драгоценным металлам А.Н. Кривцов, последней приехала заведующая отделом учета М.А. Кирильцева. К концу 1941 г. К.П. Наумова была отозвана в Москву, а А.Н. Кривцов после тяжелой болезни скончался. Таким образом, в эвакуации трудились девять человек. Это директор Н.Н. Захаров, зам. директора по хозяйству А.В. Баянов, контролер Е.А. Ефимов, научный работник Н.В. Гордеев, экскурсоводы А.А. Старухина (Гончарова) и В.С. Валуев, зав. учетом М.А. Кирильцева, реставратор А.П. Ключикова (Кушнерева) и секретарь-делопроизводитель О.С. Владимирова. Оставшиеся в Москве работники, в основном технический персонал, были распределены по отделам комендатуры Кремля. М.Г. Бакланова (впоследствии великолепный реставратор по тканям) была прикомандирована к коллективу Большого Кремлевского дворца. Ей и вахтеру Ф.М. Барашкову было поручено осуществлять наблюдение за сохранностью архитектурных памятников и оставшихся в здании Оружейной палаты экипажей и других экспонатов⁹.

Время подтвердило правильность решения об эвакуации. Буквально через две недели, с середины июля Москва стала систематически подвергаться массированным бомбардировкам немецкой авиации. Кремль оделся в маскировочные ткани. Золотые купола и кресты храмов были выкрашены темной краской, рубиновые звезды на башнях выключены и зачехлены темной материей. Царь-колокол укрылся тесовым настилом. На крышах зданий, замаскированных под городские кварталы, установлены пулеметы, под стенами собора Двенадцати апостолов находились броневики. В сквере рядом с Ивановской площадью разместилась зенитная батарея. В октябре 1941 г. Москва перешла на осадное положение. Несмотря на усилия частей противовоздушной обороны, во время вражеских налетов на столицу пострадал и ее древний центр, на него упало множество зажигательных и пятнадцать крупных фугасных бомб. Снаряды падали рядом с Архангельским собором, Боровицкими воротами, у западного фасада Большого Кремлевского дворца, серьезно пострадал Арсенал.

Главной задачей коллектива стало обеспечить сохранность вывезенных сокровищ. Для исключения даже малейшей возможности их хищения за все время эвакуации свердловчане даже не подозревали, что за груз прибыл к ним из Москвы. Исторические ценности были размещены в небольшом помещении (около 154 квадратных метров площадью и 558 кубических метров объемом) в здании управления НКВД Свердловской области на ул. Ленина. Здание сохранилось до сих пор. При разгрузке ящиков из машин их ставили в хранилище в беспорядке, просто нагромодив друг на друга. 7 июля приступили к разборке и проверке сохранности экспонатов, что было непросто из-за тесноты выделенного для них места. Чтобы достать что-то из одного ящика, надо было порой поднять и переставить 5–6 других. Для лучшей организации работы перед ее началом была разработана особая инструкция по пересмотру предметов¹⁰. Во время транспортировки ни одна пломба на ящиках не была сорвана. В течение июля весь доставленный груз был детально осмотрен и сверен с имевшимися поящичными списками. В пути пострадали орел из слоновой кости и несколько изделий из хрусталя. 4 августа Н.Н. Захаров отправил в Кремль рапорт о доставке и размещении ценностей, обратил он и с просьбой прислать упаковочные материалы, нафталин и гвозди, необходимые для изготовления тары для большемерных предметов¹¹. Благодаря активной работе сотрудников к концу 1941 г. условия хранения были существенно улучшены. Практически с первых дней пребывания в Свердловске решился вопрос и о внешней охране сокровищ.

За годы войны директор Оружейной палаты Н.Н. Захаров неоднократно приезжал в Москву, чтобы проверить состояние музейных зданий и находившихся в них экспонатов. Так, от взрыва немецкой бомбы в ночь с 5 на 6 марта 1942 г. упали и разбились на мелкие осколки две бронзовые люстры в Архангельском соборе. Во время командировки с Урала в июле того же 1942 г. Н.Н. Захаров совместно с остававшейся в столице М.Г. Баклановой произвел детальный осмотр находившихся в Кремле ценностей. Старинные ткани были переложены, оружие смазано маслом. Тогда же ими был подготовлен к отправке на Урал и 61 ящик, из них 26 – с экспонатами, среди которых находились ткани и предметы вооружения, 22 ящика с историческими альбомами и книгами. Четыре ящика занимали старинные фотографии и рисунки экспонатов Оружейной палаты, выполненные в середине XIX в. академиком живописи Ф.Г. Солнцевым. В

девяяти ящиках находились хозяйственные материалы и черновики, необходимые для составления описей музейного собрания. При содействии Н.К. Спиридонова, выделившего автотранспорт и приславшего в помощь красноармейцев, этот груз был доставлен на Урал. Двое военнослужащих сопровождали вагон до его прибытия к месту назначения¹². В 1943–1944 гг. для проверки оставшихся в Кремле экспонатов вместе с Н.Н. Захаровым приезжали другие сотрудники. Н.В. Гордеев во время своей командировки проклеил ряд икон в Архангельском и Благовещенском соборах, предотвратив этим утрату на них красочного слоя. В личном деле Николая Васильевича сохранилось его отпускное удостоверение для командировки в Москву с пометами о прибытии 2 сентября и убытии из столицы 9 октября 1943 г.¹³

Но основной объем музейной работы выполнялся в Свердловске, строго на основании планов, составлявшихся Н.Н. Захаровым, и поступающих из Москвы распоряжений руководства. Все планы и отчеты обязательно направлялись к коменданту Кремля на согласование. Планы принимались к выполнению только после их утверждения, а отчеты всегда получали одобрение Н.К. Спиридонова. И это неудивительно, сотрудники музея выполняли свою работу с максимальным старанием и ответственностью. В качестве примера приведем отрывок из письма, полученного Н.Н. Захаровым из Управления комендатуры в ответ на посланный им отчет за 1943 г.: «...По ознакомлении с отчетом... Н.К. Спиридонов приказал сообщить Вам, что проделанной работой он удовлетворен»¹⁴. С присущей ему точностью Николай Никитович по каждой позиции плана и отчета всегда указывал количество необходимых или затраченных на их выполнение человеко-часов.

Нередко музейщики сталкивались с непониманием стоящих перед ними задач со стороны ряда представителей руководства Управления НКВД по Свердловской области, в ведении которого находилось здание с сокровищами. Им не раз приходилось выслушивать заявления о том, что не нужно беречь «это барахло», то есть исторические ценности, а просто все «отдать на сплавку». Предпринимались и попытки «перетащить часть вещей в другие, менее... удобные места хранения, с целью освобождения помещения под рабочие комнаты» сотрудников УНКВД¹⁵.

Одним из важнейших направлений деятельности было составление и распечатка на машинке уже упоминавшейся сводной описи эк-

спонатов, работа над которой началась перед войной¹⁶. Многотомное описание всего собрания кремлевских музеев, с указанием сохранности и ювелирных данных, стало главным учетным документом на десятилетия. Эта опись не утратила своего значения и в наши дни, к ней обращаются за справками до сих пор. В 1943–1945 гг. была приведена в порядок и научная библиотека, к ней составили и отпечатали опись, включившую около 5000 наименований, Е.А. Ефимовым проведено описание грамот Соловецкого монастыря¹⁷.

Много внимания уделялось реставрации. Как уже отмечалось, во время транспортировки из-за падения с верхней полки одной из упаковок при резком торможении поезда пострадал орел из слоновой кости, установленный на деревянном пне, несколько перьев из его хвоста оказались поврежденными. Н.В. Гордеев сумел не только починить и прикрепить поломанные перья, но и отчистил уникальное творение токийского мастера от накопившейся за много лет пыли и грязи. Зная, что кость не любит воды, он сначала аккуратно очищал поверхность при помощи мыльной пены, а затем бережно протирал уже чистые места спиртом, чтобы при его высыхании испарилось как можно больше влаги. Учитывая хрупкость материала и огромную площадь поверхности предмета, при эвакуации которого пришлось даже демонтировать двери в верхнем вестибюле Оружейной палаты (размах крыльев птицы составляет 162 сантиметра), понятно, что работа была чрезвычайно трудоемкая и кропотливая. В Свердловске из-за своего размера экспонат даже не смогли сразу внести в здание и временно оставили в упаковке во дворе. После целого ряда попыток пронести в двери главного входа орла наконец установили в коридоре, где он и находился до января 1942 г., пока с большим трудом четыре сотрудника смогли демонтировать скульптуру, отделив орла от подставки, после реставрации все части изделия были уложены в несколько ящиков (позднее он был передан в музей народов Востока как более профильный экспонат)¹⁸. Николаем Васильевичем были отреставрированы в Свердловске и трофеи Полтавской битвы. В этом ему помогали Е.А. Ефимов и А.В. Баянов. Реставратор по тканям А.П. Ключикова проделала колоссальный труд по восстановлению коронационного платья императрицы Елизаветы Петровны, один только шлейф которого имеет длину 5 метров. Работа выполнялась из расчета 2500 квадратных сантиметров в месяц. Тогда же была отреставрирована митра, происходившая из Соловецкого монастыря, и ряд других предметов. Мелкие ювелирные изделия и пуговицы

из драгоценных металлов были нашиты на особые планшеты для экспонирования¹⁹.

Особое место отводилось подготовке к воссозданию музея Оружейная палата. Первый вариант ее тематико-экспозиционного плана был составлен еще в 1942 г., но тогда данная работа являлась несвоевременной. Однако уже с 1943 г. она стала одной из важнейших для коллектива. Одновременно велось углубленное изучение отдельных коллекций и экспонатов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1943 г. в числе других членов личного состава Управления коменданта Московского Кремля «за образцовое выполнение заданий правительства» орденом Красного Знамени были награждены комендант Кремля генерал-майор Н.К. Спиридонов и майор государственной безопасности Н.Н. Захаров²⁰.

Огромное значение в эвакуации придавалось политической учебе и военной подготовке. Каждый рабочий день начинался с политинформации, зачитывались свежие газеты, обсуждались вести с фронта. Выполняя указания Политотдела УКМК, сотрудники изучали историю компартии по книге «Краткий курс истории ВКП(б)» и труды Ленина, с октября 1943 г. читали книгу «Великая Отечественная война Советского Союза», посещали лекции по истории народов СССР и марксистско-ленинской философии при Свердловском юридическом институте, а также лекции на международные темы, проходившие в местном клубе НКВД имени Ф.Э. Дзержинского. Выпускались стенные газеты на злобу дня, в них указывались имевшиеся редкие недостатки, обсуждались новые планы, подводились итоги социалистического соревнования. Всего с июля 1941 г. по июль 1944 г. вышло 22 номера. Регулярно проводились партийные собрания, технические и научные совещания по конкретным вопросам. Как отмечалось в отчетах, «Военная учеба проводилась и проводится внутренними силами и самостоятельно. Коллективом прослушаны лекции и проведены практические занятия по строевой подготовке... изучению материальной части винтовки, станкового пулемета и пулемета-автомата. Повторялись вопросы по противоздушной и санитарной обороне. Повторяется изучение дисциплинарного устава и строевой устав пехоты РККА»²¹. В Свердловске сотрудники и сотрудницы музея научились быстро разбирать и собирать винтовку и стрелять из нее.

Условия жизни в эвакуации были тяжелые. Практически два года, до июня 1943 г., «большинство сотрудников жило на уплотнении в

небольшой комнате по две семьи. Жили в сырых бараках, осенью и летом протекала вода через крышу. Глубокой осенью и зимой промерзали стены, но несмотря на... недостаток квартирных условий, свой служебный долг коллектив ОП (Оружейной палаты. – М.П.) выполнял честно». Только в середине 1943 г. музейщики были размещены в доме НКВД в «городке чекистов». Снабжение продуктами питания, даже картошкой и капустой, было нерегулярным. Чтобы выжить, люди в свободное время занимались «индивидуальным огородничеством», им были выделены небольшие земельные наделы. Члены семей сотрудников работали в детском саду и других учреждениях²². Несмотря на трудности, коллектив Оружейной палаты неоднократно перечислял средства в Фонд обороны, посылал посылки на фронт. Только в 1943 г. в Фонд обороны было перечислено 6125 рублей, собрано для эвакуированных из Нальчика детей – 3125 рублей, а также теплая одежда. Собирались средства для детских садов освобожденного от немцев Краснодара²³. Многие являлись донорами, вели работу в госпитале, помогая раненым, читали лекции по русской истории и искусству. Их работа была признана образцом шефской помощи.

Летом 1944 г. началась активная подготовка к возвращению в Москву. 29 июля Н.Н. Захаровым был составлен план мероприятий по эвакуации ценностей Оружейной палаты из г. Свердловска. В первом его разделе под названием «Подготовительные работы внутри помещения до начала транспортировки» были учтены буквально все мелочи. Это осмотр ящиков и проверка наличия на них замков и пломб, упаковка вещей, осмотр окон, «в которые будут вытаскиваться ящики для погрузки их на автомашины...», с целью проверки, все ли они пройдут, а также освобождение окон от железных решеток и двойных рам. Предусматривалось и приобретение 60 пар брезентовых рукавиц «в целях предупреждения травмы рук» при погрузке, и даже наличие аптечки, если таковые травмы все-таки будут иметь место. С той же скрупулезностью были составлены и другие разделы плана²⁴. Была начата работа по изготовлению макетов экспозиционных залов, написаны тексты для экскурсий: Н.В. Гордеевым – по залам оружия, бытовых экспонатов и церковной утвари, А.А. Гончаровой – по западному серебру, В.С. Валуевым – по коронационному, конюшенному и каретному залам. Чтобы не попортить мраморные полы музея при переноске ящиков, изготовили специальные настилы. Предметы были заново сгруппированы и упакованы так, чтобы

стало возможно разместить их по возвращении сразу в нужном месте. Все это должно было способствовать восстановлению экспозиции в кратчайшие сроки.

В январе 1945 г. по распоряжению коменданта Кремля в Оружейной палате начались ремонтные работы. Закончены они были к 1 марта. Еще ранее, 20 февраля 1945 г., сокровища, проведя три года и семь месяцев на Урале, благополучно вернулись в столицу. Сохранившаяся в семейном архиве Захаровых схема расположения наряда в железнодорожном вагоне, утвержденная генерал-лейтенантом Н.К. Спиридоновым, позволяет судить об их охране во время транспортировки²⁵. Поезд с экспонатами, прибывший к платформе Кутузово, у Дорогомилловской заставы, встречали солдаты Кремлевского гарнизона. На автомашинах ценный груз проследовал на место своего прежнего, постоянного хранения. Ящики с экспонатами были внесены в здание палаты и расставлены по указанию директора и сотрудников. А уже 3 марта коменданту Кремля был представлен исправленный «План работ по восстановлению экспозиции в музейных залах Оружейной палаты»²⁶, подписанный Н.Н. Захаровым и Н.В. Гордеевым. Документ представлял собой топографический перечень размещения коллекций по залам и витринам по хронологии и художественным центрам. Экспозиционные отделы перечислялись в следующем порядке: «1. Каретный зал; 2. Конюшенная казна; 3. Коронационный отдел; 4. Зал западного серебра; 5. Зал русского оружия; 6. Зал бытового отдела; 7. Церковный зал». Всего предполагалось выставить 9000 экспонатов, что при имеющейся площади означало буквально запредельное наполнение витрин. По требованию коменданта Кремля Н.К. Спиридонова восстановление экспозиции нужно было завершить к 15 апреля. Для этого приходилось работать по 10–12 часов в сутки. Так как новое оборудование не все было готово, вынуждены были использовать часть еще дореволюционных витрин. Сотрудники сами сколачивали стенды из эвакуационных ящиков и теса, забивали гвозди. Не хватало обивочных тканей, для их замены пригодились сохранившиеся старые, а также шторы из дворцовых апартаментов. Послевоенная экспозиция была сделана с учетом замечаний комиссии 1939 г. за сорок дней, при этом дополнительно были введены два экспозиционных зала (восьмигранного на первом этаже и круглого на втором), ранее использовавшиеся как хранилища и служебные помещения.

Уже 17 апреля в старейший музей Москвы вошли первые посетители – солдаты Кремлевского полка, помогавшие эвакуировать ценности в 1941 г. и доставить их обратно в феврале 1945 г. В мае 1945 г. экскурсантами Оружейной палаты стали участники парада Победы. Тогда с древними сокровищами ознакомился и будущий президент США генерал Д. Эйзенхауэр. Несмотря на то, что свободный вход в Кремль был по-прежнему запрещен (открылся лишь летом 1955 г.), посетители, попадавшие в музей по заявкам от учреждений и организаций, – ученые, военные, журналисты, деятели культуры и многие другие – могли собственными глазами убедиться, что уникальные коллекции бережно сохранены. В книге записи впечатлений вновь после долгого перерыва появились восторженные отзывы. Приведем некоторые из них. Член-корреспондент Академии наук В.Н. Лазарев писал: «Осмотр Оружейной палаты оставил самое лучшее впечатление. Все вещи находятся в хорошей сохранности и хорошо экспонированы. В таком состоянии Оружейная палата может смело рассматриваться как музей мирового значения»²⁷. Немало отзывов от работников кремлевской комендатуры. Нередко в них находим и выражение благодарности Н.В. Гордееву, Л.В. Писарской и А.А. Гончаровой за прекрасные экскурсии²⁸. Не остались безучастными и сотрудники Государственного Исторического музея Т.Г. Гольдберг, М.М. Постникова и Е.Н. Дмитриева, посетившие Кремль 7 июля: «Осмотр Оружейной палаты, вернувшейся из эвакуации, произвел на нас потрясающее впечатление. Будучи издавна и хорошо знакомы с сокровищами этого собрания, мы глубоко поражены той огромной работой, которую провел коллектив сотрудников палаты в такой короткий срок. Памятники прибыли в прекрасном состоянии... план экспозиции детально продуман и несомненно убедителен и логичен. Отдельные вещи... прекрасно отреставрированы и спасены от разрушений... В новой экспозиции каждая вещь этого единственного в мире собрания найдет свое место, строго обдуманное и наиболее выигрышное. От имени старых музейных работников выражаем... новым молодым кадрам и их руководителю наше искреннее восхищение их работой и благодарность за их любовь и преданность тому делу, которому они призваны служить»²⁹.

С 1946 г. началась реставрация архитектурных памятников Кремля, пострадавших от вражеских бомбардировок. Велась научная работа, продолжалось совершенствование учета и хранения. За счет выпускников и выпускниц столичных вузов расширился штат пала-

ты. Увеличивался поток экскурсантов. Менялось время, менялся и Московский Кремль.

Сотрудники Оружейной палаты не воевали на фронтах Великой Отечественной войны, не стояли в две смены у станков на военных заводах, но всем сердцем и мыслями они были на передовой, свято веря в Победу. Своим самоотверженным трудом и высоким профессионализмом они сумели сохранить историческое и культурное достояние своей Родины, вечная им за это память от благодарных потомков.

¹ См., например, Закс А.Б. К истории Государственной Оружейной палаты (1917–1956) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. 6; Захаров Н.Н. Из истории Государственных музеев Московского Кремля // Материалы и исслед. / Гос. музеи Моск. Кремля, 1. М., 1973. С. 9–33; Смирнова Е.И. Оружейная палата в 1941–1945 годах // Материалы и исслед. / Гос. музеи Моск. Кремля, 14. М., 2002. С. 122–129; Павлович М.К. Московский Кремль. История спасения сокровищ // Музейный фронт Великой Отечественной. М., «Гелиос АРВ», 2014. С.200–208.

Автор приносит свою благодарность родственникам Н.Н. Захарова и Н.В. Гордеева за переданные в архив музея документы и фотографии.

² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. «о.к.». Д. 965. Личное дело Н.Н. Захарова. Л. 6.

³ См.: там же. Д. 965. Л. 1–4.

⁴ См.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. науч. трудов. М., 1954.

⁵ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. «о.к.». Д. 235. Личное дело Н.В. Гордеева. Л. 7.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 9. Л. 172–173. Докладная записка коменданта Московского Кремля Н.К. Спиридонова в СНК СССР об организации маскировки Кремля. 26.06.1941 г.

⁷ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1995 г. Д. 74. Ксерокопия с подлинника из семейного архива Захаровых.

⁸ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1941 г. Д. 21. Л. 1.

⁹ См.: Смирнова Е.И. Указ. соч. С. 123–124.

¹⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1941 г. Д. 1. Л. 2.

¹¹ См.: Смирнова Е.И. Указ. соч. С. 125.

¹² См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1941 г. Д.21; оп. 1942 г. Д. 8. Л. 22–23.

¹³ Там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 235. Л. 37–37 об.

¹⁴ Там же. Оп. 1943 г. Д. 4. Л. 5.

¹⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 3. Д. 16. Л. 1 об. Ксерокопия с подлинника из семейного архива Захаровых.

¹⁶ См., например, там же. Оп. 1943 г. Д. 13. Л. 3.

¹⁷ См., например, там же. Оп. 1944 г. Д. 3; Ф. 32. Оп. 3. Д. 16.

¹⁸ Там же. Оп. 1943 г. Д. 8. Л. 37.

¹⁹ Там же. Оп. 1943 г. Д. 13. Л. 4 об.–5. Д. 8.

²⁰ См.: Там же. Оп. «о.к». Д. 965. Л. 2 об.

²¹ Там же. Ф. 20. Оп. 1995 г. Д. 74. Л. 60.

²² Там же. Л. 61, 60.

²³ Там же. Оп. 1943 г. Д. 4. Л. 10.

²⁴ Там же. Оп. 1995 г. Д. 74. Л. 62 – 65 об.

²⁵ Опубликована в статье: Павлович М.К. Московский Кремль. История спасения со-
кровищ... С. 207.

²⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1945 г. Д. 5.

²⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 1941 г. Д. 29. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 9 об., 13 и другие.

²⁹ Там же. Л. 23 об.

Ф.М. Панфилов (Москва)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАСТЕРОВ ИЗ ДИНАСТИИ ФРАНЧИНО В СОБРАНИИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

В составе уникальной коллекции западноевропейского огнестрельного оружия, которая хранится в Музеях Московского Кремля, можно выделить собрание итальянского оружия XVII–XVIII вв., насчитывающее свыше 120 предметов. Основа его происходит из Санкт-Петербургской Рюсткамеры (от нем. *Rüstkammer*, «оружейная комната»). Эта коллекция охотничьего, боевого и парадного оружия российских императоров в 1810 г. по распоряжению Александра I была присоединена к Оружейной палате Московского Кремля. Одним из источников формирования Санкт-Петербургской Рюсткамеры стала Ораниенбаумская Рюсткамера императора Петра III¹. В 1763 г., уже в правление Екатерины II, была составлена первая опись собрания на русском языке². Все оружие в ней делилось на типологические группы (ружья, фузеи, пистолеты), которые подразделялись на подгруппы по месту производства – в том числе выделялись подгруппы «Пистолеты италианские» и «Италианские ружья». В описи Санкт-Петербургской Императорской Рюсткамеры 1810 г. оружие из Ораниенбаумской Рюсткамеры, поступившее в начале 1770 г. в распоряжение Егерского двора Обер-егермейстерской канцелярии, составило отдельную самостоятельную группу, озаглавленную «Сверх того поступивших из Ораниенбаумской Рюст-Камеры в Оберегермейстерскую канцелярию»³.

Согласно сведениям архивных документов, именно из Ораниенбаумской Рюсткамеры происходят те немногочисленные образцы итальянского огнестрельного оружия из собрания Музеев Московского Кремля, стволы которых подписаны мастерами из династии оружейников Франчино. Это две пары пистолетов с ударно-

кремневым замком (инв. № Ор-2597, Ор-2598; Ор-2346/1-2, Ор-2347/1-2) и ружье с ударно-кремневым замком (инв. № Ор-608/1-2). До настоящего момента они не становились предметом научных публикаций и экспонатами выставок, хотя некоторые из них упоминаются в работах иностранных авторов, опирающихся на краткие характеристики из «Описи Московской Оружейной палаты» 1886 г.⁴

В тексте «Ведомости состоящей во Араниенбومه оружейной каморы бывшего императора» обе пары пистолетов приведены в подразделе «Пистолеты италянские»: «пистолеть пара мастеръ Ганнибал Францино прибор и личинки железныя» и «пистолеть пара мастеръ Гиобатъ Францино прибор и личинки железныя»⁵. Несколько подробнее охарактеризовано ружье в подразделе «Италянские ружья»: «Ружье мастеръ Ганибаль Францино прибор железной резной работы личинка серебряная наподобие лица»⁶.

Эти же вещи значатся в числе переданного из Ораниенбаумской Рюсткамеры в описи Санкт-Петербургской Императорской Рюсткамеры 1810 г. В разделе «Пистолеты. Италянскіе» под № 9 описана пара пистолетов: «Стволы круглые, гладкія, на казне оброть и надпись Аннибале Францино. Замки круглые с обротью, приборы рельефныя резныя, ложки ореховыя»⁷. Под следующим номером представлена вторая пистолетная пара: «Стволы гладкіе, на казне долики и надпись: Гиобатъ Францино, замки плоскіе с порезкою и на них надпись Реттори, приборы железныя съ порезкою, ложки ореховыя»⁸. В разделе «Фузеи. Италянскіе» содержится запись: «Ствол гладкой, на нем мишень серебряная и надпись Аннибале Францино, замокъ полукруглой обронной, приборъ железной обронной, ложа ореховая»⁹. В «Описи Московской Оружейной палаты» 1886 г. описания ружья и одной из пар пистолетов (инв. № Ор-2597, Ор-2598) почти так же лаконичны, как и в более ранних документах. «Ружье съ железнымъ приборомъ съ надписью на стволе, “Annibale Francino”, а на замке, “Philippo Moretto”» и «пистолетовъ запоясниковъ пара; стволы огранены отъ казны, с надписью: “Gio. Batt Francino.” Прибор железный; у одного запоясного крючка недостает»¹⁰. Значительное внимание уделено другой паре пистолетов – здесь составитель описи не только останавливается на деталях, отмечая «богатую резьбу», но и приводит результаты измерений¹¹.

Два пистолета, датируемые по инвентарю первой четвертью XVIII века (инв. № Ор-2346/1-2, Ор-2347/1-2), действительно выделяются богатым декором. Общая длина пистолетов составляет 49 см,

длина ствола — 32,5 см, калибр – 15 мм. На стволах сохранилась надпись ANNIBALE FRANCINO, на пластинах у спускового крючка есть подпись ANTONIO MORETTI. Стволы железные, кованые, с прицельной гранью; рукояти деревянные, с резьбой и гербовым щитком; прибор железный; шомполы деревянные с железным приборником. Казенная часть ствола украшена рельефной фигурой скачущего всадника с обнаженной шпагой в руках. К седлу всадника прикреплен пистолет в кобуре-ольстере.

На замочной доске и затыльнике рукояти помещены рельефные композиции на мифологические сюжеты, причем сцены, представленные на парных пистолетах, дополняют друг друга. Изображения на замочных досках иллюстрируют историю Персея и Андромеды, тогда как композиции на затыльниках посвящены Орфею и Эвридике. На затыльнике одного из пистолетов Орфей в стилизованном античном доспехе играет на смычковом инструменте, похожем на ренессансную лиру (ит. *lira da braccio*), усыпляя адского стража – трехголового пса Цербера. Сценка на втором пистолете показывает, как Орфей пытается вывести из загробного мира свою возлюбленную Эвридику. Певец ведет обнаженную Эвридику за руку, сжимая в правой руке лиру; при этом Эвридика оглядывается назад, повернувшись к зрителю спиной. Собственно загробный мир представ-

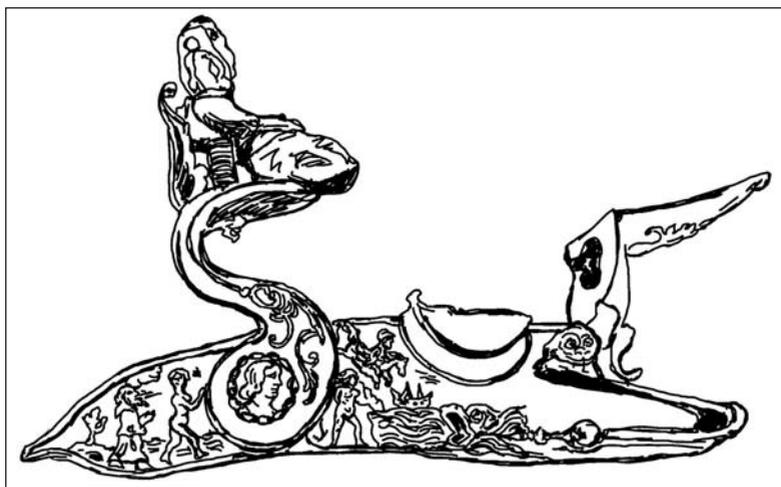
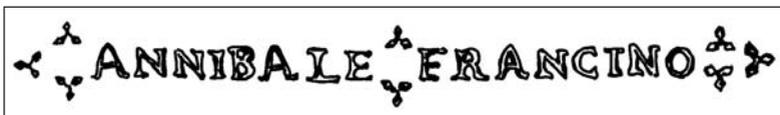

Рис. 1. Сюжеты из истории Персея и Андромеды на замочной пластине (инв. № Ор-2346/1-2)

лен в виде разверстой пасти чудовища, внутри которой и происходит действие в обоих случаях (ср. «на поддонахъ вычеканены человеческія фигуры въ пасти чудовищной головы» в «Описи Московской Оружейной палаты»). Серия из четырех сцен на замочных досках рассказывает об освобождении Андромеды от морского чудовища – популярном сюжете в западноевропейском искусстве раннего Нового времени¹². Интересной особенностью является то, что в одной из композиций на замочных досках Персей летит на Пегасе – как другой герой, Беллерофонт. В античной традиции Персей перемещался по воздуху в крылатых сандалиях, а Пегас принадлежал Беллерофонту. В искусстве маньеризма и барокко Персей зачастую изображается именно на Пегасе. Его можно видеть на гравюрах и картинах работы многих западноевропейских мастеров, в том числе Виргилия Солиса (1514–1562), Иоахима Юттеваля (1566–1638), Питера Пауля Рубенса (1577–1640), Теодора ван Тюльдена (1606/1607–1669)¹³. Среди итальянских живописцев парящего на коне Персея изображал маньерист Джузеппе Чезари (Кавалер д’Арпино; 1568–1640). История Орфея также была популярным сюжетом в барочном искусстве, особенно в итальянской барочной опере XVII в., а в работах художников Италии часто встречается еще в XV–XVI вв. (гравюры Перегринно да Чезена, Маркантонио Раймонди, Агостино Карраччи)¹⁴.

Герб, помещенный на противозамочной пластине пистолетов, возможно, имеет польское происхождение (в «Описи Московской Оружейной палаты» о нем сказано только «на нижней, сквозной доске княжеский гербъ»). На гербе, внутри нижней фигуры, можно различить следы шраффировки, передающей финифть (лазурь). Можно предложить следующее предварительное описание (блазон) герба: на серебряном щите лазоревая перевязь, обремененная неизвестной фигурой и подковой шипами вверх, в середине которой крест (герб Ястршембец?). Щит увенчан короной, в качестве щито-держателей выступают пленники. На происхождение заказчика из Восточной или Центральной Европы может указывать и необычный мужской профиль на предохранительном щитке одного из пистолетов (инв. № Ор-2346/1-2). В отличие от гладко выбритого воина в римском шлеме на предохранительном щитке парного пистолета, здесь изображен длинноусый человек в характерном головном уборе, напоминающем колпак. Высеченный на хвостовиках стволов номер 78, скорее всего, указывает на происхождение из коллекции Оттона Фридриха Брюммера¹⁵.

**Рис. 2. Подпись «ANNIBALE FRANCINO» на казенной части ствола
(инв. № Ор-6081-2)**

Ствол ружья (инв. № Ор-608/1-2), датируемого, согласно инвентарю, 1730 г., также подписан ANNIBALE FRANCINO, на замке сохранились подписи FILIPPO MORETTI F и F. MORETTI F. Общая длина ружья – 156,5 см, длина – ствола – 118,5 см, калибр – 16 мм. Ствол ружья – железный, кованый, восьмигранный в казне, с серебряными прицелом и мушкой, упомянутыми в описи Санкт-Петербургской Императорской Рюсткамеры 1810 г. («мишень серебряная»). На курке и противозамочной пластине среди растительного орнамента помещены мужские профили в лавровых венках (ср. «личинка серебряная наподобие лица» в описи Ораниенбаумской Рюсткамеры), на предохранительном щитке – рельефный женский портрет. Ложа ружья деревянная, с железным гравированным прибором; шомпол деревянный. Затыльник ложи украшен погрудным изображением молодого мужчины анфас, в длинном парике и доспехе. На хвостовике выгравирована фигура всадника, иконографически очень близкая к рельефному изображению на стволах пистолетов (инв. № Ор-2346/1-2, Ор-2347/1-2). Совпадают и общая композиция, и наряд всадника, и рельеф местности, по которой скачет конь, и наличие седельного пистолета. Только оружие в руках всадника в этом случае больше напоминает тесак, чем шпагу. Можно предположить, что для оформления и пистолетов, и ружья использовался один и тот же фигуративный образец, например, гравюра из пользовавшихся большой популярностью в XVII–XVIII вв. французских альбомов.

Общая длина пистолетов второй пары (инв. № Ор-2597, Ор-2598) составляет 43,5 см, длина ствола – 28,1 см (28,0 для инв. № Ор-2598), калибр – 14,2 мм. Согласно инвентарному описанию, пистолеты датируются серединой XVIII в. На стволах имеется надпись GIO. BATT. FRANCINO, на замках – RETORI. Стволы железные, кованые, шестигранные в дульной и средней частях. Рукояти деревянные, с гербовым щитком и резьбой; прибор железный, с гравировкой. На замочных досках в технике гравировки изображена военная арматура, скомпонованная из литавр, знамен, труб, древкового оружия и пушечных стволов. Шомполы и запоясные крюки утрачены

(отсутствие одного из запоясных крюков отмечается уже в «Описи Московской Оружейной палаты» 1886 г.). На рукоятях оттиснуты клейма Санкт-Петербургской Рюскамеры, а также выбиты цифры 6097 и 1, 6097 и 2 соответственно.

Говоря о том, что предполагаемым местом изготовления рассматриваемых предметов является Брешия, необходимо уточнить, что речь идет не только о городе Брешия, но и об одноименной провинции в составе материковых владений Венецианской республики (так называемая *domini de teraferma*). К XVII в. Брешия превратилась в один из главных центров производства огнестрельного оружия в Западной Европе¹⁶. На территории провинции Брешия в долине Валь Тромпия, к северу от города Брешия, сложился уникальный комплекс локальных центров оружейного производства: Гардоне, Инзино, Магно, Маркено, Лумеццане, Сареццо. Среди них особенно выделялся Гардоне как основной производитель и поставщик ружейных стволов для Венецианской республики. Мастера из Маркено специализировались на изготовлении замков, тогда как в Лумеццане изготавливали приборы для огнестрельного оружия¹⁷.

Изготовление стволов высокого качества было сопряжено с разделением труда: известно, что в Гардоне действовало несколько различных гильдий или «братств» (*fraglia*), каждая из которых отвечала за отдельный этап производства стволов. Точно перевести их названия на русский язык представляется затруднительным, поскольку речь идет о специфических терминах, характерных именно для оружейного производства в регионе Брешии XVI–XVII вв. Заготовка для ствола выплавлялась в печи (*fogatello*). За первый этап производственного цикла отвечали «боллитори» (*bollitori*) – литейщики, затем наступал очередь сверлильщиков – «тривеллатори» (*trivellatori*). После них стволом занимались правщики – «ливеллатори» (*livellatori*). Мастера, изготавливавшие и ввинчивавшие казенный винт, назывались «витоньери» (*vitonieri*). Окончательная обработка ствола находилась в ведении «молатори» и «форнитори» (*molatori* и *fornitori*).

Секреты производства ревностно охранялись каждым из братств. Как правило, ремесло было наследственным и передавалось в семьях от отца к сыну. Согласно статутам мастеров Валь Тромпии (*Maestranza di Val Trompia*), утвержденным в 1640 г., в братства запрещалось принимать чужаков, переход из одного братства в другое не допускался. А спустя век, в 1740 г., коллегия мастеров получила от

Сената Венеции исключительное право на поставку стволов. Однако запрет на свободную торговлю и зависимость от государственных заказов, периодическое отсутствие которых вызывало тяжелые кризисы, в целом негативно сказывались на развитии производства огнестрельного оружия во владениях Венеции на севере Италии. Уже во второй половине XVIII в. основной центр ружейного производства в Италии переместился на юг от Брешии в Рим, Флоренцию, Неаполь и окрестности этих городов. Брешия продолжала оставаться местом массового производства военного оружия, но город утратил прежнюю международную репутацию как источник дорогого оружия высокого качества, *armes de luxe*¹⁸.

Большинство стволов североитальянского происхождения в коллекции Оружейной палаты подписано мастерами из семьи Коминаццо, продукция которых пользовалась высоким спросом по всей Европе¹⁹. На этом фоне выделяются работы других ствольщиков Брешии и прежде всего – стволы, подписанные мастерами из оружейной династии Франчино. О значении династии Франчино можно судить уже по тому, что первый известный ее представитель, Пьетро, как считалось, в 1540 г. изобрел гидравлический молот, изменив традиционную технологию производства и повлияв на развитие оружейного дела в долине Валь Тромпия. К настоящему времени известно 143 представителя этого семейства, из которых по крайней мере 86 так или иначе были вовлечены в производство огнестрельного оружия²⁰.

Вопрос правильной передачи фамилии *Francino* на русском языке заслуживает отдельного комментария. Сразу отмечу, что используемая мной транскрипция «Франчино», присутствующая в инвентарных описаниях, соответствует правилам современного итальянского языка и не является неверной. Тем не менее, написание фамилии этой династии оружейников в XVII–XVIII вв. могло варьироваться. Надписи на стволах всех пяти предметов из собрания Оружейной палаты содержат именно вариант *Francino*. Но наряду с ним на оружии из других собраний встречается и написание *Franzino*. Соответственно, его следует переводить как «Франзино» (Франдзино, Францино). Можно предположить, что подобные вариации связаны со спецификой диалектов Северной Италии (особенно венецианских)²¹. Таким образом, передача фамилии мастеров как «Францино» в описях Ораниенбаумской Рюсткамеры 1763 г. и Санкт-Петербургской Рюсткамеры 1810 г., возможно, являлась корректной и – для своей истори-

ческой эпохи – допустимой даже при переводе варианта *Francino*. С формальной точки зрения следовало бы также использовать форму множественного числа «Франчини» или «Франзини» (Франдзини, Францини). Такие варианты надписей тоже встречаются и могут трактоваться исследователями как обозначение самой династии оружейников в целом, в отличие от ее отдельных представителей (точно так же род Коминаццо в целом должен называться «Коминацци»)²². Однако этот момент не представляется принципиальным для русскоязычного исследования, поэтому в данной статье я буду придерживаться общего варианта «Франчино».

Как правило, на известных образцах оружия, сделанного в Брешии, замок и ствол обычно подписывались двумя соответствующими мастерами²³. В нашем случае это правило соблюдается. Как упоминалось ранее, стволы подписаны мастерами Аннибале Франчино и Джо. Батт. Франчино, замки – Филиппо Моретти, Антонио Моретти, Ретори.

Известно три мастера из династии Франчино, носивших имя Аннибале: Аннибале ди Джироламо ди Джован Баттиста (р. 1655), Анибале ди Джакомо ди Джованни ди Инзино (р. 1636) и Аннибале ди Джузеппе ди Джован Баттиста (р. 1645)²⁴. Надпись на ружье (инв. № Ор-608/1-2) состоит из подписи ANNIBALE FRANCINO в сочетании с классическими для оружия Брешии орнаментальными трилистниками. Три стоят перед именем ANNIBALE, два разделяют имя и фамилию, еще три размещены после фамилии FRANCINO. Такая форма надписи полностью соответствует подписи на стволе ружья из собрания Музея артиллерии в Турине (Италия)²⁵. Отметим, что это ружье имеет сразу две подписи – упомянутая выше высечена, в то время как вторая гравирована и оформлена вместо трилистников тремя звездами. При этом известный итальянский историк оружия Нольфо ди Карпенья считает, что именно высеченная надпись с трилистниками, аналогичная надписи на ружье из Оружейной палаты, является оригинальной подписью мастера²⁶.

Агостино Гаиби, один из первых исследователей истории династии Франчино, предположил, что подпись такого типа принадлежала ствольщику, которого он называет Аннибале II – сыну Джироламо ди Джован Баттисты Франчино, родившемуся в 1655 г.²⁷. Согласно гипотезе А. Гаиби, оба ствола – из собрания Музея артиллерии в Турине и из коллекции Оружейной палаты – принадлежат авторству этого мастера. К более сдержанным выводам приходит Н. ди Кар-

пенья²⁸. По его мнению, имеющиеся в архивных источниках сведения о деятельности всех троих Аннибале не дают оснований точно определить авторство кого-либо из них. Тем не менее, он признает, что наибольшее предпочтение все же следует отдавать Аннибале ди Джироламо ди Джован Баттисте (Аннибале II по версии А. Гаиби). В пользу этого говорит и активность Аннибале II после 1700 г., и тот факт, что он был внуком знаменитого мастера-ствольщика Джован Баттисты Франчино. Связь двух других Аннибале с производством стволов вызывает гораздо больше вопросов. У Аннибале ди Джакомо мастерами-ствольщиками были дядя, но ничего не известно о его отце. А Аннибале ди Джузеппе, в 1725 г. управлявший одной из кузен Гардоне, скорее всего, занимался торговлей стволами, а не их непосредственным изготовлением.

На стволах пистолетов (инв. № Ор-2346/1-2, Ор-2347/1-2) подпись ANNIBALE FRANCINO также сопровождается характерными

Рис. 3. Изображение всадника и подпись «ANNIBALE FRANCINO» на казенной части ствола (инв. № Ор-2347/1-2)

трилистниками, но не является полностью идентичной надписи на ружье. Здесь имя расположено над фамилией параллельно ей; слева и справа от подписи расположено по три трилистника. Хотя это различие не позволяет говорить о точном сходстве подписей, отчасти оно может объясняться спецификой работы над ружейным и пистолетным стволами соответственно. Большое пространство верхней поверхности казенной части ружейного ствола до прицела, практически лишенное декора, позволяло беспрепятственно вытянуть надпись по горизонтали. В то же время на пистолетах подпись расположена на сравнительно меньшем пространстве перед декорированной пластиной, что дает основания разместить надпись более компакт-

но – даже если рельефное изображение всадника перед надписью появилось на стволе позднее.

Интересно, что замки и ружья, и пистолетной пары со стволами работы Аннибале Франчино подписаны мастерами, носившими фамилию Моретти. Эта фамилия была достаточно распространенной в провинции Брешиа, в том числе в сокращенных версиях и вариациях, связанных с диалектами (Моретта, Моретто, Морето, Морет, Мор), поэтому ее носителей не всегда с уверенностью можно считать представителями одной и той же династии оружейников²⁹. Известны десятки мастеров с такой фамилией, которые работали и в Брешии, и в Гардоне, изготавливая как замки, так и стволы.

В нашем случае на замочной доске ружья находится подпись «FILIPPO:MORETTI:F». Из-за неточного воспроизведения фамилии из этой подписи в «Описи Московской Оружейной палаты» 1886 г. как «Moretto» она приводится в таком же виде и в других изданиях³⁰. На нижней грани замочной доски также есть подпись «F.MORETTI:F». На пластинах у спускового крючка пистолетов сохранилась надпись, в которой имя «*ANTONIO*» расположено над фамилией «*MORETTI*», параллельно ей, в обрамлении двух звезд. О Филиппо Моретти (Морети, Морето) не сохранилось никаких сведений в архивных документах. Замки с его подписью обычно датируются концом XVII – началом XVIII вв.³¹. Известно два мастера по имени Антонио Моретти, изготавливавших замки и ложи в первой половине XVIII в. Один из них, сын Джузеппе Моретти, работал в Брешии между 1716 и 1725 гг. Звездочки, обрамляющие имя и фамилию, встречаются в различных вариантах подписей.

Ситуация с другим мастером из династии Франчино, подпись которого стоит на стволах еще одной пары пистолетов (инв. № Ор-2597, Ор-2598), представляется более сложной, чем в случае Аннибале. Если А. Гаиби выделял по меньшей мере четырех мастеров,

Рис. 4. Подпись «GIO. BATT. FRANCINO» на казенной части ствола (инв. № Ор-2597)

которых звали Джован Баттиста, то Н. ди Карпенья прибавил к ним еще пятерых, работавших в Гардоне в XVII в. – правда, больше о них ничего не известно. Надписи на стволах интересующей нас пары пистолетов размещены на двух гранях кованого ствола. На первой грани расположено имя мастера – «GIO : BATT.», на второй – фамилия «FRANCINO». Подпись опять же сопровождается традиционными трилистниками: по одному с каждой стороны от имени и фамилии (всего четыре), а также один между двумя частями составного имени. На одном из парных пистолетов в надписи отсутствуют две точки в имени мастера.

Соответствие рассматриваемой подписи (варианта с двумя точками) обнаруживается на пистолете из коллекции парижского Музея армии, где аналогичная надпись опять же расположена на двух гранях ствола³². Также схожие подписи (с вариациями в написании букв и расстоянии между трилистниками и словами) присутствуют на паре пистолетов из музея Уолтерса и на парных пистолетах из собрания Музея оружия Луиджи Мардзоли³³. Пистолет из Музея армии Н. ди Карпенья связывает с мастером, родившемся в 1564 или 1579 г. (Giovan Battista I по А. Гаиби), пистолетные пары – с другим Франчино (р. 1604; Giovan Battista II по А. Гаиби)³⁴. Точнее соотнести рассматриваемые стволы с одним из этих двух оружейников не представляется возможным. Североитальянские мастера отличались консервативностью и долго хранили верность традициям, зачастую игнорируя общеевропейскую моду и создавая достаточно архаичное для XVIII в. оружие; не исключена и возможность позднейшего подражания мастерам XVII в. Тем не менее, все же можно предполагать, что стволы пистолетов были изготовлены до начала XVIII в.

Качество изготовления замков в этом случае несколько уступает уровню мастерства ствольщиков. Они подписаны RETORI, фамилией мастера, предположительно работавшего в Брешии в начале XVIII в., о котором практически ничего не известно³⁵. Тип надписи идентичен подписи на замке мушкетона из Музея артиллерии в Турине³⁶.

Уникальность и высокая историческая ценность рассмотренных в данной статье произведений итальянских оружейников из собрания Оружейной палаты подтверждается как сравнительной редкостью стволов работы Аннибале и Джован Баттисты Франчино, так и общим уровнем исполнения и богатством декоративного оформления³⁷. Вероятно, стволы ружья и пистолетов, подписанные именем

«Аннибале Франчино», были изготовлены одним мастером в Гардоне в конце XVII – первой четверти XVIII в. Замочные мастера, оба носившие фамилию Моретти, по всей видимости, также работали в первой четверти XVIII в. Возможно, Антонио и Филиппо Моретти были родственниками, и в данном конкретном случае имела место рабочая договоренность между семействами Франчино и Моретти. По предположениям исследователей, подобная практика сотрудничества существовала у мастеров Брешии XVII–XVIII вв., однако на имеющемся материале нельзя делать какие-либо обобщающие заключения³⁸. Предлагаемая в инвентаре датировка ружья 1730 годом не может быть принята, поскольку соответствует гипотетической нижней границе известного периода активности замочного мастера Филиппо Моретти³⁹. Скорее всего, и ружье, и пистолеты были созданы в первой четверти XVIII в., возможно, в рамках общего заказа. Как представляется, датировка двух пистолетов со стволами работы Джован Баттисты Франчино серединой XVIII в., приведенная в инвентарных описаниях, не соответствует действительности и была сделана, основываясь на представлениях о приблизительном времени формирования коллекции Ораниенбаумской Рюсткамеры. Исходя из времени работы замочного мастера, пистолеты могут датироваться началом – первой четвертью XVIII в. и в любом случае были созданы до середины века. При этом использовались стволы работы Джован Баттисты Франчино, точно изготовленные до начала XVIII в.

¹ По мнению А.К. Левыкина, Ораниенбаумская Рюсткамера в целом была сформирована в 1745–1762 гг. Начало ей было положено покупкой императрицей Елизаветой Петровной для своего племянника, великого князя Петра Федоровича, коллекции оружия О.Ф. Брюммера. См.: Левыкин А.К. Императорская Рюст-камера // Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 7–22.

² «Ведомость состоящая в Араниенбومه оружейной каморе бывшего императора 1763 год» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 61274. Л. 108–140 об.

³ Поступившее в распоряжение Егерского двора оружие было вновь описано по принятой в этом учреждении схеме и пронумеровано. Вероятно, тогда же на его деревянных деталях были выбиты характерные знаки Овер-егермейстерской канцелярии – «птица в овале». См.: Левыкин А.К. Императорская Рюсткамера. С. 20.

⁴ См.: Gaibi A. I Franzini; inventori, forgiatori di canne, archibugiari bresciani // *Armi Antiche. Accademia di San Marciano Torino*, 1971. P.105; Carpegna N. di. *Brescian Firearms. Rome*, 1997. P. 282. Агостино Гаиби и Нольфо ди Карпенья внесли значительный вклад в исследование истории оружейной династии Франчино. Отмечу, что Н. ди Карпенья в принципе не упоминает одну из рассматриваемых мной пар пистолетов (инв. № Ор-2597, Ор-2598), хотя она присутствует под № 7992 в Описи Московской Оружейной палаты.

- ⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Ед. хр. 61274. Л. 124, № 11–12.
- ⁶ Там же. Л. 110, № 7.
- ⁷ РГАДА. Ф. 369. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Ч. 3. Ед. хр. 1285. Л. 151. № 9.
- ⁸ Там же. Л. 151. № 10.
- ⁹ Там же. Л. 149. № 7.
- ¹⁰ Опись Московской Оружейной палаты, 1886. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7009, 7992. С. 185, 297. Ссылаясь на опись Московской Оружейной палаты, Н. ди Карпегна ошибочно указывает для № 7009 страницу 135 вместо 185 (Carpegna, N. di. *Brescian Firearms*. P. 282).
- ¹¹ «Пистолетовъ пара; калибрь 6 лин., стволы длиною 11, 12 дюйм., вдоль выкована полоска; на камере тоже выкован всадник; надпись на стволах: “Annibale Francino”. Замки кремневые с богатою резьбою; на нижней, сквозной доске княжеский гербъ. У спуска подь скобою надпись: “Antonio Moretti”. Ложи ореховыя, с чеканкою; на поддонахъ вычеканены человеческія фигуры въ пасти чудовищной головы. Шомполы деревянные, съ железными прибойниками; у одного, конец места для шомпола отломан» // Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. М., 1886. № 8070. С. 305.
- ¹² К мифу о Персее и Андромеде особенно активно обращались в эпоху барокко. Кроме многочисленных картин и гравюр, ему посвящены драма Пьера Корнея «Андромеда» (1650), опера Жана-Батиста Люлли «Персей» (1682).
- ¹³ Пример гравюры Виргилия Солиса см. в: Ovid. *Metamorphoses*. Frankfurt, 1569. S.M. 875. P. 57.
- ¹⁴ В итальянской опере история Орфея была излюбленным сюжетом на протяжении всего XVII века: достаточно назвать «Орфей» Клаудио Монтеверди (1607), «Смерть Орфея» Стефано Ланди (1619), «Орфей» Луиджи Росси (1647) «Орфей» Антонио Сарторио (1674).
- ¹⁵ О коллекции Брюммера см.: Чубинский А.Н. Коллекция оружия XVIII в. в составе Оружейной палаты // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции 2000 / Под ред. Ю.Н. Звездиной, М.К. Павлович. М., 2001.
- ¹⁶ Hayward J.F. *The Art of the Gunmaker*. Vol. I. London, 1965². P. 53.
- ¹⁷ Carpegna N. di. *Firearms in the princes Odescalchi collection in Rome*. Rome, 1975. P.93; Idem. *Brescian Firearms*. P. 27.
- ¹⁸ Hayward J.F. *The Art of the Gunmaker*. Vol. II. London, 1965². P. 244.
- ¹⁹ Разумеется, не представляется возможным с уверенностью утверждать, что все они были изготовлены представителями этой знаменитой династии оружейников – современники, в том числе валлонские мастера из Льежа, активно подделывали оружие работы Коминаццо. См.: Hayward J.F. *The Art of the Gunmaker*. Vol. I. P.26; Carpegna N. di. *Brescian Firearms*. P. 227, 231–232.
- ²⁰ Carpegna N. di. *Brescian Firearms*. P. 276.
- ²¹ Так, итальянская фамилия Джуньо (Giugno) во владениях Венеции приобретала форму Зуньо (Zugno). Эта фамилия принадлежала одной из династий оружейников Брешии, встречается на замках ряда предметов из собрания Оружейной палаты. В инвентарных описаниях она не совсем корректно транскрибирована как «Цугно».
- ²² Carpegna N. di. *Brescian Firearms*. P. 275–293.
- ²³ Hayward J.F. *The Art of the Gunmaker*. Vol. I. London, 1965². P. 26.
- ²⁴ Carpegna N. di. *Brescian Firearms*. P. 282.
- ²⁵ Национальный музей истории артиллерии, Турин, Италия (M64; 2793). См.: Gaibi A. *Le Armi da Fuoco Portatili Italiane dalle origini al Risorgimento*. Milano, 1968. P. 443;

Idem. I Franzini; inventori, forgiatori di canne, archibugiari bresciani. P. 105; Carpegna N. di. Brescian Firearms. P. 282.

²⁶ Carpegna N. di. Brescian Firearms. P. 282.

²⁷ Gaibi A. I Franzini. P. 105.

²⁸ Carpegna N. di. Brescian Firearms. P. 282.

²⁹ Ibid. P. 197.

³⁰ Ibid. P. 201.

³¹ Ibid. P. 200.

³² Музей армии, Париж, Франция (М 200). Описание и илл. см. в: Robert L. Catalogue des collections composant le Musée d'artillerie en 1889, IV. Paris, 1893. P. 32; Duc de Brissac, Charles R.J. Armes de chasse. Paris, 1967. P. 63; Gaibi A. I Franzini. P. 103; Di Carpegna. Brescian Firearms. P. 286.

³³ Художественный музей Уолтерса, Балтимор, США (51.447, 51.448); Музей оружия Луиджи Мардзоли, Брешия, Италия (212, 223; № 35, 23). См.: Grancsay S.V. A Pair of Seventeenth Century Brescian Pistols // The Art Bulletin. Vol. 18, № 2, 1936. P. 240; Gaibi A. I Franzini. P. 103–104; Gaibi A. Armi da Fuoco Italiane dal Medioevo al Risorgimento. Busto Arsizio, 1978. P. 124–126; Boccia L.G., Rossi F., Morin M. Armi e Armature Lombarde. Milano, 1979. P. 309; Di Carpegna. Brescian Firearms. P. 287.

³⁴ Gaibi A. I Franzini. P. 99, 103; Di Carpegna. Brescian Firearms. P. 285–287.

³⁵ См.: Ed. E. Heer. Der Neue Stockel. T. 2. Schwabisch Hall, 1979. S. 1031; Gaibi A. Armi da Fuoco Italiane. 1978. P. 257; Di Carpegna. Brescian Firearms. P. 212. Н. ди Карпенья отмечает, что подпись этого мастера обычно встречается на замках «среднего качества» и приводит только шесть известных ее примеров (в том числе на пистолете из коллекции Одескальки).

³⁶ Национальный музей истории артиллерии, Турин, Италия (М 55; 2785). См.: Gaibi A. Le Armi da Fuoco Portatili Italiane, dalle origini al Risorgimento. Milano, 1962. P. 130; Di Carpegna. Brescian Firearms. P. 212.

³⁷ Известно только 7 стволов, подписанных Аннибале Франчино, из них три находятся в собрании Музеев Московского Кремля. Di Carpegna. Brescian Firearms. P. 282.

³⁸ Н. ди Карпенья считает, что существовали определенные договоренности о сотрудничестве между оружейниками из династий Моретти, Бигони и Мутти, особенно в случае изготовления огнестрельного оружия высшего качества. Ibid. P. 201.

³⁹ Ср.: «Moretti Filippo, 1670–1730» / Ed. E. Heer. Der Neue Stockel. T. 2. Schwabisch Hall, 1979. S. 829.

В.В. Пенской (Белгород)

ЧУДО НА ДВИНЕ (ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ 1-Й СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ)

В хронике Мартина Бельского под 1518 г. есть любопытный пассаж: «Когда Москва осадил Полоцк, Ян Боратыньский (польский ротмистр. – *В.П.*) в то время находился с 500-ми всадниками на той стороне Двины; узнав о неприятеле, сразу замыслил двинуться на помощь своим, и, когда искал брод, обратился к нему какой-то юноша в белых одеждах на белом коне и воскликнул: «Как только тронусь – ежайте все за мной!» И, выехав сам наперед к реке, переплыл на другую сторону и, переплыв, тот час на берегу и исчез. Так говорят, что то был сам святой Казимир, который, рассказывают, и по сей день много разных чудес творит в Вильно. Увидев тогда это чудо, Боратыньский подивился тому немало и понял, что ему сам Господь через своего ангела указал дорогу на неприятеля, и со своим людьми переправился через реку и внезапно атаковал Москву, которую не готовой к отпору застал и разбил...».¹

Рассказ польского хрониста о чуде на Двине относится к событиям лета 1518 г., когда в ходе 1-й Смоленской войны 1512–1522 гг. русские полки под водительством боярина князя В.В. Шуйского Немого и его брата в отместку за предпринятую польско-литовскими войсками под началом гетмана К.И. Острожского в предыдущем году попытку взять пограничный псковский пригород Опочку осадил Полоцк (кстати, брат Яна Боратыньского Анджей, также ротмистр, был смертельно ранен при неудачном штурме Опочки. – *В.П.*²). Изрядно затянувшаяся (а шла она к моменту «Чуда на Двине» уже 7-й год) очередная русско-литовская война порядком утомила обе стороны, и приободренный неожиданным успехом под Опочкой московский государь Василий III решил в новую кампанию закрепить свой предыдущий успех новой большой победой.

Эта победа могла бы ускорить завершение войны на выгодных для Москвы условиях. И чтобы это произошло, нужно было выбрать такую цель, достижение которой имело большой не только моральный, но и стратегический эффект. Такой целью стал Полоцк – древний русский город, крупный торговый центр и важная в военном отношении крепость (база, опираясь на которую войска Великого княжества Литовского совершали походы на Псковщину) на Западной Двине.

Претензии на владение Полоцком наряду с Киевом, Смоленском и Витебском заявлялись Москвой с самого начала 1-й Смоленской войны.³ Поэтому рано или поздно, но попытка взять его должна была быть предпринята. Однако ждать этого пришлось долго. В первые годы войны Полочанщина и окрестности самого Полоцка уже подвергались опустошительным набегам полков Василия III (как это было, к примеру, в 1512 или 1513 г., когда московские «загоны» в окрестностях города «полону имали безчисленно»⁴), но сам город осаде не подвергся – все внимание великого князя было привлечено более значимой целью на тот момент, Смоленском. Но в конце концов, после многих трудов, Смоленск был взят, 1 августа 1514 г. Василий III торжественно въехал в свою «отчину».⁵ Отбить город обратно литовцам после победы над русскими полками под Оршей в сентябре все того же 1514 г. не удалось, война перешла в затяжную, если так можно выразиться, «позиционную» стадию. И взятие Полоцка (откуда польско-литовские войска в 1517 г. отправились на Опочку) вполне могло стать той соломинкой, которая качнула бы весы в затянувшемся споре в сторону Василия III. И не стоит также забывать сугубо меркантильный аспект этой победы – овладение этим богатым городом не только помогло бы детям боярским московским, новгородским, псковским и иным восполнить свои изрядно отощавшие за время войны кошельки, но и разжиться новыми полоним и «животами» – совсем не лишними в хозяйстве.

Одним словом, полоцкая экспедиция, решение о проведении которой было принято в Москве, видимо, сразу после победного завершения осенней кампании 1517 г. (любопытно, что псковская летопись сообщает, что весной 1518 г. Василий III «присла» во Псков, «к живоначалней Троицы большой колокол, где вечевой был; а преже того незамного прислал меншии колокол в корсоуньского места, что на сени в него звонили, как вече было...»⁶ Уж не связано ли это событие было с событиями предыдущего года?), должна была сыг-

рать важную роль в войне. Однако, увы, приходится признать, что эта страница 1-й Смоленской войны (впрочем, как и большая часть других, по большому счету, если не брать в расчет трехкратную осаду Смоленска русскими и сражение под Оршей в сентябре 1514 г. известна лишь очень узкому кругу историков, занимающихся историей Русского государства начала XVI в. И обусловлено это в первую очередь совершенно неудовлетворительным состоянием источников как с этой, так и с той сторон.

Два главных русских источника по истории 1-й Смоленской войны, летописи и разрядные записи, на удивление немногословны в своих описаниях полоцкой кампании 7026/1518 г. Важнейшие летописи, Софийская 2-я, Воскресенская, Никоновская и другие, в своих записях относительно 7026 г. подробно расписывают, к примеру, оборону Опочки, приезд и отъезд послов, поновление обветшавших владимирских икон и прочие события, случившиеся в этом году⁷. Однако искать в них что-либо об экспедиции на Полоцк не имеет смысла – летописи молчат об этом событии. Молчат об этом походе и краткие летописцы, в которых нередко встречаются сведения, существенно дополняющие и детализирующие показания летописных сводов.⁸ Точно также молчат и новгородские летописи, хотя, казалось бы, им-то эта история должна была быть ближе всего⁹. Лишь в некоторых из них о походе под Полоцк упоминается одним предельно неконкретным предложением: «Того же лета послал князь велики Василю Иванович в Литовску землю воевати под городом...»¹⁰.

Чем вызвана такая «скромность» московских (и не только) летописцев – в общем, понятно. Поход на Полоцк завершился неудачей, и он не сыграл той роли, ради которой задумывался и предпринимался (да и обстоятельства поражения, судя по всему, не добавляли славы «воинникам» Василия III). Потому официальные летописи и умалчивают об этой экспедиции. Лишь в псковских летописях, всегда отличавшихся большей свободой и своего рода фрондой по отношению к официальному московскому летописанию, есть любопытные сведения о походе В.В. Шуйского к Полоцку. Они позволяют в общих чертах не только представить себе картину событий, разыгравшихся летом 1518 г. под Полоцком, но и попытаться сделать реконструкцию этой кампании от ее начала до не слишком славного конца¹¹.

Определенную помощь в создании этой реконструкции могут оказать и разрядные записи, правда, при этом стоит заметить, что составленные задним числом, много лет спустя описываемых событий,

они требуют осторожного к себе отношения. События в записях¹², относящихся к периоду после 1514 г., в них перепутаны и перемешаны, хронология нарушена, и составить представление о разряде 7026 (1517/1518) г., исходя из них, можно, но лишь при условии, что эти сведения будут сопоставлены с информацией из летописей и иных источников. И здесь большой интерес представляет переписка между Василием II и крымским «царем» Мухаммед-Гиреем I, в которой московский великий князь в общих чертах обрисовывает ход кампании 1518 г. и ее результаты (естественно, излагая выгодную для Москвы интерпретацию событий).¹³

Источники с той стороны, быть может, не настолько полны и не могут дать столь целостной (пусть даже в самых общих чертах) картины событий под Полоцком летом 1518 г., однако они порой существенно дополняют московские и псковские известия. Отметим прежде всего хронику Б. Ваповского¹⁴, которой пользовался уже упоминавшийся нами прежде М. Бельский, а также переписку великого князя литовского Сигизмунда I и первых лиц Великого княжества Литовского.¹⁵ О неудачной экспедиции русских к Полоцку сообщает также и С. Герберштейн.¹⁶

Подводя итог этому краткому обзору источников, можно лишь сожалеть, что сведений об одном из важнейших событий 1-й Смоленской войны осталось совсем немного. И, очевидно, что это стало одной из главных причин, по которым история 1-й осады Полоцка русскими полками осталась вне поля пристального внимания историков (впрочем, есть и вторая, не менее значимая причина – общее для всей российской, неважно, до- или послереволюционной, или современной, пренебрежение к изучению вопросов, связанных с историей русского военного дела в конце XV – начале XVII вв.). Любопытствующий читатель в поисках более или менее упорядоченных сведений об этой кампании в лучшем случае сможет воспользоваться соответствующим разделом в работе А.А. Зимина¹⁷, а из более старых работ – исследованием Е.И. Кашпровского.¹⁸ Из работ, вышедших относительно недавно, об осаде Полоцка в 1518 г. упоминает М.М. Кром и А.Н. Лобин (но в этих работах, как, впрочем, и в предыдущих, события вокруг Полоцка в 1518 г. отнюдь не являются объектом первостепенного внимания).¹⁹ Ну а раз так, то стоит восполнить эту лакуну в отечественных военно-исторических штудиях.

Замысел кампании 1518 г. и похода на Полоцк вызревал в Москве в точном соответствии с формулой прусского военного теоретика

К. фон Клаузевица: «Война есть... подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами».²⁰ Месяцы, предшествовавшие кампании, ознаменовались бурной дипломатической деятельностью, в которой первую скрипку играли имперские дипломаты. Они стремились добиться примирения Москвы и Вильно с тем, чтобы направить их энергию, бессмысленно, с точки зрения императора Максимилиана I, растрачиваемую на междуусобицу, в то время как Великий Турок угрожает Европе и всему христианству. Посланному императором в Москву С. Герберштейну с большим трудом удалось добиться начала переговоров между московскими и литовскими дипломатами, но сыграть роль «честного маклера» ему не удалось. Запугивая Василия III и его бояр картиной османской опасности, он, по словам А.А. Зимина, добился обратного эффекта – «великий князь Василий III и его окружение еще раз убедились в необходимости сохранять дружеские отношения с Портой».²¹ При этом московский государь, верный своему обычаю, сумел оставить у Герберштейна впечатление, что он, Василий, в общем, не прочь присоединиться к антиосманской коалиции²². Когда же речь зашла о заключении мира с Великим княжеством Литовским, хитрые москвиты, воспользовавшись тем, что Москвы достигли известия о провале опочкинской экспедиции, заявили о том, что де король Жигимонт «из докончания и из крестного целованья много выступил, многожда наводил бесерменство на кристьянство, да и ныне навел (речь идет о неудачном набеге, предпринятом крымским Токузан-мурзой со товарищи, на Тулу и ее окрестности, в конце лета 1517 г. – *В.П.*²³), и сестре государя (Елена Ивановна, вдова предшественника. Сигизмунда, Александра Казимировича, смерть которой стала одним из поводов для начала 1-й Смоленской войны. – *В.П.*) нашего много нечти учинил...». Посему, продолжили московские дипломаты, мы, конечно, «з Жигимонтом королем миру хотим», но не раньше, чем король «нам нашу отчину, русские города (Киев, Полоцк и Витебск. – *В.П.*) поотдавал и по докончанию б нам направил...», да в придачу к ним еще и те города, что Александр Казимирович отдал в приданое своей супруге, а сестре великого князя²⁴.

Все усилия Герберштейна смягчить требования Василия III натолкнулись на упорное нежелание москвитов идти на уступки. В конце концов, ради «брата своего Максимьяна», великий князь согласился было снять свое требование относительно Витебска и Полоцка, но когда литовские послы возобновили свои «безлепичные речи» на-

счет возвращения утраченных в ходе войны земель, прежде всего Смоленска, то в ответ им была прочитана большая лекция про «неисправленье королей полских». В ней им припомнили все прегрешения – от стародавних, еще времен Казимира, до самых последних, с выводом: Смоленска, государевой вотчины, Сигизмунду I не видать, «а пришет к нам Жигимонт король своих послов, а прикажет к нам о миру попригожу, и о сестре нашей к нам направить, и тогда о сестры нашии городех и об иных городех о русских, которые ныне за Жигимонтом королем, могут речи быти»²⁵. После опочкинского разгрома крыть литовским послам было нечем, и все усилия имперского посредника пошли прахом. В ноябре 1517 г. он отправился в обратный путь.

Провал мирных переговоров означал, что по весне 1518 г. возобновление боевых действий будет неизбежно – фраза насчет «иных городех русских, которые ныне за Жигимонтом королем» намекала на это более чем откровенно. И Москве нужен был крупный успех не только поэтому. В союзники к ней напрашивался Тевтонский орден, посол которого Дитрих Шонберг в марте 1518 г. в очередной раз прибыл в Москву²⁶, и, что самое важное, крупный военный успех был необходим Василию III для того, чтобы произвести нужное впечатление на Мухаммед-Гирея I и «партию войны», состоявшую из литовских доброхотов, при его дворе. Отношения между Москвой и Кыркором после смерти Ивана III охладели, но Мухаммед-Гирей, отказавшись от сохранения союза с Русским государством, тем не менее, не торопился полностью рвать отношения с Василием III. Он хотел заручиться русской поддержкой в деле подчинения своей власти Астрахани.²⁷ Московский же государь и его бояре стремились, не обременяя себя чрезмерными расходами и тем более обязательствами, повернуть острие татарского «последнего довода королей» против Литвы. При этом, как отмечал отечественный историк И.В. Зайцев, «и Крым, и Москва часто вели друг с другом двойную игру, лавируя и виляя, отрицая очевидные истины и стремясь убедить противника в заведомой дезинформации...».²⁸ И в этой игре еще одна (после опочкинской) громкая победа над Сигизмундом I была бы для Василия III неплохим аргументом в переговорах с крымским «царем».

Какими же были планы Москвы на предстоящую кампанию? Теоретически ответ на это могли бы дать разрядные записи, но, как уже было отмечено выше, разряды 1518 (7026) г. в той их части, что

последовали за опочкинской эпопеей, чрезвычайно запутаны и невняты. Чтобы навести порядок и реконструировать примерный вид разряда 7026 г., необходимо прибегнуть к помощи летописных свидетельств и дипломатической переписки. Из августовского 1518 г. послания Василия III Мухаммед-Гирею I следует, что утвержденный государем и Боярской думой план кампании предполагал посылку на «недруга на литовского» четырех ратей. Первая, новгородская, под предводительством князя В.В. Шуйского, должна была выступить в поход из Великих Лук и атаковать Полоцк. Другая рать, под началом князя М.В. Горбатого-Кислого, вторгалась во владения Сигизмунда со стороны Смоленска. Третья рать, князя С.Ф. Курбского, наступала на Литву из Стародуба. И, наконец, четвертая рать под водительством князя А.Б. Горбатого-Бучена, имея базой городок Белый, получила приказ разорить окрестности Витебска.²⁹ Псковская летопись дополняет эти сведения, сообщая, что вместе с Василием Шуйским, наместником новгородским, и его «силой новгородской», с Великих Лук должен был наступать и его брат, князь Иван Шуйский с «псковскою силою», а смоленской рати князя М.В. Горбатого-Кислого предписывалось присоединиться к новгородцам и псковичам братьев Шуйских.³⁰ Владимирский же летописец утоняет персональный состав воевод смоленской рати – «товарищами» князя М.В. Горбатого-Кислого (Киселки, Кислицы – летописи именуют его по-разному) были князь М. И. Кубенский и М.А. Плещеев.³¹ Любопытно, что официальные московские летописи сообщают, что и сам великий князь намеревался выступить в поход. Во всяком случае, в июне 1518 г. Василий III «благословился у отца своего Варлама митрополита и поехал к Жывоначалной Троице в монастырь преподобнаго Сергия чудотворца помолитися и благословитися, хотя поити на свое дело на своего недруга Жихьдимонта короля Полскаго».³²

Собрав воедино и проанализировав эти разрозненные сведения, можно попытаться реконструировать гипотетический разряд 7026/1518 г. в той его части, что касалась диспозиции государевых полков на литовском «фронте», их состава и задач, которые они должны были решить в ходе кампании. Начнем с малого – со стародубовской рати. Если наша реконструкция разряда верна, то в Стародубе было три воеводы – князя С.Ф. Курбский, И.Ф. Овчина-Телепнев и П.Ф. Охлябинин.³³ Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, в рать вошли люди самих князей, а также стародубцы, и было их всех вместе несколько сот человек – никак не больше 1-й тысячи.

Следовательно, и задача перед ратью была поставлена второстепенная – разорение и опустошение неприятельской территории, захват пленных и «животов», и, естественно, отвлечение внимания неприятеля.

Белыйская рать согласно реконструкции разряда выглядит значительно солиднее. Для опустошения окрестностей Витебска были выделены 5 полков во главе с девятью воеводами (Большой полк – князь А.Б. Горбатый-Бучен и А.Д. Курбский, а также Ю.Д. Владимиров; Передовой полк – князь В.И. Стригин-Шиха-Оболенский и И.М. Салтыков; полк Правой руки – князь И.А. Тростенской-Оболенский; полклевой руки – князь А.Ф. Пестрый-Гундор Большой и в Сторожевом полку братья А.Д. и В.Д. Годуновы). Стоит заметить, что князь А.Б. Горбатый-Бучен происходил из рода суздальских князей и был родственником Шуйских (Шуйские вели свой род от старшего сына нижегородского князя Дмитрия Константиновича Василия Кирдяпы, тогда как Горбатые – от его среднего сына, Семена). И, исходя из этого, можно заключить, что численность этой рати была порядка 3–4 тыс. детей боярских с послужильцами, а ее действия на витебском направлении должны были обеспечить успех двух главных группировок, псковско-новгородской и смоленской, на полоцком направлении.

Смоленская рать, судя по всему, являлась едва ли не главнейшей по первоначальному замыслу. Об этом свидетельствует как оговорка псковского книжника («князь Михаило Кислица с московскою силою пришел от Смоленска...»³⁴), так и намерение самого великого князя выступить «на своего недруга». Между тем по опыту предыдущих походов Василий III должен был идти по хорошо знакомому пути из Москвы по Смоленской дороге через Вязьму, Дорогобуж на Смоленск, а уже оттуда – на Полоцк. И 5 полков с десятью воеводами (Большой полк – опытный воевода, уже ходивший на Полоцк в 1513 г., князь М.В. Кислица-Горбатый, двоюродный брат Андрея Бучена, и Г.Ф. Квашнин; Передовой полк – Ф.Ю. Кутузов-Щука и И.В. Ляцкой, оба из старых московских боярских фамилий; полк Правой руки – князь М.И. Кубенский и И.М. Салтыков; полклевой руки – Г.А. Колычев Меньшой и князь С.Ф. Сицкий; Сторожевой полк – М.А. Плещеев и В.П. Борисов³⁵) должны были насчитывать в своих рядах примерно 4–5 тыс. «сабель». Если же к этой рати присоединился бы сам великий князь со своим двором и нарядом, да его братья с людьми, то ее

численность легко могла вырасти до 7–8 тыс. «сабель» и «пищальей», а то и больше.

И, наконец, «сила новгородская» и «сила псковская» братьев Шуйских. Реконструкция разряда позволяет представить себе примерный состав и численность этой группировки. В нее входили (после «схода» в Великих Луках воевод с Новгорода и Пскова) 5 полков с 14 (sic - !) воеводами (Большой полк – боярин, князь В.В. Шуйский, М.В. Тучков и В.Г. Морозов; Передовой полк – князь И.В. Шуйский, опытный военачальник И.В. Хабар, отличившийся во время внезапного нападения казанского хана Мухаммед-Эмина на Казань в 1506 г., и Ю.И. Замятнин; полк Правой руки – татарский князь Борис Тебет Уланов, И.А. Колычев и воевода брата Василия III, улицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки С.Г. Мятлев, с княжескими людьми; полклевой руки – князь И.А. Ростовский-Буйнос и князь А.В. Кашин, а также В.И. Владимиров; Сторожевой полк – князь В.А. Микулинский (из тверских князей) и И.В. Лошаков-Жук из рода Колычевых).³⁶

Польские источники определяют численность войска Шуйских в 7 тыс. человек – редкий случай, когда русская рать в свидетельствах с «той» стороны не предстает «тьмочисленной»³⁷. И эта оценка представляется вполне приемлемой. «Сила новгородская» в годы 1-й Смоленской войны насчитывала до 2 тыс. детей боярских, основная масса которых могла выставить, помимо себя, еще от 1 до 4 послужильцев каждый³⁸. Однако, учитывая, что война шла уже не первый год, и новгородцам сильно досталось в 1514 г. под Оршей (да и под Опочкой не обошлось без потерь, о чем свидетельствуют списки русских пленных в Литве³⁹), вряд ли в этом походе могло участвовать больше 4–5 тыс. «сабель». «Сила псковская» «и с людьми» даже при самом благоприятном раскладе насчитывала не больше 600–800 «сабель» (при этом отметим, что псковичи также понесли определенные потери под Опочкой)⁴⁰.

Но это еще не все, поскольку уже упоминавшаяся нами псковская летопись сообщает, что Василий III отправил на Полоцк «своего воеводу, новгородского наместника, князя Василья Шуйского с новгородскою силою и с нарядом большим, а из Пскова брата его князя Ивана Шуйского со псковскою силою и со всем нарядом псковским, и с пищальниками и с посохою...»⁴¹. Сообщая о том, что в 1512 г. Василий III потребовал от псковичей выставить 1000 пищальников для экспедиции против Смоленска, летописец подчеркнул, что для города «тот

роубеж не обычен» и «бысть им (псковичам. – *В.П.*) тяжко вельми»⁴². В той экспедиции псковские пищальники понесли серьезные потери («псковских пищальников много же прибиша»), и, забегая вперед, отметим, что в 1519 г. в дальний поход псковичи смогли снарядить только 100 пищальников.⁴³ Так что если Псков и смог выставить в 1518 г. 500–600 пищальников, то это было бы очень неплохо. Что касается новгородцев, то в 1510 г. Василий III, покидая Псков, оставил здесь 500 новгородских пищальников. В 1545 же году сын Василия Иван, собираясь в казанский поход, потребовал от новгородцев «с ноугороцких же посадов, и с пригородов с посадов, и с рядов, и с погостов, наредить 2000 человек пищалников, половина их 1000 человек на конех, а другая половина 1000 человек пеших...», одетых в однорядки или сермяги, со своими пищальями, порохом, свинцом и провиантом.⁴⁴

Сведя воедино эти данные, можно предположить, что рать под водительством братьев Шуйских насчитывала до 5–6 тыс. «сабель» и около 1–1,5 тыс. «пищалей» (не только новгородских и псковских, но и старорусских и других, собранных с новгородских и псковских пригородов), не считая посохи (о ее численности можно судить по следующему примеру – в 1535 г. псковичи собрали посохи для строительства Себежа «3000 коней оу телегах и человека на кони»⁴⁵), собранной для доставки к Полоцку новгородского и псковского наряда, запасов провианта, фуража и амуниции, необходимых для ведения осады, а также дорожных и саперных работ.⁴⁶ Последнюю, судя по всему, собирали по «усиленной» норме – псковский же летописец жаловался, что на посоху кони и телеги собирали со священников (в аналогичном случае в 1495 г. дело за малым не дошло до смертоубийства – священников, которые попытались было, сославшись на нормы канонического права, «правила святых отец в Манакануне», избежать набора, возмутившиеся псковичи «изсоромотиша»⁴⁷).

Таким образом, подводя общий итог, можно сказать, что в кампанию 1518 г. основным «фронтом» должен был стать «Северо-Западный». Здесь должны были действовать три из четырех русских ратей (15 полков, 33 воеводы) и сам государь со своими братьями. Выставленные здесь рати насчитывали около 15–17 тыс. «сабель» и «пищалей» (не считая двора великого князя и людей, выставляемых его братьями) и значительный наряд, без которого взять Полоцк было невозможно. Сам факт, что Василий III намеревался идти к Полоцку, свидетельствует о серьезности его намерений и о том значении, ко-

торое придавалось этому походу. Однако «гладко было на бумаге», и серия непредвиденных событий привела в конечном итоге к неудаче этого задуманного с таким размахом похода.

Увы, к сожалению, абсолютную хронологию кампании восстановить при нынешнем состоянии источников практически невозможно – только относительную. Тем не менее, попытаемся, опираясь на косвенные свидетельства, определить примерное время ее начала. Псковская летопись сообщала, что после выступления рати братьев Шуйских в поход «повезоша наряд весь в судех Великою рекою до пристани, а от пристани на псковские кони и на телеги положиша весь наряд поущечный, и приставиша к нему посоху к Полоцку...».⁴⁸ Таким образом, начало кампании датируется довольно точно: как только Великая вскрылась ото льда, а дороги более или менее просохли. В конце XIX – начале XX вв. Великая вскрывалась ото льда в районе Пскова в середине апреля⁴⁹, следовательно, псковский наряд мог отправиться из Пскова не раньше 20-х чисел апреля 1518 г. Правда, из сообщения псковского летописца неясно, откуда отправлялся в Полоцк новгородский наряд – из Пскова ли (доставленный туда из Новгорода по зимнику) или же из Великих Лук (куда наряд мог попасть водой через Ильмень-озеро и далее по Ловати, но в таком случае Ильмень вскрывается не раньше последних чисел апреля – начала мая, значит, в Великие Луки новгородский наряд мог попасть в лучшем случае к середине мая 1518 г.). Мы склоняемся к тому, чтобы полагать отправку новгородского наряда все же из Пскова вместе с псковским в сопровождении псковской же посохи. И, учитывая особенности климата на Псковщине и Новгородчине, можно с высокой степенью уверенности предположить, что марш от «пристаней» (соблазнительно было бы предположить, что она находилась где-то в районе г. Воронач, что в 110 верстах вверх по Великой от Пскова⁵⁰, или даже в 40 верстах южнее⁵¹, у Опочки) к Полоцку, скорее всего, начался примерно в середине мая 1518 г., а к концу мая, после тяжелого марша (согласно показаниям Герберштейна, от Полоцка до Опочки 26 немецких миль, по русскому счету – 130 верст⁵²) оба наряда, новгородский и псковский, с большим обозом и в сопровождении псковской посохи (и видимо, псковской конницы и пищальников, которые шли вместе с нарядом – конница берегом, пищальники в «судех» и помогали посошным тянуть струги с артиллерией и припасами бечевой против течения Великой) дошел, наконец, до Полоцка. При этом нельзя исключить, что планируя наступление

на Полоцк от Опочки, русские воеводы решили использовать дорогу, которую в прошлом году навели польско-литовские войска, выдвигавшиеся к Опочке с юга, из Полоцка.

К этому времени Полоцк уже должен был быть окружен «силой новгородской», которая, по опыту предыдущих кампаний, должна была выйти к Полоцку заблаговременно с тем, чтобы блокировать город и обеспечить беспрепятственный подход артиллерии и обозов к Полоцку. Расстояние между Полоцком и Великими Луками, по сообщению С. Герберштейна, всего лишь 36 немецких миль, т. е., в пересчете на русские версты – около 180 верст⁵³. Это расстояние конная рать могла преодолеть, двигаясь обычным, не ускоренным маршем, самое большее за полторы недели. Напрашивается предположение, что выступление полков с Великих Лук состоялось после Вознесения, которое пришлось в 1518 г. на 13 мая, и тогда к Троице, к 23 мая, русская конница уже вполне могла оказаться под Полоцком, «оступиша» его. Передовые же загоны, «лехкая» рать, вышли к нему еще раньше.

Спустя несколько дней после выхода к Полоцку главных сил великолуцкой рати к городу должны были подойти псковичи Ивана Шуйского с артиллерией. Подступив к городу, посошные люди «начаша тоуры под городом ставити», а после того, как были подготовлены артиллерийские позиции, новгородские и псковские пушкари «начаша новгородскими и псковскими пушками бити город».⁵⁴ Согласно официальной московской версии осады, изложенной послом Василия III Останей Андреевым в речи перед крымским «царем» Мухаммед-Гиреем I, братья Шуйские «под городом по Полоцком стояли и из пушек и из пищалей по городу били, и в городе людей из пушек и из пищалей многих побили, и тут людей многих побили, и иных многих живых переимали (очевидно, речь шла прежде всего о вылазках полочан из осажденного города и стычках с московскими ратными людьми под стенами города. – *В.П.*) и к нам прислали, и посады у города пожгли...»⁵⁵.

Полочане, несмотря на тяготы и разрушения, причиняемые бомбардировкой, не собирались сдаваться – их позицию охарактеризовал М.М. Кром, отмечавший, что «крупные привилегированные (а Полоцк относился именно к таким. – *В.П.*) городские общины (Полоцк, Витебск, Минск, Смоленск) наиболее активно проявляли себя во внутри- и внешнеполитической сфере. Они занимали во время русско-литовских войн бескомпромиссную позицию, выдержжи-

вали длительные осады, сопротивлялись до последней возможности...».⁵⁶ Городской верхушке таких городов было что терять в случае перемены власти, потому полочане, как и перед ними смоляне, вовсе не собирались открывать ворота перед братьями Шуйскими, «ис посада из заострожья много с нашими (новгородцами и псковичами. – *В.П.*) бишася...»⁵⁷, ожидая, когда великий князь литовский пришлет помощь и вынудит москвитов снять осаду.

Как развивались бы события дальше, если к Полоцку вслед за князем Михайлой Горбатым-Кислым и его полками (судя по псковской летописи, он прибыл к Полоцку практически одновременно с ратью Василия Шуйского с Великих Лук) подошел бы сам великий князь с братьями «и с нарядом», трудно сказать. Укрепления Полоцка, отстроенные после пожара в конце XV в.⁵⁸, были поновлены осенью 1500 г., когда после разгрома воеводами Ивана III войска гетмана К.И. Острожского на р. Ведрошь великий князь литовский Александр отступил в Полоцк. Здесь он и простоял всю осень, занимаясь фортификационными работами⁵⁹. Однако эти укрепления, судя по всему, уступали по мощи смоленским, и вполне вероятно, что Полоцк был бы взят. Но этого не случилось. Прежде всего в ход осады властно вмешалась погода. «Того же лета (7026/1518. – *В.П.*), в Петрово говение за Петров день, бысть умножение дождей велие, – с сожалением писал московский летописец, – зело и в реках воды быша болши вешных, грех ради наших». Другой книжник добавлял к этому – «и многа жита и обилиа истопоша».⁶⁰ Длившиеся на протяжении месяца (Петровский пост в 1518 г. продолжался 4 недели и 1 день) непрерывные дожди серьезно ухудшили и без того сложное положение русских войск под Полоцком. Местность вокруг города была изрядно опустошена предыдущими набегами русских войск и двойным (туда и обратно) прохождением королевских войск осенью 1517 г. Так, описывая дорогу от Полоцка к Опочке весной 1517 г., С. Герберштейн писал, что «путь близ границ королевства отнюдь не безопасен вследствие частых набегов с той и другой стороны; постоянные дворы либо заброшены, либо вообще отсутствуют»⁶¹. Припасы (провиант и фураж, не говоря уже о ядрах и «зелье», расход которых был велик), которые можно было бы доставить по Великой и Ловати и Пскова и Новгорода, перевезти по раскисшим и превратившимся в море грязи дорогам в лагерь осаждавших, оказалось чрезвычайно сложно. Псковский летописец с горечью писал, что среди осаждавших «бысть глад велик, колпак соухареи в алтын и боле, и коневьи корм потому ж дорог был...»⁶².

Проливные дожди (ради прекращения которых Василий III приказал митрополиту Варлааму «с епископы, и архимандриты, и игумены и с всеми священными съборы» «молебны пети о милости Божии, и устроении земском, и о теплоте солнечной, и о ведре», а простому люду «заповедаша пост и молитву, с чистым покаянием и с слезами...»⁶³) и внезапная смерть 26 июня брата великого князя удельного князя калужского Семена Ивановича⁶⁴ (отношения которого с великим князем оставляли желать лучшего – в 1511 г. Семен намеревался бежать в Литву, но его замысел был раскрыт. Сам калужский князь отделался легким испугом – по печалованию митрополита Симона Василий помиловал брата, однако «людей его (Семена. – В.П.), бояр и детей боярских, всех переменял...»⁶⁵) вынудили Василия III повременить с отъездом в действующую армию. Без него же осада Полоцка стала затягиваться, и, судя по всему, в сложившейся ситуации в худшем положении оказались ратники «силы московской». Похоже, что они снабжались по остаточному принципу и терпели наибольшие тяготы и лишения. Держать несколько тысяч всадников с заводными и вычными конями в опустошенной и залитой дождями обезлюдевшей местности в условиях, когда первоначальный план кампании пошел насмарку, не имело смысла. В итоге князь Михайло Горбатый с большей частью своих людей отправился из-под Полоцка в дальний рейд по раскисшим от казавшихся бесконечными дождей дорогам по владениям Сигизмунда I. «Ходил в Литовскую землю далеко, кош у него стоял в Молодечно, в Маркове, в Лебедеве, – сообщал Василий III своему крымскому корреспонденту о действиях князя Михайлы, – а воевали Литовскую землю и по самую Вилню⁶⁶, а направо от Вилны воевали также по Неметцкую землю».⁶⁷ Видимо, именно эта рать вернулась в Вязьму 11 сентября 1518 г., при этом «полону и животов людских безчислено вывели».⁶⁸

Столь же успешными, в изложении Василия, были и действия рати князей А.Б. Горбатого и А.Д. Курбского на витебском направлении («у Витебска острог взяли и посады пожгли и людей многих побили, и иных многих живых переимали и к нам прислали»), и С.Ф. Курбского на минском («воевал Литовскую землю около Слуцка и Менска и Нова-города литовского и Могилева, также мало не по самую Вилну, и также полону и животов людских безчислено вывели и жолнырей многих побили, а иных живых к нам прислали...»)⁶⁹. Но вся эта малая война никак не решала главную проблему, ради чего все и затевалось – взятие Полоцка.

О том, что происходило под осажденным городом летом 1518 г., известно очень мало, да и сами известия эти весьма противоречивы. Пожалуй, главным источником является послание Сигизмунда I Мухаммед-Гирею I, датированное 28 августа 1518 г. В этом письме великий князь литовский сообщает своему корреспонденту о великой победе, одержанной его войсками над русскими под Полоцком. Предлагая хану отправить, в ознаменование поновленного годом ранее союза, «сынов своих з войскомъ великимъ в землю непрыятеля нашего московского воевати», Сигизмунд писал, что тот «непрыятель нашъ московский, собравши ся со всеми людьми своими, што их могъ мети, конных и пешихъ, и з многими делы, безвестно кинул ся в панъство нашо под замокъ нашъ Полтескъ». Однако здесь их ждал неприятный сюрприз: полоцкий воевода Ольбрахт Гаштольд «с подьданными нашими, князи и бояры земли Полоцкое, и мешаны, и служебными нашими, оземшы Бога на помочь», ударили на московские полки (которых, пришедших наперед к замку полоцкому, было 15 тыс.). И, ударив, наголову разгромили неприятеля, «прытиснув» их к Двине так, что «которые не могъ забыт бытии, тыи вси в реце у Двене потонули, а жадная нога тыхъ люди пединадцати тиясь не вошла...».

Несчастья московитов, если верить победной реляции Сигизмунда (мастера писать такие послания), на этом не закончились. «А другии люди наши, – продолжал делиться своей радостью король, – которые шли перед великимъ войскомъ нашимъ, надъ которым жло войскомъ быть старшимъ староста городеньский, пан Юрей Миколаевич Радивиловича, тыи люди наши теж битву мели з людьми того непрыятеля нашего московского». И эти передовые литовские люди разбили еще 5 тыс. московитов, да так, что «которые с нихъ до лесовъ с коней повтекали, тыхъ люди наши, по лесомъ имаючи, побили, а иныхъ живыхъ поимали». И от тех пяти тысяч пеших и конных неприятелей, по сообщению Сигизмунда, тоже «жадная нога не въвошла», и вдобавок ко всему убиты были двое русских воевод, «по нашему гетмановъ» – князь Иван Ростовский-Буйнос и князь Александр Кашин-Оболенский (любопытно, что в послании названы оба воеводы полка Левой руки рати братьев Шуйских. – *В.П.*). И это не считая побитых и разгромленных небольших, по 200–300 людей, отрядов, из числа которых «больших князеи и бояр его (Василия III. – *В.П.*), дети боярскихъ, знамени-тыхъ люди многих живыхъ поимано...».

Но и это еще не все. Оказывается, что новгородский и псковские воеводы, «которые тымъ же людем шли ку помочы з делы», узнав о двойной победе литовцев, «с тыми всеми дялы зъ земли наше вонъ побегли». Воевода же полоцкий Ольбрахт Гаштольд вместе «з воеводою витебскимъ, и со всеми видьбляны, и з служебными нашими» отправились вдогон за поспешно отступающим неприятелем, а староста городенский Юрий Радзивилл «з большимъ войскомъ нашимъ литовскимъ, и з двораны и служебными нашими, тамъ же за ними чымъ наспешнии пошоль...».⁷⁰

Одним словом, из послания Сигизмунда следовало, что Василий III потерпел еще одно поражение, не такое большое, как четыремя годами раньше под Оршей, где было разбито 80-тысячное московское войско, однако же достаточно серьезное (как-никак, но побито, утопло и взято в полон 20 тыс. москвитов). И теперь, по мнению Сигизмунда, настал «велики час» – самое время крымскому «царю» послать своих людей на владения московского, поскольку его лучшие воины пали в бою, а те, кто сумел бежать, пали духом и «жадное смелости не мають за неправду своего господаря». Ну и сам Сигизмунд был готов отправить свои полки на Василия, как только узнает о вторжении татар («какъ услышавши о твоихъ людех, нашы люди мели з другое стороны у его землю пойти...»)⁷¹

Не вызывает сомнения тот факт, что послание Сигизмунда носило ярко выраженный пропагандистский характер (аналогично разосланных во множестве четыремя годами ранее известий о «великой битве» под Оршей). И цифры потерь московского войска в нем совершенно неправдоподобны (если только не полагать, что они отражают в преувеличенном и приукрашенном виде сведения, полученные от пленных, относительно общей численности выставленных Василием III ратей). Однако само по себе описание хода кампании (2-й ее части), сопоставленное со свидетельствами польских хронистов, сообщением С. Герберштейна и похвальбой самого О. Гаштольда, позволяет представить, как развивались события после того, как большая часть рати князя Михайлы Горбатого отправилась в рейд по владениям Сигизмунда.

Мы остановились на том, что в конце мая – начале июня 1518 г. (косвенно эту дату подтверждает послание Сигизмунда императору, которое датируется 7 июня 1518 г.⁷², в котором нет и намека на то, что рати Василия III вторглись в пределы Великого княжества Литовского и осадили Полоцк) главные силы новгородско-псковской, а затем и

смоленской группировок московской рати (максимум 10–12 тыс. «сабель» и «пищалей») собрались, наконец, вокруг Полоцка и приступили к осадным работам. Осада начиналась в сложных условиях: сильные проливные дожди, распутица, разоренная и опустошенная местность, – все это создавало серьезные проблемы для осаждающих. Предполагалось, что в 1-й половине июля к ним присоединится сам великий князь со своим двором, с нарядом (а московский наряд должен был быть мощнее, чем новгородский и тем более псковский) и с братьями. В ожидании подхода Василия III с дополнительными силами и артиллерией осада шла ни шатко ни валко: начатый был обстрел крепости быстро сошел на нет – подвоз боеприпасов по размокшим дорогам был чрезвычайно затруднен, ядра и «зелье» нужно было беречь, и вялая перестрелка позволила осажденным воспрянуть духом и перейти к активной обороне, совершая вылазки. Кстати, о численности гарнизона Полоцка – М. Бельский писал, что Гаштольд имел в своем распоряжении 1,5 тыс. человек⁷³. Цифра, названная польским хронистом, близка к реальности. Согласно войсковой переписи Великого княжества Литовского 1528 г., сам воевода полоцкий выставлял в поход 466 «коней», князя и бояре земли полоцкой – в сумме 519 «коней», полоцкие мещане – 133 «коня», всего 1118 «коней». ⁷⁴ Добавим к этому «служебных» людей (наемников⁷⁵) и разного рода «охочих» людей, и полторы тысячи бойцов в Полоцке вполне могло собраться. И, опираясь на укрепления Полоцка и его артиллерию (некоторое представление о ней могут дать материалы описи 1552 г. и Литовской метрики⁷⁶), эти люди могли успешно отбивать вялые попытки братьев Шуйских взять город (если такая цель перед ними и ставилась до прибытия Василия III).

Однако дожди ли, смерть ли Семена Ивановича или же иная какая причина – Василий III отменил свой поход. И, хотя в начале июля дожди прекратились, положение все равно оставалось сложным. Город держался, а добывать провиант и фураж в полоцкой округе становилось все тяжелее и тяжелее. В этих условиях, посоветовавшись, воеводы решили отправить часть сил в дальний рейд (естественно, по московскому обычаю, списавшись со столицей и получив оттуда соответствующее разрешение). Раздроблением русских сил и решили воспользоваться литовцы. Городенский староста Ю. Радзивилл «Геркулес», собрав небольшое войско (к примеру, согласно переписи 1528 г., пан Юрий выставлял 321 «коня», а городенская шляхта – 363 «коня»⁷⁷) и, выслав вперед авангард из на-

емников во главе с ротмистром Я. Боратыньским, начал осторожно выдвигаться к Полоцку, отбрасывая с дороги мелкие загоны московских детей боярских.⁷⁸ Складывается впечатление, что ему удалось наладить более или менее постоянную связь с Гаштольдом и полоцким гарнизоном (русские обложили Полоцк с северной стороны, тогда как с южной, заречной, стороны действовали, видимо, лишь отдельные дозоры – для полной блокады Полоцка у Шуйских явно не хватало сил). Во всяком случае, из польских сведений можно сделать вывод о наличии некоей координации действий подмоги и осажденных.

Что же случилось в ночь на 15 августа 1518 г. (эту дату дает польская хроника и косвенно – упомянутое выше послание Сигизмунда Мухаммед-Гирею⁷⁹)? Псковская летопись сообщает, что «отгнаша струги под городом, и в тех струзах дети боярские добрые, хоупавые смельцы, перевезошася за Двину реку на добыток», другой же псковский книжник уточнил, что это были москвичи.⁸⁰ И в тот самый момент, когда русские, переправившись через реку, отошли от стругов и собрались было оправиться в добычу фуража и провианта, Гаштольд во главе своих людей совершил вылазку из города. По словам Герберштейна, он и его ратники переправились через Двину и подожгли собранные неприятелем запасы сена. Пламя костра стало сигналом для конницы Боратыньского, который обрушился на разбредшихся в поисках «добытка» детей боярских и их послужильцев. «Одни из них были перебиты, другие утонули во время бегства, третьи взяты в плен, и только немногие спаслись», – продолжал Герберштейн, а пскович добавляет, что, когда литовцы внезапно атаковали русских, «побегоша к Двине москвичи, и не бе им перевестися всем, и потопоша их много в Двине...»⁸¹.

Стычка в ночь на 15 августа не означала, конечно, что обложившие Полоцк московские, новгородские и псковские полки обречены. Общее превосходство в силах оставалось за Шуйскими. Однако смысл продолжать осаду терялся. Признаков готовности полочан капитулировать не было, к Полоцку вот-вот должно было подойти пусть и небольшое, но свежее неприятельское войско, которое к тому же было ободрено одержанной победой, рассчитывать же на подход подкреплений и дополнительной артиллерии в преддверии осени с ее дождями и распутицей не стоило: первоначальный план кампании был задвинут далеко на полку еще в конце июня. И, что самое неприятное, при попытках продолжения осады потери не столько от действий неприятеля, сколько от голода и болезней могли стать

критическими. Решение в такой ситуации могло быть одно – осаду нужно было снимать, и успешная атака Боратынского и Гаштольда только ускорила его принятие Шуйскими со товарищами.

Размеры понесенного поражения, конечно, не были столь масштабны, как это описывал в своем послании Сигизмунд, но достаточно чувствительны, чтобы заставить понервничать Василия III.⁸² И в самом деле, вместо ожидаемой победы – опять неудача (лишь частично скрашенная успешными действиями воевод под Витебском, Вильно и Минском). И выставить себя в лучшем свете перед прибывшим в Москву очередным имперским посланником Ф. да Колло со товарищи⁸³, ускорив тем самым окончание изрядно затянувшейся и надоевшей войны, никак не получалось. Хорошо, хоть рать братьев Шуйских сумела после поражения 15 августа отступить в относительно порядке и сохранить наряд. О том, что это было, скорее всего, именно так, косвенно указывает послание Сигизмунда Мухаммед-Гирею. Ведь, если бы «Геркулесу» Радзивиллу и Гаштольду удалось бы наголову разгромить Шуйских и взять богатые трофеи, король не преминул бы отписать об этом «царю», похваляясь перед ним своей победой. И Мухаммед-Гирей не стал торопиться, очертя голову бросаясь в огонь войны с московским по желанию своего литовского «партнера», здраво рассудив, что астраханский приз значит больше, нежели набег на московские окраины.

Таким образом, в сентябре 1518 г. кампанию можно было считать законченной, и законченной совсем не так, как это предполагалось первоначально. Поставить победную точку в войне не удалось, и Василию III надо было думать о том, как продолжать ее дальше.

¹ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. Sanok, 1856. S. 1002–1003.

² Об осаде Опочки см.: Лобин А.Н. «Бесова деревня Опочка»: малоизвестный эпизод Смоленской войны 1512–1522 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. Часть III. СПб., 2013. С. 73–86.

³ См., например: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 512. Кстати, петербургский исследователь А.И. Филошкин обратил внимание на тот факт, что, начиная с 80-х гг. XV в., центр русско-литовского противоборства медленно, но неумолимо смещался к северо-западу – с Северщины и Верховских земель к Смоленску и далее к Полоцку. И экспедиция 1518 г. стала первым серьезным шагом на этом пути (См.: Филошкин А.И. Причины «полоцкого взятия» 1563 г. глазами современников и потомков // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3. С. 20).

⁴ Напьерский К.Е. Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 278; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 52. В разрядах упоминается также намерение Василия III «отпустить воевод к Полоцку» с Великих Лук в 1515 г., но был ли этот поход, или же в разрядные записи вкралась ошибка – установить пока не представляется возможным, ибо в опубликованных источниках, как русских, так и иностранных, ничего об этом походе не сообщается (См., например: Разрядная книга (далее РК) 1475–1598. М., 1966. С. 55).

⁵ Софийская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 400–401.

⁶ Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 100.

⁷ См., например: Продолжение летописи по Воскресенскому списку (далее Воскресенская летопись) // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 261–264. Ср.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (далее Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 26–30; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 392–396; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 306–309. О походе на Полоцк глухо упоминает лишь Владимирский летописец: «Того же месяца июня (1518 г. – В.П.) посылал князь велики воевод, князя Василья Шуиского и иных воевод многих в Литовскую землю...» (Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009. С. 143). И это все – а куда посылал и каковы были итоги этой «посылки» об этом летописец молчит.

⁸ См., например: Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М. 1981. С. 234. Ср.: Краткий Кирилло-Белозерский летописчик / Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М; Л., 1950. С. 28.

⁹ См., например: Софийская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 409–416. Ср.: Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 540.

¹⁰ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. XLIII. М., 2004. С. 216. Ср.: Новгородская 4-я летопись по списку Н.И. Никольского // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 613.

¹¹ См.: Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 100. Ср.: Псковская 3-я летопись // Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 226.

¹² См., например: РК 1475–1598. С. 60–64; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 158–170. Столь запутанное положение с разрядными записями тем более любопытно, если принять во внимание высказанную Ю.В. Анхимюком точку зрения (представляющую весьма обоснованной), согласно которой разрядные книги (как официальный Государев разряд, так и частные разрядные книги) своего рода «местническими справочниками» (См.: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 73–75, 81–82).

¹³ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // СБРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 535, 541, 612.

¹⁴ *Chronicorum Bernardi Vapovii // Scriptores Rerum Polonicarum. Т. II. Cracoviae, 1874. S. 156–157. См. также: Rocznika świętokrzyskiego dopelnienie drugie z kodexu IX, 1492–1556 // Monumenta Poloniae Historica. Т. III. Lwow, 1878. S. 95–96.*

¹⁵ См.: *Acta Tomicianae (далее AT). Т. IV. Posnaniae, 1855. S. 328, 344; Т. VII. S. 265; Lietuvos Metrika (далее LM). Kn. 7 (1506–1539). Vilnius, 2011. P. 366.*

¹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 87.

¹⁷ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 189–190.

¹⁸ Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899. С. 258–259.

¹⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских

отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. С. 223; Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 199–201. Ср.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 62–63.

²⁰ Клаузевиц К. фон. О войне. Т. I. М., 2002. С. 47.

²¹ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 181.

²² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 506–507.

²³ См., например: Никоновская летопись. С. 26. В том, что этот поход был предпринят по наущению Сигизмунда I, в Москве не сомневались. Так, в составленном спустя 30 лет после описываемых событий Постниковском летописце его автор написал, что де в 1517 г. «посылал в Крым пана своего Ольбрехта Мартынова с великою казною к Менли-Гиреевым царевым детем, наводя их на крестьянство, на великого князя украину...» (Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 12. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 168, 170).

²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год). С. 509–510, 517.

²⁵ Там же. С. 517–525, 543.

²⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким ордемом в Пруссии 1516–520 // СБРИО. Т. LIII. СПб., 1887. С. 42; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 160.

²⁷ Как отмечал В.Е. Сыроечковский, «во внешней политике недолгого царствования Мухаммед-Герая была основная линия, которая и объясняет колебания хана между Москвою и Литвою. Главным вопросом для Крыма оставалась борьба с Астраханью, и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве» (Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 50). Перипетии переговоров Мухаммед-Гирея и Василия III вокруг астраханского «проекта» крымского хана и развитие русско-крымских отношений в 10-х гг. XVI в., см.: Зайцев И.А. Астраханское ханство. М., 2004. С. 78–83; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 174–176, 192–193.

²⁸ Зайцев И.А. Астраханское ханство. С. 82.

²⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

³⁰ Псковская 1-я летопись. С. 100.

³¹ Владимирский летописец. С. 143.

³² См., например: Никоновская летопись. С. 29. Ср.: Воскресенская летопись. Т. VIII. С. 264; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 394.

³³ РК 1475–1598. С. 64. Ср.: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 68; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 167.

³⁴ Псковская 1-я летопись. С. 100.

³⁵ РК 1475–1598. С. 63. Ср.: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 67; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 164–165.

³⁶ РК 1475–1598. С. 64. Ср.: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 67; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 166–167.

³⁷ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. S. 1003; Chronicorum Bernardi Vapovii. Т. II. S. 156; Rocznika świetokrzyskiego dopelnienie drugie z kodexu IX, 1492–1556. S. 96.

³⁸ См., например: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV –

начало XVI в. Л., 1971. С. 334. Ср.: Бенцианов М.М. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 265–266.

³⁹ См., например: Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 154, 156, 157, 158.

⁴⁰ Осенью 1534 г. по мобилизации с началом Стародубской войны псковский наместник Д.С. Воронцов выступил в поход с 300 псковскими детьми боярскими (Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. // Памятники Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Т. VI. М.; Варшава, 2002. С. 116).

⁴¹ Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁴² Там же. С. 97. В следующий раз почти тысячу пищальников (500 для гарнизона Себежа и 400 – на Москву) псковичи выставили в 1535 г. (Псковская 1-я летопись. С. 107).

⁴³ Там же. С. 97, 100.

⁴⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 184.

⁴⁵ Псковская 1-я летопись. С. 107.

⁴⁶ С. Герберштейн писал, что «[в тех местах] из-за частых болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск, они, тем не менее, двигаются прямо, куда бы им ни было нужно, высылая вперед множество крестьян [которые] обязаны [удалить всякие препятствия]: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки...» (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 617.).

⁴⁷ Там же. С. 81–82.

⁴⁸ Там же. С. 100.

⁴⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900. С. 38.

⁵⁰ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 154.

⁵¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 619.

⁵² Там же. С. 269, 615.

⁵³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 269.

⁵⁴ Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁵⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

⁵⁶ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 227. О привилеях, выданных великими литовскими князьями полочанам, см. там же. С. 179–182.

⁵⁷ Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁵⁸ См.: LM. Кн. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 225.

⁵⁹ См., например: Список Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 560–561. Некоторое представление о том, как могли выглядеть укрепления Полоцка в начале XVI в., могут дать материалы ревизии Полоцкого воеводства, датируемые 1552 г. (См., например: Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. Менск, 2011. С. 26–35).

⁶⁰ Воскресенская летопись. С. 263–264; Львовская летопись. С. 394. В схожей ситуации оказались летом 1579 г. войска короля Речи Посполитой Стефана Батория, осадившие Полоцк, занятый русским гарнизоном (См., например: Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582) // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана

Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 113, 114, 117. См. также: Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 310).

⁶¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 615.

⁶² Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁶³ Воскресенская летопись. С. 261.

⁶⁴ Там же. С. 263.

⁶⁵ Там же. С. 252.

⁶⁶ Владимирский летописец конкретизировал – «а Вилна не доходили 30 верст» (Владимирский летописец. С. 143).

⁶⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

⁶⁸ РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 167. Из текста разряда следует, что в Вязьму отступили после неудачи под Полоцком сами братья Шуйские со своими людьми, однако, учитывая перепутанность передачи сведений в разрядных записях применительно к этой кампании, поставим под сомнение это свидетельство: зачем новгородским и псковским детям боярским и пищальникам идти в Вязьму, на восток, вместо того, чтобы возвращаться домой, на север?

⁶⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

⁷⁰ ЛМ. Кн. 7. Р. 365–366.

⁷¹ Ibid. Р. 366.

⁷² ЛМ. Кн. 7. Р. 362–363.

⁷³ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. S. 1003.

⁷⁴ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Мінск, 2003. С. 50, 153–156.

⁷⁵ Согласно описи 1552 г., в Полоцком замке на постоянной основе было 30 человек (Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. С. 33).

⁷⁶ См.: Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. С. 34–35; ЛМ. Кн. 7 (1506–1539). Р. 643–644.

⁷⁷ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. С. 50, 94–96.

⁷⁸ Об этом говорит С. Герберштейн (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 87).

⁷⁹ Rocznika światokrzyskiego dopelnienie drugie z kodexu IX, 1492–1556. S. 95–96.

⁸⁰ Псковская 1-я летопись. С. 100; Псковская 3-я летопись. С. 226.

⁸¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 87; Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁸² Успокаивая московского великого князя, его крымский «доброхот» Аппак-мурза писал, что де посланию Сигизмунда в Крыму не поверили, а весть его о победе над москвитями под Полоцком с разгромом 16-тысячной рати и пленением двух воевод посчитали ложной (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 612). Во всяком случае, названный пленным князь А.В. Кашин встречается в «береговом» разряде 7028 г., а И.А. Ростовский-Буйнос в разряде 7029 г. был одним из воевод в Торопце (РК 1475–1598. С. 65, 67). И, учитывая печальную судьбу высокопоставленных русских пленных, взятых литовцами в годы 1-й Смоленской войны, практически невероятно, что они, попав в плен в 1518 г., в 1520–1521 гг. снова оказываются на государственной службе.

⁸³ См., например: Владимирский летописец. С. 143.

Е.П. Петрова (Суздаль)

**РЕЛИКВИИ 10-ГО ГРЕНАДЕРСКОГО
МАЛОРОССИЙСКОГО ПОЛКА В СОБРАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

10-й гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полк с октября 1892 г. по апрель 1917 г. неоднократно дислоцировался в г. Владимире. Осенью 1918 г. он был расформирован. 22 марта 1920 г. из губернского вещевого склада во Владимирский музей было передано «15 знамен старинных бывшего 10 Малороссийского полка. Одно знамя Георгиевское, но самый знак выломан...»¹. В настоящее время в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится десять знамен, три древка с остатками тканей, три Александровские ленты Малороссийского гренадерского полка.

Истории 10-го Малороссийского полка посвящены исследования русских военных историков, вышедшие в печати уже в конце XIX – начале XX в. Наиболее известным из этих трудов (существующих ныне в том числе в электронном виде) является книга подполковника Ростислава Ивановича Правикова «Краткая история 10-го Гренадерского Малороссийского полка», изданная в Моршанске в 1889 г. В ней изложены краткие очерки о событиях военной истории России, в которых принимал участие полк. Библиографической редкостью является «Хроника 10-го Гренадерского Малороссийского генерал-фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полка»², составленная бывшим малороссийцем штабс-капитаном Павлом Семеновичем Юриным³. Книга была напечатана во Владимире в 1912 г., находилась в библиотеке при церкви полка, в настоящее время один экземпляр ее хранится в Государственном архиве Владимирской области. В

«Хронике» кратко перечислены все события из жизни полка – участие в войнах, походы, передвижения, изменение названий и смена командиров полка, введение нового обмундирования, выдача знамен и др. – с 30 марта 1756 г. по 1 января 1909 г. П.С. Юрин ссылается на указы, собрание законов Российского государства, архивные документы, приказы по Военному ведомству. «Хронике» предшествовала рукопись «Кой-что к истории 10-го гренадерского Малороссийского Генерал-Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полка. 1756–1762», написанная Юриным в 1907–1909 гг. и посвященная раннему этапу истории полка. В настоящее время рукопись хранится в коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В предисловии к ней Павел Семенович пишет, что «еще в 60-х годах XIX столетия полковником Даниловым были сделаны первые попытки составить краткую историю нашего родного полка. Попытки эти повторились в 1876 году, но скоро начавшаяся война с Турцией прервала их. Наконец в 1887 году по настоятельному требованию командира Гренадерского корпуса ген-адъют. Столыпина и начальника 3-й Гренадерской дивизии ген-лейт. Зверева была составлена полковая комиссия под предводительством подполковника Правикова, которая и приступила к собиранию материалов и составлению краткой истории полка. Благодаря стараний и особенной энергии членов комиссии давнишняя мечта полка осуществилась»⁴ По поводу книги подполковника Р.И. Правикова Павел Семенович пишет: «Вследствие ли краткого срока и скудости средств в истории вкрались небольшие неточности и пропущены некоторые события, что и привело меня к мысли восполнить эти пробелы»⁵. Однако, замечает автор, «есть, вероятно, еще много таких событий в истории полка, которые скрыты пока крепкими засовами некоторых архивов и для нас неизвестны»⁶. Эпиграфом к рукописи служит его стихотворение, в котором он призывает однополчан любить свой родной полк, чтить его историю:

*Друзья! Примите труд вы мой
И за ошибки не пеняйте...
Любите полк вы свой родной
И его историю читайте.
Много фактов там найдете,
Достойных лаврового венка,
Дедов подвиги прочтете
И не забывайте никогда⁷.*

В настоящее время на различных электронных ресурсах можно найти материал по интересующей нас теме. Например, на интернет-сайте

vexillographia.ru содержатся изображения реконструированных знамен 10-го гренадерского Малороссийского полка 1756 г., образца 1797 г., 1816 г.; а на сайте «Мемориал войны 1812 года» имеется фотография сохранившегося знамени 1797 г. Авторы реконструкций, современные исследователи знамен чаще всего обращаются к многотомному труду А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению» (СПб., 1841–1862), где содержатся описания и изображения знамен полков Российской армии. Также используются материалы книги В.В. Звегинцова «Знамена и штандарты русской армии» и А.А. Керсновского «История русской армии» в 4-х томах. В настоящем сообщении основное внимание будет уделено знаменам полка XIX в. из коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Полк, ставший впоследствии Малороссийским гренадерским, был сформирован по указу императрицы Елизаветы Петровны 30 марта 1756 г. из гренадерских рот Ростовского, Пермского, Ингерманландского, Астраханского, 1-го Московского, Тобольского, Великолуцкого, Кабардинского, Копорского и Владимирского пехотных полков как 4-й гренадерский полк, в связи со вступлением России в Семилетнюю войну. Первые знамена 4-му гренадерскому полку были дарованы в феврале 1757 г.: «по одному знамени белому, с красными, и по три красные, с белыми флагами. Посредине каждого знамени – парящий двуглавый орел, под ним арматура из гренадерского оружия и амуниции, над коронами вензель Императрицы, в облаках, а по углам, на флагах, по пылающей Гренаде»⁸. На арматуре две крупные красные буквы «Ч. Г.» (четвертый гренадерский). Знамена, с которыми полк принял боевое крещение в Семилетней войне, не сохранились, но участие в войне дало возможность «только что сформированному полку с первых же шагов его существования заслужить высокую боевую славу и стать рядом со старыми Петровскими боевыми полками»⁹.

В 1785–1790 гг. полк назывался Фанагорийским гренадерским, затем Малороссийским. Начиная с 1797 г. в армии вводятся новые образцы знамен. 30 октября 1798 г. Малороссийскому полку были пожалованы 10 знамен образца 1797 г.: «У одного крест белый, а углы розовые с черным пополам. У остальных крест черный, а углы розовые. Древки черные. Круг у всех знамен светло-оранжевый, с черным двуглавым орлом. На груди орла красный щит, вокруг которого золотые цепь ордена Св. Андрея Первозванного, короны, скипетр»¹⁰. Знамена полка образца 1797 г. находились в Санкт-Петербургском Арсенале, два знамени – «шелковые,

черные, с розовыми углами» – числятся в «Описании артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года»¹¹.

В 1800–1801 гг. полк назывался по фамилиям шефов: полком Берга, полком Радта, затем – Малороссийским гренадерским. 28 января 1824 г. полку были даны три новых Георгиевских знамени (по одному на батальон) образца 1816 г. (простые без надписей). Полотнище двойное, шелковое, состоит из креста темно-зеленого цвета и углов. Углы разделены пополам по диагонали: нижняя половина желтая (по цвету 3-й гренадерской дивизии, куда входил полк), верхняя – красная (по приборному сукну полка). В середине полотнища, в медальоне желтого цвета, изображен двуглавый орел черного цвета с опущенными крыльями. Над головами орла – императорская корона. На груди орла – цветное изображение московского герба со святым Георгием Победоносцем, скачущим вправо. В правой лапе орла – золотой факел, молнии, в левой – зеленый венок. Медальон венчается лавровым венком под императорской короной. В углах знамени изображены лавровые венки под короной с вензелем императора Александра I. Короны, венки, вензеля написаны краской золотого цвета.

В собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится знамя Запасного батальона в ветхом состоянии. Полотнище пришито к запасу, который обернут вокруг древка и прибит латунными гвоздями с вызолоченными выпуклыми круглыми шляпками. Древко палевого цвета. Сохранилось основание навершия – восьмигранная латунная вызолоченная трубка. На древке, ниже полотнища, установлена латунная вызолоченная скоба, которая крепится к древку при помощи латунных гвоздиков с вызолоченными выпуклыми круглыми шляпками. На скобе гравированный вензель императрицы Елизаветы Петровны, надпись: «1756 года. 4-й Гренадерский полк. 1838 г. Гренадерский Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского Малороссийского Гренадерского полка Запасного Батальона». На нижний конец древка надет латунный подток конусовидной формы.

С 1826 г. полк получает название – гренадерский фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полк¹². Сформировавшееся к концу XVIII в. понимание знамени как священной воинской регалии повлекло введение особых знаков отличия на знаменах воинских подразделений. На наградных знаменах полков русской армии можно прочесть названия всех основных сражений¹³. В 1830–1831 гг. полк принимал участие в усмирении Польского восстания. 26 февраля 1833 г. за победу в битве при Остроленке 3-му батальону было пожаловано простое

знамя (образца 1816 г.), а 4-му – Георгиевское с надписью отличия по периметру: «За отличие при взятии штурмом Остроленки 14 мая 1831 года». Из истории полка известно, что Георгиевское знамя поступило «с прибывшими на укомплектование полка 2-мя ротами Астраханского гренадерского полка»¹⁴. Из надписи на скобе следует, что оно принадлежало полку, который в 1700 г. назывался «Пехотный Романа Брюса» (первое название Астраханского гренадерского полка). В 1838 г. это знамя 4-го батальона Малороссийского полка.

На древках всех знамен полка сохранились гравированные скобы, по которым можно проследить историю знамени. В собрании музея знамена образца 1816 г. (модификации 1825 г.) запасного (рис. 1), 7-го и 8-го

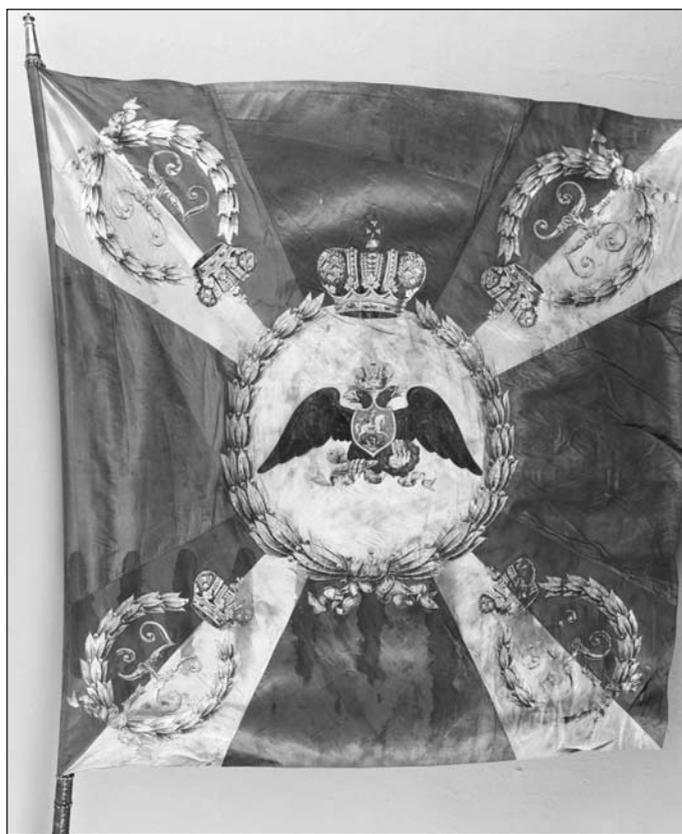

Рис. 1. Знамя гренадерского фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полка (Запасного батальона). Образец 1816 г.

Рис. 2. Навершие знамени гренадерского фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полка (7-го батальона)

запасных батальонов с вензелем императора Николая I. На древке знамени 7-го батальона сохранилось латунное вызолоченное навершие образца 1816 г. (рис. 2), в виде двуглавого орла в копье, увенчанного короной. Орел опирается на часть венка, находящуюся ниже него. На груди орла – щит с изображением Георгия Победоносца. Трубка восьмигранная. К основанию навершия прикреплена лента серебряного галуна с кистями. На нижнем конце древка латунный подток в форме конуса.

30 марта 1856 г. в связи со столетием полка ему были жалованы юбилейные знамена, представляющие собой знамена образца 1816 г., с вензелем императора Александра II. В нижней части венка дорисовывался отрезок Андреевской голубой ленты с юбилейными датами: «1756–1856». В музейном собрании знамени 1-го, 2-го батальонов в ветхом состоянии. Лучше сохранилось Георгиевское знамя 4-го батальона с надписью отличия по краям полотнища: «За отличие... приступом... оленки 14 мая 1831 года». На скобе гравированные вензеля императора Петра I и императрицы Елизаветы Петровны, надпись: «1700 года. Пехотный Романа Брюса и 1756 г. 4-й Гренадерский полки. 1831 г. За отличие при

взятии приступом Остроленки, 14-го мая 1831 года. 1856 г. Гренадерского Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского – Малороссийского Гренадерского полка». Сохранилась Александровская лента с вензелями Елизаветы Петровны и Николая I, надписью, повторяющейся на скобе.

25 марта 1864 г. «согласно расписания Гренадерских и Армейских полков по нумерации, полк стал именоваться 10-м Гренадерским Малороссийским Генерал-Фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полком»¹⁵. Далее в «Хронике» полка со знаменами связана следующая запись: «20 января 1871 г. Повелено чехлы на Георгиевских знаменах завязывать офицерскими темляками на Георгиевской ленте»¹⁶.

Очередное вручение знамен связано с участием полка в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В июне 1878 г. всем трем батальонам были пожалованы Георгиевские знамена образца 1876 г. с надписью: «За разбитие и пленение турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года». Полотнище из плотной шелковой ткани полотняного переплетения (репс) белого цвета, с вытканым двусторонним рисунком. Состоит из креста белого цвета и углов. На кресте изображены четыре гренады, помещенные пламенем к краям знамени. Крест отделяется от углов тонкими оранжевыми полосками, такие же полоски делят углы пополам по диагонали. Углы были одинаковыми для всех полков: нижняя половина белая, верхняя – черная. В середине полотнища в медальоне оранжевого цвета изображен двуглавый орел черного цвета с округленно-поднятыми крыльями, на которых помещены цветные изображения восьми щитов с «титულными» гербами. На правом – с гербами Казани, Польши, Херсонеса Таврического и объединенным гербом Великих Княжеств (Киевского, Владимирского, Новгородского), на левом – с гербами Астрахани, Сибири, Грузии, Финляндии. На обеих головах орла – короны, третья корона на Андреевской ленте, опирающейся на эти головы. На груди орла цветное изображение московского герба со святым Георгием Победоносцем, скачущим влево. Щит окружен цепью ордена Св. Андрея Первозванного. В правой лапе орла – скипетр, в левой – держава. Хвост в виде геральдического узора. Медальон венчается лавровым венком под императорской короной. В углах знамени изображены лавровые венки под короной с вензелями императора Александра II в медальонах синего цвета. Вдоль краев полотнища – надпись отличия золотого цвета: «За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною 28 ноября 1877 года». Короны, венки, вензеля, гренады выполнены золотом, с нанесенной поверх рисунка краской коричневого цвета. В собрании музея знамена 2-го и 3-го батальонов (рис. 3). От знамени 1-го батальона сохранилось лишь древко со скобой и Александровская лента с надписями: «1756 г. Четвертый Гренадерский полк. 1878 г. 10-го Гренадерского Малороссийского Генерал-фельдмаршала Графа Румянцева Задунайского полка 1-го батальона. 1878 г. За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною 28 ноября 1877 г.» Лента, в отличие от полотнища, сохранилась, потому что орденские ленты надевались на знамена лишь на смотры или в других особо торжественных случаях, а в остальное время они хранились у полкового

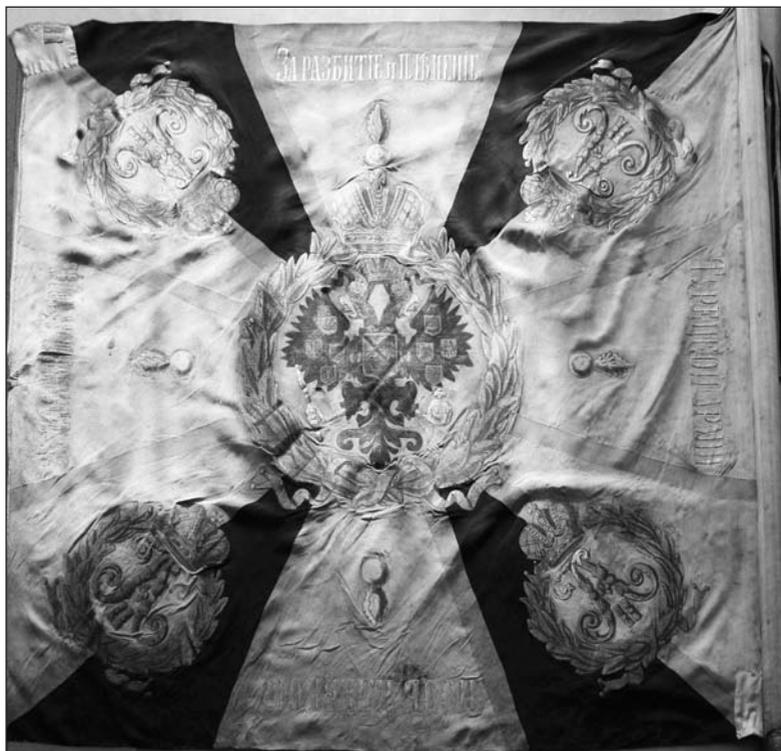

Рис. 3. Знамя Георгиевское 10-го Малороссийского гренадерского генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полка (3-го батальона). Образец 1876 г.

командира. Кроме того, как пишет Юрин, приказом по Военному ведомству в 1883 г. «число знамен при полках сокращено до одного (1-го батальона), остальные повелено хранить как реликвии и при выступлении полка в поход, в лагерь и маневры оставлять в полковой церкви или управлении местных военных властей»¹⁷. Таким образом, именно с Георгиевским знаменем 1-го батальона, полученным в 1878 г., от которого сохранилось только древко, полк участвовал в сражениях на полях Первой мировой войны. На скобе знамени 3-го батальона гравированные вензеля Петра I и Екатерины II, кроме надписи отличия, перечислены его прошлые названия: «1711 г. Уфимский, Казанского Гарнизона: Кунингама и Комендантский и Балцырева гарнизонные полки. 1784 г. 2-й и 3-й Оренбургские полевые батальоны. 1878 г. 10-го Гренадерского

Малороссийского Генерал-фельдмаршала графа Румянцева Задунайского полка, 3-го батальона». На знамени сохранились Георгиевская и Александровская ленты с надписью, аналогичной той, что на скобе. Прочтение надписей на скобах позволяет исправить неточность в книге Р.И. Правикова, где он пишет: «...полк наш был награжден тремя Георгиевскими знаменами с надписями на скобах: за разбитие и пленение 40 000 турецкой армии Османа-Паши под Плевною 28-го ноября 1877 года»¹⁸. В Военной энциклопедии (СПб., 1911–1915), в некоторых электронных источниках (РегиментЪ.Ru.) приводится подобная гравированная надпись. Однако надписи отличия на скобах знамен из нашего музейного собрания немного короче: «За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года».

Важным событием в истории полка было празднование его 150-летнего юбилея, которое проходило в апреле 1906 г. В коллекции музея-заповедника хранится приглашение на празднование юбилея. Задолго до празднования, как сообщается в «Хронике», «27 сентября 1905 года в полк были возвращены для хранения 14 старых знамен»¹⁹.

Завершая историю своего полка 1909 г., П.С. Юрин пишет: «За свою многолетнюю, самоотверженную, честную службу и преданность Престолу и Родине полк заслужил 5 Георгиевских знамен, 3 серебряные трубы, знаки на головные уборы с надписью «за отличие» и массу Высочайших похвал и благодарностей. Бог даст и впредь он постоит с честью во всякой борьбе с врагом Царя-Батюшки и Родины-Матушки и не посрамит памяти славного, знаменитого шефа полка Генерал-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцева»²⁰.

Революционные события 1917 г. круто изменили судьбу полка. 18 апреля 1917 г. солдаты приняли присягу на верность Временному правительству. 6 июля газета «Старый владимирец» сообщала: «Наш славный 10-й Малороссийский гренадерский полк пожелал назвать себя „Полком смерти“. Керенский охотно исполнил желание grenадеров, и полк вошел в состав армии генерала Корнилова. Вместо кокарды на фуражке grenадеры прикрепили череп с двумя поперечными костями, а на руках черно-красный шеврон»²¹. Газетное сообщение означало, что 10-й Малороссийский полк присоединился к движению в армии, когда после Февральской революции воинские части стали называть себя батальонами или полками смерти. Из многих «частей смерти» позже сформировались подразделения Белой ар-

мии. Осенью 1918 г. закончился боевой путь старейшего полка: он был расформирован вместе с другими подразделениями Российской армии. Из тех немногих его реликвий, дошедших до наших дней, именно знамена, ставшие святынями, позволяют нам прикоснуться, хотя бы отчасти, к славным страницам истории полка.

¹Книга для записи жертвуемых в музей при Ученой Владимирской Архивной комиссии различных предметов и документов. 1898–1920 гг. Л. 95.

²Губ. гор. Владимир. Скоропечатня И. Коиль, 1912. На книге два штампа: «Библиотека церкви 10-го Гренадерского Малороссийского полка».

³Юрин Павел Семенович родился в 1877 г. в крестьянской семье. В 1898 г. поступил на службу в 10-й гренадерский Малороссийский полк вольноопределяющимся 2-го разряда. В 1901 г. – подпрапорщик, подпоручик, затем – поручик, штабс-капитан, командир роты. В начале 1915 г. он капитан, а через год – подполковник и командир батальона. Активно участвовал в боевых действиях во время Первой мировой войны, позднее – в Красной Армии. Жизнь талантливого военного, историка, летописца своего полка закончилась трагически: в 1938 году он был расстрелян «за якобы участие в некоем офицерском заговоре».

⁴Юрин П.С. Кой-что к истории Малороссийского Генерал-Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полка. 1756–1762. 1907–1909. Л. 1.

⁵Там же.

⁶Там же. Л. 1 об.

⁷Там же. Л. 1.

⁸Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т. 3. СПб., 1899. С. 80.

⁹Юрин П.С. Указ. соч. Л. 85.

¹⁰Висковатов А.В. Указ соч. Т. 9. С. 42.

¹¹ГУ ВИМАИВиВС. СПб., 2006. С. 24, 25.

¹²Румянцев-Задунайский Петр Александрович (4.01.1725–8.12.1796), русский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1770). Из дворян. Отец, Александр Иванович Румянцев, был одним из деятельных сотрудников Петра I. Румянцев повлиял на развитие русского военного искусства в области стратегии, тактики, военного администрирования.

¹³Голованова М.П. В воздаяние отличных подвигов: реликвии трех полков российской армии из коллекции знамен Оружейной палаты // Материалы Юбилейной международной конференции. Музеи Московского Кремля. М., 2012.

¹⁴Юрин П.С. Хроника... С. 30.

¹⁵Там же. С. 34.

¹⁶Там же. С. 35.

¹⁷Там же. С. 38.

¹⁸Правиков Р.И. Краткая история 10-го Гренадерского Малороссийского полка. Моршанск, 1889. С. 86.

¹⁹Юрин П.С. Хроника... С. 39.

²⁰Там же.

²¹Попова М.П. Роль 9-го и 10-го гренадерских полков в общественной и культурной жизни города Владимира в начале XX века // И поиск длится целый век... Владимир, 2002.

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

СТРЕЛЕЦКИЙ ПОЛКОВНИК АРТАМОН МАТВЕЕВ

Артамон Сергеевич Матвеев, «худородный» фаворит царя Алексея Михайловича, широко известен как персонаж, сделавший блестящую для своих стартовых позиций карьеру, и как человек, самым тесным образом связанный со второй женой царя, приведшей к появлению на свет Петра I, обеспечившему пик этой карьеры в первой половине 1670-х гг. Правда, в последнее время П. Бушкович, под влиянием сделанных еще в начале XX в. выводов и наблюдений Е.Ф. Шмурло¹, поставил под сомнение близкую связь А.С. Матвеева и Алексея Михайловича в более ранний период и возможное его влияние на выбор кандидатуры невесты².

Подобные выводы, казалось бы, имеют под собой почву – А.С. Матвеев, дьяческий сын, отнюдь не принадлежал к московской аристократии и долгое время (почти четверть века до своего взлета) делал не слишком «почетную» с ее точки зрения карьеру стрелецкого полковника одного из 24 на начало 1660-х гг.³ московских стрелецких полков, которая вроде бы не должна была способствовать личным контактам и тесной связи между столь «нестатусным» лицом и государем.

Однако так ли это? И столь ли невысок был статус и влияние московских стрелецких полковников при дворе?

Московские стрелецкие приказы, созданные в ходе «реформ 1550-х гг.» (шесть приказов по 500 человек) как личная охрана государя, и, возможно, как пехотная составляющая «государева полка»⁴, в составе которого они некоторое время учитывались, уже с самого начала возглавлялись, как показал В.Н. Глазьев, лицами, принадлежащими к Государеву двору (чаще всего московскими дворянами,

имевшими тогда даже более высокий статус, чем позднее), и большая часть этих лиц попала в его состав в результате «тысячной реформы» преимущественно из вошедших в «избранную тысячу» провинциальных дворян, отнесенных в ней к 3-й статье⁵. Московские стрелецкие «головы» и в дальнейшем нередко комплектовались из недавно вошедшего в Государев двор провинциального дворянства⁶, принадлежащего к верхушке местных корпораций – честолюбивой, мобильной и активной, которая получала таким образом возможность делать карьеру вне сложившихся московских кланов, вряд ли позволивших бы подобное продвижение в самом Государевом полку и при дворе. Как командиры частей столичного гарнизона, несущих караулы при дворе, они волей-неволей приобретали доступ к государю, который нуждался в их лояльности и доверенности. Поэтому их статус в обществе оказывался выше формального в традиционной системе «московских чинов» – так, например, командиры почти всех московских стрелецких приказов (пять московских стрелецких голов) участвовали в «избирательном» Земском соборе 1598 г.⁷ (точнее, скрепили своей подписью составленную чуть позднее⁸ «утвержденную грамоту» этого собора).

Это положение во многом сохранялось и при Алексее Михайловиче: из как минимум 11 «столов» (торжественных обедов с участием верхушки знати, куда приглашались, однако, далеко не все ее представители), данных при дворе в период с января по август 1657 г., головы московских стрелецких приказов участвовали почти в трети (как минимум в трех)⁹.

Вероятно, более высоким статусом среди них отличались представители первых, еще «досмутных» стрелецких приказов, и вряд ли случайно, что А.С. Матвеев делал свою карьеру в одном из них.

А.С. Матвеев начал свою карьеру в стрелецких полках уже в 1640-е гг.: в 1651 г. он, будучи «головой» московских стрельцов, был пожалован «за белгородскую службу и за воловое земное дело 154 и 155 года... да за Царя Алексеевскую службу и за валовое земляное дело 157 года» придачами к поместному и денежному окладу в общей сложности в 300 четей и 40 р.¹⁰ – т.е., еще в 1646–1647 гг. и в 1649 г. он выводил московских стрельцов в походы на Белгородскую черту в период самого интенсивного ее строительства (в район Яблонова-Белгорода и Царева-Алексеева) и участвовал в повинности по возведению земляного вала на важнейших ее участках. Судя по всему, уже тогда, еще не достигнув двадцатипятилетнего возраста, он служил

сотником или полуголовой в полку М.М. Баскакова, отправленном в числе 4 московских стрелецких «приказов» в полку воеводы кн. В.П. Львова строить Царев-Алексеев (будущий Новый Оскол), – в одном из старейших московских стрелецких полков, расселенном в районе Трубной площади, командиром которого он станет вскоре, примерно в конце 1648 г.¹¹ (и вовсе не исключено, что в связи с какими-то событиями московского кризиса 1648 г.).

Возможно, еще до очередного вывода своих стрельцов на черту в 1649 г. уже в качестве головы стрелецкого «трубного»¹² приказа он принадлежал к «морозовской» группировке, в рамках которой в основном формировалось будущее окружение Алексея Михайловича – во всяком случае, он принял хотя бы косвенное участие в завершающем ударе по группировке Романова-Черкасского – в инициированном Б.И. Морозовым «деле Савинки (Савки) Корепина», бывшего «беломестца» кн. Н.И. Романова, в раздражении от потери своего льготного положения с ликвидацией «белых слобод» в городах позволившего себе крамольные речи о том, что «царь молодой глуп», и «черт-де у него ум отнял», ибо «глядит-де изо рта у бояр» Б.И. Морозова и И.Д. Милославского, и даже грозившего кровавым бунтом, в случае, если Н.И. Романов и Я.К. Черкасский призовут к нему народ. Об этом Савинко вел разговоры с колодниками на дворе самого Никиты Романовича, что бросало на последнего зловещую тень. После пыток 19 января в присутствии всей Думы Савинко был «отдан голове стрелетцкому Артемону Матвееву», через которого просил о духовнике, и был приговорен Думой к смерти 29 января 1649 г., в день утверждения Соборного уложения¹³. Участие Матвеева в столь деликатном деле – свидетельство о значительной степени доверенности к нему.

Матвеев, несомненно, был известен царю уже в 1650-е гг., ибо уже тогда он, тридцатилетний стрелецкий полковник, неоднократно жаловался царем. В 1653 г. именно миссия А.С. Матвеева на Украину подтолкнула к решению о принятии ее в российское подданство¹⁴. 16 августа 1654 г. он со своим стрелецким приказом участвовал в ожесточенном семичасовом штурме Смоленска и вел свой полк на приступ к Днепровским воротам, за которым наблюдал сам царь¹⁵. Матвеев, по его собственным словам, сыграл далеко не последнюю роль в успешных переговорах И.Б. Милославского о капитуляции гарнизона города¹⁶. По взятии Смоленска царь в письмах обсуждал с А.С. Матвеевым стратегию начавшейся войны¹⁷, а затем отправил его

к Богдану Хмельницкому, с которым в армии Г.Г. Ромодановского он совершил осенний поход 1655 г. на Каменец и Львов¹⁸. С 1656 г. Матвеев, снова отозванный в главный царский поход под Ригу, командовал в Прибалтике посланными на театр военных действий сотнями царских сокольников и стремянных конюхов, а затем и в Москве велел сокольниками, обслуживающими столь любимую царем соколиную охоту, что, несомненно, открывало ему личный доступ к Алексею Михайловичу: так, например, 5 июля 1657 г. государь пригласил его «к руке» на всенощном бдении в церкви Казанской Богородицы, и Матвеев передал свой полк, заступавший на караул, голове другого приказа Г. Остафьеву¹⁹. При традиционной замкнутости и непубличности царского двора, довольно жестко отделенного в царствование Алексея Михайловича от своих подданных (как отмечал Я. Рейтенфельс, «цари московские... весьма редко появляются среди народа, но скрываются в постоянном глубоком уединении. К ним никто, иначе как по зову, не смеет являться, за исключением весьма немногих вельмож... Все же остальные, как русские, так и чужестранцы, не только во внутренние покои, но даже близко к Кремлю не подпускаются»²⁰), это было свидетельством особого расположения и доверия государя.

Доверие это проявилось в своего рода «челночной дипломатии» А.С. Матвеева в первые годы Русско-польской войны: по отступлении царя из-под Риги он был послан в ноябре 1656 – марте 1657 г. вести весьма деликатные переговоры с литовским гетманом В. Госсевским о переходе литовской армии в русское подданство и об обеспечении поддержки литовской шляхтой избрания Алексея Михайловича на польский престол, занимаясь одновременно разведкой и оценкой ситуации в Литве и на Украине; в июне 1657 г. (судя по всему, лишь формально успешно) пытался заставить Богдана Хмельницкого отказаться от самостоятельной внешней политики, союза с Ракоци и шведским королем и вернуться «под крыло» российского монарха²¹ – скорее всего, именно после возвращения от гетмана он и удостоился от царя приглашения к всенощной в Казанской церкви. Однако в официальной иерархии московских чинов его статус был пока невысок – еще в 1656/1657 гг. А.С. Матвеев по-прежнему числился стряпчим и не имел даже чина стольника²².

Тем не менее, А.С. Матвеев уже тогда был отличен государем: большинство командиров московских стрелецких приказов в 1657 г. по-прежнему именовались стрелецкими «головами», и лишь три

человека имели почетный статус «полковника и головы» стрелецкого (Авраам Лопухин, Семен Полтев и Артамон Матвеев); те же три человека имели его и два года спустя, «в 168 г.» (1659/1660 г.)²³.

Несмотря на свой не слишком высокий статус, Матвеев постоянно был в гуще событий, перемещаясь с одного театра военных действий на другой: в сентябре 1657 г. после смерти Хмельницкого он участвовал в переговорах с еще не изменившим И. Выговским²⁴, вернувшись на Украину, куда после измены гетмана был двинут в сентябре 1658 г. в армии А.Н. Трубецкого и его полк²⁵, а летом 1659 г. – в печально знаменитом Конотопском сражении, где сумел не потерять головы ни в прямом, ни в переносном смысле.

Несомненно, что уже к концу 1650-х гг. Матвеев имел стойкую репутацию умелого переговорщика, сочетавшего выполнение щекотливых поручений государя с хлопотным руководством стрелецким полком.

Кроме того, он был деятельным и распорядительным военным администратором, не терявшимся в критических ситуациях.

После успешного, но слишком позднего тяжелого осеннего похода 1655 г. Богдана Хмельницкого и В.В. Бутурлина подо Львов, когда в непривычно далеко оторвавшейся от своей территории русской армии на обратном пути «пришла самая нужда; отец сына, брат брата мечут, и пришел голод и холод», и солдаты, стрельцы и дворяне, бросив в степи осадную артиллерию («пушки все большие, числом 59») и артиллерийский обоз, разбежались, Матвеев, по приказу В.В. Бутурлина, покинутый с остатками своего стрелецкого полка в пустой степи, ежеминутно грозящей татарскими набегами, «впрыгаясь сами под пушки, все 59 пушек и с запасы допроводил до Белой Церкви и до Москвы, а урона вашим... ратям не учинил»²⁶. Те же качества проявились и после Конотопа – А.С. Матвеев, видимо, сыграл далеко не последнюю роль в организации успешного отступления армии до Путивля («окоп, и обоз, и образец, и путь строил я, холоп твой»²⁷). Несмотря на непрерывные атаки черкас Выговского и татар, стремившихся «разорвать» обоз и захватить значительный полон, нападавшие «над обозом ничего не учинили», сами понеся значительные потери («черкас с 3000 и татар с 500 чел. убитыми»), и обоз пришел к р. Сейму «дал бог здорово»²⁸. Армия А.Н. Трубецкого, потерявшая под Конотопом 4769 чел., при длительном отступлении утратила «немногим больше 100 человек»²⁹. Чуть позднее Матвеев уже спасал непопулярного после этого полководца А.Н. Трубецкого

от не желавших идти в поход за Сейм его же ратных людей, которые «учинили бунт, и привели его боярина за епанчу, и я, холоп твой, со стрельцами его, боярина, отнял»³⁰.

Поэтому, несмотря на поражение, за Конотоп А.С. Матвеев получил серебряный ковш, атлас, 40 соболей, 100 четв. земли и 15 р. к поместному окладу, а также 700 ефимков «на вотчину». За свою «работишку» А.С. Матвеев и дальше продолжал исправно жаловаться государем, а совокупный поместный оклад его к 1660 г. достиг 1000 четей земли³¹.

Сближение с самодержцем усилилось после того, как стрелецкий полк Матвеева летом 1662 г. сыграл с двумя другими ключевую роль в охране особы государя в Коломенском от разбушевавшейся толпы и в жестоком подавлении «Медного бунта» и сразу же поднялся в иерархии стрелецких полков на почетное третье место³² (хотя, по сообщению П. Гордона, видимо, первоначально примкнула к восставшим и часть стрельцов приказов А.С. Матвеева и С.Ф. Полтева, которых он встретил «на марше с их довольно поредевшими полками»³³).

Участие в подавлении Медного бунта вряд ли могло сыграть ключевую роль в карьере Матвеева – он и раньше был хорошо известен государю и, как и С.Ф. Полтев, был уже давно выделен из ряда обычных стрелецких голов чином «полковника и головы». Но оно, несомненно, придало его карьере новый импульс, и, вероятно, с лета 1662 г. влияние Матвеева при дворе существенно возросло.

Возрастание влияния проявилось еще в одном любопытном эпизоде, как кажется, не замеченном исследователями.

Документы приказа Тайных дел сохранили сведения о попытке формирования в 1664 г. под командованием А.С. Матвеева еще и *рейтарского* полка.

Началось оно по меньшей мере уже весной: 29 марта 1664 г. на жалование рейтарам Матвеева было выдано 3200 р.³⁴, хотя, по-видимому, формирование полка еще далеко не завершилось – до конца апреля были выданы деньги на клей и жилы для тысячи лядунок для рейтар. Но комплект полка был далеко не полон, поскольку в него как минимум четыремя партиями от 13 до 330 человек до 9 августа 1664 г. продолжали поступать «новоприборные рейтары»; накануне поступления последней и самой крупной партии в 330 человек матвеевский полк на 16 июля насчитывал 410 человек³⁵, и, вероятно, к августу 1664 г. численность полка достигла как минимум 740 человек. Полк комплектовался преимущественно из «ломовцев и тан-

бовцев», хотя среди новоприборных известно и имя «костромитина рейтара Прокофья Свирепова сына Роздериша»³⁶. Полк вряд ли случайно финансировался из приказа Тайных дел, находившегося под личным контролем государя, откуда на его содержание за эти пять месяцев было истрачено как минимум 8203 р., не считая жалования офицерам³⁷.

Возможно, эпизод этот свидетельствует о намерении Матвеева расширить сферу своего военного влияния и соединить (как это было позднее в полках «нового строя», где формирующийся генералитет иногда совмещал командование солдатскими и рейтарскими полками) командование стрелецким с управлением еще и рейтарским полком, пусть и менее «престижным» с точки зрения статуса, но зато сопряженным с контролем над большой группой провинциальных «служилых по отечеству» и значительными денежными ресурсами после недавнего перевода жалованья в серебряную монету. Об этом может свидетельствовать и пополнение командного состава полка близкими Матвееву людьми из его стрелецкой «клиентелы» – трижды за это время (в мае, июне и июле) месячное денежное жалование в 11 р. 8 алтын получил будущий дед Петра I «рейтарский ротмистр Кирил Полуехтов сын Нарышкин»³⁸. Его старший брат Федор Нарышкин уже в 1657 г. был полуголовой в стрелецком полку А.С. Матвеева и выводил вместо него полк в дворцовые караулы³⁹.

Однако, скорее всего, эти намерения остались нереализованными – с начала следующего (сентябрьского) 173 г. сведения о рейтарском полке А.С. Матвеева исчезают из документации приказа Тайных дел – возможно, что уже почти сформированный Матвеевым полк был передан под командование других лиц.

Тем не менее, этот эпизод с «матвеевскими рейтарами» вероятно, был еще одним доказательством особого расположения государя к А.С. Матвееву, которое явно проявилось весной следующего года при раздаче 5 апреля 1665 г. наград по случаю рождения царевича Семиона Алексеевича – из довольно узкого круга 10 пожалованных стрелецких командиров (куда входил и матвеевский полуголова Федор Нарышкин) только три стрелецких полковника (командир Стремянного полка Яков Соловцов, Семен Полтев и Артамон Матвеев) получили высшую награду в 100 р., остальные (даже «полковник и голова» Авраам Лопухин) – по 50, а полуголова – по 30 р.⁴⁰

Дальнейшему сближению с государем способствовала и хозяйственная деятельность А.С. Матвеева.

По некоторым сведениям, А.С. Матвееву по упразднении чеканки медной монеты был поручен надзор за московским денежным двором, возобновившим чеканку полновесных серебряных копеек, а возможно, и следствие над производившими фальшивую медную монету⁴¹ (сам Матвеев позднее ставил себе в заслугу организацию прибыльной чеканки серебряной монеты⁴², которая помогла восстановить серебряное денежное обращение).

Деловая хватка и организаторские способности Матвеева, видимо, «сидевшие в крови» сына дьяка-администратора, в хозяйственных делах проявлялись в полной мере, и не только в восстановлении чеканки серебра после Медного бунта, а в том числе и в отношении к собственному хозяйству, любовно собираемому столь же рачительно и умело, и столь несправедливо, по мнению Матвеева, утраченному в период опалы: «и за все... мои... службишки, пожалован я был... честью боярством, отчинами, поместьями; и куплены отчины вашим же государским жалованьем, а нажитком отца моего, который он наживал на ваших государских службах, в посольстве в Цареград, и в Кызылбашах, также и у ваших государских дел. А я, холоп твой, наживал вашею государскою милостию на службах полковых, и в посылках, и в посольских подарках, и у ваших государских дел будучи, и собирали мы их в 67 лет, и то все *без остатка без вины* отнято». Несмотря на незнатное происхождение Матвеева, он полон достоинства: трудами отца и своими он никогда не принадлежал к тем, «которые в чужих домах живали, и чужие платья нашивали, и чужой хлеб едали...»⁴³.

Но та же хозяйственная самостоятельность и распорядительность Матвеева проявлялись и за пределами его «домового обихода». Как глава большой и давно укорененной в столице стрелецкой слободы, при обычных для стрельцов занятиях промыслами и торговлей, Матвеев имел дополнительные возможности услужить двору, все активнее выступая в 1660-е гг. в роли своего рода «хозяйственного менеджера», не без успеха использовавшего ресурсы своего полка, и, кроме того, обеспечивавшего и своих стрельцов небезвыгодными⁴⁴ заказами.

Так, например, в ноябре 1664 г. стрелец матвеевского полка Петрушка Федоров по указу государя купил свежей рыбы на 47 р. 15 алт. 2 д. для посылки в Чудов монастырь на помин по боярине Федоре Карповиче Долматове, а в январе 1670 г. сам Матвеев приобрел крупную партию жемчуга для государя на весьма значительную общую

сумму в 439 р. 80 к. у своих пятидесятника и десятника Ивашки Носа и Васьки Стружова⁴⁵; в 1669 г. стрельцы матвеевского полка выполняли портняжные работы; четыре стрельца матвеевского полка с весны 1668 г. были отданы в ученики сафьянного дела мастеру Бориске Иванову⁴⁶, а с октября 1670 г. и сам царский сафьянный завод был передан в управление А.С. Матвееву⁴⁷.

Но еще значительнее было участие стрельцов матвеевского полка в строительных работах – по сути, матвеевский «трубный» полк представлял собой хорошо организованную строительную артель, выполнявшую не только плотницкие и каменные работы, но и работы, требовавшие довольно высокой квалификации.

Уже в феврале–марте 1665 г. А.С. Матвеев лично распоряжался работами по ремонту и украшению церкви Св. Евдокии, получив в общей сложности 250 р. на материалы и жалование мастеровым, а также «на покупку золота дву фунтов, из которого делать дать к образу Пресвятые Богородицы Полоцкие и золотить оклады местных образов и царских дверей в церковь преподобномученицы Евдокии»⁴⁸. Это вовсе не было рядовой работой – церковь Евдокии, одна из церквей кремлевского Теремного дворца, была в 1657–1660 гг. личной «домовой» церковью Алексея Михайловича, в которой даже в 1659/1660 г. (хотя с 28 марта 1660 г. ее посещения почему-то внезапно прекратились) царь провел 40 % всех литургий, на которых он присутствовал в этом году⁴⁹. В 1669 г. стрельцы матвеевского приказа Ивашка Вязьма с товарищами выполняли сложные плотницкие работы в церкви Григория Неокесарийского, каменные работы в которой производили стрельцы стрелецкого приказа Василия Бухвостова (который, возможно, вовсе не случайно стал в 1670 г. преемником Матвеева на посту командира «трубного» приказа⁵⁰) – они выкладывали пол дубовым паркетом (мостили «в церкви и в трапезе и в алтаре мост дубовым кирпичом»); тот же Ивашка Вязьма годом раньше выступал в роли «насосника», строившего колодцы и какие-то элементы водопровода в Измайлове⁵¹.

Любимая царская резиденция в Измайлове по крайней мере с осени 1664 г., когда рубилась деревянная церковь Рождества Христова⁵², строилась при активном участии стрельцов матвеевского полка, которые занимались перевозкой строительных материалов, плотницкими и каменными работами и даже были садовниками («Родька Евсеев с товарищи»⁵³). Садовники из матвеевских стрельцов получали по 10 денег в день, т. е. как минимум по 1 р. в месяц, что, при годовом

денежном окладе московских стрельцов в 6–10 р.⁵⁴, могло стать существенной прибавкой к их доходам.

Уже с июня 1665 г. в каменных работах в Измайлове активно участвовал стрелец матвеевского полка Иван Кузьмин (Ивашка Кузнечик), который взял подряд на строительство каменных палат в Екатерининской роще⁵⁵; другая артель матвеевских стрельцов-каменщиков во главе с Ивашкой Филатовым с 1667 г. строила в Измайлове две каменные риги «на виноградном поле» и возводила «каменный амбар» на измайловской плотине⁵⁶. Все тому же Ивашке Кузнечику в 1667–1671 г. был передан целый ряд строительных подрядов для дворцового ведомства, и он, помимо возведения по заказу своего командира каменного храма Николая Чудотворца в Столпах в своей полковой слободе и церкви Григория Неокесарийского на Полянке для царского духовника Алексея Савинова, обустроивал в эти годы дворцовое Измайлово – не только возводил каменный амбар и Екатерининскую палату, но и руководил там возведением каменного Покровского собора⁵⁷. Значительная часть строительных работ в Измайлове выполнялась под руководством Матвеева, который сам или через своего «прораба» – пятидесятника его полка Гришку Карпова получал деньги на работы, производил закупку строительных материалов, организовывал их перевозки⁵⁸ и т. д. Вряд ли столь обширный круг строительных работ в Измайлове мог производиться без личных контактов и указаний Алексея Михайловича, любившего, как и его сын Петр, дотошно входить в мелочи и подробности планируемых им дел.

Деловые качества Матвеева, успевавшего, судя по его челобитным, среди всех своих многочисленных обязанностей, хорошо усвоить еще и выходящий за стандартные рамки чтения широкий круг традиционной духовной литературы, несомненно, способствовали его дальнейшему сближению с Алексеем Михайловичем, высоко ценившим православие.

Видимо, Матвеев в эти годы периодически вел беседы с царем и на духовные темы, результатом чего становились и не столь уж материальные подарки царя: 7 апреля 1670 г. Алексей Михайлович взял к себе в хоромы книгу Триодь цветную, а 16 апреля по его указу «дана книга Треодь Цветная в зеленом сафьяне, по обрезау цветки, стольнику и полковнику Артемону Сергееву сыну Матвееву»; менее чем через месяц, 12 мая 1670 г. царь «изволил к себе взять книгу Скрижаль в хоромы и пожаловал стольнику и полковнику Артемо-

ну Матвееву», а «мая в 13 день после вечерни ВГ-рь изволил взять Псалтырь с следованьем в красном сафьяне, по обрезу золотом, и пожаловал ту книгу стольнику и полковнику Артемену Сергееву сыну Матвееву»⁵⁹.

И, возможно, не только репутацией умелого переговорщика, но и достаточным уровнем духовного образования было обусловлено и то, что в октябре 1666 г. именно А.С. Матвеев был отправлен царем встречать на пути в Москву «вселенских патриархов» – александрийского Паисия и антиохийского Макария – с весьма деликатной миссией: обеспечить их изоляцию от сторонников Никона и осторожно выведать, склонны ли они к осуждению бывшего патриарха на готовящемся церковном соборе и не имеют ли каких-то инструкций воспрепятствовать этому от куда более влиятельных патриархов Константинопольского и Иерусалимского (с чем, очевидно, стрелецкий полковник справился весьма успешно)⁶⁰. Матвеев и дальше принимал заметное участие в «соборе патриархов» 1666–1667 гг. и деятельно вмешивался в его работу: он вовремя усмотрел ошибку в формулировках двух первых статей по церковной реформе, касающихся чести государя, «и всему освященному собору рук прикладывать не дал», добившись, после доклада своего начальника П.С. Прозоровского царю и совета с Боярской думой, упразднения этих статей – вероятно, Матвеев был сторонником достигнутого в решениях собора расширения прав государя в церковной сфере, ибо активные противники подобного расширения, архиереи Павел Крутицкий и Илларион Рязанский⁶¹ после этого на Матвеева «великой яростию и ненавистию вознегодовали»⁶².

Матвеев и дальше опекал приехавших на собор патриархов: в мае 1668 г., накануне отпускной аудиенции антиохийского патриарха Макария, он занимался шитьем и украшением атласом риз его архимандритов и дьяконов⁶³.

При этом Матвеев вовсе не был жестким православным ортодоксом в сфере бытовой культуры – как известно по возникшему уже в ходе его опалы «делу Василия Репского», Матвеев был не чужд слушания и использования в своем быту инструментальной музыки с использованием органов и скрипок⁶⁴.

Но и умение вести переговоры оказалось востребованным – после собора, как верный слуга царя, имевший более чем десятилетний опыт решения украинских проблем, он был отправлен на Украину, вскоре после завершения русско-польской войны снова оказавшуюся в кризисной ситуации.

Война закончилась принужденным, несколько туманным и, со всей очевидностью, временным компромиссом между Речью Посполитой и Россией. Андрусовское перемирие 1667 г., вынужденно разделившее Украину на две части и отдавшее Правобережье под власть Польши, вызвало острое недовольство среди украинского казачества, прорвавшееся серией казацких мятежей как на польском Правобережье, так и на российском Левобережье. Недовольство на левом берегу Днепра усугублялось и тем, что после окончания войны российское правительство решило усилить над ним свой контроль, расположив по «полковым» городам русские гарнизоны с воеводами, начавшими собирать налоги в пользу украинских и российских властей. Левобережные казаки, кроме того, были недовольны неясной судьбой Киева, протестуя против возвращения его Польше, а также подозревали после Андрусова русское и польское правительство в намерениях проводить совместный «антиказачий» курс, направленный на ущемление их прав⁶⁵. Кроме того, казаки обеих сторон Днепра все еще жили надеждой на объединение под властью единого гетмана, что сопровождалось ожесточенной борьбой потенциальных кандидатов на эту роль. Украинская элита и рядовое казачество не смогли смириться с болезненным осознанием совершившегося раздела украинских территорий по линии Днепра. Все это вскоре привело к антипольским и антироссийским бунтам казачьих гетманов.

В феврале 1668 г. гетман Иван Брюховецкий отложился от России и попытался соединиться с «правобережным» гетманом Петром Дорошенко, но борьба за власть и влияние окончилась победой Дорошенко и гибелью И. Брюховецкого.

Однако Левобережная Украина с оставленным на ней Дорошенко наказным гетманом Демьяном Многогрешным уже осенью 1668 г. начала возвращаться под российскую власть, что усиливалось и движением войск Г.Г. Ромодановского в нее.

Переговоры, начавшиеся с Многогрешным, увенчались в начале марта 1669 г. Глуховской радой, на которой командующий русскими войсками на Украине кн. Григорий Григорьевич Ромодановский и стольник А.С. Матвеев окончательно восстановили российское подданство Левобережья, пойдя в «глуховских статьях» на компромисс с старшинской верхушкой, выразившийся в значительном ослаблении полномочий русской власти, выводе русских воевод и гарнизонов из «полковых» городов (при сохранении их в четырех крупней-

ших, живших по магдебургскому праву), фактической ликвидации российского налогообложения и в значительном расширении власти казацкой старшины на территории Украины⁶⁶.

Таким образом, послевоенный украинский кризис «несбывшихся надежд» украинской старшины с российской стороны был преодолен за счет того, что с весны 1669 г. российская власть сделала ставку на более тесный союз с получившей почти полный контроль над автономией украинской казацкой элитой, который в целом оправдывал себя в течение следующих сорока лет. Этот союз был еще одним побудительным мотивом, заставившим российское правительство в 1669 г. отказаться от возвращения Киева Польше и предпочесть осложнение русско-польских отношений новому казацкому мятежу, вполне вероятному в случае его возврата.

Матвеев прекрасно сознавал свою роль в его преодолении: «и свое подаяние, елико силу имел, подавал для тишины и покоя. И ваши государские подданные гетман и все войско без всякого пременения и по сие время у вас, Великого Государя, в подданстве, и на уверение верные своей службы и детей своих к вам... прислал жить в Москве»⁶⁷.

Наградой за это уже в 1669 г. стало его назначение главой Малороссийского приказа⁶⁸, открывавшее ему путь к посту руководителя внешней политики Российского государства. До этого, где-то между июнем 1668 г. и мартом 1669 г.⁶⁹, Матвееву был пожалован чин стольника.

Таким образом, длительное восхождение стрелецкого полковника и все более тесное сближение его с государем в 1660-е гг. наконец-то дало свои плоды. Только с весны 1669 г., после «глуховской» миссии на еще бурлившую страстями Украину, закончившейся избранием гетманом на Левобережье настроенного на компромисс с Россией Демьяна Многогрешного и решением не возвращать Польше обещанный по Андрусовскому перемирию Киев⁷⁰, неродовитый Матвеев стал входить в настоящий фавор у царя и переходить на новую ступень карьеры.

Не исключено, что последним толчком, способствовавшим началу стремительного восхождения делового и распорядительного Матвеева, стала смерть первой жены Алексея Михайловича царицы Марии Ильиничны Милославской, скончавшейся после неудачных родов 3 марта 1669 г., каким-то образом изменившая в его пользу расстановку сил при дворе.

Царь искренне горевал о смерти жены, написал в ее память новую редакцию Сказания об Успении Богородицы и сочинив новый распев религиозного гимна. В пятницу перед Вербным воскресением 2 апреля 1669 г., почти совпавшую с именинами покойной царицы, приходящимися на день Марии Египетской, традиционный ежегодный поход по тюрьмам сопровождался раздачей беспрецедентно щедрой милостыни (1350 р. без пожалований сопровождавшим его стрельцам) и освобождением колодников⁷¹; еще более щедрыми раздачами сопровождались сороковины по умершей царице⁷².

Тем не менее, царь, возможно, успел в период своего вдовства летом 1669 завести короткий роман с замужней Ириной Михайловной Мусиной-Пушкиной. Будучи урожденной Еропкиной, любовница царя, вероятно, на время могла несколько усилить позиции еще «морозовского» клана Хитрово-Соковниных-Ртищевых, к которому были близки Еропкины⁷³. Впрочем, широко распространенная в литературе версия об этом романе и особенно о появлении в результате его И.А. Мусина-Пушкина, якобы почти официально признанного царем своим внебрачным сыном⁷⁴ и впоследствии часто называемого Петром своим «братом», не выдерживает критики с точки зрения хронологии: И.А. Мусин-Пушкин появился на свет за 10 лет до этих событий, в 1659 г.

Однако новые потрясения, пережитые набожным Алексеем Михайловичем в течение этого «черного» года вдовства, когда он, помимо любимой супруги, потерял еще и двух из четырех своих сыновей – потенциального и официального наследника престола, 6-летнего Симеона (14 июня 1669 г.) и почти 16-летнего Алексея (17 января 1670 г.), воспитателем которого был вскоре удалившийся от трона «ученый боярин» Ф.М. Ртищев⁷⁵ – могли ослабить влияние этого клана и способствовать возвышению А.С. Матвеева.

Возможно, вовсе не случайно «книжные» подарки царя Матвееву пришлось на апрель – май 1670 г. – то есть на время почти сразу после годовщины смерти его супруги и ее именин, почти совпавших в 1670 г. с пасхальными днями и с новыми массовыми раздачами милостыни колодникам и нищим⁷⁶. Не исключено, что они были связаны и с почти завершившимся в это время выбором царской невесты в пользу кандидатуры Н.К. Нарышкиной.

Ведь «деловой» фавор при крайней шаткости «местнических позиций» Матвеева в российской элите следовало подкрепить чем-то более надежным. Обстоятельства для этого оказались более чем бла-

гоприятными – Алексей Михайлович, потеряв в течение года сразу двух наследников, должен был стремиться к новому супружеству даже для того, чтобы избежать подобных же неожиданностей с отнюдь не отличавшимися крепким здоровьем оставшимися сыновьями и гарантировать слабеющую «мужскую линию» в наследовании престола. Результатом и стал активно лоббируемый Матвеевым уже с декабря 1669 г.⁷⁷ брак Алексея Михайловича с дочерью одного из матвеевских клиентов – почти столь же неродовитого Кирилла Полуэктовича Нарышкина (его отец после Смуты принадлежал к «городовому» провинциальному дворянству и служил «в выборе» по Тарусе, а дети входили в «жилецкий» список низших чинов Государева двора). Отец невесты, как мы уже видели, делал в 1660-е гг. ту же стрелецкую карьеру вместе со своим братом Федором, полуголовой («подполковником») в стрелецком полку, которым командовал Матвеев, пока братья Нарышкины в 1667–1668 гг. не получили под командование собственные стрелецкие полки и не отправились с ними один на юг, а другой в Смоленск⁷⁸. Альянс стрелецких офицеров был, видимо, скреплен браком племянницы Матвеева с более влиятельным старшим братом, матвеевским «подполковником» Федором Нарышкиным⁷⁹.

Брак с Натальей Кирилловной, с трудом «продавленный» Матвеевым через активное сопротивление влиятельной сестры царя царевны Ирины Михайловны (окружение которой запустило или же поддержало появившийся после передачи Б.М. Хитрово царю «подметных писем» 22 апреля 1670 г. слух о слишком «вольном» поведении царской невесты во время пребывания ее с отцом в Смоленске) лишь к поздней осени 1670 г., стал решающим фактором в его карьере.

Не исключено, что П. Бушкович несколько недооценил близость Матвеева к царю, и Наталья Кирилловна действительно в это время жила на матвеевском дворе, что облегчило ее знакомство с государем⁸⁰. Но, вероятно, и сам Алексей Михайлович испытывал симпатии к невесте, выбранной после шестимесячного (ноябрь 1669 – апрель 1670 г.) «смотрa невест» из семидесяти кандидаток, так как лично вмешался в следствие о подметных «грамотках» о бесчестии Н.К. Нарышкиной и руководил его ходом, заставляя подозреваемых при сличении почерков писать среди других и слово «Артемощка»⁸¹.

Поэтому к осени 1670 г. «Артемощка» Матвеев все-таки победил, и уже к концу ноября 1670 г. вытеснил с поста руководителя внешней политики ориентированного на выполнение Андрусовского переми-

рия и допускавшего при определенных условиях возвращение Киева Польше прежнего лидера русской дипломатии А.Л. Ордин-Нащокина⁸², склонного к тому же к переориентации внешней политики на «балтийское» направление⁸³. С этого времени Матвеев превратился в одного из главных «кураторов» политики на юго-западном направлении и посредников в отношениях с украинской старшиной; по его инициативе в 1670–1671 г. в Москве была создана еще одна интернациональная по своему населению Мещанская слобода, сконцентрировавшая на одной из городских окраин бывших подданных Речи Посполитой, осевших в столице и начинавших играть активную роль в российской торговле на западном направлении – из их среды вырос ставший позднее самым богатым купцом гостиной сотни известный торговец петровского времени М.Г. Евреинов⁸⁴.

Симптоматично, что лишь тогда Матвеев получил и свой первый думный чин – пока еще относительно скромный чин думного дворянина (27 ноября 1670 г.). 22 февраля 1671 г., через две недели после свадьбы царя с Натальей Кирилловной, Матвеев был назначен официальным руководителем Посольского приказа (которому подчинялся и Малороссийский), но только появление наследника окончательно упрочило его положение – в день рождения будущего Петра I 30 мая 1672 г. он получил околичничество вместе с отцом царицы К.П. Нарышкиным⁸⁵.

С переходом в думные чины карьера Матвеева как стрелецкого полковника завершилась – в ноябре 1670 г., после получения думного дворянства, он сложил с себя командование «трубным» стрелецким полком, которое перешло к видимо уже давно связанному с ним деловыми отношениями В.Б. Бухвостову⁸⁶.

Но без этой четвертьвековой службы в стрелецких командах, способствовавшей все более тесному сближению его с царем Алексеем Михайловичем, заключительный блистательный взлет карьеры Матвеева едва ли был бы возможен.

¹ Шмурло Е.Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. ЖМНП. 1900. № 330. С. 193–202.

² Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб., «Дмитрий Буланин», 2008. С. 63–66.

³ Посчитано нами по данным М.Ю. Романова (Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 206–304).

⁴ Чернов А.В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Вып. 38. М.,

1951. С. 285.

⁵ Глазьев В.Н. Стрельцы и их начальники в XVI в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск I. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 192–195. <<http://www.milhist.info/2013/03/28/glasiev>> (28.03/2013).

⁶ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 98.

⁷ Мордовина С.П. Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. С. 60.

⁸ Срынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 146–150.

⁹ Подсчитано по: Белокуров С.А. Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165–7183. М., 1908. С. 1–31. В Дворцовых разрядах за тот же период их участие никак не отражено.

¹⁰ Акты Московского Государства, Т. 2. М., 1894. С. 263.

¹¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 249.

¹² В связи с частой сменой полковников удобнее давать название приказа по месту локализации его слободы в Москве.

¹³ Городские восстания в Московском государстве XVII в. (переиздание сборника 1936 г. К.В. Базилевича) М., 2003. С. 96–103; Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 131–132, где он назван «Савкой Корениным».

¹⁴ Петрухинцев Н., Смирнов А. Брак по расчету. [К истории проблемы воссоединения Украины с Россией в 1654 г.] // Родина. 2004. № 1. С. 14–19.

¹⁵ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 273.

¹⁶ Матвеев А.С. История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776. С. 43–44.

¹⁷ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 17.

¹⁸ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 45.

¹⁹ Там же. С. 46–47; Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 251, 95; Белокуров С.А. Дневальные записки ... С. 24.

²⁰ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 302.

²¹ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи ... С. 171–174, 184–194, 255–261; Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 47.

²² Marshall T. Poe. The Russian Elite in the Seventeenth Century. 1613–1713. Vol. 1. Vammala. 2004. P. 421.

²³ Белокуров С.А. Дневальные записки ... С. 1–31; 33–101.

²⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малороссии. Ч. II. М., 1830. С. 26.

²⁵ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 251.

²⁶ Матвеев А.С. История о невинном заточении ... С. 46.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 65.

²⁹ Там же. С. 67–68.

³⁰ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 48.

³¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 251.

³² Там же. С. 95.

³³ Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2003. С. 120.

³⁴ РИБ. Т. 23. М., 1904. Ст. 476.

- ³⁵ Там же. Ст. 494–495, 502, 507, 518, 523.
- ³⁶ Там же. Ст. 507.
- ³⁷ Подсчитано по: там же.
- ³⁸ Там же. Ст. 503, 508–509, 514.
- ³⁹ Белокуров С.А. Дневальные записки... С. 30.
- ⁴⁰ РИБ. Т. 23. Ст. 609.
- ⁴¹ Берх В.Н. Царствование Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. I. С. 159–160.
- ⁴² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 183.
- ⁴³ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 65.
- ⁴⁴ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 75.
- ⁴⁵ РИБ. Т. 23. Ст. 1256.
- ⁴⁶ Там же. Ст. 1100, 1595.
- ⁴⁷ Там же. Ст. 1641.
- ⁴⁸ Там же. Ст. 596, 599–600.
- ⁴⁹ Подсчитано по: Белокуров С.А. Дневальные записки... С. 33–101.
- ⁵⁰ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 253.
- ⁵¹ РИБ. Т. 23. Ст. 973–974, 1623.
- ⁵² Там же. Ст. 559.
- ⁵³ Там же. Ст. 956.
- ⁵⁴ Романов М.Ю. Стрельцы московские... С. 53.
- ⁵⁵ РИБ. Т. 23. Ст. 619, 635, 708, 727–730.
- ⁵⁶ Там же. Ст. 768–769, 800, 806, 876.
- ⁵⁷ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 75–76.
- ⁵⁸ РИБ. Т. 23. Ст. 559, 596, 619, 872, 888, 903, 912, 973–974.
- ⁵⁹ Там же. Ст. 1650, 1651.
- ⁶⁰ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 353.
- ⁶¹ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., «Наука», 1991. С. 212–217.
- ⁶² Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 49.
- ⁶³ РИБ. Т. 23. Ст. 1488.
- ⁶⁴ Молева Н.М. Музыка и зрелища в России XVII столетия // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 152.
- ⁶⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. М., 1991. С. 346–347; 350–351.
- ⁶⁶ Там же. С. 372–373.
- ⁶⁷ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 49–50.
- ⁶⁸ Бушкович П. Петр Великий... С. 62, 69.
- ⁶⁹ Еще в мае – июне 1668 г. (например, на отпускной аудиенции патриарха Макария 5 июня 1668 г.) Матвеев упоминается с прежним чином полковника и головы (РИБ. Т. 23. Ст. 1488; ПСЗ. Т. I. № 429. С. 743), но на Глуховскую раду отправляется уже в чине стольника.
- ⁷⁰ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малороссии. Ч. II. М., 1830. С. 116–118.
- ⁷¹ РИБ. Т. 23. Ст. 1003–1005.
- ⁷² Там же. Ст. 1027–1072.
- ⁷³ Седов П.В. Закат Московского царства. СПб., 2008. С. 97–99.
- ⁷⁴ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 588.

- ⁷⁵ Седов П.В. Закат... С. 113–114.
- ⁷⁶ РИБ., Т. 23. Ст. 1300–1302.
- ⁷⁷ Бушкович П. Петр Великий... С. 66.
- ⁷⁸ Там же. С. 63–64; Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 96.
- ⁷⁹ Бушкович П. Петр Великий... С. 68, 107.
- ⁸⁰ Бушкович П. Петр Великий... С. 68–69; Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 594; Седов П.В. Закат... С. 115–117.
- ⁸¹ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 589–590, 593–596.
- ⁸² Там же. С. 564–565.
- ⁸³ Седов П.В. Закат... С. 119–121.
- ⁸⁴ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 340–342.
- ⁸⁵ Бушкович П. Петр Великий... С. 69.
- ⁸⁶ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 253.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Сергей Алексеевич – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Братенков Борис Григорьевич – Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, кандидат исторических наук.

Бринюк Надежда Юрьевна – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Горшков Михаил Александрович – Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, кандидат педагогических наук.

Лаптев Алексей Евгеньевич – Сибирский федеральный университет, студент (бакалавр).

Ларин Андрей Борисович – Самарский государственный университет, старший преподаватель, кандидат исторических наук.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, профессор.

Лезик Елена Витальевна – ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» Монумент героическим защитникам Ленинграда, заведующая филиалом.

Леонов Андрей Александрович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Леонова Елена Юрьевна – историк-исследователь (Санкт-Петербург).

Лихачева Ольга Сергеевна – Алтайский государственный университет, аспирант.

Лобин Алексей Николаевич – Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Лукашевич Андрей Михайлович – Белорусский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Лукин Валерий Евгеньевич – Центральный военно-морской музей, заведующий сектором, кандидат исторических наук.

Малахов Геннадий Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Марыняк Андрей Владимирович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Мегорский Борис Вадимович – историк-исследователь, кандидат политических наук.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник.

Михайлов Андрей Александрович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), доктор исторических наук.

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Мосунов Вячеслав Альбертович – историк-исследователь (Санкт-Петербург)

Наумов Владимир Валентинович – Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, кандидат военных наук, профессор, доцент

Нератова Елизавета Ивановна – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), заведующая отделом.

Несин Михаил Александрович – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, аспирант.

Образцов Всеволод Николаевич – Государственный Эрмитаж, отдел «Арсенал», младший научный сотрудник.

Оводков Никита Алексеевич – Санкт-Петербургский государственный университет, студент.

Окунев Сергей Юрьевич – Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, кандидат исторических наук, доцент.

Орленко Сергей Павлович – Музеи Московского Кремля, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Оськин Максим Викторович – Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Тула), доцент, кандидат исторических наук.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), старший преподаватель, кандидат исторических наук.

Павлович Марина Кировна – Музей Московского Кремля, заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Панфилов Федор Михайлович – Музей Московского Кремля, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель.

Петрухинцев Николай Николаевич – Академия народного хозяйства и государственной службы (Липецк), профессор, доктор исторических наук

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук.

Пятницкий Юрий Александрович – Государственный Эрмитаж, старший научный сотрудник, кандидат искусствоведения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лаптев А.Е.</i> Экспонирование памятников военной истории в сети Интернет: подходы и контексты.....	3
<i>Ларин А.Б.</i> «Не дремлет враждебная всему русскому демократическая партия...»: князь Н.П. Вадбольский о российской политике в Иране накануне Великой войны (по материалам рапортов)	9
<i>Лебедева С.С.</i> Основные направления социальной деятельности Военного министерства в XIX – начале XX века (по материалам архива ВИМАИВиВС).....	23
<i>Лезик Е.В.</i> Поглядите в суровые лица ленинградцев эпических лет... ..	30
<i>Леонов А.А.</i> Береты специальных подразделений военно-морских сил Республики Индонезия	45
<i>Леонова Е.Ю.</i> Мой дед – выпускник Третьей Петергофской школы прапорщиков	54
<i>Лихачева О.С.</i> Развитие древкового оружия средней дистанции у населения лесостепного Алтая в бронзовом и раннем железном веке.....	69
<i>Лобин А.Н.</i> К вопросу о составе русской артиллерии в битве под Венденом 21–22 октября 1578 года	85
<i>Лукашевич А.М.</i> Белорусский военный губернатор герцог Александр Вюртембергский: административная и боевая деятельность в 1812 году	97
<i>Лукин В.Е.</i> «Наблюдали «Байкал!»» (о первом запуске ракеты с реальным ядерным зарядом)	108
<i>Марыняк А.В.</i> Офицерский состав частей государственного ополчения в годы Первой мировой войны	120
<i>Мегорский Б.В.</i> Пушки, колокола и деньги: вознаграждение петровских артиллеристов за взятие города.....	131

<i>Милосердов Д.Ю.</i> Использование остеологического материала (костей птиц) в XIX–XX вв. в качестве оружия на Новой Гвинее (на примере экспонатов из коллекции ГДМ)	139
<i>Милосердов Д.Ю.</i> К вопросу о типологии афганских «уставных» шашек	146
<i>Михайлов А.А., Бринюк Н.Ю.</i> Н.А. Орлов о значении исторической науки и принципах, которыми в своей работе должен руководствоваться военный историк	158
<i>Михайлов А.В., Астахов С. А.</i> Беспощадный русский штык (технология изготовления штыков в 1820–1880 годы)	180
<i>Михайлов А.В., Малахов Г.В., Птицын В.В.</i> Технология изготовления, испытания и приемка кирас (первая половина XIX столетия)	187
<i>Мосунов В.А.</i> Боевые действия у станции Погостье в марте 1942 года	193
<i>Наумов В.В., Братенков Б.Г.</i> К вопросу о причинах венгерских событий 1956 года	205
<i>Нератова Е.И.</i> Кинжал Аркадия Суворова	213
<i>Несин М.А.</i> К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре	221
<i>Образцов Вс.Н., Пятницкий Ю.А.</i> Изображение императора Никифора Фоки на сабле из собрания Государственного Эрмитажа	235
<i>Оводков Н.А.</i> Развитие патронного производства в России в 1866 – 1869 годах	247
<i>Окунев С.Ю., Горшков М.А.</i> Недостатки в подготовке ратников государственного ополчения накануне и в ходе Первой мировой войны	261
<i>Орленко С.П.</i> Русские мечи Оружейной палаты XVII века	273
<i>Оськин М.В.</i> Пулемет русской армии в Первой мировой войне: огневая тактика пехоты и кавалерии	295
<i>Оточкин В.В.</i> «Секретная гаубица» П.И. Шувалова: история создания и боевого применения	315
<i>Павлович М.К.</i> Музеи Московского Кремля в годы Великой Отечественной войны	327
<i>Панфилов Ф.М.</i> Произведения мастеров из династии Франчино в собрании Оружейной палаты	341

<i>Пенской В.В.</i> Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны)	355
<i>Петрова Е.П.</i> Реликвии 10-го гренадерского Малороссийского полка в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника	378
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Стрелецкий полковник Артамон Матвеев.....	388
Сведения об авторах	407

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *В.И. Хоронко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 24.04.2015.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок ====

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====